

АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ И США

в XIX - начале XX века

AGRARIAN
EVOLUTION
in RUSSIA
and
the UNITED STATES
in the XIX—early XX Century

*

*Papers presented
at Soviet-American
symposia*

Edited by
IVAN D. KOVALCHENKO
and VALERY A. TISHKOV

Moskow NAUKA 1991

АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ И США

в XIX—начале XX века

*

*Материалы
советско-американских
симпозиумов*

Ответственные редакторы
академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО
доктор исторических наук В. А. ТИШКОЗ

Москва НАУКА 1991

ББК 63.3(0)53
А25

10962^А

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. К. Соколов*,
кандидат исторических наук *Т. Л. Моисеенко*

51129

Проверено
2007

27

Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX ве-
ка.— М.: Наука, 1991.— 360 с.

ISBN 5-02-009032-8

В какой мере развитие и типы аграрных структур, облик хозяйств и самих аграриев, будь то российский крестьянин или американский фермер, повлияли на общественное развитие обеих стран в переломные моменты их национальной истории? Как в свете новейших научных данных видится применительно к этим странам проблема о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве? В книге изложены результаты новейших методов изучения аграрной истории обеих стран с помощью компьютерной обработки.

Для историков, экономистов, преподавателей, студентов и научных работников.

А 0503010000—320 56—90—11
042(02)—91

ББК 63.3(0)53

ISBN 5-02-009032-8

©Издательство «Наука», 1991

Академик *И. Д. Ковальченко,*
В. А. Тишков

ВВЕДЕНИЕ: АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Прошло пятнадцать лет с того момента, когда авторы этих строк во время поездки в США в ноябре 1976 г. договорились со своими американскими коллегами о программе сотрудничества в области применения количественных методов в исторических исследованиях. Программа была включена в советско-американский протокол о сотрудничестве в области общественных наук между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ и с тех пор получает постоянную организационную и финансовую поддержку со стороны Отделения истории АН СССР и Национального комитета историков Советского Союза, АН ЭстССР, а также со стороны американского Совета по исследованиям и международным обменам (АЙРЕКС), Американской исторической ассоциации и ряда других научных учреждений США, в том числе Центра по аграрной истории при Калифорнийском университете в Дэвисе.

Проведенные за эти годы четыре советско-американские конференции в Балтиморе (1979 г.), Монреале (1985 г.) и Таллинне (1981, 1987 гг.), появившиеся публикации их материалов¹, установившиеся двусторонние контакты специалистов, начавшаяся работа над рядом новых исследовательских проектов — все это составило одну из безусловно позитивных страниц в развитии современной советской историографии и, мы полагаем, принесло удовлетворение и нашим американским партнерам. Наступил момент представить читателям материалы одной из наиболее интересных советско-американских конференций, которая прошла в июне 1987 г. в Таллинне и была посвящена применению количественных методов и ЭВМ в изучении аграрной истории².

Успех этой конференции был определен не просто авторитетным составом ее участников с обеих сторон и высоким научным уровнем докладов, но и общим прогрессом этого направления в мировой историографии, позитивными сдвигами в среде советских и американских историков-квантификаторов. Усовершенствовались исследовательские методы и приемы, обогатилась и приобрела новые возможности источниковая база в виде доступных для сравнения массивов машиночитаемой первичной информации, то-

матический диапазон и сама постановка исследовательских задач вышли за пределы изучения простых и первичных структур. Произошло движение в сторону системного, интегрированного подхода к историческому исследованию, усилилось стремление широко осмыслить и включить добытое путем квантификации новое знание в общен исторический контекст.

Эти процессы неодинаково протекали в наших странах. Для американских историков, располагающих превосходной первичной информацией по аграрной истории XIX в. и мощным технологическим обеспечением, последние годы характеризовались, с одной стороны, преодолением некоторой эйфории и абсолютизации количественных методов, о чем предостерегал один из пионеров квантификации — Р. Фогель еще в середине 70-х годов, а с другой — признанием необходимой компьютерной обработки массовых источниковых данных. Компьютер на рабочем столе американского историка, набор специально разработанных программ для общественных наук, выход на крупные базы данных и создание собственных массивов первичной информации стали обыденными в исследовательской деятельности наших американских коллег. В этом выражается качественный сдвиг в компьютеризации исторических исследований, происходящий в последнее время в США.

В советской историографии на первом плане находились проблемы, связанные с расширением круга исследовательских задач, решаемых на основе применения количественных методов, и с овладением более эффективными из этих методов. Наибольшее внимание здесь привлекли приемы многомерного математико-статистического анализа. Особенно успешно они применялись в изучении аграрной истории России XVII — начала XX в. и социально-экономического развития в период нэпа. Возрос и интерес к количественным методам обработки и анализа информации нарративных источников и применению их при освещении явлений социально-политических и историко-культурных.

Некоторые из полученных в указанных областях результатов отражены в статьях настоящего сборника.

Разработка отмеченных, а также и других аспектов применения количественных методов сопровождалась усилением внимания к общим проблемам квантификации исторических исследований. Все это создает основу для плодотворного сотрудничества советских историков с их зарубежными коллегами, хотя общие масштабы применения количественных методов в исследованиях советских историков остаются значительно меньшими, чем на Западе.

Создание машинных банков и баз исторических данных в нашей стране только начинается, а в Соединенных Штатах Америки, как известно, оно достигло широкого размаха. Использование персональных компьютеров для подавляющей части американских историков стало обычным делом. У нас же эта проблема еще только ставится. Основными причинами столь неблагоприятного положения являются следующие. Во-первых, это общее от-

ставание пашей страны в применении в различных сферах общественной деятельности современных достижений в области информатики и электронной техники. Во-вторых, это неготовность многих областей исторических исследований к компьютеризации и квантификации в силу еще широкого распространения описательности и фактографизма, подмены сущностного анализа и синтеза конкретно-исторических фактов выявлением простейших взаимосвязей и их оценкой. В-третьих, это низкая квалификация и общая исследовательская культура многих историков.

Сотрудничество с зарубежными коллегами несомненно будет содействовать преодолению советскими историками указанного отставания.

* * *

В настоящий сборник включены 6 статей советских и 8 статей американских специалистов по аграрной истории. Советские авторы достаточно известны историкам, интересующимся применением количественных методов в советской историографии, и поэтому нет необходимости в комментировании их статей. Что касается американских авторов, то в силу недостаточного знакомства с ними советских историков такие комментарии представляются целесообразными.

Одна из центральных проблем истории Америки XIX в.— это факторы производительности труда и общего прогресса аграрной экономики страны. На основе почти 30-летних исследований Н. Паркер оценивает относительную значимость для роста производительности сельскохозяйственного производства таких факторов, как освоение западных земель, усиливающаяся региональная специализация в связи с развитием рынка и технологические изменения. В итоге выясняется, что на протяжении всего периода воздействие каждого из факторов на перемены в производстве различных видов продукции и изменения в производительности труда было неодинаковым. Пожалуй, только для мелкозерновых культур прогресс в области механизации стал доминирующим трудосберегающим фактором.

В основе макроанализа экономического роста у Паркера и его последователей лежит индексный метод, с помощью которого, в частности, измеряется отношение стоимости произведенной продукции к затраченному рабочему времени, т. е. производительность сельского труда. За этим мощным аналитическим инструментом стоит кропотливая и трудоемкая работа по собиранию массовой информации и ее виртуозной статистической обработке. Для советской историографии, где заметно преобладало изучение производственных отношений над изучением производительных сил в их широком понимании, этот метод открывает новые исследовательские перспективы. Хотя, как и всякий макроанализ, он далеко не всегда может уловить специфику всех отраслей сельскохозяйственного производства. Далеко не просто обстоит дело и с оценкой каждого из основных факторов. Так, например, тех-

нические инновации, внедрение машин в сельском хозяйстве зачастую оказывают ощутимое влияние на рост производства в сравнительно отдаленном будущем и измерить влияние этого фактора в относительно короткий промежуток времени бывает очень трудно.

Контрастным примером микроанализа динамики процессов механизации в Калифорнии в период с 1870 по 1930 г. является статья А. Олмстеда и П. Роуда. Их главный вывод заключается в том, что экономические и географические условия «золотого штата» были особо благоприятными для использования высоко-механизированной и энергоемкой сельскохозяйственной техники. К тому же первичные шаги по применению новых типов машин как бы запускали в действие силы экономического и культурного характера, которые стимулировали дальнейший процесс механизации по мере того, как фермеры приобретали опыт использования более крупного и сложного оборудования. Важным компонентом калифорнийского аграрного опыта представляется та ключевая роль, которую играл процесс повседневной практической «адаптации» машин на фермах (своего рода феномен «на уроках учимся»), а также тесное взаимодействие при этом между фермерами и местными производителями машин.

В аграрной истории важное теоретико-методологическое значение имеет поиск ответа на вопрос, является ли процесс пролетаризации непременным условием капиталистической индустриализации, как это трактуется в классической марксистской теории? Свой ответ на этот вопрос применительно к аграрной эволюции США дает один из ярких представителей нового поколения американских историков — Г. Райт. Скрупулезно исследовав данные о характере занятости в аграрном секторе, условиях аренды, фермерской задолженности, условиях на рынке промышленного труда, он пришел к выводу, что доминирующей в Соединенных Штатах была тенденция роста механизации, а не использования наемного труда на фермах. Наемный труд преобладал только там и только в тех случаях, когда общество делало «коллективный выбор» в пользу труда работников-мигрантов, которые не были полностью интегрированными в это общество и фактически даже не имели полных гражданских прав. Особенно много таких работников имелось в местах преобладания культур, не допускавших применения машин.

Пересматривая традиционный взгляд на безоговорочное преобладание фермерского труда в бурном развитии аграрной экономики США во второй половине XIX — начале XX в., Г. Райт все же отмечает, что процесс формирования рынка труда в американском сельском хозяйстве существенно отличался от европейского опыта. В США этот процесс не был связан с обезземеливанием фермеров и переходом их в ряды пролетариев. Напротив, как внутрив поколенная, так и межпоколенная мобильность мелких товаропроизводителей на протяжении XIX в. была направлена «вверх»: дети фермеров или наследовали имущество отца, или,

получив образование, имели шанс повысить свой социальный статус; арендой земли занимались главным образом молодые люди, которые со временем становились владельцами ферм.

Уязвимым местом в статье Г. Райта представляется несколько упрощенная трактовка взаимосвязи внедрения машин и распространения найма. Он считает, что в тех случаях, когда механизация какого-либо процесса была технически возможна, фермеры сразу же отказывались от использования наемного труда, в том числе из-за опасения социальных конфликтов. Но существует не меньше свидетельств, что машины внедрялись в производство лишь в тех случаях, когда их эксплуатация давала большую прибыль, чем эксплуатация наемного труда. К тому же, снижая спрос на неквалифицированный труд, машины создавали потребность в квалифицированных рабочих.

С изучением формирования рынка наемной рабочей силы тесно связан анализ такого явления, как земельная аренда. В статье Дж. Этака обосновывается тезис о постоянном возрастании аренды в сельском хозяйстве на протяжении XIX в., о довольно высоком удельном весе арендаторов среди всех лиц, занимавшихся сельским хозяйством. Регрессионный анализ факторов, определявших функционирование аренды, позволил вскрыть ряд важных взаимосвязей: во-первых, доля арендаторов слабо коррелирует с размерами имеющихся в отдельных графствах свободных земель; во-вторых, социальный статус земледельцев определялся главным образом величиной дохода и вероятность оказаться арендатором уменьшалась с ростом благосостояния. Существовала в аграрном секторе своего рода социальная лестница, по которой должен был пройти, накопив достаточно имущества и других средств, арендатор, чтобы обрести статус йомена — свободного владельца фермы.

Низкие затраты на аренду земли по сравнению с покупкой ее в собственность позволяли заняться сельским хозяйством большому числу людей. В то же время рост арендаторства на Севере США в 1860—1900 гг. сопровождался углублением процессов имущественной и социальной стратификации среди сельских жителей, но внутривнутристратификационные перегородки были очень мобильными на личностном уровне: подавляющая часть арендаторов все-таки становилась владельцами ферм.

Следует отметить, что Дж. Этак не разграничивает аренду потребительскую, целью которой является обеспечение минимальных жизненных потребностей, и предпринимательскую, направленную на извлечение прибыли, в том числе и капиталистической. В то же время содержащиеся в статье данные показывают, что эти два направления развития арендных отношений выделяются совершенно отчетливо. Кроме фермеров и арендаторов существовала весьма многочисленная группа людей, которые, имея собственные фермы, в то же время арендовали землю. Причем стоимость принадлежавших им ферм была выше, чем у других категорий населения. На протяжении второй половины XIX в. возрастало число крупных и самых мелких арендаторов, а сред-

няя группа сокращалась. Учет того, что аренда в социально-экономическом плане была неоднородным явлением, позволил бы, построить более четкие и легко интерпретируемые модели.

Важным направлением американской историографии является изучение социально-экономического характера рабовладения на Юге США. В центре внимания ученых находится вопрос о том, как влияло использование принудительного труда на развитие экономики, а также каково воздействие отмены рабовладения на великие преобразования американского общества после Гражданской войны.

В статье широко известного в историографии «калифорнийского дуэта» — профессоров Р. Рэнсома и Р. Сатча отмечается, что в первой половине XIX в. источником роста экономики Юга было освоение новых земель, которое не могло быть бесконечным. Затрата денег на покупку рабов тормозила накопление основного капитала, а значит, и развитие промышленности. В результате плантационная экономика Юга хотя и распространялась на новые территории, но не совершенствовалась. Отмена рабства привела к повышению темпов экономического развития США, ускорила процесс накопления капитала. Но самое важное в исследовании — это блестящее, на наш взгляд, использование историками частной экономической теории о модели накоплений (сбережений) в ходе жизненного цикла индивидуума. Статистические данные и обычные письменные источники позволили выстроить достаточно строгую интерпретацию в пользу вывода о том, что потеря белыми южанами капитала в виде рабов и снижение общей кредитоспособности плантаторов принудили их к более быстрым формам и методам сбережения средств, чтобы компенсировать образовавшийся недостаток благосостояния. Неспособность финансовых институтов Юга приспособиться к новой ситуации вызвала, как выяснили Р. Рэнсом и Р. Сатч, отток значительной доли накоплений на Север, усугубляя тем самым кризисные процессы в экономике Юга.

Нужно отметить, что анализ поведенческой стратегии людей и семьи в отношении сбережений (накоплений), изучение влияния этого фактора на экономику и социальную жизнь (Р. Рэнсом и Р. Сатч уже после конференции в Таллинне продолжили исследования в этом направлении и в январе 1990 г. сообщили об их результатах в докладе, сделанном в Москве) — чрезвычайно заманчивое новое направление для советских специалистов по отечественной истории.

Социальные движения и общественное сознание сельского населения исследовались историками в обеих странах достаточно обстоятельно. Более того, в советской историографии крестьянские движения (для специалистов по отечественной тематике) и фермерский протест (для историков-американистов) давно уже превратились во «вторую Мекку» после тематики рабочего и революционного движения, хотя очень часто они освещались описательно и оценивались крайне упрощенно.

Публикуемые в книге статьи О. Г. Буховца, Б. Н. Миронова и других советских авторов — одни из «первых ласточек» обновленческих подходов, подлинно научного анализа и нетривиальных выводов в анализе массовых устремлений и сознания. Они приглашают для дискуссий, особенно по вопросу, насколько адекватно возможно смоделировать, формализовать столь сложные сферы социального космоса, как политика и сознание. Но кваптификация и здесь демонстрирует свои возможности. Причем, если внимательно прочитать статью американского ученого М. Ротштейна, эти возможности довольно парадоксального свойства. Ее пафос в том, что историки далеко не всегда должны в оценке исторических явлений исходить из их количественных параметров.

Используя данные о численности фермерских организаций, участниках фермерских движений в сопоставлении с численностью фермерского населения по стране и по отдельным штатам на протяжении шестидесяти лет (1870—1930), М. Ротштейн пусть не решает окончательно, но все же пытается найти ответы на некоторые наиболее сложные вопросы политического аспекта аграрной истории. Одна из загадок — почему политическая мощь фермерского движения оказалась в прямо противоположной зависимости от доли фермеров в населении Америки, а также других ныне развитых стран? Почему численность фермерских организаций слабо коррелирует со степенью радикальности фермерской агитации? В статье раскрывается неоднородный характер фермерского движения, но в то же время делается вывод, что его участники вели себя достаточно рационально с точки зрения экономической мотивации действий, верно чувствовали, когда и где правительственная политика и нажим монополий носили по отношению к аграриям наиболее дискриминационный характер. В то же время в истории фермерского движения существенное место занимают региональные противоречия и неэкономические факторы.

Труднее всего, пожалуй, согласиться с излишне обобщенным подходом автора к многообразным формам социального протеста сельского населения, объединяемым единой категорией *фермерское движение*. В него включается как борьба за изменение существующих порядков насильственными методами, так и создание кооперативов и товариществ взаимопомощи, что приводит к стиранию различий между радикальными организациями и теми, кто выступал за ограниченные реформы. Анализ социальной базы и источников пополнения фермерских союзов отходит на второй план, а в центре внимания автора оказывается вопрос о том, как распределялось влияние этих организаций по территории страны.

Количественная обработка массовых данных в контексте широкого историографического анализа действительно позволяет ставить вопросы и подвергать сомнению тезисы, которые до этого или казались незыблемыми, или вообще не возникали в рамках традиционных подходов. Помимо М. Ротштейна, подобный феномен демонстрирует и статья П. Линдберта. За долговременной тен-

денцией накопления капитала на фермерской земле П. Линдерт выявил три периода особой нестабильности: первый — эпоха Гражданской войны с кратким периодом упадка реальной стоимости земли; второй — не соответствующий классической эре фермерских движений 20-х годов или времени Великой депрессии 30-х годов, а относительно длительный период от краха первой мировой войны до середины второй мировой войны, который характеризовался монотонным упадком не номинальной, а реальной стоимости фермерской земли. Наиболее нестабильным по истории был период бума цен на землю в 70—80-е годы XX в., когда фермерский сектор был уже значительным и прочно защищался «стабилизационной» политикой правительства. Для объяснения, почему, когда и сколь надолго наступают, а вернее, чередуются периоды подъема и спада реальной стоимости земли, П. Линдерт мобилизовал богатый и изощренный арсенал методик, но, думается, окончательный ответ еще предстоит искать историкам.

Характеризуя математико-статистический аппарат, продемонстрированный участниками конференции, следует отметить существенное обновление методического инструментария по сравнению с тем, который использовался на рубеже 70—80-х годов.

В докладах американских ученых четко проявилась тенденция к применению наиболее простых приемов статистического анализа. Ими широко используются различные способы наглядного представления информации: графики, схемы, диаграммы. Для получения сопоставимых сведений как в региональном, так и во временном аспекте строятся индексы натурально-вещественных показателей и цеп. Обращение к элементарной статистике вызвано тем, что историк далеко не всегда в своем распоряжении имеет полные данные, которые можно обрабатывать с помощью сложного математического аппарата.

Важную роль в исследованиях играют банки машиночитаемой информации, в которых содержатся первичные сведения переписей, обследований, различная делопроизводственная документация. Специалисты, работающие в одной области, целенаправленно ведут сбор материалов, которые благодаря наличию баз данных становятся доступными широкому кругу историков. Все это позволяет быстро и без значительных затрат труда мобилизовать обширный источниковый материал.

В методическом инструментарии советских ученых, как указывалось, важную роль играет многомерный статистический анализ, который используется для построения классификаций и выделения типов явлений, получения интегральных характеристик и изучения структуры объектов. По сравнению с корреляционным анализом, использовавшимся большинством клиометристов в конце 70-х годов, этот аппарат имеет существенно более широкий диапазон применения, позволяет глубже проникнуть в сущность изучаемых явлений. Однако методы многомерного анализа более сложны в техническом плане, предъявляют высокие требования

к качеству исходной информации, полученные на их основе результаты не всегда легко поддаются интерпретации.

И советские и американские специалисты обращаются к изучению динамических процессов. Важность разработки методов, позволяющих анализировать развитие явлений во времени, очевидна, однако за последние годы существенного продвижения вперед на этом направлении исследований не произошло. Более того, столкнувшись с определенными трудностями в применении развитого статистического аппарата (корреляционный, регрессионный анализ, распознавание образов) для исследования динамических рядов, историки нередко используют их в сочетании с более простыми приемами анализа.

В целом, как показывают публикуемые статьи, количественные методы в 80-е годы гораздо глубже вошли в практику работы историков и имплантировались в ткань исследований, чем это было в конце 70-х — начале 80-х годов. В силу этого центр дискуссий переместился с собственно методических проблем на обсуждение корректности, целесообразности, результативности применения того или иного приема при разработке определенного конкретно-исторического сюжета.

Публикуемые в книге статьи создают основу для выхода на ряд крупных проблем историко-сравнительного и теоретико-методологического характера. Создание подлинно сравнительной истории России и США, включая проблемы аграрной эволюции, видимо, одна из наиболее притягательных задач последующих исследований. В этой связи нельзя не отметить встреченную восторженными оценками рецензентов книгу американского историка Питера Колчина «Подневольный труд. Американское рабство и и русское крепостничество»³. Сравнительный анализ двух зародившихся в конце XVI — начале XVII в. и просуществовавших до середины XIX в. мощных и всепроникающих систем подневольного труда позволил автору сделать ряд глубоких наблюдений об их сходстве и различии, выявить организацию, структуру и динамику этих прежде всего социальных образований.

По мнению П. Колчина, русские крепостные имели гораздо большую автономию, чем американские рабы, хотя легальный статус первых был также формой рабства. Русские крепостники часто по потребностям службы и культурным предпочтениям жили не в поместьях, а в городах, оставляя хозяйства в руках управляющих или даже самой крестьянской общины. Поэтому многие общины крепостных крестьян носили характер самоуправляющихся образований или по крайней мере не находились под прямым личным надзором владельца. Южные плантаторы, наоборот, политически и культурно были тесно связаны со своими владениями, жили главным образом на плантациях и самым непосредственным образом вмешивались в жизнь своих рабов. Они даже могли иметь глубокие эмоциональные узы со своими подневольными, но допускали минимум их личной автономии.

Экономические и демографические факторы усиливали различия между двумя системами. Русские крепостные были автохтонным, самообеспечивающим свои жизненные потребности населением, в расовом отношении однородным с остальным крестьянским миром. Рабы, наоборот, были в расовом отношении отличны, в экономическом плане представляли собой зависимое меньшинство, что суживало их социальные связи и усиливало зависимость. Эти различия обуславливали и формы протеста: если побег с плантаций и поместий был характерен для обеих групп, то открытые формы сопротивления значительно различались. Русские крепостные действовали преимущественно коллективистски в борьбе с несправедливостями, и личные проявления недовольства помещиком трудно реализовывались в отсутствие последнего. На рабовладельческих плантациях отношения между рабом и хозяином были часто эмоционально персонифицированы, придавая конфликту личностный, индивидуальный характер. В то же время американские рабы, будучи более индивидуалистичны в своем поведении, легче устанавливали солидарные связи со всем чернокожим населением, включая свободных граждан. Для русских крепостных, которые, как правило, проживали на более крупных владениях, было легче обрести общинную солидарность, но гораздо труднее соорганизоваться за пределами собственных деревень.

В целом освещаемые в сборнике сюжеты аграрной истории России и США представляют не только научно-познавательный интерес. Историко-сравнительный анализ, углубляя понимание хода исторического развития на стадии утверждения товарного производства, формирования аграрного рынка и становления буржуазных отношений, дает много ценного для более глубокого понимания современных проблем и социально-экономических преобразований в нашей стране.

Отметим лишь некоторые из аграрных проблем, решение которых в настоящее время настоятельно требует учета исторического опыта рассматриваемой в сборнике эпохи. Прежде всего это вопрос о земельной собственности. Вокруг него ведутся острые споры, что вполне естественно, ибо отношения собственности — основополагающий момент в системе производственных отношений. В центре этих споров оказался вопрос о видах собственности (общественная, государственная, частная, личная, трудовая и т. д.) и о допустимости существования при социализме всего многообразия этих видов, в том числе и частной. Исторический опыт показывает, что фундаментальный водораздел видов собственности проходит по линии общественная — частная.

История свидетельствует, что выделяются две формы производства, основанного на частной земельной собственности: первая — хозяйства, размеры земельных владений которых таковы, что их производственное использование основывается на семейном труде, а наемный труд если и применяется, то не имеет определяющего значения; вторая — владения, хозяйственное использова-

ние которых базируется на господстве наемного труда или исключительно на этом труде. В первых хозяйствах доходы трудовые, а во вторых — эксплуататорские, так как земельный собственник присваивает прибавочный продукт, произведенный наемными рабочими.

Как явствует из прошлого, в конкретно-исторических условиях соотношение этих типов хозяйств было различным. Но в условиях рыночного товарно-денежного хозяйства и конкуренции повсеместно проявлялась тенденция к расслоению мелких землевладельцев и концентрации их земельной собственности и производства, т. е. в конечном счете к превращению трудового хозяйства в эксплуататорское, буржуазное. В итоге даже в тех случаях, когда генезис аграрного капитализма базировался на мелкой земельной собственности, как это было, например, в Соединенных Штатах, со временем утверждаются крупная земельная собственность и хозяйство. Разумеется, их роль не следует понимать в том упрощенном варианте, когда будто бы весь прибавочный продукт присваивался землевладельцем. Часть этого продукта могли получать и наемные работники. Другая его часть, отчуждаемая в виде различных налогов, могла использоваться на общественные потребности. Главное же состоит в том, что частный собственник, ведущий хозяйство на основе применения наемного труда, получая нетрудовой доход, был эксплуататором, а мелкие частные собственники всеми доступными средствами стремились пробиться в разряд крупных.

Из этого следует, что при свободном развитии мелкой собственности и производства, а такая свобода является неременным условием успешного прогресса этого производства, объективно действует тенденция к их концентрации. При свободном развитии эта тенденция ведет к применению наемного труда.

В сущности, те же тенденции были присущи и развитию аренды. Повсюду распространение ее среди мелких производителей имело своей целью расширение хозяйства до пределов, позволяющих либо производить необходимый продукт, осуществлять простое воспроизводство, либо вести расширенное воспроизводство и увеличивать массу прибавочного продукта. В первом случае аренда носила потребительский характер, вытекала из пужды; во втором — была предпринимательской, вела к накоплению средств, позволяющих арендатору превратиться в собственника земли и перейти к применению наемного труда. Понятно, что именно вторая тенденция отвечала интересам арендаторов и способствовала буржуазному аграрному прогрессу.

Все это необходимо иметь в виду сторонникам утверждения у нас в стране крестьянской собственности и аренды как основных форм землевладения и землепользования.

Теперь о собственности общественной, коллективной. Высший ее уровень — собственность как народное достояние в общегосударственном масштабе. При этом все другие субъекты этой собственности (национально-территориальные образования, про-

изводственные государственные и кооперативные предприятия, общественные организации и т. д.) являются лишь ее бессрочными или срочными пользователями.

Другой формой общественной собственности является собственность муниципальная. Здесь верховным собственником выступает не общенародное государство, а территориальные, производственные, общественно-профессиональные и другие объединения. Минусом данной формы в едином государстве может быть абсолютизация локальных (национальных, территориальных, производственно-групповых) интересов в ущерб общим, всенародным и государственным. Общественная собственность, с одной стороны, экономически может быть наиболее эффективно реализована лишь на основе крупного коллективного производства, что способствует наиболее успешному внедрению в производство достижений научно-технического прогресса. С другой стороны, при общественной собственности продукт, произведенный на ее основе, принадлежит всем ее субъектам. Поэтому здесь нет эксплуатации. В этом коренятся отличия буржуазных и социалистических отношений. Это признавали и понимали не только сторонники социализма, но и его самые решительные противники. Так, в основных положениях по аграрному вопросу, принятых первым съездом уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г., говорилось: «Если право частной собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т. д., т. е. к социалистическому строю»⁴.

Не менее актуален для нашей трудной сегодняшней действительности и вопрос о том, что обеспечивает более эффективное хозяйствование — полная или условная собственность на землю? Материалы публикуемых исследований, казалось бы, с непреклонностью свидетельствуют, что полная собственность обеспечивает лучшее хозяйство, а всякие формы зависимости, начиная от рабства и кончая плановыми райкомовскими разнарядками, только сдерживают экономическое развитие. Но как трудно здравый смысл, подтвержденный самым надежным историческим анализом, пробивает себе дорогу в деформированных тоталитаризмом общественных структурах и человеческом сознании!

Наконец, какой с точки зрения прогрессивности и эффективности наиболее оптимальный размер собственности на землю и сельских хозяйств подсказывает нам исторический опыт обеих стран? Есть такое ощущение, что приверженцы математических методов, так же как и нынешние публицисты-деревенщики, склонны как бы исторически оправдывать мелкую земельную собственность. Но опыт истории говорит и о том, что, например, в Англии и Германии прогресс в сельском хозяйстве гораздо успешнее осуществлялся через большие имения, а мелкие хозяйства считались менее прогрессивными. Светлый ум А. В. Чаянова

также подсказывал, что процветающая крестьянская экономика не возможна без оптимально крупных для той или иной отрасли и местности хозяйств, сочетающих в себе необходимые элементы кооперации.

Различия между большим и малым размерами собственности с точки зрения их прогрессивности и эффективности включают вопрос о менталитете и общественной психологии, вопрос об уровне технологических перемен, стимулирующих формы и размеры собственности. Как свидетельствует исторический опыт, размеры хозяйств должны быть достаточно велики, чтобы выдержать риск нововведений. В какой мере наши сегодняшние установки на возрождение семейной фермы и будущие участники этого эксперимента смогут учесть уже имеющийся опыт наших двух стран?

Все эти и многие другие вопросы, возникающие у читателя предлагаемой книги, вполне могут стать проблематикой будущих исследований. В движении мысли и в получении нового знания — главный смысл труда историков.

¹ Количественные методы в советской и американской историографии/ Отв. ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М., 1983; Soviet Quantitative History /Ed. D. K. Rowney. Beverly Hills, 1984; Quantitative Studies in Agrarian History // Special Issue of "Agricultural History". Vol. 62. 1988. N 3; An American Quarterly Devoted to Russia. Past and Present // The Russian Review. Vol. 47. 1988. Oct. N 4; Agrarian organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia, and North America. Research in Econ. History. Supplement 5/Ed. C. S. Leonard, G. Grantham. L., 1989.

² Подробную информацию с конференции см.: *Бородкин Л. Н., Свищев М. А.* Применение количественных методов и ЭВМ в изучении аграрной истории // История СССР. 1988, № 4.

³ *Kolchin P.* Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge (Mass.), 1987.

⁴ *Сидельников С. М.* Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 71.

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ АГРАРНЫХ СТРУКТУР

*

И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородин

ДВА ПУТИ БУРЖУАЗНОЙ АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

(Опыт многомерного типологического анализа)

При всем многообразии конкретно-исторических путей, форм генезиса и утверждения аграрного капитализма в различных странах и регионах оно сводится, в сущности, к двум путям, ибо «буржуазное развитие может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными... оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „нарост“ крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно возможного буржуазного развития мы назвали бы,— указывал В. И. Ленин,— путем прусского и путем американского типа»¹.

В течение определенного периода, измеряемого несколькими десятилетиями, один из двух путей приводил к торжеству соответствующего типа аграрного капитализма. Это отнюдь не означало появления некоего типа буржуазного аграрного развития, очищенного от всяких черт, присущих другому типу. Повсюду, где соседствовали крестьянское и помещичье хозяйства, естественно шла борьба этих двух тенденций и та из них, которая одержала верх, была в той или иной степени «загрязнена» чертами другой. Победивший тип интегрировал в себе свойства другого типа. Очевидно, например, что крестьянский буржуазно-демократический путь аграрной эволюции в США, Франции и России при единстве их конкретной сути имел и много различий, обусловленных историческим соотношением крестьянского и помещичьего хозяйств в этих странах. Все это следует иметь в виду при выявлении и изучении типов буржуазной аграрной эволюции.

Исторической особенностью России было то, что здесь более чем полувековая борьба двух путей так и не завершилась победой того или иного из них. Со времен падения крепостного права все более обострялась борьба классовых и общественно-политических сил за утверждение того или другого из этих путей. Дворянство и буржуазия и защищавшее их интересы самодержавное

государство все усилия направляли на сохранение и расшпирение условий, обеспечивающих торжество помещичьего хозяйства в буржуазном аграрном развитии. Демократические силы (крестьянство, рабочий класс и выражавшие их интересы общественно-политические силы и партии) боролись за создание условий для победы крестьянского пути аграрного развития. Для этого необходимо было революционное устранение всех феодально-крепостнических пережитков в социально-экономическом и общественно-политическом строе страны.

Объективно-экономически положение было таково, что наиболее широкой и благоприятной основой для буржуазной аграрной эволюции было крестьянское хозяйство, занимавшее доминирующее положение в сельскохозяйственном производстве². Помещичье же хозяйство не только не обладало надлежащим весом, но и не имело производственно-технического и экономического превосходства над крестьянским хозяйством³.

В обобщенном виде о превосходстве крестьянского типа буржуазной аграрной эволюции в Европейской России в плане прогресса сельскохозяйственного производства и положения крестьян и наемных сельскохозяйственных рабочих убедительно свидетельствует выявленный нами характер корреляционной связи между основными показателями. Так, высота урожайности зерновых и количество продуктивного скота на десятину посева, отражающие уровень интенсификации сельского хозяйства, были в целом по Европейской России больше там, где выше доля крестьянского землевладения по отношению к дворянскому (корреляция соответственно 0,63 и 0,52). В начале XX в. сборы хлебов и картофеля на душу населения росли быстрее там, где было больше продуктивного скота по отношению к рабочему (0,86) и где было лучше положение крестьян и наемных рабочих. Исторические преимущества развития аграрного капитализма на основе крестьянского хозяйства явственно видны, хотя все усилия господствующих классов и государства были направлены на утверждение помещичьего хозяйства буржуазной аграрной эволюции, а в борьбе за два альтернативных пути этой эволюции брал верх консервативный, а не демократический лагерь. Все это порождало глубокое противоречие между объективной потребностью, с одной стороны, и наиболее благоприятными возможностями буржуазного аграрного развития и их практической реализацией — с другой. Это радикальное противоречие, выражавшееся в острейшей борьбе, сделало в России аграрно-крепостнический вопрос в эпоху капитализма одной из основных проблем ее исторического развития, оказывавшей определяющее воздействие на многие аспекты социально-экономической и общественно-политической жизни страны, включая складывание исторических предпосылок Октябрьской революции.

Актуальной исследовательской задачей, таким образом, является изучение складывания предпосылок двух путей буржуазной аграрной эволюции в России, ее реального исторического хода п

борьбы за утверждение одного из типов этой эволюции. Существенно здесь и раскрытие пространственного размежевания и сочетания двух путей, особенно важное для такой огромной страны, как Россия. Впервые эта проблема была поставлена В. И. Лениным, отметившим, что «если сельскохозяйственный центр России и ее сельскохозяйственные окраины показывают нам, так сказать, пространственное или географическое распределение местностей, в которых преобладает аграрная эволюция того или другого типа, то основные черты той и другой эволюции явственно видим во всех местностях, где существует рядом помещичье и крестьянское хозяйство»⁴.

Цель проведенного нами исследования состояла в выявлении социальной аграрной типологии губерний Европейской России на рубеже XIX и XX вв.⁵ Решение этой задачи не столь простое, как может показаться на первый взгляд.

Во-первых, основные черты, присущие двум типам буржуазной аграрной эволюции, не могут быть сведены к одному-двум признакам. Необходим учет совокупности всех признаков и применение методов многомерного типологического анализа, что выводит эту задачу как в содержательном, так и в методологическом отношении из разряда ординарных. В частности, требуется не просто отнести ту или иную губернию к определенному из выделенных социальных типов, но и установить степень ее сходства как с данным, так и с другими типами, что требует сложных математико-статистических процедур.

Во-вторых, для показа того, что два типа буржуазной аграрной эволюции, с одной стороны, были исторической реальностью (по отношению к крестьянскому типу это многими историками отрицалось и отрицается), а с другой — заметно отличались по обеспечиваемому ими уровню экономического и социального развития (что еще не получило конкретного раскрытия в историографии), необходимо раскрыть внутреннюю производственно-экономическую структуру этих типов и показать общественные результаты их функционирования.

ИСТОЧНИКО-ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

Для освещения поставленных проблем имеется в целом обширная источниковая основа, позволяющая выделить большой круг различных признаков, характеризующих аграрный облик губерний Европейской России. Это сведения переписи населения 1897 г., земельных и военно-конских переписей, урожайной статистики и других публикаций сводных данных⁶.

Основная сложность при формировании необходимой базы данных состоит в отборе включаемых в анализ признаков, ибо они в имеющихся источниках исчисляются сотнями. Первоначально из их числа было отобрано около 100 показателей, отражающих все основные демографические, производственно-экономические и социально-экономические аспекты аграрной структуры губерний.

Они составили исходную базу данных и были введены в ЭВМ. Однако для выявления социальной аграрной типологии губерний требовался дальнейший отбор показателей, ибо слишком обширный их круг хотя и не исключает возможности выделения определенных типов губерний, но будет затруднять анализ их структуры и результатов функционирования системы аграрных отношений.

Отбор этот проводился следующим образом. На основе содержательно-исторического подхода были выделены обобщенные факторы, характеризующие основные социальные аспекты аграрных отношений, а следовательно, и отражающие различия двух путей буржуазной аграрной эволюции. Для раскрытия сути этих факторов из исходного комплекса признаков было отобрано по несколько показателей, которые содержательно раскрывают эту суть.

В итоге были сформированы 9 факторов, которые характеризуются 31 признаком и достаточно полно охватывают основные компоненты, определяющие социальные аспекты аграрных отношений и их специфику. Классифицировать эти факторы и признаки можно так, условно назвав это таблицей 1⁷:

Таблица 1

I. Дворянское землевладение и его движение:

- 1) доля дворянских земель по отношению к наделным в 1905 г.;
- 2) доля дворянских земель в частном землевладении в 1905 г.;
- 3) доля латифундий в дворянском землевладении в 1905 г.;
- 4) доля дворянских земель в 1905 г. по отношению к 1897 г.

II. Буржуазное землевладение и его движение:

- 5) доля недворянских земель в частном землевладении в 1905 г.;
- 6) доля буржуазного (частного недворянского) землевладения в 1905 г. по отношению к 1877 г.;
- 7) отношение проданных в 1891—1900 гг. всех частных земель к их общей площади в 1905 г.;
- 8) уровень продажных цен на землю в 1900 г. (руб. за десятину);
- 9) скорость роста продажных цен на землю в 1895—1910 гг. (руб. в год).

III. Крестьянское землевладение и землепользование:

- 10) размер надела на душу крестьянского населения в начале XX в. (десятин);
- 11) доля купчих крестьянских земель по отношению к наделным в 1905 г.;
- 12) доля купчих крестьянских земель в частном землевладении в 1905 г.;
- 13) отношение арендованной крестьянами земли к наделной в начале XX в.;
- 14) землепользование крестьян (десятин на душу).

IV. Применение постоянного наемного труда и развитие капитализма в частновладельческом хозяйстве:

- 15) доля постоянных сельскохозяйственных рабочих по отношению к местным сельским работникам;
- 16) доля частных сельских хозяйств с применением труда наемных работников.

V. Работа крестьян по найму в сельском хозяйстве:

- 17) доля крестьян, занятых местными сельскохозяйственными заработками, по отношению ко всем сельским работникам;

- 18) доля крестьян, занятых отхожими сельскохозяйственными заработками.
 - VI. Пролетаризация деревни:*
 - 19) доля безлошадных и одлошадных дворов в 1900/1901 г.;
 - 20) доля безлошадных и одлошадных дворов в 1912 г. по отношению к 1900/1901 г.;
 - 21) доля крестьян, занятых работой по найму в сельском хозяйстве и промышленности, по отношению к числу работников.
 - VII. Обуржуазивание крестьянства:*
 - 22) доля многолошадных дворов в 1900/1901 гг.;
 - 23) доля принадлежащих им лошадей;
 - 24) доля многолошадных дворов в 1912 г. по отношению к 1900/1901 гг.;
 - 25) концентрация купчих крестьянских земель (доля купчей земли во владениях 50 и более десятин в общей ее площади в 1905 г.).
 - VIII. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства:*
 - 26) соотношение крестьянского и дворянского землевладения в начале XX в.;
 - 27) соотношение крестьянских и частновладельческих посевов в эпоху капитализма;
 - 28) соотношение крестьянских и частновладельческих рабочих лошадей (по переписям 1888/1891 и 1912 годов).
 - IX. Интенсификация сельскохозяйственного производства:*
 - 29) рабочих лошадей на десятину посева в начале XX в.;
 - 30) продуктивного скота на десятину посева;
 - 31) урожайность зерновых (пудов с десятины).
-

На основе всех указанных выше признаков были выявлены типы губерний, сходных по своему социально-экономическому облику. Для этого использовались методы кластерного анализа, вероятностной группировки и распознавания образов⁸.

Для анализа структуры выявленных типов использовались 9 указанных факторов. По каждому из них на основе характеризующих их признаков были получены с помощью метода главных компонент совокупные индексы (факторные веса), которые выражают степень «развитости» каждой из 50 губерний по данному фактору. Эти индексы и послужили основой для раскрытия ведущих черт выделенных социальных типов губерний. Значения учтенных признаков и выделенных факторов указаны в приложении (табл. I, III). Они могут как представлять самостоятельный интерес, так и служить основой для проверки проведенных авторами статьи расчетов.

Таковы пути и методы выделения типов губерний по их социальному буржуазно-аграрному облику и выявления различий между ними. Но в этом состоял лишь первый этап анализа. Второй имел своей целью раскрытие экономических и социальных результатов функционирования выявленных типов, показ того, какие из них обеспечивали наиболее высокий уровень развития сельскохозяйственного производства и наиболее благоприятное положение непосредственных производителей — крестьян и наемных сельскохозяйственных рабочих.

Показатели, необходимые для решения указанной задачи, отбирались таким же образом, что и для выявления типов губерний. Содержательно было выделено 5 факторов, характеризующих экономические и социальные результаты аграрного развития. Суть этих факторов раскрывается 15 показателями (см. табл. 2). По каждому из факторов были установлены (путем выделения первой главной компоненты) факторные веса, которые и отражают уровень экономического и социального развития каждой из 50 губерний. Значения 15 показателей и 5 факторов приведены в Приложении (табл. II и III).

Таблица 2

Факторы и признаки, характеризующие результаты аграрного развития

- I. Общий уровень и производительность земледелия:*
 - 1) валовые сборы хлебов и картофеля на душу всего населения (пудов);
 - 2) валовые сборы на душу населения, занятого сельским хозяйством;
 - 3) отношение валового сбора 1909—1913 гг. к сбору конца XIX в.
- II. Общий уровень и производительность скотоводства:*
 - 4) продуктивного скота на душу населения;
 - 5) продуктивного скота на душу населения, занятого сельским хозяйством;
 - 6) соотношение продуктивного и рабочего скота.
- III. Положение крестьян:*
 - 7) сборы хлебов крестьянами на душу крестьянского населения (пудов);
 - 8) крестьянского продуктивного скота на душу крестьянского населения;
 - 9) заработки вне своего хозяйства на душу крестьянского населения (руб.).
- IV. Положение сельскохозяйственных рабочих:*
 - 10) уровень поденной платы в 1900 г. (коп.);
 - 11) скорость роста поденной платы 1900—1913 гг. (коп. в год);
 - 12) поденная плата в переводе на рожь (по осенней цене пуда ржи).
- V. Социально-демографическое и культурное развитие деревни:*
 - 13) доля местных сельских уроженцев, проживающих в других местах, в общем числе сельского населения;
 - 14) доля крестьян, проживающих в городах, в общем числе сельского населения;
 - 15) доля грамотных в общем числе сельского населения.

Для более сжатой характеристики эффективности функционирования выявленных социальных типов аграрной структуры путем повторной факторизации все 5 указанных факторов были методом главных компонент сведены к следующим двум:

- I. Общий уровень и производительность сельскохозяйственного производства и положение крестьян.**
- II. Уровень социального развития деревни.**

Наконец, методами многомерного регрессионного анализа выявлялась степень воздействия 9 факторов, характеризующих социальную и аграрную структуру, на два указанных обобщенных фактора, отражающие основные результаты функционирования аграрных отношений.

СОЦИАЛЬНАЯ АГРАРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Наиболее гибкая многомерная классификация губерний по их социальному облику может быть получена на основе кластер-анализа. Проведенная на основе 31 показателя, она представляла такую картину (см. диаграмму 1). На территории Европейской России обнаруживается 6 макрокластеров, включающих в свой состав сходные по социальному облику губернии. В них вошли 43 губернии⁹.

Две губернии (Гродненская и Подольская) занимают промежуточное положение между макрокластерами, а 5 губерний (Оренбургская, Ярославская, Эстляндская, Олопецкая и Архангельская) не имеют близкого сходства ни с одним макрокластером и стоят в кластерной иерархии особняком.

Характерно, что входящие в кластеры губернии, за исключением лишь Астраханской и Бессарабской, образуют сплошные территориальные массивы. Поэтому выявленные социальные типы губерний можно именовать по географическому признаку: Среднечерноземный, Западный, Нечерноземно-Промышленный, Южный и Юго-Восточный Степной (или просто Степной), Северо-Восточный и Прибалтийский.

Весьма знаменательно, что именно те же 6 социальных типов губерний выделялись и при кластерном анализе, который был основан всего на 8 признаках¹⁰. Разумеется, полного территориального совпадения типов нет, но из 43 губерний, образующих 6 типов, выявленных по 31 признаку, 30 губерний входили в типы, обнаруженные по 8 признакам. Это вполне естественно, ибо типы представляли собой не нечто застывшее, а некие социальные системы с устойчивым «ядром» и пульсирующим вокруг него «окружением». Это пульсирование и обнаруживается при анализе этих систем при разном наборе характеризующих их признаков.

Таким образом, несомненно, что указанные макрокластеры представляют собой существенно различные социальные типы аграрного развития. Но прежде чем рассматривать то особенное, что было присуще этим типам, проведем группировку губерний иным, чем кластерный анализ, методом.

Таким методом является так называемая вероятностная типизация объектов, основанная на математической теории печетких множеств¹¹. Его преимущества перед кластерным анализом состоят в том, что можно сразу выделить типы объектов, а не формировать их по результатам этого анализа. Число соответствующих типов задается исследователем, исходя из содержательного анализа классифицируемой совокупности объектов. Далее, и это наиболее существенно, вероятностная типизация позволяет установить вес или степень («вероятность») принадлежности каждого объекта к данному типу (измеряемую величиной от 0 до 1) и меру его сходства с другими типами. Следовательно, оказывается возможным, во-первых, выявить *ядро* типа, т. е. набор объектов,

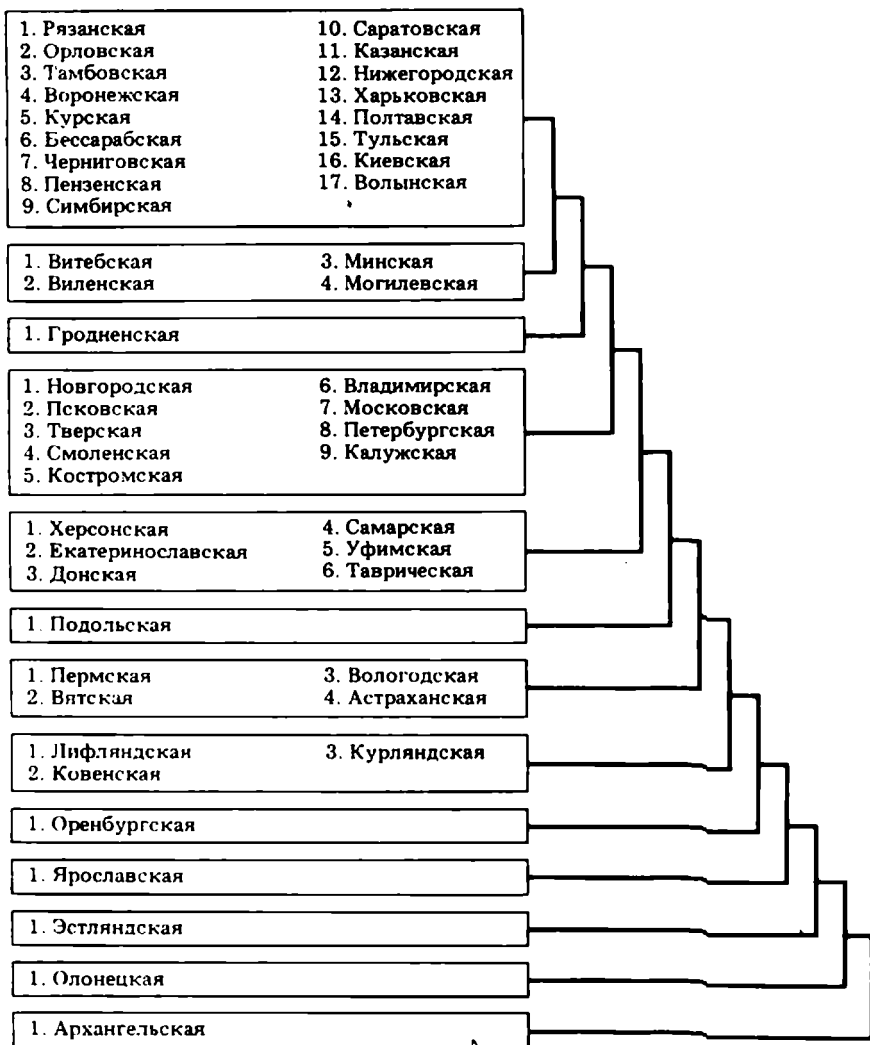

Диаграмма 1. Кластерная структура социальной типологии губерний Европейской России на рубеже XIX — XX веков

наиболее полно выражающих черты данного типа, и окружение этого ядра, т. е. объекты, принадлежащие к типу, но обладающие его чертами в меньшей мере. Во-вторых, открывается путь к установлению меры сходства объектов данного типа с объектами других типов и тем самым — к раскрытию зоны пересечения разных типов.

Вероятностная типизация губерний по их социальному облику, проведенная на основе 31 признака и имевшая целью выделение, как и при кластерном анализе, 6 типов, дала такие резуль-

Социальная аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.

Тип	Губерния	Вес принадлежности	Губернии других типов, имеющие сходство с данным типом	Вес принадлежности
I. Степной	Таврическая	0,88	Саратовская Оренбургская	0,32
	Донская	0,88		0,30
	Самарская	0,83		
	Херсонская	0,80		
	Екатеринославская	0,72		
II. Прибалтийский	Уфимская	0,59		
	Лифляндская	0,85	Гродненская	0,20
	Ковенская	0,74	Виленская	0,19
	Курляндская	0,59	Минская	0,18
	Эстляндская	0,46	Петербургская	0,16
III. Западный	Витебская	0,74	Волынская	0,35
	Виленская	0,68	Киевская	0,32
	Могилевская	0,60	Полтавская	0,27
	Минская	0,58	Харьковская	0,23
	Гродненская	0,53	Пермская	0,22
IV. Нечерноземно-Промышленный	Подольская	0,37	Смоленская	0,21
	Костромская	0,90	Нижегородская	0,30
	Владимирская	0,88	Полтавская	0,21
	Тверская	0,84	Тульская	0,30
	Новгородская	0,67	Вологодская	0,27
V. Средне-черноземный	Псковская	0,66	Харьковская	0,18
	Смоленская	0,65		
	Московская	0,64		
	Калужская	0,56		
	Петербургская	0,49		
VI. Северо-Восточный	Ярославская	0,38		
	Тамбовская	0,94	Подольская	0,35
	Курская	0,94	Калужская	0,27
	Воронежская	0,94	Уфимская	0,25
	Орловская	0,88	Московская	0,25
	Рязанская	0,78	Астраханская	0,20
	Пензенская	0,77	Екатеринославская	0,19
	Симбирская	0,70	Гродненская	0,18
	Бессарабская	0,65	Могилевская	0,18
	Саратовская	0,64		
	Черниговская	0,59		
	Казанская	0,57		
	Нижегородская	0,56		
	Тульская	0,54		
	Волынская	0,46		
	Киевская	0,43		
	Харьковская	0,41		
	Полтавская	0,37		
	Вятская	0,68	Архангельская	0,22
	Пермская	0,65	Казанская	0,20
	Вологодская	0,53	Новгородская	0,20
	Астраханская	0,47	Псковская	0,18
			Ярославская	0,18
			Олонецкая	0,18

табл. (см. табл. 3). Прежде всего выделились те же 6 типов, что и при кластерном анализе, при этом в Степной, Среднечерноземный и Северо-Восточный типы вошли те же самые губернии. К Западному типу прибавились Гродненская и Подольская губернии, оказавшиеся при кластерном анализе между макрокластерами. В Нечерноземно-Промышленный тип добавилась Ярославская губерния, а в Прибалтийский — Эстляндская, т. е. губернии, не вошедшие в кластеры. Архангельская, Олонецкая и Оренбургская губернии оказались по-прежнему «нетипичными». Почти полное совпадение результатов типизации, проведенной разными методами, свидетельствует о высокой их адекватности и эффективности как методов многомерной типологии.

Далее отчетливо видно, что каждый тип имел свое ядро и его окружение. Условно к ядру можно отнести объекты, входящие в тип с весом более 0,60. Наиболее высокой в среднем была «плотность» Степного типа (средняя степень принадлежности — 0,80). Нечерноземно-Промышленный, Среднечерноземный и Прибалтийский типы имели плотность 0,66—0,67, а Западный и Северо-Восточный — 0,58. Следовательно, в целом плотность типов была весьма высокой, что свидетельствует об их четкой «откристаллизованности». Но вместе с тем эти типы не представляли собой неких замкнутых образований. Они как бы взаимопересекались и накладывались одни на другой. Об этом свидетельствует тот факт, что 31 губерния, входя в тот или иной тип (или не входившие в них, как Архангельская, Олонецкая и Оренбургская), имели заметные черты сходства с другими типами. Порой степень этого сходства была почти такой же, как у губерний, входящих в этот тип. Так, например, Подольская губерния входила в Западный тип с весом 0,37, а Волынская, входившая в Среднечерноземный тип, имела сходство с Западным типом с весом 0,35. Полтавская губерния принадлежала к Среднечерноземному типу с весом 0,37, а Подольская была сходна с этим типом с весом 0,35. Заметную степень сходства с Нечерноземно-Промышленным типом имели Нижегородская и Тульская губернии (0,30).

Короче говоря, социальные типы буржуазной аграрной структуры были устойчивыми лишь в своей качественной определенности и являлись весьма подвижными и перекрещивающимися в характеризующих их конкретных признаках.

Проследить это можно при анализе содержательной структуры выявленных типов.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ТИПОВ

Для конкретной характеристики сути выделенных социальных типов использованы факторные веса по указанным выше 9 содержательным факторам. Их значения по губерниям указаны в Приложении (табл. III), а в табл. 4 приводятся их средние значения по выявленным типам губерний.

Социальная аграрная структура типологии губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.

(средние факторные веса для губерний каждого типа)

Тип аграрного строя	Факторы *				
	I	II	III	IV	V
I. Степной	—0,83 **	0,21 **	0,29	0,78	1,43
II. Прибалтийский	2,62	—1,13	—0,34	3,97	—1,56
III. Западный	1,86	—0,89	—0,47	0,49	0,59
IV. Нечерноземно-Промышленный	—0,86	1,18	—0,54	—1,15	—1,04
V. Среднечерноземный	0,001	—0,98	—0,49	—0,47	0,43
VI. Северо-Восточный Губернии, не вошедшие в типы	—0,14	0,80	1,30	0,76	—0,94
	—2,19	3,39	3,65	—0,34	0,27

Тип аграрного строя	Факторы *			
	VI	VII	VIII	IX
I. Степной	—0,69	2,44	—0,36	—1,11
II. Прибалтийский	—0,95	1,04	—0,92	1,33
III. Западный	—0,99	—1,01	—0,78	—0,19
IV. Нечерноземно-Промышленный	1,29	—1,17	—0,09	0,73
V. Среднечерноземный	—0,04	—0,12	—0,46	—0,76
VI. Северо-Восточный Губернии, не вошедшие в типы	—0,64	0,07	3,00	0,09
	0,49	0,24	2,41	2,56

* I — дворянское землевладение и его движение.

II — буржуазное землевладение и его движение.

III — крестьянское землевладение и землепользование.

IV — применение постоянного наемного труда и развитие капитализма в частновладельческом хозяйстве.

V — работа крестьян по найму в сельском хозяйстве.

VI — пролетаризация деревни.

VII — обуржуазивание крестьян.

VIII — соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства.

IX — интенсификация сельскохозяйственного производства.

** Напомним, что положительные факторные веса соответствуют тем губерниям, которые обладают степенью проявления определенного свойства выше средней, а отрицательные — ниже средней величины по Европейской России.

Прежде всего в этих данных обращает на себя внимание наибольшая поляризация (отличие) от других типов Степного и Прибалтийского регионов. Степной тип характеризовался самым широким распространением работы крестьян по найму в сельском хозяйстве (1,43), самым глубоким обуржуазиванием крестьянства (2,44) и самой низкой интенсификацией сельскохозяйственного производства (—1,11). Прибалтийский тип отличался самым широким распространением дворянского землевладения (2,62) и при-

мепения постоянных наемных рабочих и развитием капитализма в частновладельческом хозяйстве (3,97), а также самым низким уровнем распространения буржуазного землевладения (-1,13) и соотношением крестьянского и помещичьего хозяйств (-0,92). Кроме того, Степной и Прибалтийский типы были полярными и сравнительно друг с другом. По пяти факторам из девяти они имели противоположные уровни развития, т. е. если в одном из них эти уровни были выше среднего, то в другом, наоборот, ниже среднего (см. I, II, III, V и IX факторы). По другим факторам уровней этих типов были либо выше, либо ниже среднего, по трем из них (IV, VII, VIII) они существенно различались.

Все это убедительно подтверждает тот хорошо известный факт, что Прибалтика и Степной Юг и Юго-Восток существенно отличались по характеру буржуазной аграрной эволюции. Из рассмотренных данных очевидно, что указанные различия выражают два типа буржуазной аграрной эволюции. Для Прибалтики характерно доминирование помещичьего, а для Степного Юга и Юго-Востока — крестьянского путей этой эволюции. При этом необходимо подчеркнуть, что речь может идти лишь о доминировании одного из путей, а не о некоем их безраздельном господстве. Во-первых, как известно, ни один из этих путей в России окончательно не победил, а потому нельзя рассматривать как окончательное их господство и в отдельных регионах. Во-вторых, как указывал В. И. Ленин¹², тенденции развития и по помещичьему и по крестьянскому пути имели место везде, где соседствовали крестьянское и помещичье хозяйства.

Что касается других типов, то они, занимая промежуточное положение между полярными типами, естественно, имели черты сходства с обоими этими типами, тяготея в большей или меньшей мере к тому или иному из них. Наиболее выражено такое тяготение было присуще Западному и Северо-Восточному типам. В первом из них была самой высокой после Прибалтики доля дворянского землевладения (1,86) и низкий уровень соотношения крестьянского и помещичьего хозяйств (-0,78). Кроме того, Запад характеризовался самым низким сравнительно с другими типами уровнем пролетаризации деревни (-0,99).

Северо-Восточный тип отличался самым высоким (исключая губернии, не вошедшие ни в один тип) уровнем обеспеченности крестьян землей (1,30) и наибольшим преобладанием крестьянского хозяйства над помещичьим (3,00).

Специфическими чертами Нечерноземно-Промышленного типа были широкое распространение буржуазного землевладения (1,18), самый высокий уровень пролетаризации деревни (1,29) и низкий — обуржуазивания земледельческого крестьянства (-1,17).

Наиболее яркими особенностями Среднечерноземного типа были самые низкие вслед за Прибалтикой уровень распространения буржуазного землевладения (-0,98) и вслед за Степным типом — интенсификации сельскохозяйственного производства (-0,76).

Распределение губерний Европейской России по тенденциям буржуазной аграрной эволюции

Тип	Губерния	Вес	Губерния	Вес
I. Крестьянско-помещичий	1. Таврическая	1,00	17. Тверская	0,67
	2. Херсонская	1,00	18. Смоленская	0,67
	3. Екатеринославская	1,00	19. Владимирская	0,66
	4. Донская	1,00	20. Воронежская	0,66
	5. Самарская	1,00	21. Пензенская	0,66
	6. Саратовская	0,77	22. Костромская	0,65
	7. Черниговская	0,77	23. Казанская	0,64
	8. Орловская	0,76	24. Новгородская	0,64
	9. Нижегородская	0,76	25. Курская	0,64
	10. Рязанская	0,75	26. Тульская	0,58
	11. Симбирская	0,75	27. Полтавская	0,57
	12. Тамбовская	0,71	28. Петербургская	0,50
	13. Харьковская	0,71	29. Могилевская	0,50
	14. Уфимская	0,70	30. Калужская	0,47
	15. Псковская	0,70	31. Московская	0,44
	16. Бессарабская	0,67		
II. Помещичье-крестьянский	1. Лифляндская	1,00	8. Киевская	0,57
	2. Курляндская	1,00	9. Гродненская	0,56
	3. Эстляндская	1,00	10. Витебская	0,53
	4. Ковенская	0,71	11. Петербургская	0,50
	5. Минская	0,67	12. Могилевская	0,50
	6. Виленская	0,67	13. Пермская	0,40
	7. Вольнская	0,60	14. Подольская	0,38
III. Крестьянский	1. Архангельская	0,82	5. Вятская	0,53
	2. Олонецкая	0,77	6. Вологодская	0,40
	3. Ярославская	0,68	7. Астраханская	0,36
	4. Оренбургская	0,57		

Губернии, не вошедшие в указанные типы, в среднем имели самый низкий уровень распространения дворянского землевладения (—2,19) и самый высокий — буржуазного землевладения (3,39), обеспеченности крестьян землей (3,65) и интенсификации сельскохозяйственного производства (2,56).

Таким образом, факторный анализ позволяет всесторонне и конкретно, а вместе с тем и обобщенно раскрыть наиболее характерные черты, присущие различным социальным типам аграрного строя, и тем самым выявить тенденции их развития в плане соответствия их помещичьему и крестьянскому путям буржуазной аграрной эволюции.

Анализ содержательной структуры выявленных социальных типов аграрного развития, хотя и позволяет соотносить их с помещичьим и крестьянским путями буржуазной аграрной эволюции, не дает возможности отчетливо установить *пространственное* размежевание этих путей. Картину такого размежевания может дать типизация губерний по их социальному облику методами распознавания образов¹³. Был использован вариант распознавания «с учителем». Суть его состоит в том, что выделяются

группы объектов, в наибольшей мере обладающие чертами, присущими определенному типу. Они и используются в качестве «обучающего» материала. Затем все остальные объекты сопоставляются с «обучающими» совокупностями и относятся к одному из типов либо выделяются в особую группу, если они отличаются от этих типов.

Для характеристики помещичьего (точнее, помещичье-крестьянского) варианта буржуазной аграрной эволюции были взяты прибалтийские губернии без Ковенской, а крестьянского (крестьянско-помещичьего) — степные губернии, кроме Уфимской. В итоге на основе данных о 31 признаке губернии распределились на два указанных типа и, кроме того, выделилась группа губерний, существенно отличавшихся от указанных типов (см. табл. 5). В этой группе буржуазная тенденция аграрной эволюции в наибольшей мере базировалась на крестьянском хозяйстве, и она поэтому может быть отнесена к собственно крестьянскому типу.

В итоге получается такая картина. Наибольшее число губерний, а именно 31, относилось к крестьянско-помещичьему типу буржуазной аграрной эволюции, 14 губерний — к помещичье-крестьянскому и 7 — к крестьянскому. Заметим, что Петербургская и Могилевская губернии включены в оба первых типа, ибо с одинаковым весом (0,50) сходны с каждым из них.

Географическое распределение типов было таким. В западных районах страны господствовал помещичье-крестьянский тип, на северных и восточных окраинах — крестьянский, а в губерниях Центра и Юга Европейской России преобладал крестьянско-помещичий путь буржуазной аграрной эволюции.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРАРНОГО СТРОЯ

Посмотрим теперь, каковы были экономические и социальные результаты функционирования охарактеризованных типов буржуазной аграрной эволюции. Для этого, как указывалось, было выделено пять факторов, отражающих состояние сельскохозяйственного производства, положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих, а также уровень социально-демографического и культурного развития деревни. В табл. 6 указаны средние по выявленным типам факторные веса. Кроме того, во значениях этих факторных весов были вычислены два интегральных фактора (ИФ-1 и ИФ-2). Сумма индексов этих двух факторов отражает общий уровень экономического и социального развития выявленных типов аграрного строя.

Прежде всего следует отметить тот факт, что два типа, Степной и Прибалтийский, резко отличались по общему уровню экономического и социального развития аграрной сферы от всех других типов. Суммарный интегральный индекс этого развития в Степном регионе равнялся 3,08, а в Прибалтийском 1,54. Следовательно, буржуазный аграрный прогресс шел в России успешно

**Экономические и социальные результаты функционирования аграрного строя:
факторные веса**

(средние значения по губерниям каждого типа)

Тип аграрного строя	Исходные факторы *					Интегральные факторы		
	I	II	III	IV	V	ИФ-1	ИФ-2	ИФ-1+ +ИФ-2
Степной	2,14	1,11	1,15	2,06	-0,63	2,27	0,81	3,03
Прибалтийский	0,89	1,46	-0,05	-0,33	2,94	0,01	1,53	1,54
Западный	-0,53	0,39	0,35	-1,45	-0,52	-0,13	-1,11	-1,24
Нечерноземно-Промышленный	-1,34	-0,73	-1,27	-0,12	0,86	-1,51	0,39	-1,12
Среднечерноземный	0,52	-0,93	-0,04	-0,01	-0,42	-0,62	-0,12	-0,14
Северо-Восточный	-0,98	1,57	1,02	-0,67	-0,93	0,76	-1,23	-0,47
Губернии, не вошедшие в типы	-1,75	0,64	-0,13	0,41	-0,66	-0,16	-0,50	-0,66

* I — общий уровень и производительность земледелия.

II — общий уровень и производительность скотоводства.

III — положение крестьян.

IV — положение сельскохозяйственных рабочих.

V — социально-демографическое и культурное развитие деревни.

ИФ-1 — общий уровень и производительность сельскохозяйственного производства.

ИФ-2 — уровень социального развития деревни.

в его и американском и прусском варианте. Поэтому не состоятельны предпринимающиеся попытки представить прусский путь буржуазной аграрной эволюции как основной тормоз социально-экономического развития.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в районе, где господствовал американский путь, был достигнут более высокий общий уровень аграрного развития. Это очевидно из того, что совокупный индекс этого развития в Степном регионе был намного выше, чем в Прибалтийском. Высокий уровень аграрного развития в этих регионах складывался из разных его компонентов. Как показывают два интегральных фактора, в Степном регионе он прежде всего достигался за счет высокого уровня развития сельского хозяйства и положения крестьян (2, 27), а в Прибалтийском — благодаря высокому уровню социально-демографического и культурного развития деревни (1, 53). Более конкретная картина была такой. Степной регион отличался самым высоким в Европейской России уровнем развития земледелия и наилучшим положением крестьян и сельскохозяйственных рабочих. В Прибалтике же был самый высокий уровень социально-демографического и культурного развития деревни и наиболее высокий после Северо-Восточного района уровень развития скотоводства. Экономическое положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих было здесь значительно хуже, чем в Степном регионе.

Как видим, преобладание крестьянского пути буржуазной аграрной эволюции обеспечивало и более высокий уровень произ-

водственного прогресса, и лучшее положение непосредственных производителей, т. е. в целом более прогрессивный в широком историческом аспекте ход буржуазного аграрного развития.

Что касается других типов аграрного развития, то здесь знаменательны первенствующее положение в Европейской России Северо-Восточного региона в развитии скотоводства (1, 57), что в общем хорошо известно, и высокий уровень положения здесь крестьян (1,02 при 1,15 в Степном районе), что не является очевидным. Этим было обусловлено то, что по уровню развития сельского хозяйства и положению крестьян Северо-Восток (индекс ИФ-1 равен 0,76) шел за Степным районом. Во всем этом также обнаруживаются преимущества американского типа буржуазной аграрной эволюции.

Следует отметить и тот факт, что в Нечерноземно-Промышленном районе уровень социально-демографического и культурного развития деревни (индекс 0,86) был наряду с Прибалтикой значительно выше среднего по Европейской России. Это свидетельствует о том, что прогресс в указанной сфере развития деревни зависел, как известно, не только от состояния сельскохозяйственного производства и экономического положения крестьян (их уровень в Нечерноземно-Промышленном регионе был самым низким), но и от других, неаграрных факторов. Об этом свидетельствует и то, что в Степном и Северо-Восточном регионах, где состояние сельскохозяйственного производства и положение крестьян было наилучшим, уровень социально-демографического и культурного развития деревни был наиболее низким ($-0,63$ и $-0,93$).

Наконец, следует отметить, что Западный район отличался наиболее низким общим уровнем аграрного развития ($-1,24$), а Среднечерноземная полоса в целом была очень близка к его среднему уровню ($-0,14$).

Как видим, типы буржуазной аграрной структуры не только существенно различались по присущим им внутренним чертам, но и в своем функционировании приводили к весьма неодинаковым экономическим и социальным результатам.

В заключение надо выяснить, какие же из девяти рассматривавшихся факторов социальной структуры в наибольшей мере воздействовали на общественные результаты функционирования аграрного строя. Рассмотрим для этого результаты многомерного регрессионного анализа. В качестве результативных показателей эффективности функционирования аграрного строя взяты два рассматривавшихся интегральных показателя (ИФ-1 и ИФ-2), а именно: общий уровень и производительность сельскохозяйственного производства и положение крестьян (экономический признак) и уровень социально-демографического и культурного развития деревни (социальный признак). В качестве факторов-причин были взяты девять показателей-факторов, характеризующих основные социальные черты аграрного строя.

Зависимость экономических и социальных результатов аграрного развития губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв. от различных факторов (вклад факторов в дисперсию результирующих признаков, %)

Фактор	Результирующий признак			
	Уровень экономического развития (ИФ-1)		Уровень социального развития (ИФ-2)	
	50 губерний	29 губерний	50 губерний	29 губерний
1. Дворянское землевладение	*	0,4	1,5(—)**	*
2. Буржуазное землевладение	*	7,5(—)	*	*
3. Крестьянское землевладение и землепользование	2,5	7,9	13,3(—)	0,3(—)
4. Развитие капитализма в частновладельческом хозяйстве	0,5	4,4	12,0	2,0
5. Работа крестьян по найму в сельском хозяйстве	0,8	1,2(—)	2,9(—)	28,7(—)
6. Пролетаризация деревни	2,9(—)	*	18,4	1,7
7. Обуржуазивание крестьян	45,9	60,5	9,6	9,3
8. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств	0,4	0,6	0,5(—)	5,9(—)
9. Интенсификация сельскохозяйственного производства	5,1(—)	*	*	28,3(—)
Общий вес факторов	58,1	82,5	58,2	76,2

* Вклад данных факторов оказался статистически незначимым.

** Знак (—) означает, что для данного фактора коэффициент регрессии имеет отрицательное значение, т. е. рост фактора приводит к падению результирующего признака (ИФ-1 или ИФ-2)

При анализе была использована линейная модель множественной регрессии. Как показали статистические критерии, применение ее в данном случае вполне допустимо. Существенно, что факторы-причины не имели тесной взаимосвязи друг с другом. Из 36 коэффициентов корреляции лишь три превышали 0,50¹⁴.

Рассмотрим вначале данные о вкладе каждого фактора в объяснение вариаций результирующего признака. Эти данные получены при использовании пошагового метода построения уравнения регрессии. Результаты регрессионного анализа, проведенного по данным 50 губерний Европейской России и по 29 губерниям, представляющим крестьянско-помещичий тип буржуазной аграрной эволюции, оказались весьма показательными (см. табл. 7). Прежде всего надо отметить тот факт, что 9 указанных факторов более чем на 50 % (см. общий вес факторов в табл. 4) определяли вариацию значений результирующих признаков. Значит, при отборе этих факторов удалось выделить те из них, которые оказывали определяющее воздействие на результаты аграрного развития. Что касается степени воздействия рассматри-

ваемых факторов на общие экономические результаты функционирования аграрного строя, то и по Европейской России в целом, и по местностям с преобладанием американского типа буржуазной аграрной эволюции ведущую роль, особенно во втором случае, играло обуржуазивание крестьянства. Следовательно, прежде всего от масштабов и глубины буржуазно-капиталистического развития крестьянского хозяйства зависели общий уровень и производительность сельскохозяйственного производства и положения крестьян. Напомним в этой связи, что этот уровень был самым высоким в Степном регионе (см. табл. 4), т. е. в районе с господством американского пути буржуазного аграрного развития. Роль других факторов, в том числе и системы земельных отношений как таковых, была несущественной. Здесь лишь надо отметить хотя и не очень сильное, но положительное воздействие на уровень экономического развития характера землеустройства и землепользования крестьян.

Более сложный характер имело воздействие рассматриваемых факторов на результаты социально-демографического и культурного развития деревни. По 50 губерниям определяющее воздействие принадлежало пролетаризации деревни (18,4 %), землеустройству и землепользованию крестьян (13,3 %), развитию капитализма в частновладельческом хозяйстве (12,0 %) и обуржуазиванию крестьян (9,6 %). Иначе говоря, уровень социального развития деревни прежде всего зависел от развития аграрного капитализма во всех его проявлениях, т. е. от буржуазного прогресса и помещичьего и крестьянского хозяйств, а также от пролетаризации деревни. Особенно существен последний момент. Он конкретно раскрывает то в целом известное положение, что развитие капитализма было социально прогрессивно не только по отношению к формирующейся сельской буржуазии, но и к пролетаризирующимся слоям крестьянства. Это подтверждается и тем, что уровень социального развития деревни был выше там, где обеспеченность крестьян землей была ниже, о чем свидетельствует отрицательное значение коэффициента, отражающего воздействие этого фактора.

Таково было положение по Европейской России в целом. Оно подтверждается и данными регрессии по 29 губерниям, относящимся к местностям с преобладанием американского типа буржуазной аграрной эволюции. Здесь определяющее воздействие на уровень социального развития деревни оказывали распространение работы крестьян по найму в сельском хозяйстве (28,7 %), интенсификация сельскохозяйственного производства (28,3 %). Значит, в этих регионах уровень социального развития деревни был выше там, где более интенсивно шло обуржуазивание крестьян. Это были губернии с наиболее низким уровнем интенсификации сельского хозяйства, т. е. губернии Степного Юга и Юго-Востока. С другой стороны, уровень социального развития деревни был выше там, где крестьяне меньше работали по найму в сельском хозяйстве. Это были губернии Нечерноземно-Промыш-

ленного региона с широким распространением работы крестьян по найму в сфере промышленного производства.

В общем и применительно к регионам с господством американского типа буржуазного аграрного развития определяющее воздействие на социальный прогресс деревни оказывала степень этого развития¹⁵. Таково было положение с воздействием факторов, характеризующих основные черты аграрных отношений, на общественные результаты буржуазной аграрной эволюции.

* * *

Многомерный регрессионный анализ, кроме показа вклада факторов причин в результаты аграрного развития на рубеже XIX—XX вв., позволяет также выявить возможную величину изменения результативных признаков в зависимости от изменения факторов-причин при последующем ходе этого развития. Конкретными показателями такого воздействия являются коэффициенты натуральных уравнений регрессии, построенных по данным 50 губерний Европейской России.

Выявленная картина (см. табл. 8) чрезвычайно ярко и убедительно показывает, что возможное дальнейшее повышение уровня экономического и социального аграрного развития могло быть достигнуто прежде всего в результате буржуазного прогресса деревни, развития капитализма в крестьянском хозяйстве.

В экономическом аспекте, т. е. в плане повышения уровня развития сельскохозяйственного производства и положения крестьян, наибольшие результаты могло дать дальнейшее углубление процесса обуржуазивания крестьянства (коэффициент регрессии равен 0,379), а также расширение применения наемного труда (0,166), крестьянского хозяйства и землепользования (0,159) и увеличение доли крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве (0,112). Сравнительно с этими факторами влияние на экономический прогресс развития капитализма в частновладельческом хозяйстве (0,120) могло быть незначительным.

Характерно, что экономический аграрный процесс мог успешно протекать и на экстенсивной основе. При существовавшей структуре аграрного строя интенсификация сельскохозяйственного производства могла отрицательно сказаться на его уровне (—0,320). Этим обуславливалось и то, что дальнейшая пролетаризация крестьянства, важнейшим выражением которой был уход крестьян для работ по найму в промышленности, также отрицательно сказывалась бы на развитии сельского хозяйства. Таким образом, экстенсивное развитие сельского хозяйства вступало в противоречие с прогрессом капитализма в промышленности.

Что касается социального прогресса деревни, выражающегося, как было показано, в росте подвижности сельского населения, его урбанизации и грамотности, то его возможные успехи также были связаны прежде всего с развитием капитализма в деревне. При этом наибольшее значение могла иметь пролетари-

Воздействие различных факторов на динамику уровней аграрного развития губерний Европейской России в начале XX в. (коэффициенты натуральных уравнений регрессии)^{1*}

Фактор	Результирующие признаки	
	Уровень экономического развития	Уровень социального развития
1. Дворянское землевладение	*	—0,123
2. Буржуазное землевладение	*	*
3. Крестьянское землевладение и землепользование	0,159	—0,336
4. Развитие капитализма в частновладельческом хозяйстве	0,120	0,305
5. Работа крестьян по найму в сельском хозяйстве	0,166	—0,236
6. Пролетаризация деревни	—0,156	0,453
7. Обуржуазивание крестьянства	0,379	0,410
8. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств	0,112	—0,070
9. Интенсификация сельскохозяйственного производства	—0,320	*

^{1*} Коэффициенты натуральных уравнений регрессии показывают, насколько в среднем изменится значение результирующего признака при изменении фактора — единицы на 1,0.

* — вклад данных факторов оказался статистически незначимым.

зация деревни (рост слоя беднейшего крестьянства и общее распространение работы крестьян по найму в сельском хозяйстве и промышленности). Возможное влияние этого фактора равнялось 0,453. Далее шло обуржуазивание деревни (0,410). На социальный прогресс значительно большее воздействие, чем на экономический, могло оказать развитие капитализма в частновладельческом хозяйстве (0,305). Весьма существенно в этой связи то, что дальнейшее расширение крестьянского землевладения и землепользования и распространение работы крестьян по найму в сельском хозяйстве отрицательно бы сказывались на прогрессе социальном (коэффициенты соответственно равны —0,336 и —0,236), ибо и одно и другое вело к ограничению миграции крестьян, их урбанизации и роста грамотности. Иначе говоря, социальный прогресс в деревне стимулировался общей ее втянутостью в буржуазный прогресс.

Все указанные факторы влияли на достигнутый уровень аграрного развития и его последующие возможные изменения в тесном взаимодействии. Но при всей сложности этого взаимодействия в целом очевидно определяющее воздействие на аграрный прогресс в его экономическом и социальном выражении прежде

всего развития капиталистического производства в крестьянском хозяйстве.

В общем очевидно, что буржуазный прогресс на основе крестьянского хозяйства не только был определяющим в достижении на рубеже XIX—XX вв. уровне экономического и социального развития, но и мог обеспечить его наиболее значительный рост в дальнейшем.

* * *

В целом многомерный типологический анализ социальной аграрной структуры губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв. позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, два пути буржуазной аграрной эволюции, а не только помещичье-прусский путь, как утверждают некоторые исследователи, были в Европейской России исторической реальностью.

Во-вторых, при безусловно прогрессирующем аграрном развитии и по прусскому и по американскому пути американский тип обеспечивал в целом значительно более высокий уровень экономического и социального аграрного прогресса страны. Однако господствующие классы и отстаивавшие их интересы самодержавные прилагали все усилия для победы помещичьего капитализма. Общее соотношение борющихся тенденций было таково, что преобладающее воздействие на ход буржуазной аграрной эволюции в России оказывала тенденция помещичья, несмотря на отсутствие необходимых для ее победы объективных предпосылок. Это и порождало те острейшие противоречия и антагонизмы, которые влияли на весь ход исторического развития страны и которые привели к тому, что в России в условиях капитализма не могли победить наиболее передовые формы буржуазных отношений.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 215—216.

² На долю помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права приходилось примерно 20 %, а к 1917 г. — менее 10 % всех посевов зерновых и еще меньшая доля продуктивного скота (см.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971).

³ См.: Анфилов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 217—218.

⁵ Другие регионы страны не взяты из-за отсутствия по ним конкретно-исторических данных, аналогичных с губерниями Европейской России.

⁶ Характеристику массовых источников по аграрной истории рассматриваемого периода см.: Массовые источники по социально-экономической истории России эпохи капитализма. М., 1981. Гл. 6—9.

⁷ Показатели рассчитаны по данным переписи населения 1897 г., земельным переписям 1877 и 1905 гг., военно-конским переписям 1900/1901 и 1912 гг., материалам высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии и заимствованы из работ: Анфилов А. М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. М., 1974. Соотношение крестьянских и помещичьих посевов вычислено по данным середины XIX в. и сельскохозяйственной переписи 1916 г. (см.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и

помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве капиталистической России).

⁸ Характеристику этих методов см.: *Бородкин Л. И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

⁹ В пределах указанных кластеров губернии расположены по степени их сходства друг с другом, т. е. наибольшее сходство имеет место между соответствующими по списку губерниями.

¹⁰ См.: *Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX — XX вв. // История СССР. 1979. № 1. С. 82 и след.

¹¹ Об использовании этого метода в исторических исследованиях см.: *Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И.* Вероятностная многомерная классификация в исторических исследованиях // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985; *Бородкин Л. И.* Указ. соч.

¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 218.

¹³ См.: *Бородкин Л. И.* Указ. соч.

¹⁴ Взаимосвязь между дворянским и буржуазным землевладением равнялась — 0,62, между дворянским землевладением и развитием капитализма в частновладельческом хозяйстве 0,53 и буржуазным землевладением и соотношением крестьянского и помещичьего хозяйств 0,58.

¹⁵ К сожалению, небольшое число губерний (всего 14), относящихся к помещичье-крестьянскому, прусскому типу буржуазной аграрной эволюции, не позволяет применить с достаточной степенью надежности регрессионный анализ для выявления степени воздействия различных факторов на результаты аграрного развития.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Показатели социальной аграрной структуры губерний
Европейской России на рубеже XIX—XX веков *

Губерния	1	2	3	4	5
1 Архангельская	0,003	0,017	0,000	0,100	0,983
2 Астраханская	0,057	0,674	0,946	0,400	0,326
3 Бессарабская	0,461	0,529	0,645	0,910	0,471
4 Виленская	0,971	0,810	0,552	0,862	0,190
5 Витебская	0,813	0,607	0,718	0,806	0,393
6 Владимирская	0,203	0,306	0,644	0,542	0,694
7 Вологодская	0,067	0,168	0,689	0,321	0,832
8 Вольнская	0,889	0,725	0,742	0,843	0,275
9 Воронежская	0,266	0,627	0,748	0,722	0,373
10 Вятская	0,042	0,396	0,948	0,665	0,604
11 Гродненская	0,901	0,840	0,536	1,390	0,160
12 Донская	0,102	0,434	0,336	0,511	0,566
13 Екатеринославская	0,468	0,422	0,714	0,498	0,578
14 Казанская	0,143	0,623	0,630	0,775	0,377
15 Калужская	0,302	0,385	0,532	0,556	0,615
16 Киевская	0,725	0,730	0,690	0,833	0,270
17 Ковенская	0,521	0,657	0,558	0,531	0,343
18 Костромская	0,456	0,316	0,737	0,487	0,684
19 Курляндская	1,009	0,922	0,924	1,027	0,078
20 Курская	0,350	0,617	0,440	0,737	0,383
21 Лифляндская	1,170	0,750	0,876	0,808	0,250
22 Минская	2,077	0,769	0,839	1,015	0,231
23 Могилевская	0,866	0,609	0,706	0,709	0,391
24 Московская	0,288	0,438	0,440	0,618	0,562
25 Новгородская	0,495	0,294	0,698	0,582	0,706
26 Нижегородская	0,341	0,378	0,738	0,575	0,622
27 Олонецкая	0,014	0,106	0,265	0,412	0,894
28 Оренбургская	0,052	0,274	0,706	0,558	0,726
29 Орловская	0,421	0,533	0,504	0,686	0,467
30 Пензенская	0,434	0,623	0,724	0,731	0,377
31 Пермская	0,806	0,759	0,999	1,004	0,241
32 Петербургская	0,948	0,515	0,811	0,689	0,485
33 Подольская	0,747	0,805	0,608	0,836	0,195
34 Полтавская	0,492	0,571	0,447	0,625	0,429
35 Псковская	0,435	0,299	0,605	0,522	0,701
36 Рязанская	0,362	0,468	0,429	0,648	0,532
37 Самарская	0,138	0,261	0,855	0,456	0,739
38 Саратовская	0,391	0,499	0,791	0,580	0,502
39 Симбирская	0,382	0,579	0,689	0,539	0,421
40 Смоленская	0,497	0,365	0,473	0,502	0,635
41 Таврическая	0,444	0,314	0,803	0,548	0,686
42 Тамбовская	0,391	0,518	0,630	0,699	0,482
43 Тверская	0,237	0,291	0,499	0,499	0,709
44 Тульская	0,591	0,641	0,359	0,777	0,359
45 Уфимская	0,221	0,437	0,849	0,747	0,563
46 Харьковская	0,303	0,503	0,618	0,601	0,497
47 Херсонская	0,542	0,392	0,692	0,487	0,608
48 Черниговская	0,339	0,432	0,426	0,584	0,568
49 Эстляндская	2,805	0,901	0,944	1,298	0,099
50 Ярославская	0,281	0,301	0,540	0,507	0,699
Среднее	0,525	0,509	0,646	0,667	0,491
Вариация, %	93,1	40,1	30,0	33,6	41,5

* Названия показателей приводятся в табл. 1 данной работы.

	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	1,000	0,334	10	0,20	1,1	0,185	0,950	0,053	1,3
2	0,149	0,334	20	1,95	4,7	0,011	0,132	0,295	6,1
3	0,584	0,287	137	7,05	1,3	0,176	0,202	0,127	1,7
4	0,190	0,319	53	1,45	1,1	0,144	0,120	0,025	1,3
5	0,436	0,463	46	2,24	1,4	0,226	0,168	0,047	1,8
6	0,661	0,293	56 ^a	2,41	1,6	0,153	0,231	0,111	2,0
7	0,904	0,424	14	0,52	2,9	0,198	0,494	0,021	3,5
8	0,280	0,256	155	4,29	1,0	0,120	0,098	0,063	1,2
9	0,360	0,293	105	6,33	1,6	0,100	0,235	0,196	2,0
10	0,658	0,111	28	3,12	2,6	0,013	0,117	0,022	2,7
11	0,229	0,119	58	3,85	1,4	0,151	0,141	0,031	1,6
12	0,615	0,372	87	6,05	4,4	0,097	0,412	0,087	5,2
13	0,577	0,313	141	4,30	1,4	0,412	0,371	0,244	2,3
14	0,380	0,258	69	2,32	1,6	0,044	0,191	0,052	1,8
15	0,588	0,275	74	1,97	1,4	0,236	0,301	0,109	1,9
16	0,282	0,318	122	6,79	0,8	0,151	0,153	0,092	0,9
17	0,259	0,370	72	1,28	1,4	0,125	0,158	0,065	1,7
18	0,707	0,356	19	1,21	1,7	0,422	0,292	0,092	2,6
19	0,082	0,334	75	1,51	1,7	0,006	0,005	0,128	1,9
20	0,373	0,296	141	6,42	1,1	0,153	0,269	0,209	1,5
21	0,256	0,334	65	1,53	1,1	0,000	0,000	0,255	1,4
22	0,284	0,467	32	1,73	1,3	0,249	0,092	0,062	1,7
23	0,402	0,309	53	2,21	1,2	0,422	0,296	0,105	1,8
24	0,533	0,310	163	3,61	0,8	0,125	0,190	0,215	0,9
25	0,847	0,394	20	0,89	2,3	0,588	0,350	0,109	3,9
26	0,783	0,316	47	3,16	1,3	0,215	0,239	0,102	1,7
27	1,181	0,081	13	0,13	11,5	0,023	0,169	0,002	11,8
28	1,150	0,595	22	1,97	7,7	0,064	0,333	0,035	8,5
29	0,461	0,276	108	4,79	1,1	0,191	0,243	0,178	1,5
30	0,370	0,306	83	4,39	1,3	0,087	0,126	0,169	1,5
31	0,251	0,324	30	1,36	2,9	0,014	0,013	0,047	3,0
32	0,485	0,446	64	1,51	0,7	0,325	0,176	0,149	1,0
33	0,189	0,469	62	10,13	0,7	0,126	0,135	0,043	1,1
34	0,399	0,404	143	8,60	0,9	0,245	0,284	0,340	1,4
35	0,808	0,425	41	2,78	1,4	0,512	0,352	0,163	2,3
36	0,540	0,270	99	4,26	1,1	0,215	0,277	0,196	1,6
37	0,791	0,264	45	3,16	2,6	0,176	0,333	0,413	4,1
38	0,457	0,421	78	3,46	1,6	0,253	0,322	0,275	2,4
39	0,351	0,346	71	3,05	1,2	0,163	0,248	0,226	1,6
40	0,693	0,486	55	3,08	1,4	0,498	0,366	0,274	2,5
41	0,698	0,339	110	5,24	1,7	0,563	0,398	0,273	3,2
42	0,507	0,293	109	6,89	1,1	0,138	0,183	0,196	1,5
43	0,767	0,295	44	2,82	1,6	0,430	0,528	0,224	2,7
44	0,370	0,250	115	3,15	1,1	0,183	0,199	0,196	1,5
45	0,750	0,401	29	3,12	1,0	0,196	0,387	0,067	3,8
46	0,482	0,443	127	7,92	1,2	0,192	0,318	0,083	1,5
47	0,572	0,338	142	7,02	1,2	0,391	0,283	0,576	1,4
48	0,635	0,338	93	4,46	1,1	0,299	0,381	0,155	1,7
49	0,132	0,334	70	1,50	1,1	0,001	0,000	1,162	2,3
50	0,739	0,281	39	1,47	1,5	0,987	1,057	0,141	3,1
Среднее вариа- ции, %	0,524	0,334	91,080	3,493	1,858	0,220	0,260	0,170	2,468
	48,4	27,4	144,4	65,6	97,2	84,0	72,4	105,5	77,5

	15	16	17	18	19	20	21	22
1	0,033	0,040	0,152	0,204	0,770	1,113	0,462	0,026
2	0,135	0,044	0,022	0,220	0,675	1,041	0,281	0,079
3	0,053	0,044	0,143	0,033	0,505	0,987	0,189	0,079
4	0,073	0,096	0,107	0,028	0,718	1,208	0,155	0,023
5	0,056	0,071	0,093	0,047	0,629	1,194	0,152	0,031
6	0,024	0,037	0,036	0,255	0,825	1,046	0,482	0,013
7	0,017	0,011	0,044	0,090	0,711	1,036	0,143	0,015
8	0,033	0,068	0,074	0,019	0,561	0,789	0,108	0,046
9	0,014	0,035	0,042	0,057	0,582	1,110	0,110	0,109
10	0,018	0,048	0,027	0,056	0,554	1,177	0,110	0,087
11	0,055	0,083	0,093	0,029	0,747	1,028	0,170	0,016
12	0,041	0,078	0,095	0,028	0,463	0,999	0,160	0,175
13	0,043	0,096	0,118	0,036	0,408	0,949	0,266	0,178
14	0,010	0,022	0,062	0,133	0,693	1,098	0,219	0,033
15	0,023	0,033	0,048	0,302	0,581	0,452	0,380	0,063
16	0,035	0,059	0,064	0,036	0,680	0,998	0,143	0,035
17	0,208	0,164	0,064	0,031	0,540	1,135	0,108	0,143
18	0,029	0,034	0,050	0,240	0,794	1,042	0,373	0,010
19	0,298	0,241	0,094	0,048	0,334	1,001	0,176	0,392
20	0,021	0,040	0,078	0,088	0,483	1,137	0,182	0,149
21	0,305	0,237	0,075	0,042	0,411	1,105	0,210	0,191
22	0,050	0,076	0,118	0,021	0,625	1,156	0,149	0,039
23	0,033	0,082	0,108	0,028	0,383	1,242	0,150	0,148
24	0,023	0,065	0,010	0,153	0,791	1,054	0,553	0,017
25	0,032	0,044	0,060	0,201	0,632	1,185	0,300	0,041
26	0,024	0,026	0,089	0,120	0,769	1,042	0,254	0,034
27	0,029	0,069	0,069	0,192	0,707	1,002	0,298	0,030
28	0,045	0,064	0,133	0,050	0,359	1,296	0,245	0,340
29	0,025	0,036	0,078	0,099	0,571	1,032	0,215	0,095
30	0,019	0,034	0,116	0,053	0,592	1,152	0,189	0,079
31	0,028	0,057	0,011	0,131	0,541	0,998	0,249	0,114
32	0,031	0,068	0,032	0,077	0,757	1,116	0,369	0,023
33	0,030	0,046	0,075	0,017	0,426	1,484	0,111	0,158
34	0,047	0,067	0,070	0,037	0,778	0,935	0,113	0,028
35	0,027	0,047	0,098	0,095	0,611	1,198	0,201	0,041
36	0,020	0,038	0,055	0,125	0,688	1,024	0,209	0,055
37	0,044	0,059	0,223	0,018	0,430	1,008	0,247	0,251
38	0,031	0,016	0,187	0,036	0,545	1,164	0,253	0,128
39	0,026	0,023	0,148	0,058	0,653	1,094	0,228	0,053
40	0,033	0,046	0,081	0,177	0,430	1,264	0,273	0,119
41	0,097	0,125	0,197	0,038	0,311	1,430	0,273	0,316
42	0,020	0,036	0,071	0,051	0,579	1,123	0,133	0,114
43	0,029	0,030	0,036	0,175	0,667	1,156	0,242	0,023
44	0,024	0,044	0,093	0,273	0,552	1,045	0,406	0,080
45	0,027	0,041	0,134	0,029	0,541	1,003	0,199	0,171
46	0,020	0,050	0,058	0,063	0,704	1,006	0,154	0,038
47	0,052	0,071	0,175	0,036	0,414	0,916	0,246	0,183
48	0,041	0,053	0,102	0,054	0,495	1,110	0,171	0,134
49	0,178	0,165	0,065	0,040	0,543	1,029	0,188	0,118
50	0,040	0,051	0,031	0,367	0,834	1,051	0,488	0,008
Среднее	0,053	0,064	0,086	0,097	0,592	1,079	0,234	0,098
Варianция, %	118,7	73,4	54,9	87,8	23,0	13,8	45,5	89,0

	23	24	25	26	27	28	29	30	31
1	0,128	0,171	0,011	352,6	65,000	6,5	0,667	2,338	55,6
2	0,387	0,958	0,985	17,7	26,000	4,9	0,190	1,849	25,3
3	0,287	0,599	0,634	2,5	5,500	4,4	0,181	0,505	44,3
4	0,084	0,726	0,589	1,1	2,700	3,1	0,201	0,848	35,7
5	0,100	0,355	0,453	1,5	7,500	3,2	0,289	0,930	36,5
6	0,071	0,655	0,716	5,6	9,600	22,1	0,220	0,568	40,2
7	0,056	0,775	0,300	17,8	86,000	27,9	0,317	1,208	46,1
8	0,421	1,120	0,385	1,2	3,500	2,9	0,322	0,787	58,6
9	0,353	0,580	0,702	4,1	9,600	11,8	0,174	0,538	38,8
10	0,256	0,545	0,730	23,9	100,000	65,4	0,135	0,466	42,7
11	0,067	0,972	0,435	1,2	3,100	2,9	0,184	0,957	38,0
12	0,548	0,994	0,923	10,7	11,400	3,4	0,189	0,795	33,0
13	0,488	1,090	0,901	3,0	3,900	5,9	0,171	0,510	40,9
14	0,127	0,598	0,739	7,3	19,600	18,1	0,193	0,332	39,2
15	0,193	0,702	0,655	4,0	9,600	8,9	0,342	0,638	37,7
16	0,191	0,394	0,592	1,5	2,600	2,4	0,246	0,552	57,9
17	0,393	0,636	0,509	2,1	2,800	2,0	0,285	0,751	44,1
18	0,046	0,610	0,699	3,1	60,000	13,7	0,245	0,624	42,7
19	0,698	0,999	0,927	0,9	4,100	1,6	0,305	1,012	57,7
20	0,408	0,731	0,343	3,2	5,300	9,1	0,218	0,367	43,5
21	0,428	0,670	0,000	0,8	3,800	1,5	0,285	1,221	62,6
22	0,140	0,493	0,691	0,6	5,800	2,4	0,250	1,033	37,7
23	0,077	0,530	0,645	1,6	5,600	5,3	0,410	0,846	39,6
24	0,098	0,486	0,775	3,9	9,800	2,5	0,547	0,755	44,8
25	0,119	0,359	0,645	3,2	17,500	13,2	0,373	0,985	43,1
26	0,158	0,604	0,582	3,5	21,300	12,0	0,193	0,404	40,9
27	0,116	0,763	0,960	71,7	100,000	29,5	0,421	1,422	57,6
28	0,736	0,713	0,990	20,3	31,000	7,3	0,290	0,753	34,2
29	0,308	0,954	0,501	2,8	5,200	5,7	0,223	0,371	41,7
30	0,256	0,580	0,664	2,5	3,900	7,7	0,178	0,385	42,7
31	0,339	0,907	0,804	1,2	100,000	40,4	0,161	0,863	51,1
32	0,103	0,372	0,787	1,3	8,800	1,5	0,597	0,727	46,3
33	0,195	0,084	0,643	1,5	2,800	3,0	0,244	0,439	43,8
34	0,166	1,205	0,447	2,5	3,700	3,0	0,149	0,553	48,9
35	0,128	0,412	0,545	3,4	5,100	4,7	0,350	1,030	41,5
36	0,227	0,954	0,538	3,3	6,100	6,0	0,193	0,454	45,1
37	0,604	0,887	0,957	8,5	10,300	9,0	0,257	0,452	30,6
38	0,382	0,685	0,885	3,1	8,600	8,3	0,182	0,564	39,3
39	0,195	0,678	0,691	3,0	8,400	8,4	0,171	0,346	41,2
40	0,279	0,519	0,583	3,0	8,400	7,2	0,416	0,934	48,1
41	0,692	0,784	0,916	3,5	18,100	2,6	0,147	0,354	35,9
42	0,391	0,690	0,671	2,9	3,700	8,8	0,189	0,419	50,9
43	0,089	0,461	0,525	6,0	13,800	13,7	0,387	0,921	48,0
44	0,250	1,052	0,481	2,0	3,700	4,0	0,207	0,373	46,0
45	0,520	0,689	0,817	5,4	26,000	17,3	0,334	0,649	42,6
46	0,161	0,888	0,655	3,9	5,400	5,1	0,160	0,536	40,0
47	0,515	0,787	0,941	2,5	3,700	2,3	0,167	0,343	35,7
48	0,380	0,623	0,303	3,8	8,900	10,7	0,298	0,534	34,3
49	0,318	0,621	0,000	0,3	1,900	1,6	0,307	1,146	61,6
50	0,044	0,640	0,467	7,0	27,800	8,5	0,278	0,810	55,2

Среднее	0,274	0,686	0,631	12,8	18,338	42,7	0,269	0,744	43,7
Вариация, %	67,0	34,3	37,8	385,7	143,4	293,5	42,5	51,9	18,5

Показатели, характеризующие результаты аграрного развития
губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков *

Губерния	1	2	3	4	5	6
1. Архангельская	9,15	11,48	1,061	0,405	0,508	3,508
2. Астраханская	8,37	11,36	1,269	0,620	0,841	9,717
3. Бессарабская	37,80	50,00	1,975	0,425	0,562	2,797
4. Виленская	25,47	34,84	1,338	0,500	0,684	4,211
5. Витебская	22,05	29,90	1,223	0,482	0,653	3,216
6. Владимирская	22,41	38,44	1,338	0,286	0,490	2,579
7. Вологодская	20,46	22,77	1,189	0,523	0,582	3,817
8. Вольнская	26,96	35,98	1,359	0,427	0,570	2,446
9. Воронежская	34,41	40,41	1,568	0,449	0,527	3,089
10. Вятская	41,83	46,98	1,053	0,447	0,502	2,521
11. Гродненская	24,38	35,50	1,323	0,495	0,721	5,192
12. Донская	45,87	60,84	1,899	1,079	1,432	4,207
13. Екатеринославская	47,60	64,33	1,868	0,573	0,774	2,976
14. Казанская	31,58	36,70	1,339	0,264	0,306	1,719
15. Калужская	23,55	30,69	1,090	0,352	0,459	1,864
16. Киевская	27,93	39,83	1,503	0,252	0,359	2,246
17. Ковенская	26,15	38,22	1,579	0,401	0,586	2,633
18. Костромская	27,89	35,07	1,078	0,374	0,471	2,546
19. Курляндская	38,71	66,66	1,226	0,591	1,018	3,320
20. Курская	37,69	45,56	1,382	0,292	0,353	1,683
21. Лифляндская	33,99	62,12	0,959	0,570	1,042	4,280
22. Минская	26,15	34,96	1,501	0,560	0,749	4,136
23. Могилевская	25,64	32,30	1,391	0,433	0,546	2,065
24. Московская	10,09	36,21	1,079	0,142	0,511	1,379
25. Новгородская	21,08	26,93	1,057	0,446	0,569	2,637
26. Нижегородская	26,07	37,44	1,250	0,240	0,345	2,092
27. Олонечкая	19,63	23,39	0,964	0,500	0,596	3,375
28. Оренбургская	29,55	38,20	1,459	0,640	0,828	2,594
29. Орловская	34,05	42,85	1,268	0,267	0,335	1,663
30. Пензенская	38,78	45,29	1,500	0,327	0,382	2,158
31. Пермская	31,42	44,56	1,323	0,520	0,738	5,374
32. Петербургская	7,79	30,84	1,053	0,102	0,404	1,217
33. Подольская	32,57	43,26	1,422	0,235	0,313	1,794
34. Полтавская	42,47	42,67	1,603	0,449	0,451	3,707
35. Псковская	21,47	26,99	1,223	0,482	0,606	2,943
36. Рязанская	34,58	42,30	1,238	0,311	0,380	2,354
37. Самарская	34,01	39,60	1,902	0,489	0,569	1,757
38. Саратовская	37,66	48,69	1,346	0,525	0,679	3,105
39. Симбирская	36,21	43,07	2,277	0,293	0,349	2,019
40. Смоленская	28,99	34,77	1,135	0,506	0,607	2,245
41. Таврическая	54,40	80,43	1,627	0,554	0,819	2,408
42. Тамбовская	42,78	50,91	1,324	0,339	0,403	2,219
43. Тверская	23,73	29,36	0,949	0,419	0,519	2,379
44. Тульская	43,11	55,08	1,229	0,303	0,388	1,803
45. Уфимская	29,50	33,91	1,671	0,442	0,508	1,944
46. Харьковская	30,91	39,36	1,754	0,412	0,525	3,348
47. Херсонская	42,08	64,22	1,698	0,397	0,606	2,049
48. Черниговская	25,61	32,48	1,344	0,337	0,427	1,790
49. Ярославская	40,15	67,14	1,215	0,524	0,877	3,731
50. Ярославская	28,70	39,47	0,927	0,365	0,502	2,916
Среднее	30,26	40,88	1,367	0,427	0,579	2,895
Вариац. %	33,0	33,0	21,2	35,4	36,6	46,2

* Названия показателей приводятся в табл. 2 данной работы.

	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	10,12	3,94	24	59	3,9	0,653	0,088	0,042	0,203
2	16,19	10,35	12	47	1,0	0,950	0,035	0,126	0,120
3	44,29	4,79	14	44	3,1	0,603	0,035	0,025	0,125
4	24,82	5,02	10	30	2,6	0,471	0,087	0,042	0,256
5	24,88	4,71	8	38	2,9	0,598	0,100	0,040	0,210
6	22,49	3,02	28	58	2,7	0,912	0,123	0,078	0,240
7	21,20	5,29	5	39	2,1	0,544	0,054	0,020	0,174
8	27,95	4,23	7	36	1,8	0,644	0,040	0,024	0,151
9	32,72	4,34	9	51	3,0	1,079	0,076	0,041	0,142
10	42,62	4,52	11	34	2,1	0,711	0,072	0,015	0,148
11	25,49	5,16	8	32	2,5	0,481	0,064	0,043	0,255
12	48,08	9,51	16	80	3,6	1,333	0,028	0,074	0,195
13	43,30	5,62	27	78	3,9	1,147	0,058	0,052	0,188
14	31,88	2,64	7	34	1,1	0,551	0,068	0,047	0,150
15	23,62	3,47	17	53	0,7	0,833	0,202	0,029	0,164
16	26,01	2,28	11	40	2,2	0,753	0,072	0,046	0,140
17	27,09	3,75	11	37	3,9	0,566	0,096	0,039	0,414
18	29,97	3,81	28	49	1,8	0,780	0,092	0,028	0,220
19	38,22	4,46	14	50	4,4	0,714	0,257	0,142	0,715
20	33,92	2,81	9	52	1,5	1,050	0,107	0,058	0,140
21	31,88	4,04	19	43	3,8	0,575	0,143	0,191	0,793
22	31,10	5,51	8	39	2,4	0,646	0,061	0,024	0,146
23	26,54	4,55	7	40	2,3	0,711	0,082	0,024	0,142
24	11,75	1,30	35	61	1,4	0,961	0,116	0,376	0,267
25	21,76	4,52	11	42	1,7	0,540	0,096	0,027	0,210
26	26,77	2,38	15	43	2,4	0,784	0,068	0,049	0,192
27	21,16	5,26	14	46	1,8	0,544	0,078	0,021	0,194
28	32,90	6,47	10	51	1,3	1,281	0,023	0,032	0,187
29	31,67	2,51	11	40	1,6	0,753	0,120	0,060	0,139
30	32,78	3,07	9	41	2,4	0,917	0,104	0,062	0,124
31	32,70	5,33	14	43	1,6	0,885	0,025	0,032	0,173
32	10,19	0,89	44	51	2,0	0,612	0,137	0,581	0,393
33	29,71	2,20	9	31	1,8	0,543	0,062	0,016	0,141
34	31,02	3,11	10	47	3,0	0,974	0,082	0,039	0,103
35	21,40	4,73	7	40	1,7	0,533	0,081	0,030	0,121
36	31,88	2,38	12	54	1,4	1,000	0,162	0,061	0,179
37	34,14	4,74	8	47	3,9	0,884	0,052	0,024	0,209
38	37,70	5,23	11	52	2,8	0,903	0,064	0,064	0,210
39	34,35	2,78	8	39	2,0	0,608	0,093	0,037	0,136
40	28,46	4,89	18	44	0,9	0,660	0,112	0,032	0,143
41	67,24	5,15	29	69	3,8	0,948	0,076	0,075	0,237
42	36,02	3,24	8	46	1,3	0,961	0,075	0,049	0,140
43	23,84	4,21	14	48	1,6	0,762	0,172	0,042	0,218
44	37,90	2,70	17	55	0,6	1,048	0,179	0,057	0,171
45	29,97	4,40	7	40	1,2	0,842	0,040	0,026	0,157
46	28,67	3,79	10	52	3,8	1,050	0,069	0,095	0,128
47	49,13	4,09	20	64	4,6	0,981	0,057	0,106	0,186
48	26,80	3,58	8	40	4,5	0,744	0,073	0,035	0,162
49	29,40	3,61	17	47	2,2	0,679	0,127	0,123	0,796
50	31,46	3,70	36	55	2,3	0,946	0,188	0,075	0,333
Среднее	30,30	4,10	14	47	2,3	0,793	0,091	0,070	0,222
Вариация, %	32,4	39,6	58,8	22,6	44,0	23,2	52,4	133,2	68,5

**Факторные веса губерний * для девяти факторов,
характеризующих социальную аграрную структуру**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	-2,25	3,61	-0,80	-0,71	0,54	2,02	-2,68	3,31	5,39
2	-0,26	-0,39	2,53	-0,32	-2,09	0,77	1,20	-0,02	0,22
3	0,52	-1,29	-0,37	0,26	1,38	-0,37	-0,21	-0,69	-0,84
4	1,58	-0,94	-0,45	1,03	0,49	-0,26	-1,14	-0,85	-0,68
5	1,00	0,13	-0,31	0,37	0,37	-0,65	-1,49	-0,71	-0,02
6	-1,26	1,19	-0,12	-1,60	-1,48	2,60	-1,17	0,43	-0,76
7	-2,24	2,95	0,80	-1,23	-0,12	0,17	-1,66	2,84	1,12
8	1,54	-2,18	-0,48	0,16	0,41	0,04	0,42	-0,84	1,21
9	0,29	-1,55	-0,13	-0,79	-0,05	-0,84	0,29	-0,16	-1,14
10	-0,39	1,05	0,81	-0,64	-0,35	-1,18	-0,19	5,37	-0,97
11	2,83	-1,51	-0,22	0,62	0,43	0,22	-1,12	-0,84	-0,48
12	-1,62	-0,20	2,05	0,41	0,57	-0,77	2,34	-0,54	0,99
13	-0,63	-0,56	-0,61	0,74	0,76	-0,27	2,27	-0,64	-1,08
14	0,07	-0,39	-0,01	-1,27	-0,15	0,33	-0,89	0,48	-1,34
15	-1,09	0,70	-0,40	-1,82	-1,58	2,71	-0,44	-0,32	-0,11
16	1,25	-2,25	-0,75	-0,07	0,18	0,15	-1,19	-0,89	0,38
17	-0,12	-0,55	-0,23	3,07	-1,25	-1,13	0,45	-0,90	0,12
18	-0,92	1,92	-0,28	-1,46	-1,18	1,84	-1,36	1,26	-0,39
19	2,95	-1,71	0,15	5,05	-1,79	-1,29	4,33	-0,90	1,42
20	-0,12	-1,91	-0,58	-0,64	0,24	-0,98	0,42	-0,43	-0,90
21	2,06	-0,78	-0,39	5,00	-2,06	-1,06	0,16	-0,91	1,92
22	3,57	-0,38	-0,37	0,62	0,92	-0,56	-1,04	-0,81	-0,01
23	0,81	-0,09	-0,72	0,46	0,78	-1,95	-0,53	-0,64	0,70
24	-0,97	-0,82	-0,77	-0,87	-1,36	2,82	-1,21	-0,67	1,62
25	-0,78	2,35	0,17	-1,08	-0,84	0,24	-1,37	0,12	0,91
26	-0,67	1,24	-0,38	-0,88	0,25	1,05	-1,02	0,16	-1,13
27	-2,96	3,64	7,24	-0,67	-0,78	1,14	-0,37	3,66	2,70
28	-1,37	3,93	4,50	0,35	1,04	-1,69	3,77	0,26	-0,42
29	-0,29	-0,85	-0,60	-0,70	0,16	-0,05	0,30	-0,62	-0,96
30	0,45	-0,92	-0,30	-0,40	1,07	-0,48	-0,30	-0,55	-1,13
31	2,35	-0,40	1,07	-0,84	-1,19	0,10	0,92	3,81	0,00
32	0,78	0,41	-1,04	-0,31	-0,59	1,43	-1,31	-0,78	1,94
33	1,35	-2,52	-0,73	-0,16	0,56	-2,71	-0,74	-0,85	-0,62
34	-0,35	-2,09	-0,94	0,19	0,16	0,63	-0,34	-0,81	-0,68
35	-1,13	1,69	-0,63	-0,42	0,42	-0,46	-1,41	-0,68	0,76
36	-0,75	-0,31	-0,62	-0,94	-0,34	0,48	-0,19	-0,58	-0,81
37	-1,30	1,57	0,66	0,81	2,65	-0,46	2,94	-0,27	-1,29
38	-0,19	-0,13	-0,30	-0,15	2,28	-0,37	0,95	-0,38	-1,03
39	-0,25	-0,46	-0,53	-0,37	1,55	0,20	-0,49	-0,39	-1,32
40	-1,15	1,09	-0,69	-0,83	-0,40	-1,10	-0,16	-0,45	1,36
41	-0,68	0,17	-0,43	2,01	1,49	-2,17	3,46	-0,46	-1,75
42	-0,12	-1,08	-0,52	-0,56	0,40	-0,77	0,57	-0,49	-0,55
43	-1,61	1,53	-0,47	-1,28	-0,94	0,16	-1,60	0,07	1,17
44	0,17	-1,12	-0,59	-1,33	-0,78	0,90	0,12	-0,76	-0,81
45	-0,05	1,27	0,94	-0,04	1,41	-0,20	1,61	0,59	0,14
46	-0,51	-1,42	-0,50	-0,49	0,04	0,30	-0,45	-0,65	-1,15
47	-0,70	-0,98	-0,90	0,75	1,70	-0,26	2,01	-0,85	-1,66
48	-1,03	0,05	-0,67	0,00	0,63	-0,90	0,01	-0,24	-0,72
49	5,60	-1,49	-0,88	2,75	-1,14	-0,33	-0,78	-0,96	1,86
50	-1,44	1,73	-1,20	-1,78	-2,43	2,65	-1,69	0,15	0,81

* Названия факторов приводятся в табл. 1 и 2 данной работы.

Факторные веса губерний

	для пяти факторов, характеризующих результаты аграрного развития					для двух интегральных факторов и их суммы		
	1	2	3	4	5	ИФ1	ИФ2	ИФ1+ИФ2
1	-3,15	-0,06	-1,76	0,75	-0,27	-1,65	-0,06	-1,71
2	-2,88	4,05	1,89	0,12	-0,77	1,55	-1,45	0,10
3	1,84	-0,09	1,01	-0,60	-1,32	1,19	-0,76	0,43
4	-0,62	1,08	0,30	-2,05	-0,06	-0,22	-1,15	-1,37
5	-1,24	0,55	0,33	-1,04	-0,11	-0,29	-0,89	-1,18
6	-0,66	-0,93	-1,72	1,17	0,49	-1,19	1,06	-0,13
7	-1,72	0,74	0,59	-1,39	-0,93	-0,16	-1,62	-1,71
8	-0,44	-0,19	0,39	-1,33	-1,16	-0,09	-1,62	-1,78
9	0,56	0,02	0,55	1,33	-0,67	0,95	0,25	1,20
10	0,52	-0,28	0,97	-1,20	-0,84	0,45	-1,09	-0,64
11	-0,69	1,53	0,55	-1,88	-0,34	0,13	-1,29	-1,16
12	2,72	5,52	5,98	4,15	-0,84	5,36	1,34	6,70
13	2,94	1,17	0,45	3,54	-0,64	2,56	1,84	4,40
14	-0,15	-1,86	-0,10	-1,98	-0,69	-1,04	-1,25	-2,29
15	-1,32	-1,02	-0,79	0,04	0,85	-1,30	0,33	-0,97
16	0,02	-1,56	-0,79	-0,64	-0,70	-0,91	-0,43	-1,34
17	-0,05	-0,18	-0,11	-0,90	0,67	-0,50	-0,06	-0,56
18	-0,86	-0,64	-1,02	-0,10	-0,23	-0,97	-0,09	-1,06
19	1,48	2,06	0,58	0,51	4,39	0,60	2,58	3,18
20	0,71	-1,63	0,01	0,90	-0,22	0,60	0,43	1,03
21	0,46	2,40	-0,25	-0,44	3,63	-0,13	1,78	1,65
22	-0,32	1,48	0,98	-0,99	-0,93	0,81	-1,21	-0,40
23	-0,64	-0,37	0,39	-0,74	-0,70	-0,15	-0,93	-1,08
24	-1,94	-1,89	-3,39	1,16	2,19	-3,12	2,02	-1,10
25	-1,70	-0,04	-0,12	-1,27	-0,24	-0,88	-1,05	-1,93
26	-0,60	-1,70	-0,91	-0,28	-0,52	-1,15	-0,29	-1,44
27	-2,09	0,53	0,01	-0,99	-0,54	-0,62	-1,19	-1,81
28	-0,02	1,45	1,36	1,48	-1,17	1,79	-0,26	1,53
29	0,18	-1,79	-0,38	-0,81	-0,06	-0,89	-0,27	-1,16
30	0,95	-1,23	0,01	0,01	-0,29	-0,02	0,07	0,05
31	0,17	1,75	0,61	-0,19	-1,19	1,12	-0,77	0,35
32	-2,37	-2,41	-4,18	-0,40	4,12	-4,64	2,37	-2,27
33	0,34	-1,93	-0,48	-1,97	-0,98	-1,05	-1,17	-2,22
34	1,23	0,03	-0,11	0,76	-0,77	0,69	0,28	0,97
35	-1,41	0,32	0,21	-1,46	-0,76	-0,44	-1,40	-1,84
36	0,14	-1,22	-0,46	0,80	0,62	-0,50	0,80	0,30
37	1,01	-0,20	0,83	0,73	-0,77	1,04	-0,04	1,00
38	0,79	0,76	1,06	0,81	-0,40	1,33	0,07	1,40
39	1,89	-1,51	0,03	-1,22	-0,52	-0,08	-0,39	-0,47
40	-0,72	0,16	0,01	-1,04	-0,29	-0,38	-0,77	-1,15
41	3,72	1,01	1,43	2,28	-0,04	2,81	1,49	4,30
42	1,18	-1,10	0,31	0,16	-0,65	0,36	-0,07	0,29
43	-1,59	-0,39	-0,27	-0,25	0,79	-0,98	-0,03	-1,01
44	1,24	-1,44	-0,35	0,80	0,76	-0,20	1,09	0,89
45	0,11	-0,49	0,57	-0,64	-1,12	0,25	-0,97	-0,72
46	0,57	-0,04	0,05	1,54	-0,50	0,70	0,56	1,26
47	2,92	-0,35	0,64	2,28	-0,35	1,61	1,21	2,82
48	-0,71	-1,20	-0,02	-0,02	-0,66	-0,46	-0,51	-0,97
49	1,58	1,55	-0,43	-0,38	3,07	-0,01	1,83	1,82
50	0,85	-0,46	-1,46	0,96	1,63	-1,26	1,41	0,15

КВАНТИФИКАЦИЯ В ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, 1850—1910: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Начало применения количественных методов в изучении аграрной истории в университете Северной Каролины относится к периоду 1958—1962 гг. Объектом исследования стали основные региональные виды хозяйств: 1) плантации и мелкие фермы Юга; 2) смешанные зерновые и мясо-молочные фермы Северо-Востока и Среднезападных штатов; 3) специализированные скотоводческие ранчо и фермы Великих равнин; 4) специализированные хозяйства по производству молока и кормовых культур в зонах экономического влияния городских центров Северо-Востока и побережья Атлантики. Десятилетия 1840—1860 и 1900—1910 гг. были выбраны с целью исследовать эволюцию описанных выше региональных видов специализированных хозяйств в переломные моменты экономической истории. Вначале мы коснемся хлопкопроизводящих регионов как в период расцвета рабства, так и после Гражданской войны, когда получили распространение фермы и плантации с использованием труда свободных наемных рабочих и арендаторов. Для хозяйств же, производящих зерновые и мясные продукты, выбранные нами временные рамки позволяют проследить процессы экономической экспансии от восточных пределов Великих равнин к Скалистым горам на Западе, а также формирование комплексной рыночной системы перевозок домашнего скота как из районов откорма, так и с более старых традиционных ферм, ведущих комбинированное зерновое и животноводческое хозяйство, к центральному забойным и переработочным пунктам. Исследование молочного производства было задумано таким образом, чтобы проследить этапы складывания рынка, развитие которого ускорялось внедрением железнодорожных перевозок в урбанизированные районы потребления молочных продуктов и индустриализирующиеся территории североатлантической части побережья США и Среднего Запада.

Для поиска статистических данных нами были использованы три основные категории источников, выявленные «отцами-основателями» американской аграрной истории — Малином, Шенноном, Филлипсом, Греем, Гейтсом, Уэббом и Бидуэллом, Фалкнером: 1) рукописные анкетные материалы федеральных ценов за 1850—1880 гг.; 2) опубликованные сводные данные этих же ценов, а также более ранняя статистика и отчеты сельскохозяйственному отделу Патентного бюро США, с 1863 г. — министру сельского хозяйства США; 3) информация ряда письменных источников, таких, как записки плантаторов, отчеты путешественников и дневники фермеров, опубликованные протоколы заседаний сельскохозяйственных обществ, доклады комитетов по

делам сельского хозяйства штатов и особенно коллекции сельскохозяйственных периодических изданий, выходивших в большинстве крупных городов и распространявшихся, по самым осторожным оценкам, в 80-е годы XIX в. тиражами в несколько сотен тысяч экземпляров. Среди описания новинок сельскохозяйственной техники, многочисленных писем от читателей, моралистических поучений, поэм о сельской жизни, занимательных рассказов о природных или созданных человеком чудесах — словом, среди всей массы обучающей и развлекающей информации время от времени попадаются крупницы статистических данных: посевные площади в акрах, использование рабочего времени, урожайность, вес животных и их рационы, эффективность различных методов и нововведений.

Созданная (Паркер—Гэллман) в университете штата Северная Каролина на базе неопубликованных результатов ценса 1860 года статистическая выборка была значительно расширена и дополнена более поздними работами Суона, Фоуста, Фогеля и Энгермана, Райта, Сатча, Рэнсома и других, а для северных регионов страны данная выборка сравнительно недавно сделана Бейтманом и Этаком. Таким образом, в настоящее время существует значительный массив данных, который можно использовать для изучения и сравнительного анализа сельского хозяйства Севера и Юга США в 1860 г.

Эти источники были использованы для оценки изменений производительности труда в различных операциях зернового производства, по выращиванию скота, формированию фермерского капитала в основных производящих регионах. Потребовалось просмотреть большое число сельскохозяйственных изданий и государственных публикаций для извлечения одномоментных и сопоставимых комплексов статистических наблюдений о размерах и колебаниях затрат труда (в человеко-часах) по каждой отдельной операции, нахождения ведущих тенденций в этих изменениях по различным регионам в интересующие нас периоды. Собирались также наблюдения об урожайности сельскохозяйственных культур, а для скотоводства — о среднем весе животных, Удоях молока и сортности мяса после забоя. Анализ подобных показателей позволяет оценить и измерить влияние на рост производительности труда трех факторов: 1) колебания сельскохозяйственного производства по регионам с различными природными условиями; 2) изменения техники обработки земли и выращивания скота; 3) изменения в биохимической технологии и в уровне знаний относительно плодородия земли, генетических особенностей семян различных сортов растений и пород скота, борьбы с сельскохозяйственными вредителями и т. п. Статистика об урожайности и продуктивности по графствам и штатам была получена главным образом из опубликованных материалов цензов и источников министерства сельского хозяйства США.

Программой исследований предусматривалось изучение следующих элементов аграрной эволюции:

1) капитал, вложенный в хозяйство фермы: очистка земли, ее огораживание и благоустройство;

2) молочные продукты: цельное молоко, сливки, масло, сыр, пахта;

3) сельскохозяйственные культуры: хлопок, кукуруза, пшеница, овес, кормовые травы;

4) энергия: число и способ использования тягловых животных (лошадей, мулов, быков) как на фермах, так и в городах;

5) мясные продукты — свинина и говядина — применительно к изменениям вкусов и соответственно стоимости. Для некоторых видов показателей, таких, как поголовье овец и число домашней птицы, производство шерсти, табака, картофеля и других, менее важных культур, учитывались лишь затраты труда.

Первые из всей этой большой программы научных работ исследовательской группы университета штата Северная Каролина касались проблем накопления капитала в производстве молочных продуктов (в пересчете на цельное молоко) и зерна. Значительно позже было опубликовано небольшое, ограниченное по целям исследование о производстве хлопка. Богатые статистические данные были собраны по животноводству, но работа натолкнулась на два, по-видимому, непреодолимых препятствия: 1) проблеме учета доли подвояжного корма в рационе питания домашних животных в более ранний период (так называемая «проблема травы и желудей»); 2) сложность системы сбора и откорма скота на Среднем Западе в более поздний период.

Не увенчалось публикацией и итоговое исследование, ставившее своей целью воссоздать структуру затрат времени на различные виды сельскохозяйственных работ в различные исторические периоды и тем самым проследить влияние каждого из трех возможных источников изменения производительности труда. В условиях постоянного роста урожайности с акра и продуктивности домашнего скота увеличение занятости в аграрной сфере с 3,8 млн человек в 1850 г. до почти 5,1 к 1990 г., что составляло свыше 150 % к уровню середины прошлого века, сопровождалось четырех-девятикратным ростом объема производства сельскохозяйственной продукции.

Данная статья представляет собой ретроспективный обзор наиболее важных научных достижений, полученных в ходе изучения влияния трех основных факторов на изменение производительности труда. Вызывает сожаление тот факт, что приходится отложить, возможно навсегда, завершение анализа животноводческих и хлопковых хозяйств ввиду невозможности сопоставления данных на уровне индивидуального хозяйства и общенациональной итоговой статистики. Иногда новые перспективы открываются после продолжительных изысканий, но мы не в состоянии получить большие массивы новой информации помимо той, что содержится, хотя бы в скрытой форме, в уже известных источниках. Была предпринята попытка тем не менее осмыслить высказанную критику, развить многие положения, содержащие-

ся в работе Ф. Фишера и П. Темина, перейти к обсуждению ряда более общих проблем пока еще недостаточно разработанного контрфактического подхода к американской аграрной истории.

1

Пожалуй, напрасны попытки пересмотреть и подвергнуть критическому разбору детали отдельных завершенных или продолжающихся исследований, которые были составными частями этого амбициозного проекта. В большинстве случаев методы обработки информации в целом идентичны, источники, относящиеся к середине и концу прошлого века, тщательно просеяны в поисках данных о затратах труда при выполнении различных операций. Произведен пересчет трудозатрат на акр или голову домашнего скота (L/A), на единицу полученного продукта (L/O). Кроме того, единица полученной продукции соотносилась с урожайностью с акра или головы скота (O/A)². Производительность труда в аграрном секторе была представлена в виде уравнения, объединяющего все приведенные выше агрегированные показатели:

$$\frac{O}{L} = \frac{1}{(a) \frac{L}{O} \frac{A}{A} + (1-a) \frac{L}{O}}.$$

где a — пропорция всех трудовых затрат до получения конечного продукта (урожая или надоев молока).

Во всех трех уже законченных исследованиях, касающихся очистки земли перед ее включением в сельскохозяйственную обработку, производства мясных и молочных продуктов и зерна, все используемые на середину XIX в. территории страны были поделены на регионы. Для операций по очистке и культивации земель деление оказалось достаточно простым — на лесные и безлесные территории. Производство молочных продуктов отражено в статистике середины XIX в. лишь на уровне штатов, для него ощутимы только различия между Северо-Востоком, где уже существовали коммерческие молочные рынки, и преобладавшими сельскохозяйственными территориями, где домашняя корова была неотъемлемой частью патриархального семейного быта. Для земледелия регионы, совпадавшие с традиционным делением США, выделялись на основе показателей урожайности; все данные для описанного выше уравнения сопоставлялись в начале выбранного периода (середина XIX в.) и в его конце (1910 г.), брались средние значения или в некоторых случаях медианы и ранжировались при помощи процедуры кластеризации. Лишь иногда имелись достаточные данные для вычисления стандартной дисперсии. Во всех трех завершенных исследованиях продук-

манное и корректное применение сложных методик, дополненное элементарной статистикой, привело к получению достоверных и интересных результатов. Поскольку с тех пор ни одно из основных положений не было пересмотрено, не наблюдалось и в целом скептицизма к итогам этих работ.

Анализ соотношений региональных и общенациональных оценок производительности в каждом из выделенных периодов времени позволяет для каждого региона — Северо-Востока (R_1), Юга (R_2), Запада (R_3) — оценить относительную долю в размерах земли и поголовье скота. На этой основе оказалось возможным создание общенационального индекса динамики производительности труда в тот или иной отрезок времени. Извлеченные из завершенных исследований индексы представлены в табл. 1.

Таблица 1

Индексы изменений в производительности
труда по трем группам сельскохозяйственных
операций

1890 г.	
Очистка земли под посев —	340
(акров в человеко-день)	(1850 = 100)
Производство молока —	83
(фунтов в человеко-час)	(1850 = 100)
Выращивание: кукурузы —	365
пшеницы —	417
овса —	363
(бушелей в человеко-год)	(1840—1860 = 100)

Основная формула, по которой велись расчеты:

$$\frac{O_{\text{США}}}{L_{\text{США}}} = \sum_{R_1}^{R_3} V \frac{1}{\frac{L_1/A}{O/A} + \frac{L_2}{O}},$$

где V — доля региона в производстве данного вида продукции. Очевидно, что сдвиги в размещении производства сказывались на трех основных переменных уравнения — доле данного региона (V), порайонной урожайности (O/A) и затратах труда на акр (L_1) или единицу конечной продукции (L_2). Углубившись в такие детали, мы испытали непреодолимое искушение попытаться дать количественное определение «веса» этих трех факторов при формировании итогового результата. Подобная задача представляется интересной, так как каждый из этих факторов может быть соотнесен с важнейшими процессами американской аграрной культуры:

«вес регионов»

— движение на Запад и развитие специализации;

урожайность с акра и продуктивность домашних животных

— улучшение сельскохозяйственной техники, удобрений, плодovitости и генетических особенностей животных, совершенствование ветеринарии;

затраты труда на акр или единицу произведенной продукции,

— улучшение орудий труда, машин и механизмов, источников энергии.

Подобное сопоставление позволяет осуществить модель, созданную для экспериментов по применению удобрений в сельском хозяйстве Англии статистиком из университета штата Мичиган Лео Катцем³. В своем логическом развитии и расширении она описывает восемь переменных-индикаторов, включающих в себя различные комбинации из трех вышеописанных факторов в период 1 (1840/1860) и 2 (1900/1910)⁴.

По словам, которые, как говорят, принадлежат политическому теоретику и историку экономики Манкуру Олсону, подтверждающим его собственным примером, «для мальчика с новым молотком весь мир представляется гвоздем». Необходимо признать определенную рискованность, связанную с выдвижением предположений, основанных на переносе простых, как в нашем случае, методов статистической проверки гипотез с контролируемых физических экспериментов и опытов на исторические данные о сельском хозяйстве, когда влияние оказывает не только качество семян, погода и биологические процессы, но и неопределенные вариации в поведении «общества двуногих человеческих существ». Наиболее уязвимым для критики оказалось положение, что вся продукция в 1910 г. могла быть произведена, согласно региональному размещению производительных сил в сельском хозяйстве в 1850 г., без учета влияния растущих предельных затрат. В следующем разделе эта проблема и ее влияние на статистическое изучение причинно-следственных связей и в целом на исторический процесс будет затронута подробнее. Однако прежде всего мне хотелось бы рассмотреть те выводы трех проведенных исследований, которые могут использоваться пока без обращения к суровой проверке их методами контрфактического анализа.

Таким образом, мы рассмотрим влияние трех выделенных факторов на три сферы производства важнейших сельскохозяйственных продуктов и работ. Если опустить статистические тонкости, простой взгляд на средние значения факторов наводит на очень любопытные выводы. В каждом отдельном случае существует различие между одним активным фактором и двумя относительно пассивными (на интервале между 1850 и 1910 гг.), значения которых оставались неизменными и компенсировали отчасти даже падение производительности, несмотря на растущие объемы производства. Активные же факторы определенно

выделяются, как это видно из нижеследующих данных:

Продукт и операции	Фактор		
	Региональные сдвиги	Сельскохозяйственная технология	Машины
1) очистка земли	активный	пассивный	пассивный
2) производство молока	пассивный	активный	пассивный
3) производство сельскохозяйственных культур	пассивный	пассивный	активный

Для очистки земли получено наиболее простое и полное решение, так как второй и третий факторы — урожай, генетическое улучшение скота, изменения в технике — практически влияния не оказывали. В табл. 2, взятой из работы Примака, затраты труда для корчевания леса превышают затраты труда на первую вспашку в равнинных местностях в 20—30 раз⁵.

В середине XIX в. 80 % ежегодно осваиваемых земель (почти 5 млн акров) приходилось на лесистые районы, в то время как к началу XX в. при увеличении освоения земель на 50 % 70 % уже приходилось на безлесные. Можно определить, что в 1850 г. 11,6 % всех трудозатрат в сельском хозяйстве приходилось на это освоение и лишь 2,3 % — в 1910 г. А вот сдвиги в технике рубки леса влияния на это сокращение не оказали. Подсчитанные по регионам индексы показывают, что сбережение труда на этой операции происходило главным образом от продвижения районов освоения на колонизируемый Запад⁶.

Исследуя производство молочных продуктов, Дж. Ф. Бейтман выявил ряд интересных моментов. Так, в течение всего периода индекс производительности труда снижался, хотя, исходя из потребностей рынка растущих американских городов, наблюдалось увеличение производства. Частично этот рост объемов объяснялся продлением лактационного периода у коров с 237 до 300 дней в году, что, конечно, не могло привести к сокращению человеческих трудозатрат на доение и уход за животными. Это увеличение затрат частично могло остаться незамеченным фермерами, так как легло на плечи членов их семей. Изменялся и характер выпаса скота, посевы приближались к дому, но увеличивались

Таблица 2

Затраты труда при очистке земли, включая обрубку сучьев (1850-е и 1910-е годы)

Год	Территория	Медиана/размах (человеко-дней/акр)			Размах/медиана		
1850-е	леса	33	±17	—7	±0,50		—0,21
	безлесная	1,5	±0,5			±0,33	
1910-е	леса	25	±8	—10	±0,32		—0,40
	безлесная	0,75	—0,25	—0,50	—0,33		—0,67

затраты времени на перегон скота. Удой со средних по продуктивности животных достигли уровня лучших на середину XIX в. и возросли на 20 % при сохранении фиксированных трудозатрат па уход и кормление. Распространились улучшенные породы, но максимальные удои росли медленно, основное поголовье скота к 1910 г. еще не являлось высокоспециализированным молочным. Необходимо отметить прогресс ветеринарии, в рационах кормления, строительстве помещений для животных, что также сказалось на уровне затрат труда, хотя в целом на производство молочных продуктов не повлияли изменения в технологии и распространении зон сельскохозяйственного производства на Запад. Развитие рынков, где спрос приводил к появлению так называемой «добавочной стоимости», стимулировало вложение в эту сферу большего труда.

Даже еще не завершенные исследования процесса производства свинины и говядины определенно свидетельствуют об отсутствии здесь переломных технических нововведений. Перераспределение перевозок, последовавшее за строительством железных дорог и централизованных складских помещений, одновременно с улучшением пород и рациона кормления оказалось для этой отрасли наиболее значимым. Подобные процессы накладывались на повышение трудозатрат вследствие развития рыночного животноводства в степной зоне. Предварительное исследование отдельно взятого хлопкового хозяйства показало, что на затраты труда сильнее всего влияли сдвиги, связанные с географическими факторами, а не с техническим прогрессом. Единственным крупным нововведением явилась замена ручной мотыги механическим культиватором, приводимым в действие лошадью или мулом, что, возможно, произошло вследствие разрушения системы дешевого плантационного рабского труда.

Лишь в производстве сельскохозяйственных культур, и в особенности злаковых, а не кукурузы, внедрение различных механических приспособлений вело к экономии труда. Для демонстрации результатов анализа сначала приведем список переменных:

L_1 — трудозатраты на выращивание (человеко-час)	R_{3a} — Запад (район рек Огайо и Миссисипи)
L_2 — трудозатраты на уборку (человеко-час)	A — территория (в акрах)
L_3 — трудозатраты на переработку (человеко-час)	O — производство (в бушелях очищенного зерна)
R_1 = Северо-Восток	$a = L_1/A \quad y = O/A$
R_2 = Юг (пшеница и овес)	$b = L_2/A \quad v = O/\Sigma O$
R_{2a} = Средний Запад (кукуруза)	$c = L_3/O \quad w = A/\Sigma A$
R_{2b} = Юг (кукуруза)	1 — период 1 (1840—1860)
	2 — период 2 (1900—1910)

$$\sum_{R_1}^{R_3} \left(\frac{a+b}{y} + c \right) \quad V = \text{средний уровень трудозатрат для производства 1 бушеля культур.}$$

Затраты труда по отношению к урожайности в периоды 1 и 2

Пере- мен- ные	а		б		у		с		р		ш	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2

пшеница

R_1	19,1	11,6	15,0	3,0	14,5	17,5	0,73	0,19	0,334	0,044	0,250	0,037
R_2	11,3	10,7	12,5	3,0	8,4	12,3	0,73	0,29	0,342	0,075	0,459	0,085
R_3	12,4	4,7	15,0	2,3	13,0	14,0	0,73	0,19	0,324	0,879	0,282	0,878
США	13,6	5,5	13,9	2,4	11,3	14,0	0,73	0,20				

овес

R_1	14,3	9,3	12,8	3,4	28,5	29,7	0,40	0,23	0,422	0,087	0,316	0,077
R_2	8,8	9,5	11,0	4,5	13,9	17,0	0,40	0,24	0,332	0,044	0,506	0,068
R_3	8,8	3,9	12,8	2,6	29,3	26,5	0,40	0,10	0,244	0,869	0,178	0,855
США	10,5	4,7	11,9	2,8	21,3	26,1	0,40	0,12				

кукуруза

R_1	98,3	46,4	13,0	13,0	33,5	36,8			0,097	0,029	0,057	0,020
R_{2a}	52,0	26,7	10,1	10,1	21,8	24,4			0,344	0,099	0,310	0,106
R_{2b}	67,3	21,3	4,3	4,3	11,8	16,1			0,279	0,175	0,465	0,285
R_{3a}	46,2	14,2	13,0	7,6	32,7	31,0			0,280	0,697	0,168	0,589
США	60,8	18,2	8,1	7,0	19,6	26,2						

В табл. 3 приведены данные по четырем основным переменным, отражающим трудовозатраты по регионам и с учетом значимости данного региона в производстве определенных культур. Очевидно, серьезное сокращение затрат при выращивании пшеницы и овса, особенно на сбор и переработку урожая, по всей стране минимум на четверть. Связано подобное изменение с повсеместным введением механических жаток, молотилок, комбайнов. Оказал влияние и сдвиг в сторону региональной специализации (от в целом равного распределения посевных площадей в различных регионах до концентрации почти 87 % зерновых к 1910 г. на Западе), что «пассивно» сказывалось на затратах труда, которые слабо варьировали от региона к региону при значительном увеличении производства. В выращивании кукурузы они также сохранялись, несмотря на изменения в операциях и использование культиватора.

Распространение кормления скота на поле или из копен понизило затраты на уборку на Западе (R_3), но остается неясным, в каких районах использование силосования кормов для молочного животноводства сказалось на наших статистических данных. В общем крупные нововведения в производстве кукурузы на корм скоту отсутствовали, за исключением применения кормизмельчителя Фодера при откорме па рынок. Заслуживает внимания тот факт, что урожайность сельскохозяйственных культур

не выросла значительно, хотя приспособления к новым почвам и климатическим условиям в поясах возделывания кукурузы и пшеницы, вероятно, оказали определяющее влияние на поддержание стабильных урожаев при громадном расширении посевных площадей и производства⁷.

Рассматриваемые нами даже не завершенные, фрагментарные исследования вскрывают довольно разнородную картину влияния выделяемых нами факторов как вместе, так и по отдельности на выход итоговых продуктов. Эти работы имеют большое значение в истории сельского хозяйства США в целом. По стечению обстоятельств каждая из них иллюстрирует особый фундаментальный аспект аграрного развития и экономической истории общества. Модель достаточно проста, ее логика неотразима. Ускорение темпов роста населения в Западном мире в целом относится еще к XII—XIII столетиям, затем это повторилось в XIV и XV вв., и ни разу не действовали в полной мере те факторы сокращения народонаселения, которые ввели в динамические модели Риккардо и Милль, — стационарное состояние численности общества и периодическое наступление мальтузианских кризисов перенаселения. Примерно с 1750 г. начало сказываться наличие в зоне освоения новых районов массивов плодородных земель, однако втягиваться в общенациональный экономический оборот они стали только к концу XVIII в. Полезные ископаемые, богатые земли, безлесные степные просторы делали фронтир настоящим «золотым дном». Доступ к этим богатствам природы был относительно беспрепятствен, что еще более ускорило освоение Американского континента. С ростом населения и использованием природных ресурсов совпало и формирование общенационального рынка США.

Исследование процесса производства молочных продуктов показывает, как появление внутренних стимулов подстегивало экономический рост, втягивание фермерских хозяйств в общенациональный рынок вело к быстрому внедрению и распространению новинки, развитию региональной специализации. Открытые Адамом Смитом преимущества экономической специализации проявились и в аграрном секторе. Сосредоточение на возделывании тех или иных культур в сочетании с растущими рыночными возможностями сказывалось и на потребностях в техническом прогрессе, который, в свою очередь, подпитывался переносом технических достижений из промышленности. В XX в., веке Шумпетера, эти экономико-технологические процессы набрали скорость и сельское хозяйство прочно зависело от развития высокотехнологичного промышленного производства. За пределами интересующих нас хронологических рамок, в XX столетии, периодические технические революции — в использовании источников энергии, механизмов, химии, средств борьбы с вредителями, достижений биотехнологии и генетики — дали возможность даже снизить число занятых в американском сельском хозяйстве.

Вышеизложенные выводы были сформулированы мной на основании проводимых в течение 20 лет исследований. Но при публикации упомянутых работ гораздо большее внимание было обращено на статистические методы обработки средних значений по регионам с целью точно определить влияние факторов как по отдельности, так и в комбинациях с другими.

С этой целью были рассчитаны значения переменных по каждому региону с альтернативными значениями для первого периода. Детально рассматривался процесс производства сельскохозяйственных культур. Индексы производительности труда, приведенные в табл. 1 и полученные из основного уравнения для периода 1900—1910 гг., делились на подобные индексы более раннего периода 1. Созданы были и 6 промежуточных индексов, которые показывали поведение переменных по отдельности и совместно группы переменных относительно одной. Итоги приведены в табл. 4.

Таблица 4

Воздействие на потребности в рабочей силе, обусловленное региональными различиями в размещении производства, изменением урожайности и трудозатрат на акр *

Индекс	Период			Потребности в рабочей силе, L/O			Производительность труда, %		
	v	u	abc	пшеница	овес	кукуруза	пшеница	овес	кукуруза
i_1	1	1	1	3,17	1,45	3,50	100	100	100
i_2	1	2	1	2,68	1,37	2,94	118,3	105,8	119,0
i_3	1	1	2	1,29	0,78	1,54	245,7	185,9	227,3
i_4	2	1	1	2,90	1,18	2,70	109,3	122,9	129,6
i_5	1	2	2	1,05	0,72	1,32	302,1	201,2	265,2
i_6	2	1	2	0,84	0,39	1,06	377,3	371,7	330,2
i_7	2	2	1	2,69	1,23	2,45	117,8	117,9	142,9
i_8	2	2	2	0,76	0,40	0,96	416,7	362,6	364,6

Используя методику, разработанную Эйтсом для анализа сельскохозяйственных экспериментов, был подсчитан процент «вклада» в итоговый рост производительности труда со стороны каждой переменной-показателя по отдельности и в различных сочетаниях. Суммируя значения переменных и их пар для периода 2 и вычитая из полученных значений подобные суммы для периода 1, мы получаем величину воздействия как каждой переменной, так и их пар на производительность труда за весь временной отрезок 1850—1910 гг.⁹ Затем мы свели полученную со-

* Parker W. N., Klein J. Op. cit. 1966. Table 2.

вокупность к итоговым значениям, выражающим тесные взаимовлияния:

	пшеница	овес	кукуруза
v	0,170	0,287	0,207
abc	0,598	0,506	0,562
y	0,082	0,005	0,084
$v(abc)$	0,158	0,234	0,120
vy	-0,049	-0,026	-0,007
$y(abc)$	0,046	0,004	0,032
$v(abc)y$	-0,005	-0,010	0,002

Эти данные подтверждают вывод о том, что переменная (abc) — развитие технологии — определяла около 50—60 % всего роста производительности труда, причем этот эффект значительно усиливается при соотношении с процессом хозяйственного освоения земледелием территорий Среднего Запада (переменная $v(abc)$), или индекс i_6 . В ходе дальнейшего извлечения информации из статистических данных был выделен независимый эффект влияния трех переменных, характеризующих явления механизации в сельском хозяйстве:

- a — усовершенствование плугов, сеялок, культиваторов;
- b — механизация сбора урожая;
- c — механизация молотбы.

Вариация переменных (b) и (c) позволяет объяснить почти весь прирост производительности труда в возделывании пшеницы и овса, (a) — только для кукурузы, что подтверждает выводы и предположения, которые излагались в первой части данной статьи.

Ретроспективно эта работа имеет целью дать краткий и упорядоченный обзор того, что уже сделано. Но появление каких-либо сомнений в доказательности выводов поколеблет и ту опору, на которой они основываются. Подобное уже произошло по проблемам выбора и рассмотрения временных промежутков. Во-первых, измерения проводились в фиксированные отрезки времени, а поведение кривых трудовых затрат в различных регионах США не отражалось на объемах производства. Во-вторых, мне пришлось игнорировать замену факторов, при которой могут существовать две альтернативные технологии и переход от одной к другой в модели осуществляется при помощи фиксированных расчетных коэффициентов без промежуточных переходных форм. Это нарушило два взаимосвязанных «священных» постулата экономической теории — взаимозаменяемость и равнозначность факторов и приуменьшение данных. Более того, явные статистические измерения эффекта взаимодействия между техническими изменениями и процессом освоения Запада не учитывали наличия сильной «обратной связи». Можно двояко объяснить, скажем, внедрение комбайна в период распространения пшеницы на новые благоприятные для нее территории. Мы не можем сказать, что изобретение подобной машины было стимулировано распашкой прерий, равно как и полагаться на то, что наличие

таких земельных просторов явилось побудительным мотивом к подобным техническим переменам.

Может быть показано, что те показатели, которые отражают продвижение на Запад посевов при условии отсутствия технологических изменений (i_4 и i_7), менее противоречат реальной картине, чем обратные предположения. Чтобы представить себе не воображаемую, а реальную историческую значимость этих показателей, воспользуемся апелляцией к здравому смыслу и правдоподобности. Освоение Американского континента проходило бы в любом случае вне зависимости от применения новых аграрных технологий. Вообще человечество в течение последних 10 тыс. лет постоянно, хотя и медленно осваивало неизведанные территории. Интересующий нас период отмечен возрастающей тенденцией к коммерциализации и преобладанию свободной рабочей силы, что позволило индустриализации в Америке набрать размах и достичь успехов в сфере создания и внедрения новой техники — в особенности железных дорог, сельскохозяйственного инвентаря, совершенствования навыков возделывания культур. Будучи неотъемлемой составной частью изменений в экономике по обе стороны Атлантического океана, эти технологические достижения существенно не зависели от характера рельефа и почв тех районов, где они внедрялись. Даже в случае контрфактического допущения прекращения освоения Запада (i_3 и i_5) значительные величины влияния показателей нововведений (i_4 и i_7) позволяют действительно признать технические изменения в качестве одной из существенных частей экономического роста.

К счастью, критика не прошла мимо этих выводов и стимулировала их дополнительную проверку на достоверность. Без движения на Запад и региональной специализации, даже с учетом технического прогресса, рост объемов производства не мог бы совершаться при условии постоянных трудозатрат. Земли, которые уступали в плодородии или оказывались особо трудными для обработки, забрасывались в уже освоенных регионах. Думается, что контрфактический анализ представил менее вероятную картину, чем та, которая следует из наших выводов.

Кривая затрат труда на Западе может быть представлена как плоская прямая (даже если учитывать все существующие железные дороги) и при условии сохранения старой технологии. Но гораздо труднее себе представить, что огромный рост производства, связанный со сложившейся к середине XIX в. специализацией регионов, не сопровождался крутым подъемом этой кривой даже в случае применения новой технологии.

Этот вывод был детализирован и дополнен в статье Ф. Фишера и П. Темина (1970)¹⁰. Они перенесли проблему в иную плоскость решения классической задачи о возможной реакции фермеров на колебания цен. Проследившая закономерности, удалось воспользоваться ежегодными оценками министерством сельского хозяйства США посевных площадей, производства и уровня цен по всем штатам на протяжении 47 лет — с 1867 по 1914 г.

Бесспорно, что мощным стимулом для исследовательской работы послужило недавнее введение в научный оборот метода оценки Нерлоуа, использующего временное запаздывание производства от колебания цен для выявления мотивов поведения фермеров и побудительных стимулов к их труду. Фишер и Темин рассчитывали долговременные кривые поставок сельскохозяйственных культур в различных штатах, проверяя закономерности поведения фермеров при принятии решения о возделывании той или иной культуры. Выводы, сделанные на основе баланса посевных площадей, отводимых под пшеницу, и цен на нее по отношению к другим культурам, позволили установить нечто вроде нижнего предела подъема контрактных цен, с тех пор как рост потребности Востока страны привел к одновременному увеличению поставок и цен. Даже там, где посевные площади были невелики (к востоку от Миссисипи), долговременная изменчивость, эластичность поставок была менее 2, что означало, например, утроение цен при шестикратном росте производства. На этой основе исследователи делали вывод о «сильной недооценке роли и влияния затрат».

Подобная искусная эконометрическая работа ясно установила дальнейшие подступы к лучшему и более оправданному, более определенному использованию контрфактической истории. У тех, кто сам еще не использует подобную методику и выжидает, сохраняются предубеждения, отчасти как следствие ученических воспоминаний об изложении этих вопросов экономики в учебнике Маршалла для аспирантов. В ходе исследования удалось установить предполагаемую реакцию фермеров на колебания цен, но является ли такой подход наиболее надежным для углубления понимания истории? Как мы можем исчерпывающе объяснить принятие фермером решения изменить технологию, переселиться на Запад или вообще покинуть сельское хозяйство? Зависело ли все это от запаздывающего роста цен на пшеницу? Возможно, мы можем оправдать подозрительность критически настроенного экономиста, полуприверженца неоклассической школы, но отношению к тем, кто выходит вперед под лозунгом применения подобных методов, а в конце концов в состоянии определить достоверно лишь «рациональность» поведения фермеров. Если же фермер удовлетворяет этому условию, то как это может помочь нам объяснить все те же условия и сдвиги в окружающей среде? Эти процессы каким-то образом налагаются друг на друга и формируются под воздействием переменной «времени» *T*, которая, думается, фиксирует все, к чему проявляет интерес историк. «Бойтесь данайцев, дары приносящих!»

Что в таком случае является настоящим контрфактическим подходом? На что была бы похожа американская история без Запада? На спрос воздействуют, помимо предложения, четыре регулируемых процесса:

1) сокращение прироста населения вследствие меньшей рождаемости и ограничения иммиграции;

2) изменение питания людей, которое потребовало большего количества кукурузы для откорма свиней с 1940 г.;

3) перевод примерно с 1940 г. части восточных хлопковых плантаций на выращивание сои (поставки на мировой рынок хлопка по-прежнему обеспечивали США ведущую роль);

4) бесчисленные изменения в мировой внешней торговле, позволившие замещать экспортом промышленных товаров падение вывоза сельскохозяйственных излишков без значительного снижения цен на аграрную продукцию.

Вместе взятые, эти изменения, особенно в рационе питания, не могли реально помешать серьезному росту национального дохода в стране. Питание, за исключением Запада, стало меньше содержать говядины и свинины, хлебных продуктов, больше кукурузы и картофеля. Хорошо это или плохо? Если не доказана прямая зависимость между потреблением больших количеств животного протеина и развитием тяжелой индустрии, то нет необходимости подробнее рассматривать эти взаимосвязи. Размеры Чикаго могли быть гораздо меньшими (это, возможно, и не так плохо?), но вряд ли серьезно изменился бы характер поставок угля и стали, которые зависели от индустриального развития и от урбанизации зоны Великих озер к Питтсбургу и от центра штата Нью-Йорк к Атлантическому побережью. Без западных железных дорог металлургическая промышленность возможно лишилась бы части спроса, но несколько меньшее количество дорог и сталелитейных предприятий сократило бы прибыли их владельцев, «грабителей-баронов», а также сделало бы жизнь и работу нынешних историков-экономистов более гладкой и простой. Возможно, главное воздействие географических факторов сказалось не столько на сельском хозяйстве, сколько на факте нахождения после изобретения автомобиля нефтяных месторождений в Техасе и Оклахоме. Представления о возможности существования США без Техаса или Калифорнии действительно приводят в замешательство.

Последняя группа аргументов сводится к тому, что без прерий и Великих равнин направление технологических сдвигов тоже бы изменилось. Это допущение было рассмотрено в работе о сельскохозяйственных культурах. Как писали Фишер и Темин: «Паркер и Клейн касаются проблемы эластичности предложения, но они не развивают далее этого направления, уверяя, что давление растущего спроса само по себе может вести к техническим изменениям на Востоке США при условии отсутствия возможностей вести экспансию на Запад. Упомянув эту возможность, они затем не приняли ее в расчет»¹¹.

Каким образом история технологических изменений — гипотетических или действительных — может быть написана при использовании главного «оружия» экономиста: эластичности и замены факторов в ответ на относительные колебания цен. Утлые лодки создаваемых моделей разбиваются на рифах упрямых фактов, которые выдвигаются исследованием в рамках технологиче-

ской истории соотношения спроса и предложения. Те из легковерных историков, которые все же вскарабкались на них, чтобы удержаться на плаву, должны были выбросить за борт большую часть своего багажа. Ноев ковчег спас разместившиеся на нем и верящие в его надежность живые существа, позволил им выжить в тяжелые времена. Но, конечно, ни они, ни Ной не радовались, когда внезапно оказались на горе Арарат с очень разреженным воздухом, на такой большой высоте, что не смогли разглядеть землю внизу. Мы по-прежнему еще надеемся, что теоретики обеспечат нас не столько ковчегом, чтобы не дать утонуть в поисках фактов, сколько железными дорогами или даже скорее каналами — для продвижения вперед¹².

ДОПОЛНЕНИЕ А:

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

Джон У. Кендрик опубликовал свое исследование¹³ о факторах, влияющих на производительность труда в тот момент, когда работа над данной статьей была близка к завершению. В нем он предпринял совершенно определенную попытку измерить рост производительности труда, используя соотношение «реальных» ценовых и дефляционных процессов со взвешенным индексом затрат труда и капитала. Подобный подход основан на двух тесно взаимосвязанных концепциях современной науки, распространившихся в 50—70-е годы: 1) метод агрегированной кривой предложения, или функции производства $O = f(L, K)$, которая изменяется во времени; 2) измерение колебаний физических объемов капитала при помощи серий перерасчетов рыночных операций (ежегодные закупки меньше обеспечивают денежные массы) в соответствии с индексом цен.

В исследование сельскохозяйственной системы XIX в. подобные методы, мне кажется, внесут больше путаницы, чем пользы. Должен ли я иметь ясное и реальное понимание концепции функции производства, не связанное как с особенностью производственного процесса на отдельно взятом заводе или на сельскохозяйственных угодьях, где могут быть созданы условия для его проверки и проведения различных экспериментов, так и с измерениями «капитала» как причины, а не результата исторических процессов. Для решения подобных задач, без сомнения, необходимо мобилизовать в большей степени, чем ранее, всю свою научную осторожность и самоанализ, пытаться извлекать статистическую информацию везде, где только возможно, использовать соответствующий инструментарий и, проходя мимо льва Кендрика на цыпочках, задобрить его брошенной костью.

Столь сложный подход к измерению стоимости связан с рядом специфических черт сельского хозяйства и промышленности, при этом необходимо учитывать хорошо известный парадокс долговременного агрегирования и измерения. Земля, будучи главным имуществом фермера, не только обладает первичной и вечной

продуктивной силой, но также служит средством вложения материальных благ, становясь, таким образом, своего рода пенсионным фондом, надеждой на будущее и залогом достойного места в обществе. Ценность земли не может рассматриваться без учета этих моментов. Более того, касаясь затрат, необходимо отметить, что измерению поддаются лишь ежегодное истощение земли и стоимость поддержания ее плодородия. То же самое относится и к улучшениям качества земли, значительная часть которых — земляные работы, строительство изгородей, хозяйственных построек, дорог — рассчитана на долгий срок службы. Наконец, все составные части фермерского капитала создаются и поддерживаются главным образом трудом самого фермера. Попытки найти единственный универсальный индикатор фермерского капитала добавляют к обычным трудностям рассмотрения влияния понижения ставок и цен еще и проблему оценки количества и качества фермерского труда, большая часть которого не нормирована и приходится на ту часть года, которая свободна от сельскохозяйственных операций. Возможно, для моего исследования недостаточно на материале XIX в. установить методом описания закономерностей формирования и обновления капитала, как изменялась со временем производительность труда?

Я хотел бы использовать условное схематическое изображение процесса производства, которое представлено на диаграмме 1.

Подобный подход при дальнейшем его развитии позволяет представить «капитал» (совокупность затрат и выпуска продукции) как своего рода промежуточный и переходный, например влияющие на трудовой процесс квалификация работника или социальная организация, элемент долговременного роста производства.

Вопрос измерения уровня благосостояния также побуждает меня обратиться к рассмотрению производительности труда. «Капиталосберегающие» нововведения могут, очевидно, увеличить производственные возможности общества, но итоговым показателем прогресса по-прежнему остается доход на душу населения, а не на рабочий механизм или единицу природных ресурсов. В рамках тех пределов, которые были доступны сельскому хозяйству XIX в., рост благосостояния означал лучшее использование и вовлечение в экономический оборот рабочей силы для создания новых фермерских хозяйств, ежегодного производства продуктов земледелия и скотоводства, ввода в оборот новых земель и повышения плодородия используемых. Стремясь всесторонне осмыслить объяснение долговременных сдвигов, я, кажется, временно и с эвристическими целями вернулся к определению цены через затраты труда.

Эта рационализация главной проблемы измерения, возможно, как мне сейчас представляется, несовершенна. В истории сельского хозяйства данного периода проблема затрат капитала успешнее может быть представлена в виде анализа итогов затрат несельскохозяйственного сектора, т. е. сектора производства и

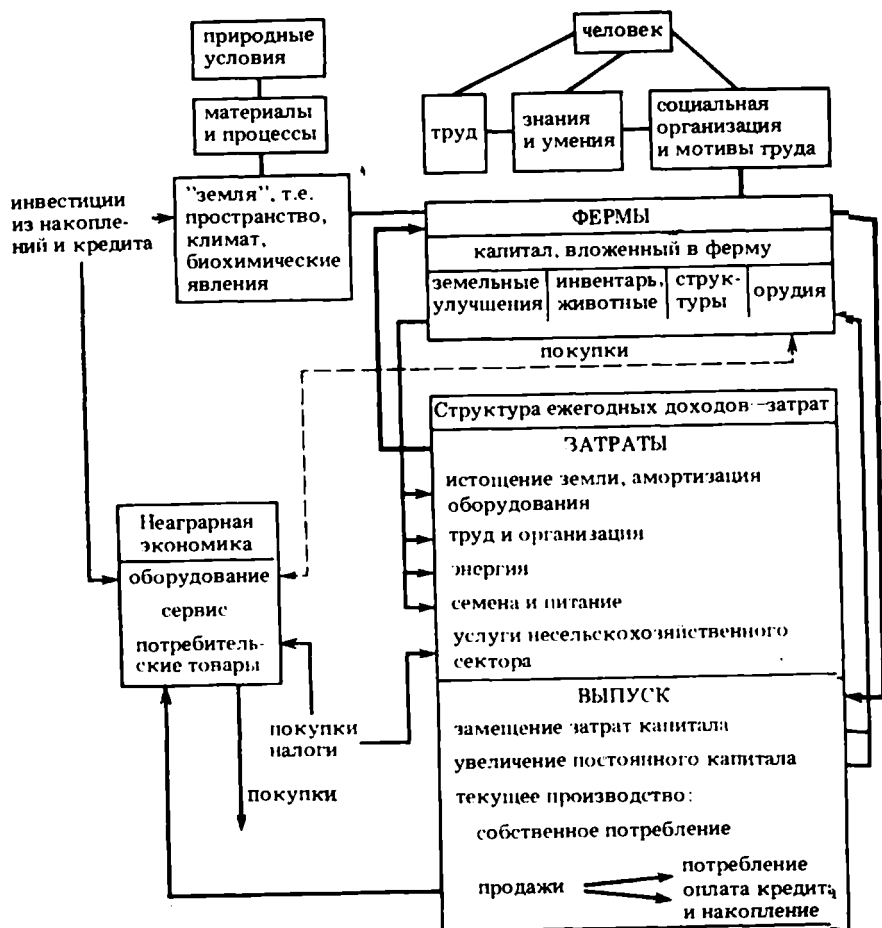

Диаграмма 1. Потоки затрат и производства в аграрном секторе экономики XIX века

распределения, влияние которого на коммерческое рыночное механизированное сельское хозяйство несомненно. Подобные затраты гигантски выросли с конца XIX в., лошадь была заменена механизмами и тракторами, особенно с 1940 г., когда началось относительное сокращение долей затрат на культивацию земли и труда, на фермы пришла биохимическая технология. Расширение агрономических знаний, навыков разведения и селекции скота в XIX в. содействовало росту производительности, продвижению на новые земли, получению устойчивых урожаев на всех типах почв, поддержанию значительных темпов развития. Но в Соединенных Штатах Америки даже в XIX в. процессы расширения географической зоны сельского хозяйства на фоне стре-

мительно развивающегося индустриального сектора означали, что совершенствование технологии производства и орудий труда проходило при определяющем влиянии несельскохозяйственного сектора. При обсуждении этого явления остается открытым вопрос, насколько рост производительности зависел от: 1) увеличения «размеров» капитала; 2) изменения качественной его стороны; 3) падения цен на капиталоемкие товары, или, иначе говоря, технологических изменений в индустрии, изготавливающей сельскохозяйственные орудия труда.

Тем не менее индекс производительности «труда», конструирование которого связано с серьезными трудностями в учете труда различной интенсивности, измеренного лишь количеством часов при различных уровнях квалификации и физической силы, позволяет объяснить одну из весьма существенных сторон развития сельского хозяйства в XIX в. Данный индекс измеряет сбережение человеческих усилий, зависевшее от различных затрат, как материальных — на приобретение оборудования, так и связанных с ростом качества труда — технических знаний, специализации и социальной организации. Таким образом, наше измерение, хотя и не позволяет вычленить отдельные элементы «вклада», для многих реальных или неосознаваемых компонентов создает некое понимание роли «единого» фактора развития производительности труда.

¹ В числе тех, кто способствовал появлению данной работы и кому я должен выразить глубокую признательность, необходимо упомянуть сотрудников зала диссертаций по экономической истории Йельского университета, где в феврале 1987 г. обсуждался первый вариант данного обзора. Я особенно обязан его сотрудникам, и в частности Дэвиду Уэйману, за высказанные замечания и советы.

² В источниках затраты труда представлены из расчета на акр или голову скота (L/A), для некоторых целей использовались данные об урожайности (O/A), и продуктивности земли. Для таких операций, как пикировка хлопка, очистка кукурузы, молотье зерна, доение молока, рассматривалось отношение трудозатрат к конечному продукту (L/O). Другие переменные: L — трудозатраты, A — единица площади пашни (акр), O — выпуск единицы итогового продукта.

³ *Parker W. N., Klein J. L. V. Productivity Growth in Grain Production in the United States, 1840—1860 and 1900—1910 // Output, Employment and Productivity in the United States after 1800. Studies in Income and Wealth. Vol. 30. 1966; Yates E. The Design and Analysis of Factorial Experiments. Harpenden, 1937.*

⁴ См.: *Parker W. N., Klein J. L. V. Op. cit. P. 529, 532—533.*

⁵ До 1850 г. шла активная работа по расчистке лесов для нужд сельского хозяйства США. 5 акров леса в течение года — это был предел, доступный одной фермерской семье. Даже те, кто специализировался на этом, могли считать обработку 200 акров делом всей своей жизни. Как и в других сферах деятельности, существовали южный и северный варианты, распространение которых, однако, не ограничивалось исключительно этими регионами. Очистка земли под пашню везде проводилась путем контролируемых лесных пожаров, различия состояли в методе предварительной подсечки деревьев в целях их гибели и засыхания и во времени, необходимым для расчистки территории от упавших и сгоревших остатков. Так называемый «способ янки», возможно заимствованный у шведских поселенцев Делавэра, предполагал рубку деревьев в завалы, где они сохли в течение ме-

сяцев или даже лет. Затем лес поджигался, а оставшиеся целыми большие ветви и стволы уничтожались вторым пожаром. Корчевка пней и вывоз бревен часто становились предметом совместных усилий жителей Американского фронта. Другой метод, распространенный среди индейцев на Юге, заменял труд и топор силой ветра и временем. Со стволов крупных деревьев снимали кольцами кору, и если эта операция производилась в достаточно ранний сезон, земля среди деревьев могла быть готова к возделыванию к новой весне. После того как сухие деревья падали на землю, они собирались небольшим числом рабочих и сжигались. Подобный способ «подсечки» не требовал высокооплачиваемого труда и позволял ввести в экономический оборот большие площади, но скот и посевы зачастую страдали от падающих стволов и сучьев в этих засыхающих «призрачных лесах». См.: *Primack M. L. Land Clearing under Nineteenth Century Techniques: Some Preliminary Calculations* // *Journal of Economic History*. Vol. 22. 1982. P. 485—497.

⁶ Нельзя сказать, что продвижение земледелия в степные районы не привело к техническим нововведениям. Ведение там хозяйства требовало не только усовершенствования стального плуга, но и ряда других важных нововведений — ветряных мельниц и колючей проволоки, описанных в классической работе У. Вебба о Великих равнинах. За исключением корчевки пней, для которой с 1880 г. стала использоваться взрывчатка, техника вырубki лесов оставалась в большинстве случаев неизменной к началу XX в.

⁷ См. обсуждение во второй части работы.

⁸ Я уже высказывал подобные идеи в кн.: *Parker W. N. Europe, America and the Wider World*. Cambridge, 1984. Vol. 1. Необходимо отметить, что в 50-е годы XIX в. неведение относительно способов освоения прерий, их почв и пастбищ заставляло переселенцев оседать в более привычных для них лесных районах.

⁹ Это некоторое упрощение созданного Эйтсом подхода. См.: *Parker W. N., Klein J. L. V. Op. cit. App. C.*

¹⁰ См.: *Fisher F. M., Temin P. Regional Specialization and the Supply of Wheat in the United States, 1867—1914* // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 52. 1970. May.

¹¹ *Ibid.* P. 138.

¹² Теоретическая работа, проведенная под руководством Гуннара Элиассона и опубликованная в журнале «*Industriens Utredningsinstitut*» (Стокгольм), содержит несколько новых достаточно сложных и не разработанных до конца нововведений моделирования, лежащих в русле идей Шумпетера, Эрика Догена, Нельсона и Уинтера. См.: *Day R. H., Eliasson G. The Dynamics of Market Economics*. Amsterdam, 1986. И различные публикации упомянутого выше издания. Пока еще трудно понять, насколько подобные модели могут быть использованы историками, например, для конкретного объяснения причин возникновения технологии электричества в конце XIX в. без обращения к изучению более общих закономерностей развития науки того времени.

¹³ *Kendrick J. W. Productivity Trends in the United States*. Princeton, 1961.

Л. В. Милов, И. М. Гарскова

ТИПОЛОГИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

(факторный анализ)

Проблемы аграрного развития России в период, когда страна выходила из длившегося многие десятилетия экономического разорения, вызванного в конце XVI в. целым рядом причин социального и политического характера, несомненно, представляют

большой интерес. Основная цель данного исследования — конкретно-методологическая и состоит в оценке и выборе наиболее оптимальных методов типологии феодального хозяйства первой половины XVII в. Как и в предыдущих работах¹, при построении такой типологии авторы используют так называемый метод главных компонент². В отличие от предыдущих работ массив информации, вовлекаемый в научный оборот в данном исследовании, охватывает сложный по уровню развития район, состоящий из двух уездов юга центрального региона страны — Воротынского и Лихвинского³. Здесь, по данным писцовых книг, насчитывалось 178 светских феодальных владений (91 вотчина и 87 поместий). Объединение в один массив сведений писцовых книг по Воротынскому и Лихвинскому уездам помимо того, что оба уезда входили в XVII в. в единый экономико-географический район, продиктовано и тем, что описание их велось по единой программе одними и теми же писцами. Совокупность показателей писцовой книги по Лихвинскому уезду не содержит лишь данных о пашенном и непашенном лесе, все же остальные показатели в обоих уездах идентичны.

Однако при полном сходстве набора показателей по обоим уездам экономика Лихвинского уезда была в существенно иной ситуации. Напомним, что в первом опыте факторного анализа феодальных хозяйств мы выбрали район, находящийся после периода «смуты» в наиболее экстремальной ситуации, степень разорения которого была глубочайшей (Воротынский уезд близ Калуги). Выбор этот далеко не случаен, ибо глубокий спад экономики способствовал наиболее четкому выявлению внутренних специфических свойств феодальных хозяйств того или иного типа. Поэтому обнаруженные в итоге многомерного анализа существенные различия поместья и вотчины по целому ряду социально-экономических характеристик имели принципиальное значение. В итоге вотчина и поместье были охарактеризованы нами как различные типы феодального хозяйства.

Укрупнение массива информации писцовых книг за счет Лихвинского уезда резко меняет ситуацию, так как в районе Лихвины и поместья и вотчины в 20—30-х годах XVII в. находились в гораздо более благополучном положении. Приведем ряд сравнительных характеристик (см. табл. 1).

Прежде всего, в Воротынском уезде число разорившихся дворов в поместьях почти в 2,5 раза, а в вотчинах почти в 2 раза больше, чем в Лихвинском. Сильнейшая разница и в числе уцелевших бобыльских дворов, и особенно велика разница в числе «людей», т. е. по степени населенности жилых дворов (по поместьям в Лихвине населенность почти вдвое выше, а по вотчинам — более чем вдвое).

При большей степени населенности жилых дворов в Лихвинском уезде размер барской пашни в поместьях даже ниже (примерно на треть), чем в Воротынском, а в вотчинах на том же уровне, что и в Воротынске. В лихвинских поместьях и вотчи-

Статистические характеристики

Показатель	В среднем на поместье		В среднем на вотчину	
	Воротынский уезд	Лихвинский уезд	Воротынский уезд	Лихвинский уезд
Усадьба феодала	0,92	0,73	0,83	0,90
«Людские» дворы	0,41	0,47	0,97	1,16
Крестьянские дворы	1,05	1,13	1,67	1,94
Бобыльские дворы	1,84	3,00	1,77	4,57
Пустые дворы и дворовые места	8,27	3,32	7,60	4,51
«Людей» во дворах	4,73	8,40	6,03	14,12
Запашка феодала (дес.)	19,26	13,00	23,34	24,07
Крестьянская запашка (дес.)	18,28	19,80	23,07	36,93
Перелог (при селениях)	45,22	27,85	40,60	25,17
Пашня, лесом поросшая (при селениях)	60,35	47,13	54,50	30,61
Перелог и пашня, лесом поросшая (при пустошах)	116,47	79,82	23,00	25,89
Сенокос	10,30	14,75	13,00	16,54
Вся земля	275,79	202,35	181,76	158,22

нах доля крестьянской пашни при большей населенности в полтора раза больше, чем в Воротынске. Важно подчеркнуть, что степень запустения в Лихвинском уезде была намного меньше (по перелогу при селениях примерно вдвое, а по поросшей лесом пашне — в полтора раза). Наконец, очень существенна разница в величине общей площади хозяйственных угодий. В Лихвинском уезде поместья были намного меньше, чем в Воротынском. Уступали по размеру хозяйственных угодий и лихвинские вотчины.

Таковы важнейшие отличия в уровне экономики обоих уездов. Естественно полагать, что более высокий уровень развития лихвинских феодальных хозяйств окажет влияние на характер итогов многомерного (факторного) анализа на основе сводного массива информации по двум уездам.

В исследовании применен метод главных компонент, поскольку этот тип факторного анализа хорошо проявляет себя при работе со специфическими данными писцовых книг XVII в.

Как и в предыдущем исследовании, было отдано предпочтение системе относительных показателей, рассчитанных путем соотношения исходных данных с величиной крестьянской и господской пашни, числом крестьянских и бобыльских дворов. При таком подходе возможно выявление более глубокой информации, чем при оперировании одними лишь абсолютными показателями.

Начнем с анализа факторов, полученных на основе абсолютных показателей (см. Перечень 1).

Перечень 1

Класс абсолютных показателей

I фактор. Общий уровень восстановления феодального хозяйства, 33,75 % дисперсии	
1. Величина крестьянской пашни	0,407
2. Населенность владения	0,388
3. Тяглоспособность	0,386
4. Численность крестьянских дворов	0,382
5. Численность бобыльских дворов	0,364
6. Площадь господской пашни	0,333
7. Число людских дворов	0,263
II фактор. Степень запустения пашенных угодий, 24,73 % дисперсии	
1. Общая площадь хозяйственных угодий	0,471
2. Суммарный итог убыли из тягла и тяглоспособности	0,469
3. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,409
4. Площадь перелога при селениях	0,405
5. Численность покинутых и разрушенных дворов	0,319
6. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,283
III фактор. Вычленение и фиксация наиболее ранних проявлений запустения, 10,29 % дисперсии	
1. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,650
2. Площадь перелога при селениях	—0,444
3. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	—0,428
4. Суммарный итог убыли из тягла и тяглоспособности	0,253
5. Общая площадь хозяйственных угодий	0,238
6. Численность покинутых и разрушенных дворов	—0,177

Три приведенных нами фактора являются ведущими, поскольку берут на себя в итоге 78,48 % дисперсии. Причем практически все они совпадают по набору признаков с факторами, выявленными на массиве одного лишь Воротынского уезда. Следовательно, самые общие закономерности характерны и для более обширного региона.

Первый фактор выделил все ведущие компоненты развития и феодального и крестьянского сектора. Это реальная площадь крестьянской и господской пашни, численность крестьянского населения, несущего весь объем феодальных повинностей, и бобыльского, освобожденного от многих из этих повинностей. Показатели состава дворов подтверждены данными о реальной тяглоспособности. Наконец, в число ведущих признаков восстановления феодального хозяйства входит и число «людских» дворов, в которых жили холопы и так называемые деловые люди и т. п.

Второй фактор при абсолютном сходстве с соответствующим фактором, выделенным на совокупности данных лишь по Воротынскому уезду, отличается знаками всех показателей⁴. Поэтому если по Воротынскому уезду суть фактора определяется как степень ликвидации запустения, то по нашему региону фактор

отражает прежде всего степень самого запустения, поскольку показатели запустения имеют с ним положительную связь.

Третий фактор подчеркивает роль запустения в так называемых пустошах, т. е. ненаселенных комплексах феодальных имений, ибо сильная факторная нагрузка (0,650) делает влияние этого признака на фактор преобладающим. Прямая связь с фактором таких признаков, как общая площадь хозяйственных угодий (0,238) и суммарный итог убыли из тягла и тягლოსпособности (0,253), дополняет характеристику фактора как фактора, подчеркивающего наиболее давние, относящиеся, пожалуй, к концу XVI в. элементы запустения: запустение в пустошах тем больше, чем крупнее имение; кроме того, чем больше запустение в пустошах, тем больше убыль из тягла. В третьем факторе есть и признаки ликвидации запустения, но они связаны с ближайшими резервами пашенных угодий, расположенных вблизи селений. Чем меньше проявление третьего фактора, тем сильнее сокращается этот резерв пашенных угодий, т. е. расширяется действующая пашня. Причем расширение действующей пашни идет рука об руку с сокращением числа пустующих дворов. Правда, в факторе эти компоненты играют второстепенную роль.

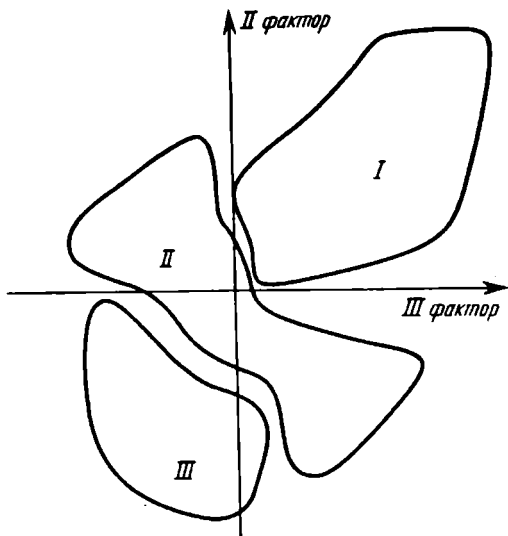
Перейдем теперь к анализу факторных весов, демонстрирующих степень проявления факторов для каждого из объектов изучаемой совокупности. Подчеркнем, что только после этой процедуры мы специально различаем объект-вотчину от объекта-поместья, так как сама процедура расчета факторных весов проводится без предварительной группировки феодальных имений на вотчины и поместья. Координаты всех объектов последовательно вычислялись в пространстве факторов: а) первого и второго; б) первого и третьего и в) второго и третьего⁵.

В пространстве первого и второго факторов выявляются две стойкие тенденции. Распределение проекций на ось первого фактора показывает, что факторные веса выше среднего для 26 поместий и 46 вотчин. В свою очередь, факторные веса ниже среднего для 71 поместья и 35 вотчин. Таким образом, сильнее всего фактор, фиксирующий уровень восстановления и развития феодального хозяйства, проявляется прежде всего в вотчинных владениях. Иначе говоря, этот тип хозяйства отличается более высоким уровнем развития. Интересно отметить, что первый фактор (восстановления и развития хозяйства) из всей совокупности вотчин сильнее выражен для сравнительно крупных вотчин: из 46 вотчин, имеющих положительные факторные веса, крупные составляют 22, а вместе со средними — 35. При этом среди вотчин с отрицательными факторными весами крупные составляют всего 5 из 35.

В пространстве первого и второго факторов второй из них (напомним, что это фактор запустения пашенных угодий) сильнее проявляется для поместий (а среди них заметно преобладают крупные). Так, факторные веса выше среднего у 53 поместий и 30 вотчин, а факторные веса ниже среднего у 44 поместий и

Рис. 1. Вотчины и поместья в пространстве второго и третьего факторов:

I — только крупные поместья (31 из 32 объектов); II — крупные и средние владения (38 крупных, 31 среднее) с преобладанием вотчин; III — мелкие (60) и средние (12) владения

51 вотчины. Интересно, что проявление фактора запустения сильнее всего сказывается на более крупных феодальных хозяйствах: так, у 44 из 47 крупных поместий факторные веса по второму фактору выше среднего (и намного). При столь сильном проявлении второго фактора почти исключительно для крупных поместий интересно, что он интенсивнее проявляется тоже только в крупных или средних вотчинах: из 30 вотчин с положительными факторными весами крупные составляют 19 и средние — 11. Отметим также, что ни одно мелкое хозяйство не имеет положительного факторного веса по второму фактору, т. е. фактор запустения не играет там заметной роли.

Таким образом, в пространстве первого и второго факторов среди 49 объектов с отрицательными факторными весами по первому и положительными — по второму фактору преобладают поместья (их здесь 36, в том числе 28 крупных), т. е. в поместьях ниже общий уровень восстановления и развития и сильнее запустение пашенных угодий. В «противоположной» же группе, т. е. с положительными весами по первому и отрицательными — по второму фактору, доминируют вотчины, составляющие здесь 29 из 38 объектов, что подтверждает в целом более благополучное положение вотчин.

Наконец, о влиянии третьего фактора, сущность которого определена наличием наиболее застарелых, давних элементов запустения. Этот фактор сильнее выражен для 48 поместий и 32 вотчин (факторные веса их выше среднего). Слабо выражен этот фактор для 49 поместий и 49 вотчин. Снова можно отметить, что 33 крупных поместья из 47 имеют положительные веса по этому фактору, т. е. наиболее длительный срок застойных явлений в хозяйстве характерен преимущественно для крупных поместий.

Наиболее «контрастную» картину можно видеть в пространстве второго и третьего факторов (см. рис. 1): 31 из 32 объектов (группа I), отличающихся застойными явлениями в хозяйстве и запустением пашенных угодий,— крупные поместья. В этой группе мелких хозяйств нет вообще. Наоборот, отсутствие этих явлений характерно для мелких и средних поместий и вотчин (группа III, в которой из 72 хозяйств 60 мелких).

Перейдем к рассмотрению комплекса относительных признаков, соотнесенных с величиной господской пашни. Совокупность параметров, рассчитанных на десятину господской пашни, позволяет, на наш взгляд, оценить особенности развития нашего региона с позиций, так сказать, феодального хозяйства (см. перечень 2).

Как и при изучении этого класса показателей на массиве данных по одному Воротынку, здесь мы видим столь же характерный набор признаков, вошедших в первый фактор, охвативший 34,25 % дисперсии.

Перечень 2

Класс показателей, соотнесенных с господской пашней (расчет на дес.)

I фактор. Общие условия разорения господского хозяйства, 34,25 % дисперсии

1. Общая площадь хозяйственных угодий	0,405
2. Суммарный итог убыли тягла и тяглоспособности	0,394
3. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,389
4. Площадь перелога при селениях	0,381
5. Число покинутых и разрушенных дворов	0,290
6. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,260
7. Площадь сенокосных угодий	0,248
8. Частота встречаемости господских усадеб	0,236
9. Число быльских дворов	0,186

II фактор. Восстановление крестьянских хозяйств как основы господского хозяйства, 21,99 % дисперсии

1. Населенность владения	0,465
2. Площадь крестьянской пашни	0,435
3. Число крестьянских дворов	0,402
4. Тяглоспособность	0,352
5. Число быльских дворов	0,325
6. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	—0,260
7. Суммарный итог убыли из тягла и тяглоспособности	—0,213
8. Общая площадь хозяйственных угодий	—0,192

III фактор. Основные компоненты разорения, преодолеваемые господским хозяйством, 12,32 % дисперсии

1. Число покинутых и разрушенных дворов	0,428
2. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	—0,411
3. Частота встречаемости господских усадеб	—0,389
4. Число быльских дворов	—0,318
5. Площадь перелога при селениях	0,308
6. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,258
7. Площадь сенокосных угодий	0,222
8. Тяглоспособность	—0,217

Здесь тот же «отбор» последовательности признаков, проведенный как бы с позиции господского сектора хозяйства. Однако

на первом месте оказался показатель общей величины хозяйственных угодий, т. е. действующей и когда-либо запущенной пашни (0,405). Напомним, что, как правило, здесь преобладали запущенные, поросшие кустарником или лесом угодья. На втором месте показатель, также отражающий в основном тенденцию разорения: убыль населения из государственного тягла, поскольку число несущих государственные налоги и повинности составляло очень малую долю этого показателя (0,394). Третье и четвертое места занимают показатели площади залежных и поросших лесом пашен при селениях. На пятом месте число покинутых и разрушенных дворов (0,290). Затем идут перелог и поросшая лесом пашня в отдаленных от селений пустошах, площадь сенокоса, частота встречаемости господских усадеб и численность бобыльских дворов. Последние три показателя отражают позитивные тенденции в общей обстановке запустения. Однако присутствие бобылей и отсутствие показателя численности крестьянских дворов, видимо, отражают общую ситуацию для данного региона, когда реальное экономическое значение для господского хозяйства имели прежде всего бобыли (а их число, как видно из средних данных, в три с лишним раза больше, чем крестьян).

Второй фактор концентрирует все позитивные тенденции для восстановления и развития господского хозяйства. Это прежде всего населенность владения (0,465), площадь реальной крестьянской пашни (0,435), численность крестьянских дворов, их тяглоспособность. Очень характерно, что фактор включает и бобыльское население, видимо имеющее немалое значение для восстановления хозяйства феодала. Все эти признаки положительно связаны с фактором. Однако в фактор входит ряд признаков, находящихся в обратной с ним связи. Так, восстановление крестьянского хозяйства связано с уменьшением перелога и лесом поросшей пашни в пустошах ($-0,260$), с уменьшением убыли населения из тягла ($-0,213$) и сокращением общей площади хозяйственных угодий ($-0,192$). Мы уже отмечали, что в условиях запустения резко преобладали площади перелога и поросшей лесом пашни, от них главным образом зависела общая площадь имений. Поэтому в мелких по общей площади хозяйственных угодий владениях экономика в целом была более оптимальной.

Третий фактор содержит признаки, находящиеся как в прямой, так и в обратной связи с фактором. Чем больше число покинутых и разрушенных дворов, тем больше препятствий па пути восстановления хозяйства феодала. Прямым таким препятствием являются запущенные угодья при селениях (0,308 и 0,258). Вместе с тем запустение в пустошах, отдаленных от селений, таким прямым препятствием не является, так как, чем их больше, тем меньше препятствий для восстановления господского сектора. Здесь налицо косвенное свидетельство того, что господский сектор феодального хозяйства чаще использует ре-

зерны для своей пашни из перелогов и поросших лесом пашен при селениях. Крестьянство же, наоборот, больше связано с такими же угодьями в пустошах. Первоочередность задач восстановления господского хозяйства ставит вопрос так, что, чем дольше крестьяне не распахивают землю в пустошах, тем лучше для хозяйства феодала. Разумеется, это лишь временная ситуация. Наконец, обратные связи с фактором остальных признаков свидетельствуют о том, что, чем больше частота встречаемости господских усадеб, чем больше число бобыльских дворов, чем выше тяглоспособность населения, тем меньше препятствий на пути восстановления господского сектора феодального хозяйства. И снова мы здесь встречаемся с особой ролью для господского хозяйства бобыльского населения. Видимо, их формальный статус — экономически ослабленное крестьянство, находящееся на льготе, — в данном регионе является реальным лишь по части льгот в области государственных повинностей. Для феодального же хозяйства бобыли остаются важнейшей силой. Роль собственно крестьянства в ликвидации препятствий на пути восстановления господского хозяйства отражена лишь косвенно в признаке *тяглоспособность*. Зависимость от фактора здесь тоже обратная: чем выше тяглоспособность крестьян, тем меньше препятствий для восстановления господского сектора.

Приступим теперь к рассмотрению факторных весов, используя, как и в первом случае, координаты объектов в пространстве двух факторов: а) первого и второго; б) первого и третьего и в) второго и третьего.

В пространстве первого и второго факторов вновь обнаруживается основная, ведущая тенденция. Распределение проекций точек-объектов на ось первого фактора показывает, что он сильно выражен для 34 поместий и 21 вотчины (показатели выше среднего). Слабо этот фактор выражен для 43 поместий и 54 вотчин. Таким образом, довольно четко вырисовывается тенденция более интенсивного проявления фактора для поместий (причем среди них велика доля крупных — 20), а не вотчин. Следовательно, общие условия хозяйственного запустения больше сказались на поместьях.

Проявление второго фактора иное. Расположение точек-объектов на оси второго фактора таково, что фактор лучше выражен для вотчин, а не поместий. Этот фактор сильно проявляется для 25 поместий и 43 вотчин (факторные веса выше среднего), а слабо — для 52 поместий и 32 вотчин. Поскольку суть фактора в концентрации тенденций восстановления крестьянского хозяйства как основы для развития собственного хозяйства феодала, постольку, (как и в итогах исследования по одному Воротынску, здесь в лучшем положении прежде всего вотчинные хозяйства, экономика которых была более эффективной, чем у поместий. В наиболее сложном положении находились по этому фактору самые крупные поместья: из 52 поместий с отрицательными

факторными весами крупные составляют 26, а вместе со средними — 40 хозяйств.

Таким образом, в пространстве первого и второго факторов в наиболее благополучном положении (положительные факторные веса по второму и отрицательные — по первому фактору) находятся вотчины (31 хозяйство из 41). Наоборот, в наименее выгодном положении — поместья: из 28 хозяйств, имеющих положительные факторные веса по первому и отрицательные — по второму фактору, 19 — это поместья, из которых только одно является мелким, остальные — крупные или средние.

На наш взгляд, особенно важно подчеркнуть, что данная тенденция, иллюстрирующая оптимальность и эффективность хозяйства вотчины, пробивает себе дорогу в совокупности феодальных хозяйств, которая в целом находится в значительно более благополучном состоянии, чем совокупность хозяйств одного Воротынского уезда. А ведь сравнительное благополучие затушевывает, делает невидимыми преимущества вотчинной формы феодального хозяйства.

Наконец, о роли третьего фактора. Этот фактор двуединый и включает как обстоятельства, препятствующие восстановлению господского хозяйства, так и моменты, связанные с его преодолением. Таким образом, он отражает динамизм развития. Изучение координат точек-объектов по третьему фактору показывает, что третий фактор сильнее выражен для 36 поместий и 46 вотчин. В то же время сравнительно меньше выражен этот фактор для 41 поместья и 29 вотчин. Следовательно, общий итог может быть следующим: третий фактор сильнее проявляется для вотчин, причем более крупных. Иначе говоря, вотчинные хозяйства быстрее преодолевали препятствия на пути восстановления господского хозяйства.

Интересно рассмотреть положение объектов в пространстве второго и третьего факторов. «Полярные» группы образуют объекты, имеющие либо положительные, либо отрицательные факторные веса по обоим факторам. В первом случае 18 из 27 таких объектов являются вотчинами, во втором — 25 из 29 объектов являются поместьями (причем 15 из них — крупные). Это свидетельствует о более быстром преодолении препятствий на пути восстановления господского хозяйства в вотчинах посредством первоочередного восстановления крестьянского хозяйства.

Представляет немалый интерес изучение показателей, соотносенных с размером крестьянской пашни (см. Перечень 3).

Перечень 3

**Класс показателей,
соотнесенных с величиной крестьянской пашни
(расчет на 1 дес.)**

I фактор. Уровень запустения с точки зрения крестьянского хозяйства, 42,23 % дисперсии

1. Суммарный итог убыли из тягла по тягелоспособности	—0,385
2. Общая площадь хозяйственных угодий	0,380

3. Частота встречаемости господских усадеб	0,371
4. Площадь пашни, поросшей лесом, при селениях	0,354
5. Площадь перелога при селениях	0,353
6. Площадь перелога и лесом поросшей пашни при пустошах	0,329
7. Число бобыльских дворов	0,270
8. Площадь господской пашни	0,220
9. Число покинутых и разрушенных дворов	0,175

II фактор. Первичное восстановление господского хозяйства за счет разорения населения, 16,1 % дисперсии

1. Тяглоспособность	—0,577
2. Населенность владения	—0,508
3. Численность крестьянских дворов	—0,441
4. Площадь сенокосных угодий	—0,261
5. Число покинутых и разрушенных дворов	—0,222
6. Общая площадь хозяйственных угодий	0,141
7. Число «людских» дворов	0,115
8. Площадь господской пашни	0,115

II фактор. Ликвидация разорения и условия восстановления экономически ослабленного крестьянства, 10,63 % дисперсии

1. Число покинутых и разрушенных дворов	—0,515
2. Площадь сенокосных угодий	—0,423
3. Число бобыльских дворов	0,363
4. Площадь перелога при селениях	—0,267
5. Число «людских» дворов	0,264
6. Населенность владения	0,248
7. Площадь господской пашни	—0,247
8. Численность крестьянских дворов	—0,242

Специфика фактора, как и в исследовании воротынского массива данных, состоит в том, что наряду с общими данными о запустении — такими, как суммарный итог убыли из тягла и тяглоспособности (0,385), общая площадь хозяйственных угодий (0,380), площадь поросшей лесом пашни и перелога при селениях (соответственно 0,354 и 0,353), площади аналогичных угодий в пустошах (0,329) и число покинутых и разрушенных дворов (0,175), — в этот фактор входят и такие, как частота встречаемости господских усадеб (0,371) и площадь господской пашни (0,220). Видимо, эти свидетельства эксплуатации крестьянства предстают как символы запустения или моменты, с точки зрения крестьянского хозяйствования отнюдь не способствующие скорому развитию именно крестьянского хозяйства. И, наконец, о последнем признаке, занимающем при ранжировании седьмое место, — о численности бобыльских дворов (0,270). Его интерпретация совершенно очевидна — ведь если для господского хозяйства это важный объект эксплуатации и подъема феодального сектора, то с позиции крестьянского хозяйства бобыль есть разоренный, экономически ослабленный крестьянин. Чем их больше, тем тяжелее тяглу крестьянству.

Второй фактор также совпадает по своей сути с итогами обработки этого класса показателей на воротынском массиве. Однако тенденция разорения в нем выражена сильнее, а тенденции восстановления господского хозяйства, наоборот, представлены

слабо. Тем не менее логика соотношения признаков в факторе такова, что господская пашня в своем развитии связана прежде всего с ростом «людских» дворов, т. е. холопского контингента. Другие же признаки связаны с фактором отрицательно. Восстановление господского хозяйства сопряжено или ведется в условиях уменьшения тяглоспособности ($-0,577$), населенности ($-0,508$), численности крестьянских дворов ($-0,441$) и даже сокращения сенокосов ($-0,261$). Не совсем ясна роль численности покинутых и разрушенных дворов ($-0,222$). Во всяком случае, ясно, что, скажем, чем больше пустых дворов, тем больше дворов «людских». Иначе говоря, ввиду острейшей эксплуатации крестьянства господское хозяйство в немалой степени держится трудом холопов, поденщиков и т. п.

В третьем факторе ведущим признаком, имеющим наибольшую факторную нагрузку, является уменьшение численности пустых дворов и дворовых мест ($-0,515$). Немалую роль играет и ликвидация перелогов при селениях ($-0,267$). Как и для Воротынского уезда, сокращение площади сенокосов представляется здесь моментом, способствующим восстановлению ослабленного крестьянства, каковым являются бобыли. Очень важную роль играет в третьем факторе численность бобыльских дворов ($0,363$). Рост бобыльского населения и есть восстановление ослабленного крестьянства. Причем его увеличение стоит в обратной связи с числом крестьянских дворов ($-0,242$). Иначе говоря, чем меньше собственно крестьян, тем больше бобылей. Глубоко обусловлена и другая взаимосвязь: чем меньше господская пашня, тем больше бобыльское население, ибо первая фигура на пашне феодала — тяглый крестьянин. Поэтому, чем больше бобылей, тем больше в хозяйстве феодала «людских» дворов, обитатели которых играют немалую роль в хозяйстве феодала ($0,264$). Правда, в данном факторе они лишь условие восстановления бобыльского населения, а не элемент господского хозяйства. Наконец, увеличение бобыльского населения ведет к увеличению общей населенности ($0,248$).

Анализ факторных весов в двумерном пространстве а) первого и второго, б) первого и третьего и в) второго и третьего факторов дает следующие итоги.

Проекции точек-объектов на ось первого фактора обнаруживают четкую тенденцию. Первый фактор сильно выражен для 45 поместий и 11 вотчин, а слабо (т. е. их факторные веса ниже среднего) — для 51 поместья и 69 вотчин, преимущественно мелких и средних (49 хозяйств). Намечается тенденция более сильного проявления первого фактора для поместий, причем крупных (а также средних), а мелких поместий с положительными факторными весами всего лишь 13 из 45. Итак, «с позиции крестьянского хозяйства» уровень запустения значительно выше был в поместьях.

Второй фактор означает восстановление господского хозяйства за счет разорения населения. Этот фактор сильно выражен

для 58 поместий и 49 вотчин, а факторные веса ниже среднего у 38 поместий и 31 вотчины. Следовательно, данный фактор почти в равной мере существен как для вотчин, так и для поместий, и только анализ размеров хозяйств обнаруживает весьма сильную тенденцию преимущественного проявления второго фактора для крупных поместий: из 57 поместий, имеющих положительные факторные веса, крупные поместья составляют 35, а вместе со средними — 48 хозяйств. Можно отметить также, что из всех 69 объектов с отрицательными факторными весами по этому же фактору 46 — это мелкие и средние по размеру хозяйства. Следовательно, восстанавливался за счет жестокой эксплуатации населения преимущественно поместный тип хозяйства, особенно наиболее крупных владений.

Наконец, проекции точек-объектов на ось третьего фактора обнаруживают сильное проявление этого фактора для большинства поместий и вотчин (52 поместья и 49 вотчин) и слабое — для 44 поместий и 31 вотчины. Иными словами, явного предпочтения какому-либо типу феодальных владений отдать пельзя, хотя анализ размеров владения выявляет несколько более сильную выраженность фактора для некружных вотчин: их здесь 35 из 49, причем 23 — мелкие. Напротив, крупные поместья имеют в основном отрицательные веса по третьему фактору: из 44 поместий здесь 25 крупных, а вместе со средними их 36. Но все же, поскольку третий фактор внутренне динамичен (это, с одной стороны, наиболее существенные «с точки зрения крестьянского хозяйства» препятствия на пути восстановления прежде всего бобыльского населения, а с другой — условия, необходимые для этого восстановления), ясно, что поместные хозяйства лишь немного уступают в этом вотчинам.

В основном в пространстве второго и третьего факторов выделяются группы хозяйств по размеру: это мелкие хозяйства (в большинстве вотчины) и крупные хозяйства (но уже в большинстве поместья).

Перейдем к анализу четвертого класса показателей — соотношенных с числом крестьянских дворов (см. Перечень 4).

Перечень 4

Класс признаков, соотнесенных с численностью крестьянских дворов (расчет на крестьянский двор)

I фактор. Основные моменты хозяйственного кризиса и экономического развития, реально определяющие положение крестьянского хозяйства, 31,67 % дисперсии

1. Общая площадь хозяйственных угодий	0,435
2. Суммарный итог убыли из тягла и тягелоспособности	0,426
3. Площадь перелога при селениях	0,334
4. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,330
5. Число покинутых и разрушенных дворов	0,304
6. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,253
7. Площадь господской пашни	0,213
8. Частота встречаемости господских усадеб	0,207
9. Площадь крестьянской пашни	0,205

II фактор. Условия, благоприятствующие восстановлению и развитию крестьянского хозяйства, 21,34 % дисперсии

1. Населенность владения	0,454
2. Число бобыльских дворов	0,453
3. Тяглоспособность	0,441
4. Площадь крестьянской пашни	0,391
5. Площадь господской пашни	0,228
6. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	-0,177
7. Число «людских» дворов	0,175
8. Площадь перелога при селениях	-0,170

III фактор. Обеспеченность условий активизации крестьянского хозяйства, 11,67 % дисперсии

1. Площадь господской пашни	-0,419
2. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,414
3. Площадь перелога и поросшей лесом пашни при селениях	-0,370
4. Площадь перелога при селениях	0,368
5. Число «людских» дворов	-0,362
6. Частота встречаемости господских усадеб	-0,342
7. Число бобыльских дворов	0,195
8. Площадь сенокосных угодий	0,178

Первый фактор, полученный на основе этого класса относительных показателей, носит довольно общий характер. Он квалифицирован как фактор, фиксирующий реальные условия жизнедеятельности крестьянского хозяйства. Прежде всего сюда входят многочисленные признаки хозяйственного запустения (с первого по шестой). К реальным условиям жизнедеятельности хозяйства крестьянина относятся и основные показатели развития феодального сектора (частота встречаемости феодальных усадеб и площадь барской запашки). Наконец, правда лишь на последнем месте по величине коэффициента корреляции, идет величина крестьянской пашни. Отсюда следует, что ведущими признаками этого фактора являются признаки разорения. В этой связи необходимо отметить, что по более узкому региону Ворынского уезда этот фактор имеет несколько большую долю позитивных элементов развития.

Второй фактор имеет другую направленность. Здесь объединились почти все реально позитивные процессы, благоприятствующие восстановлению и развитию крестьянского хозяйства, ибо и здесь все основные показатели рассчитаны на крестьянский двор. На ведущей роли здесь показатель населенности владения (0,454). Важная роль принадлежит численности бобыльского населения (0,453), а также тяглоспособности всего населения (0,441). Интересно отметить, что в разбираемом факторе значение величины крестьянской пашни существенно выше, чем площади господской пашни, хотя последняя здесь фигурирует скорее лишь как сопутствующий элемент. Столь же сопутствующим моментом является и численность людских дворов. Ведь если число их возрастает, то нагрузка на крестьян по полевой барщине, вероятно, может быть меньшей. Наконец, о двух признаках, отрицательно связанных с фактором. Это запустевшие пашни при селениях (-0,177 и -0,170). Чем меньше их пло-

щадь, тем, вероятно, лучше обеспеченность крестьян пашней и сенокосом. Видимо, в исследуемом регионе крестьянство все-таки участвует в освоении этих площадей, хотя в основном они связаны с господским сектором феодального хозяйства. Таким образом, в отличие от аналогичного фактора, полученного на основе данных по одному лишь Воротынскому уезду, на массиве данных по двум уездам этот фактор выглядит гораздо более четко, так как обогатился рядом новых признаков.

Третий фактор отличен от аналогичного фактора, полученного на материалах одного лишь Воротынского уезда. Показатели связаны с фактором как положительно, так и отрицательно, стало быть, одни условия благоприятствуют активизации крестьянского хозяйства, составляя резервы его развития, а другие — наоборот. К первым можно отнести рост запущенных угодий, расположенных при селениях (перелог и лесом поросшая пашня, соответственно 0,414 и 0,368). Связь эта опосредованна. В данном факторе их *рост* сопряжен с *неростом* господской пашни, а последнее обстоятельство снижает уровень занятости в господском секторе ($-0,419$). Наоборот, уменьшение запущенности в пустошах непосредственно может увеличить крестьянские нерегулярные запашки. Поэтому такой признак, как площадь перелога и лесом поросшей пашни в пустошах, имеет отрицательный коэффициент корреляции ($-0,270$). Рост численности бо-былей есть прямой резерв для роста крестьянского хозяйства (0,195). Таким же резервом, видимо, являются и сенокосы (0,178). В данном факторе характеристики господского сектора хозяйства находятся в своего рода антагонизме с крестьянским сектором. Это размер барской пашни, число людских дворов ($-0,362$) и частота встречаемости усадеб феодалов. Подчеркнем, что здесь они противопоставлены не непосредственно крестьянскому хозяйству, а его резервам.

Приступим к анализу факторных весов, т. е. степени сопряженности с выделенными выше факторами каждого из объектов изучаемой совокупности в данном классе показателей. Как обычно, начнем с изучения координат точек-объектов в пространстве первого и второго факторов. Распределение проекций на ось первого фактора выявляет ощутимо выраженную тенденцию более сильного проявления фактора для поместий, особенно крупных. Факторные веса выше среднего уровня имеют 34 поместья и 22 вотчины, а соответственно ниже среднего — 33 поместья и 50 вотчин. Таким образом, основные моменты кризиса, влияющие на развитие крестьянского хозяйства, заметнее сказываются на поместьях, причем крупных (из 34 поместий с положительными факторными весами 26 крупных).

Второй фактор сильно проявляется для 31 поместья и 44 вотчин, а слабо — для 40 поместий и 28 вотчин. Следовательно, налицо четкая тенденция более яркого проявления фактора, демонстрирующего условия, способствующие активному восставлению и развитию крестьянского хозяйства, для хозяйств вотчин-

ного типа, а не поместий. При обработке воротынского массива характеристика вотчины как типа хозяйства, создающего более благоприятные условия для непосредственных производителей, уже отмечалась. Теперь это подтверждается на новом, более крупном массиве объектов. При этом по второму фактору среди вотчин, имеющих положительные факторные веса, доминируют мелкие и средние (29 из 40). Среди поместий, имеющих по этому фактору отрицательные факторные веса, преобладают крупные (24 из 40), тогда как мелких поместий там очень мало (всего 9).

В пространстве первого и второго факторов выделяются «полярные» группы: 18 крупных поместий из 30 хозяйств, имеющих положительные веса по первому и отрицательные — по второму фактору, и 23 мелкие и средние вотчины из 46 хозяйств, имеющих отрицательные веса по первому и положительные — по второму фактору. Иначе говоря, в крупных поместьях заметнее проявления кризиса и не столь благоприятны условия восстановления крестьянского хозяйства, как в небольших вотчинах.

Перейдем к третьему фактору. Здесь определяется иная тенденция: этот фактор сильно выражен для 31 поместья и 27 вотчин, а слабо — для 36 поместий и 45 вотчин. Таким образом, фактор сильнее выражен для поместий. Можно отметить, что среди 45 вотчин, имеющих отрицательные веса по этому фактору, преобладают мелкие и средние (крупных всего 10), а среди 31 поместья с положительными факторными весами крупные составляют 18 (больше половины). Итак, проблема вовлечения резервов крестьянского хозяйства чаще обостряла антагонизм с господским хозяйством в феодальных владениях поместного типа.

Перейдем, наконец, к последнему, пятому классу показателей, соотнесенных с числом бобыльских дворов (см. Перечень 5).

Перечень 5

**Класс показателей,
соотнесенных с численностью бобыльских дворов
(расчет на бобыльский двор)**

I фактор. Бобыльство как компонент разорения и развития, 39,5 % дисперсии

1. Общая площадь хозяйственных угодий	0,372
2. Суммарный итог убыли из тягла и тяглоспособности	0,366
3. Площадь перелога при селениях	0,337
4. Площадь пашни, поросшей лесом, при селениях	0,323
5. Число покинутых и разрушенных дворов	0,316
6. Площадь господской пашни	0,272
7. Площадь крестьянской пашни	0,270
8. Численность крестьянских дворов	0,249
9. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,232

II фактор. Роль бобыльства в восстановлении хозяйства крестьян и тяглоспособности населения, 17,28 % дисперсии

1. Населенность владения	0,421
2. Численность крестьянских дворов	0,411
3. Площадь крестьянской пашни	0,385

4. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	—0,343
5. Суммарный итог убыли из тягла и тяглоспособности	—0,281
6. Число «людских» дворов	0,278
7. Общая площадь хозяйственных угодий	—0,273
8. Тяглоспособность	0,245

III фактор. Условия, характеризующие бобыльство как ослабленный элемент господского хозяйства, 10,42 % дисперсии

1. Частота встречаемости господской усадьбы	—0,635
2. Тяглоспособность	—0,506
3. Площадь господской пашни	—0,290
4. Площадь сенокосных угодий	0,225
5. Населенность владения	0,222
6. Площадь крестьянской пашни	0,210
7. Число «людских» дворов	—0,210

Как обычно, первый фактор вбирает в себя как позитивные, так и негативные тенденции развития, как бы пропущенные в данном случае через призму развития бобыльства, поскольку все показатели рассчитаны на бобыльский двор. Характерно, что показатели запустения являются ведущими в факторе. Здесь и общая величина хозяйственных угодий, включающая, как правило, громадную долю запустевших пашен (0,372), и все разновидности запустевших угодий, как близлежащих к селениям (перелог 0,337 и поросшая лесом пашня 0,323), так и отдаленных (при пустошах 0,232). Вместе с тем фактор включил и такие показатели, как площади господской (0,272) и крестьянской (0,270) пашен, а также численность крестьянских дворов (0,249). В целом наблюдается почти полное соответствие компонентам первого фактора, полученного на массиве данных Ворытинского уезда.

Второй фактор также аналогичен второму фактору ворытинского массива данных. В данном факторе концентрируются основные позитивные тенденции. Ведущий признак — населенность владения (0,421), вторым идет численность крестьянских дворов (0,411). Из показателей, положительно связанных с фактором, следует отметить число «людских» дворов. Связь с фактором здесь вполне попятна: рост бобыльства, как сравнительно льготной, экономически ослабленной категории крестьянства, неизбежно сопровождается увеличением количества различного рода деловых и задворных людей, холопов, работающих в господском хозяйстве. Отметим, наконец, тяглоспособность населения как результат деятельности бобыльства (0,245). Вместе с тем второй фактор содержит и ряд признаков, находящихся в обратной с ним связи. Иначе говоря, в факторе отражается процесс ликвидации негативных явлений. Чем сильнее проявляется наш фактор, тем меньше становится площадь запустевших угодий в пустошах (—0,343), тем меньше убыль из тягла (—0,281), тем меньше площадь когда-то запущенной пашни и тем самым меньше общая площадь и действующей и бездействующей пашни (—0,273).

В третьем факторе сильнее всего отражаются отрицательные для феодального хозяйства следствия в целом положительного процесса участия бобыльства в функционировании господского хозяйства. Стало быть, чем больше вклад бобыльства в первичное восстановление, тем острее сопутствующие этому отрицательные моменты. Суть фактора в том, что, чем ярче он проявляется, тем меньше встречаемость господских усадеб ($-0,635$) и меньше размер господской пашни ($-0,290$). И это понятно, ибо основой господского хозяйства в ту пору было население, «людские» дворы и тягло крестьян. Недаром мы видим отрицательную связь с фактором числа «людских» дворов ($-0,210$). Далее, чем ярче наш фактор деятельности бобыльства в господском секторе, тем ниже тягlosigkeit населения, ибо основа тягла — это собственно крестьяне. Объективный же итог проявления бобыльства как элемента господского хозяйства состоит прежде всего в увеличении населенности и росте крестьянской пашни (соответственно $0,222$ и $0,210$).

В приведенных в начале статьи статистических показателях доля бобыльских дворов по Лихвинскому уезду примерно вдвое выше, чем по Воротынскому, как для поместий, так и для вотчин. Поэтому показатели всех трех рассмотренных нами факторов имеют в целом ряде случаев более высокую, чем по Воротынску, факторную нагрузку, а факторы — большой набор показателей, близких между собой по величине этой факторной нагрузки.

Перейдем теперь к анализу проявления факторов для объектов изучаемой совокупности. Первый фактор сильно проявляется для 37 поместий и 25 вотчин (их факторные веса выше среднего уровня). Слабо проявляется этот фактор для 56 поместий и 52 вотчин. Таким образом, фактор несколько сильнее выражен для поместий, а среди них — для наиболее крупных (из 37 поместий с положительными факторными весами 27 крупных).

Иначе выражен на объектах второй фактор, роль которого гораздо активнее. Точки-объекты, проецирующиеся на ось второго фактора, распределяются таким образом, что он сильнее проявляется для 31 поместья и 58 вотчин (слабее — для 62 поместий и всего 19 вотчин). Налицо четко выраженная тенденция наиболее сильной выраженности второго фактора для подавляющего большинства вотчин.

Таким образом, мы вновь убеждаемся, что именно в вотчинном типе хозяйства активнее всего идут процессы восстановления хозяйства непосредственного производителя, в данном случае немалую роль при этом играет бобыльское население. Именно поэтому в пространстве первого и второго факторов положительные факторные веса по первому и отрицательные по второму фактору имеют 25 хозяйств, 19 из которых — крупные поместья. В то же время в «противоположной» группе хозяйств с отрицательными факторными весами по первому и положительными по второму фактору представлены в основном вотчины (из 52 хо-

зяйств 35 вотчин), среди которых главное место занимают мелкие и средние (25 хозяйств).

Наконец, о расположении поместий и вотчин по третьему фактору. Сильнее проявляется этот фактор для 48 поместий и 43 вотчин. В то же время слабо он проявляется для 45 поместий и 34 вотчин. Следовательно, налицо тенденция более тесной выраженности третьего фактора для вотчин, а не поместий. Причем речь идет в первую очередь о крупных вотчинах, которые составляют 30 из 43, имеющих положительные факторные веса по данному фактору. Можно отметить, что и среди поместий положительные факторные веса в основном у крупных хозяйств (30 из 48).

Среди объектов, характеризующихся более трудным положением бобыльства и менее активной его ролью (это объекты с положительными факторными весами по третьему и отрицательными по второму фактору), доминируют крупные поместья (таких 20 из 41 хозяйства). Напротив, в вотчинах положение бобылей было более легким (в группе хозяйств с отрицательными факторными весами по третьему и положительными по второму фактору вотчины составляют 25 из 39 хозяйств). Иначе говоря, именно в вотчинах бобыльство было активным элементом, хотя это был экономически еще слабый элемент господского сектора феодального хозяйства.

Таким образом, и в этом аспекте вотчинное хозяйство проявляет себя как наиболее гибкий, развивающийся тип феодального хозяйства.

Подводя краткий итог нашему исследованию, необходимо подчеркнуть, что в 20—30-х годах XVII в. вотчинный тип хозяйства имел по всем параметрам более оптимальные показатели, чем поместный тип. Вотчинный тип хозяйства при высоком уровне эксплуатации непосредственного производителя создавал вместе с тем наиболее благоприятные условия для восстановления крестьянского хозяйства. В вотчинном хозяйстве сравнительно быстрее преодолевались проявления экономического разорения, запустения и застоя. Причем важно подчеркнуть, что, как правило, это относится к вотчинным владениям всех размеров. С другой стороны, наиболее тяжелые проявления хозяйственного разорения сказывались на всех поместьях в целом, глубже воздействовали на их экономику.

Это доказывает, на наш взгляд, что поместья и вотчины представляли собой разные социально-экономические типы натурального феодального хозяйства.

Разумеется, более благоприятные условия Лихвинского уезда, его существенно меньший, чем в Воротынский уезде, уровень разорения сказались на том, что охарактеризованные нами различия в социально-экономических характеристиках, с одной стороны, поместных хозяйств, а с другой — вотчинных охватывают несколько меньшую массу объектов. Поэтому на массиве данных одного Воротынского уезда различия вотчины и поместья

как социально-экономических типов хозяйства проступали резче и глубже. Тем не менее эти различия и закономерности их соотношений прослеживаются и на массиве данных по обоим уездам.

Именно по этой причине наблюдения, выполненные нами на крупной, охватывающей 178 объектов совокупности феодальных владений, позволяют поставить и ряд более общих проблем.

Так, в частности, наше исследование показывает, что в конце первой трети XVII в. в условиях уже реально действующего режима крепостничества вотчинная форма феодальной собственности была способна создать условия развития, значительно более оптимальные, чем поместье. Но большинство историков появление системы поместий в конце XV — первой половине XVI в. оценивали и оценивают как новый шаг в развитии феодализма. С развитием поместной системы связывается появление барщинной системы хозяйства, направленной на производство зерновой продукции на внутренний рынок. Наконец, с барщинным хозяйством поместья связывается в конечном счете наступление эры крепостничества, а последнее оценивается как начало так называемой нисходящей стадии в развитии феодализма. Таким образом, изложенные в данной статье наблюдения приходят в известное противоречие с господствующими в литературе концепциями, дают пищу для новых размышлений, для создания новых концепций развития феодализма. Одной из них может явиться нетрадиционная интерпретация причин появления крепостничества⁶. Другой может стать новая трактовка поместной системы и причин ее возникновения, и т. п.

Авторы выражают надежду, что итоги данного исследования будут способствовать решению этих крупнейших проблем историографии русского феодализма.

¹ См.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России первой половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства: (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1984; Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986; и др.

² Теории факторного анализа и его приложений в различных областях посвящена обширная литература. См., например: Харман Г. Современный факторный анализ. М., 1972; Лоули Д., Максвелл А. Факторный анализ как статистический метод. М., 1967; Кендалл М., Стюарт А. Многомерный статистический анализ и временные ряды. М., 1976; Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М., 1976; Иберла К. Факторный анализ. М., 1959; и др.

³ Центральный государственный архив древних актов. Ф. 1209. Кн. 84, 1044.

⁴ См.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития... С. 271; Они же. Системно-структурный подход... С. 39.

⁵ Таблицы факторных весов в целях экономии места в статье не приводятся.

⁶ См., например: Милов Л. В. О причинах крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИЯХ ЦЕНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЗЕМЛИ В АМЕРИКЕ *

Дефицит сельскохозяйственной земли играет важную роль в истории общества и вполне заслуживает изучения. Его нельзя обойти вниманием при рассмотрении многих проблем социального строя и экономического роста. Существуют два социальных аспекта проблемы ренты и цены. Первый состоит в том, что доходом от земли прежде всего является рента участка, спорная «незаработанная прибыль», которая, по выражению Миллса, позволяет собственнику «становиться богатым, пока он спит». Второй сводится к тому, что сельскохозяйственной землей владеет преимущественно тот или иной определенный социальный класс. Во многих странах, особенно в Англии, земля сосредоточена у особой группы людей, концентрирующих в своих руках огромные богатства, включающие и землю¹. В других странах, таких, как США, сельскохозяйственные земли принадлежат преимущественно фермерам, так что социальные напряжения через положение фермеров связаны с ценами на землю. В период аграрных кризисов фермеры опасаются, что цена земли сыграет роль гири и усложнит их положение. Так было во времена «фермерского протеста» в конце XIX столетия, при кризисе начала 20-х годов и в 30-е годы, таким был тяжелый кризис 80-х годов.

Проблема дефицита сельскохозяйственной земли часто занимала важное место в теориях экономического роста. Даже когда мы обращаемся к объяснению движения цен на землю в современной истории, перед нами встает множество неразрешимых вопросов. Наши теоретические традиции много богаче наших конкретных знаний движения цен на землю.

Традиционные теории о земле и экономическом росте построены на строгом предположении о том, что рост населения и развитие экономики в условиях недостатка земли должны вести к росту цен на землю. В пессимистической работе Мальтуса о населении утверждается, что давление растущего населения вызывает рост цен на землю, отражая падение пропорций земли и пищи на душу населения. То, что Мальтус подразумевал, стало явным в теории Рикардо о ренте. С тем, что этот рост воздействует на цену земли, согласились Джон Стюарт Милл, Генри Джордж и Альфред Маршалл, правда Джордж и Маршалл с оговоркой. Растущий дефицит земли также предсказан в послевоенных математических моделях процессов роста². Ключ к аргументации достаточно очевиден: земельный фонд расширяется с большим трудом, чем запасы людских ресурсов, капиталов и других составляющих производства.

Однако традиционное прогнозирование монотонного роста цен на землю (сельскохозяйственную и прочую) противоречит некоторым фактам. Прежде всего это тенденция падения доли

сельскохозяйственной земли в совокупном богатстве и ренты в доходе. Мы находим вполне естественным это падение, равно как и падение доли объема сельскохозяйственной продукции в национальном доходе. Теодор Шульдц развил эту точку зрения в серии антимальтузианских работ о снижении экономической значимости земли.

Понижающаяся роль земли в национальном доходе и национальном богатстве вполне согласуется с постоянным ростом цен на землю. Цена земли может расти, а доля земли в экономике падать при условии, что другие производительные силы растут много быстрее, чем предложение земли.

Бóльшие сомнения вызывает предположение о том, что стоимость земли должна расти, ибо в Америке существовали и длительные периоды ее падения. Наблюдались также краткосрочные кризисы на рынке недвижимого имущества фермерских хозяйств, и эти кризисы требуют специального рассмотрения и объяснения. Кроме того, возникают специфические для Америки проблемы о роли передовой черты заселения (границы) в накоплении богатства и в характере экономического роста. История цен на землю богаче и разнообразнее, чем теоретические построения, и это ставит перед нами задачу полнее осветить динамику этих характеристик, являющихся ключевыми в социальном балансе.

В этой статье предлагаются вниманию три аспекта длительной истории цен на сельскохозяйственные земли в Америке. В разделе I собраны богатые, но ранее недостаточно используемые сведения о ценности фермерской земли с колониальных времен. Их интересную историю можно проследить по всей стране и по девяти регионам с корректировкой на изменение качества земли. Предполагаемый доход от вложений в фермерскую землю сравнивается с другими типами дохода от имущества и ставкой заработной платы. Во II разделе указаны две важные предпосылки дохода от вложений капитала в фермерскую землю: устойчивый рост нормы «сбережений» в США в XIX столетии и эффект изобилия земли в американском индустриальном развитии. В III разделе предприняты попытки взвешивания факторов, определяющих движение ценности фермерской земли.

I. ДВИЖЕНИЕ РЕНТЫ И ЦЕН НА ЗЕМЛЮ В АМЕРИКЕ

С 1850 г. официальная статистика Соединенных Штатов Америки дает достаточно точное представление о средних ценах на фермерскую землю по штатам и округам: сначала — на базе десятилетних переписей, а с 1910 г. — на основе ежегодных обзоров. До 1850 г. мы имеем только отдельные фрагменты. Особенностью американских данных является то, что закупочные цены земли представлены лучше, чем годовые арендные цены,

вероятно потому, что американское изобилие земли и земельная политика создавали условия, при которых покупка земли была предпочтительнее ее аренды.

Цена земли в сравнении с качеством земли. Чтобы измерить движение «цен» на землю, необходимо разобраться в проблеме различного качества земли. Каждый клочок земли есть уникальное имущество. Стоимость сельскохозяйственных угодий значительно изменяется в зависимости от климата, состава почвы и других природных условий. Она также варьирует от вложений в саму землю денег и труда в целях очистки ее от леса, орошения, удобрения, осушения. Кроме того, она зависит от всей экономической обстановки — макроэкономики, расходов на транспорт, налогов, прав на удержание имущества за долги и таких дополнительных субсидий, которые появляются в связи с правительственными программами поддержки фермеров, правом на контроль за водными ресурсами и проч. При всем этом нам известно, что на стоимость миллионов участков, поскольку они связаны с рынком сельскохозяйственной продукции, рынками факторов производства и общей политикой государства, воздействуют и общие тенденции.

Социальное и экономическое значение изменений ценности сельскохозяйственной земли решающим образом зависит от того, затрагивают ли изменения цен без учета изменения инвестиций владельца в землю благосостояние собственника. В этой статье все колебания ценности земли, вызванные изменениями в экономической обстановке (макроэкономические колебания, совершенствование транспорта и проч.), рассматриваются как изменения цен. Изменения цены отличаются от изменений качества земли, являющихся результатом прямых инвестиций фермеров-собственников или арендаторов в землю³. Эффективное разделение *цена — качество* совершается удалением известных источников изменения качества из меры ценности земли с тем, чтобы

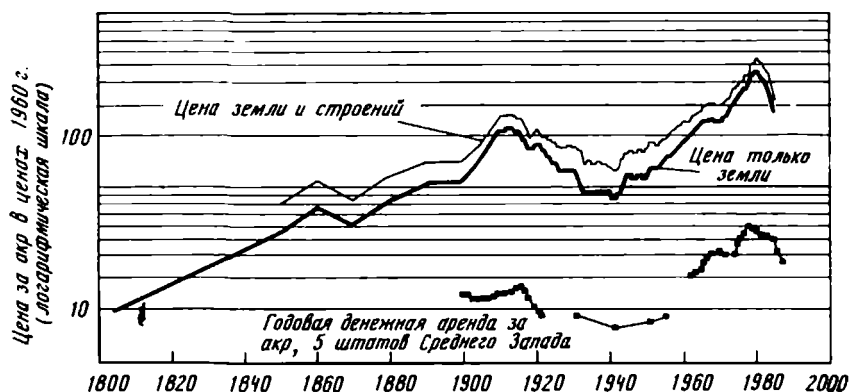

Рис. 1. Цена и аренда фермерской земли в США, 1805—1986 гг.

максимально очистить данные от таких изменений цены, как доходы и потери от вложений собственников в землю. В частности, данные допускают устранение трех изменяющих качество компонент: изменений в стоимости фермерских строений, изменений в совокупной стоимости земли из-за различий в качестве земли между штатами и изменений, связанных с переходом фермерской земли из разряда «неусовершенствованной» в «усовершенствованную».

На практике в Америке движение цен фермерской земли доминирует над движением ее ценности. Удаление изменений, связанных с качеством земли, не очень изменяет вид тренда цены, которая определяется стоимостью акра необработанной земли. Фактически длительный (до 1915 г.) рост реальных цен на фермерскую землю был даже выше, чем показывают данные стои-

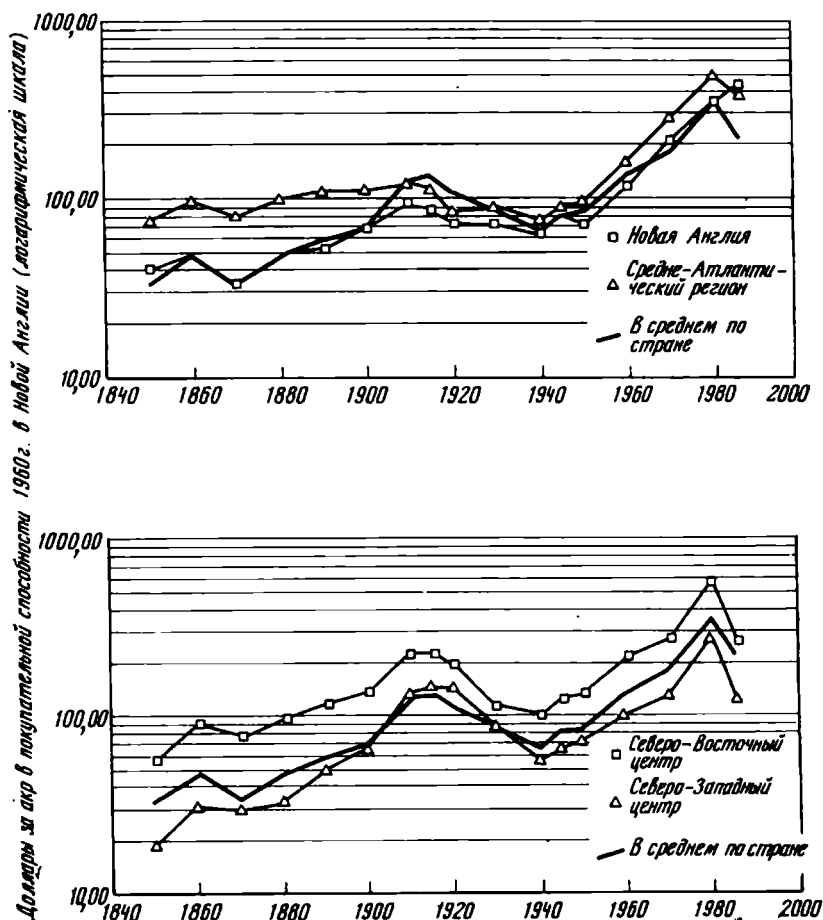
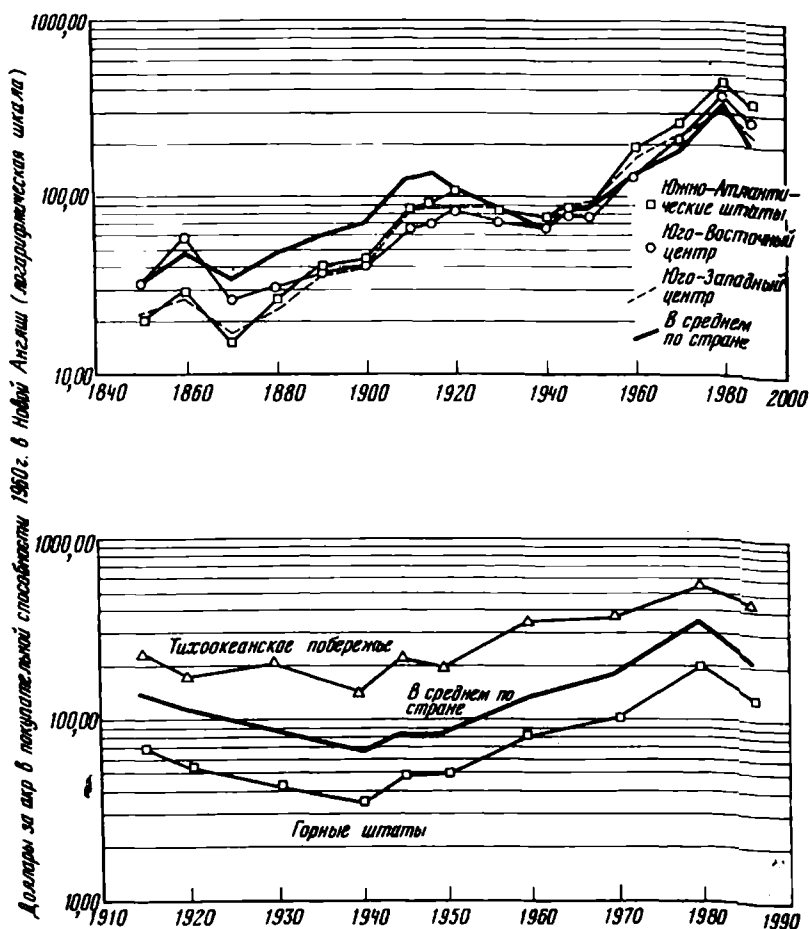

Рис. 2. Реальная цена акра усовершенствованной земли, скорректированная с учетом различий между штатами, по регионам для 17 временных точек, 1850—1986 гг.

мости необработанной земли, в то время как движение цен с 1915 г. было ближе к некорректированным данным. Поскольку подобные тренды всплывают как из некорректированных данных об изменении стоимости земли, так и из скорректированных данных об изменении цен, мы можем сэкономить здесь на таблицах и графиках, рассматривая только некорректированные стоимости по стране (табл. 1 и рис. 1), включающие годовую стоимость с 1900 г. и скорректированные региональные и по всей стране цены по 17 точкам с 1850 г. (табл. 2 и рис. 2)⁴.

Средняя цена сельскохозяйственной земли в США с 1850 года. Хронологический анализ длительной динамики цен лучше начать с 1850 г., с появления серии переписей департамента сельского хозяйства США, и отложить до следующего раздела обсуждение движения до 1850 г., с тем чтобы тренды и дефицит ранних данных рассмотреть в совокупности.

В 1850—1915 гг. реальная⁵ цена сельскохозяйственной земли возросла примерно в 4 раза, или в среднем за год увеличилась на 2,08 % (табл. 1 и рис. 1). Какая доля прироста ценности земли приходилась на прирост собственно цен, на прирост капитала? Оказывается, более 100 %. Реальная цена сельскохозяйственной земли при фиксированном качестве (табл. 2 и рис. 2) выросла более чем в 4 раза, увеличившись на 2,18 % в год. Вследствие освоения менее продуктивных земель прирост цены превзошел полный прирост ценности. Освоение западных земель тормозило рост среднего качества американской фермерской земли более чем на 0,29 % в год прироста качества от вложений в определенный участок.

Несмотря на 29%-ное падение цен аграрной земли в масштабах страны, в десятилетие Гражданской войны произошел общий рост цен. Во времена движений фермерского протеста (1870—1900) рост стоимости фермерского капитала соответствовал фактически среднему за весь рассматриваемый период, что отмечалось Бауманом⁶, а также Фогелем и Ратнером⁷. Наиболее быстрое повышение стоимости пришлось на 1900—1910 гг., породив «золотое время», когда благоприятное для фермеров соотношение индексов цен достигло своего максимума в 1910—1914 гг. и с тех пор стало нормой для цен «паритета». В первом десятилетии этого века реальная цена фермерской земли увеличивалась на 6 % в год, что является самым высоким курсом в истории США, за исключением 70-х годов XX в. (и, возможно, 1790-х годов, о которых речь пойдет ниже).

Все регионы внесли вклад в общий национальный тренд 1850—1915 гг., хотя и с некоторыми различиями. На Юге в десятилетие Гражданской войны потери реального капитала фермерской земли данного качества составили 50 %. Цены сельскохозяйственной земли на Юге упали до 55—60 % от национальной средней и оставались на этом уровне до 1915 г., соответствуя невыгодному положению Юга в валовом доходе на душу населения. Северные штаты после умеренных потерь фермерской земли в период Гражданской войны стабилизировали свои темпы в конце XIX столетия. В начале текущего столетия у фермеров Северо-Востока темп роста стоимости основного имущества был медленнее, чем в других регионах.

Первый кризис цены земли в XX в. был фактически более обширным и продолжительным, чем принято считать. То, что объявлялось как два отчетливых кризиса — спекулятивный кризис 1920—1921 гг. и сокрушительный кризис начала 30-х годов, фактически было только частями долгого периода беспроблемного ухудшения положения фермеров. Фермерский кризис 1920—1921 гг. рассматривался как сокрушительное поражение оптимистических чаяний, что сохранится конъюнктура времен первой мировой войны⁸. Соглашаясь с тем, что послевоенный кризис был тяжелым, историки разошлись во мнениях относительно конца 20-х годов. Одни считали, что все десятилетие продол-

Таблица 1

Цены сельскохозяйственной земли и плата за ее аренду в США, 1805—1986-е годы

Год	Цена акра земли		Денежная рента с:	
	номинальная	в ценах 1960 г.	недвижимостью на акр	акра в ценах 1960 г.
1986	516,71	139,56	160,98	19,29
1985	589,52	162,29	186,93	22,07
1984	678,53	193,46	222,96	25,04
1983	682,78	202,96	234,23	25,85
1982	712,19	218,51	252,51	26,76
1981	706,97	230,21	266,69	26,85
1980	635,32	228,33	264,88	27,69
1979	522,21	213,06	256,06	29,18
1978	404,97	183,83	221,52	29,64
1977	371,36	181,49	218,94	30,16
1976	320,81	166,90	201,33	27,76
1975	280,59	154,39	186,53	25,87
1974	249,45	149,80	181,36	23,91
1973	202,71	135,09	163,94	20,75
1972	177,39	125,57	155,03	
1971	164,20	120,07	148,44	
1970	157,94	120,46	149,49	20,86
1969	151,52	122,40	151,87	21,41
1968	144,52	123,01	152,37	
1967	134,77	119,54	149,02	21,07
1966	126,77	115,68	144,18	19,89
1965	116,07	108,95	137,04	18,76
1964	108,95	104,02	131,76	17,08
1963	102,01	98,68	125,75	16,71
1962	96,14	94,13	121,40	15,99
1961	91,18	90,27	116,81	
1960	89,23	89,23	116,00	
1959	84,15	85,47	112,75	
1958	77,25	79,09	105,45	
1957	71,43	75,14	102,05	
1956	67,38	73,35	99,07	
1955	61,58	68,05	93,93	
1954	58,69	64,65	90,32	9,28
1953	59,60	66,26	91,82	
1952	58,69	65,42	91,40	
1951	53,45	60,89	85,44	
1950	45,93	56,51	79,97	8,49
1949	47,14	58,56	81,98	
1948	45,84	56,39	78,74	
1947	43,24	57,30	79,51	
1946	38,23	57,96	80,36	
1945	33,94	55,82	77,29	
1944	30,46	51,23	72,23	
1943	27,14	46,41	64,97	
1942	24,16	43,85	61,71	
1941	22,59	45,40	64,31	
1940	22,59	47,72	67,61	8,03
1939	21,65	46,11	68,17	
1938	22,63	47,52	69,29	
1937	22,63	46,66	68,05	
1936	21,65	46,21	68,31	

Год	Цена акра земли		Денежная рента с:	
	номинальная	в ценах 1960 г.	недвижимостью на акр	акра в ценах 1960 г.
1935	22,30	48,11	69,02	
1934	21,31	47,15	68,59	
1933	21,29	48,67	68,58	
1932	26,00	56,32	80,14	
1931	32,00	62,25	85,59	
1930	35,73	63,29	86,60	9,19
1929	35,98	62,14	84,62	
1928	36,24	62,58	84,62	
1927	37,24	63,46	85,21	
1926	39,00	65,27	87,03	
1925	40,78	68,80	91,12	
1924	41,62	72,00	93,41	
1923	44,04	77,44	97,20	
1922	45,72	80,71	100,63	
1921	63,15	87,96	107,57	
1920	57,50	84,93	101,92	9,31
1919	48,31	82,59	99,17	9,87
1918	44,12	86,80	104,28	10,61
1917	40,76	94,02	113,02	11,60
1916	38,25	103,77	124,81	13,01
1915	35,73	104,06	125,23	13,45
1914	36,54	107,64	129,61	13,12
1913	35,69	106,66	128,50	12,83
1912	34,84	105,65	127,36	12,71
1911	33,99	106,20	129,09	12,75
1910	33,14	103,08	124,97	12,44
1909				12,51
1908				12,12
1907				11,47
1906				11,52
1905	21,11	70,20	87,84	11,66
1904				11,57
1903				11,21
1902				11,46
1901				11,81
1900	15,30	54,39	70,32	11,74
1890	16,20	52,19	70,01	
1880	13,98	42,39	57,65	
1870	13,14	30,79	42,79	
1860	11,67	38,81	54,28	
1850	7,68	27,31	39,63	
1805	4,02	9,52		

Примечания и источники к рис. 1 и табл. 1

Фермерское недвижимое имущество (земля и строения) на акр за период 1850—1910 гг. — в годы сельскохозяйственной переписи и ежегодно в 1910—1986 гг. использованы средние по 48 штатам данные, начиная с первых имеющихся, т. е. с 1850 г., подсчитанные по официальным данным департамента сельского хозяйства США. Сведения за 1850—1970 гг. взяты у Клифтона и Кроули (см.: *Clifton I. D., Crowley W. D., Jr. Farm Real Estate Historical Series: 1850—1970*. Wash., 1973. USDA, Economic Research Service, Bulletin ERS 520). Оценки за 1905 г. взяты у Холмса (см.: *Holmes G. K. Changes in Farm Values, 1900—1905*. Wash., GPO, 1906. USDA Bureau of Statistics — Bulletin N 43. Я обязан Полу Роуду за эту ссылку) и сравнены с данными переписи 1900 года с помощью отношений 1905/1900 того же Холмса (*Ibid.* P. 11). Данные с 1970 г. заимствованы из регулярных публикаций Обзора экономических исследований департамента сельского хозяйства США, первоначально выходящих под названием: *Farm Real Estate Mortgage Market Developments*, а позже — *Agricultural Resources: Agricultural Land Values and Markets...*

жалась непрерывная депрессия в сельском хозяйстве, другие находили, что была передышка перед следующим кризисом, резким спадом 1929—1933 гг. Обе стороны недооценивают длину и глубину длившегося с 1914 по 1942 г. кризиса для собственников земли и арендаторов. Существуют две причины этих заблуждений. Одна исходит из того, что экономисты называют «денежной иллюзией»: эти авторы рассматривают движение дохода в номинальных, или текущих, ценах, не учитывая более значительных колебаний в расходах фермеров. Другая состоит в том, что слишком мало внимания уделяется различиям в положении трех основных групп в сельском хозяйстве — собственников земли, арендаторов и наемных рабочих⁹.

На рис. 1 и 2 представлены надежные данные о ценах сельскохозяйственной земли, в частности о ценах на землю при постоянном качестве, дефлятированных из номинальных цен посредством индекса стоимости жизни. В противоположность впечатлению, которое складывается о буме во время первой мировой войны по текущим ценам, реальная ценность фермерской земли (и доходов арендаторов) падала начиная с 1914 г. Во время войны прыжок в фермерских ценах был превышен резким скачком тех цен, которые платили фермеры, и реальная ценность земли, таким образом, падала с 1914 по 1919 г. Можно ли согласовать это падение цены земли с ростом реального дохода фермерского сектора с 1910—1914 гг. до 1919 г. (примерно на 50 %)? Группа, получавшая в течение первой мировой войны высокие доходы в сфере сельского хозяйства и потерявшая их после, — это не собственники земли, а те, кто реально на ней

Цена акра сельскохозяйственной земли за 1805 г. приводится по данным Блэджета (см.: *Blodget S. Economica: A. Statistical Manual for the United States of America* N. Y., 1964. P. 60, 196).

По его оценке, площадь земли включает 39 млн акров «культивируемой» и 150 млн акров «присоединенной» земли. Подробнее о данных Блэджета см.: WP. App. B.

Цена акра сельскохозяйственной земли, 1850—1986 гг. источники те же, что и для недвижимого имущества. Доли стоимости земли в общей стоимости недвижимого имущества за 1900 г. взяты из сельскохозяйственной переписи 1920 года, а также у Клифтона и Кроули (см.: *Clifton I. D., Crowley W. D., Jr. Op cit.*). Предполагается, что доли за 1850—1890 гг. равны соответствующим характеристикам 1900 г. См. подробнее: WP. App. B.

Денежная рента по пяти штатам Среднего Запада, 1900—1986 гг. Погодные данные за 1900—1920 гг. извлечены у Чамберса (см.: *Chambers C. R. Relation of Land Income to Land Value // U. S. Department of Agriculture Bulletin. № 1224. Wash., 1924*), сведения за 1920, 1930, 1940, 1950 и 1954 гг. — из сельскохозяйственных переписей за соответствующие годы. Ежегодные данные за 1962—1986 гг. взяты из указанных выше публикаций Обзора экономических исследований департамента сельского хозяйства США.

Данные по денежной ренте рассчитаны как взвешенные по площадям средние из средних значений по отобраным Чамберсом пяти штатам: Огайо, Иллинойс, Айова, Висконсин и Миннесота. Данные за 1900—1915 гг., представленные относительно малочисленной выборкой, были соединены с более полными данными 1916—1920 гг. Ряд погодных данных с 1962 г. относится к валовой денежной ренте за акр полностью арендуемых ферм, предположительно включающей не только посевные площади и пастбища, но и строения. Более полное обсуждение этого вопроса изложено в: WP. App. E.

Индекс потребительских цен представляет собой сращенный ряд, за базу принят 1960 г. За 1850—1913 гг. сращения вместе показателя стоимости жизни Адамса, Гувера, Лонга и Риса, приводимые департаментом труда США (см.: *U. S. Department of Labor: Handbook of Labor Statistics, 1970. Wash., 1970. P. 285*). Для 1805—1850 гг. использованы ряды показателей стоимости жизни Дэвида и Солара (*David P. A., Solar P. A. Bicentenary Contribution to the History of the Cost of Living in America // Research in Economic History. 1977. № 2. P. 1—80*).

**Реальная цена акра «усовершенствованной» земли, скорректированная с
(в ценах потребителя Новой**

	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.
Новая Англия	41,26	46,22	33,54	49,07	54,04	71,04	91,57
Средне-Атлантические штаты	78,00	98,61	82,23	102,41	112,32	113,83	126,66
Северо-Восточный центр	57,37	92,66	77,96	99,44	121,53	141,64	233,35
Северо-Западный центр	19,03	31,67	30,39	34,01	51,29	67,50	136,22
Южно-Атлантические штаты	20,23	29,28	14,98	26,34	41,35	45,30	87,31
Юго-Восточный центр	32,47	58,85	26,31	30,93	37,96	41,44	65,00
Юго-Западный центр	21,73	26,89	16,75	23,43	35,39	38,90	86,12
Горные штаты							
Тихоокеанские штаты							
США	34,06	49,08	34,78	47,43	59,82	70,88	128,19
Прирост за год в % США		3,72	-3,38	3,15	2,35	1,71	6,10
Номинальный прирост за год в % по США		4,42	0,06	0,52	1,73	0,71	7,48

Примечания и источники к табл. 2 и рис. 2

Реальные цены акра усовершенствованной земли с 1850 по 1966 г. извлечены из переписей и сведений департамента сельского хозяйства США, где явные данные отсутствуют, посредством ряда действий, описанных детально в: WP. App. B — D.

Исходными для корректировки являются данные о ценах акра фермерской земли без стоимости строений на уровне штата. Региональные и национальные средние скорректированы так, чтобы избавиться от влияния географического фактора. Перед первой мировой войной смещение границы заселения на запад создавало четкую тенденцию к ухудшению качества земли в среднем. Таким образом, проведенная корректировка повышает темп роста цен на землю в определенных местах. См. подробнее: WP. App. C.

Затем используются особые региональные дефляторы стоимости жизни с тем, чтобы

работал. Последние получали доход от труда своих семей, не от роста ценности земли.

Вслед за падением ценности земли в 1919—1921 гг. наметился слабый подъем, вызванный более быстрым падением тех цен, по которым фермеры покупали. В конце 20-х годов видим дальнейшее падение стоимости недвижимого имущества, что контрастирует с восстановлением реальной заработной платы рабочих и слабым приростом побочных доходов фермеров и арендаторов. Кризис начала 30-х годов был бесспорно жестоким, но его необходимо рассматривать как часть сильного понижения конъюнктуры, длящегося до второй мировой войны. Общее падение ценности земли в 1914—1942 гг. составило 59 % (3,16 % в год). Это падение состоит преимущественно из падения цен, а не изменения качества земли. Например, за 1915—1940 гг. реальная цена земли упала на 51 % (табл. 2), в то время как качество — только на 1,5 %. В период приблизительно с 1914 по 1942 г. возникла новая волна опровержений тезиса Мальтуса — Рикардо о том, что стоимость земли должна повышаться с ростом производительности труда.

Таблица 2

учетом различий между штатами, по регионам, 1850—1986 гг.
Англия, 1960 г., долл. за акр)

1915 г.	1920 г.	1930 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1986 г.
90,39	74,90	72,19	65,54	83,29	72,92	116,53	205,66	323,14	409,22
115,94	86,81	91,46	79,54	93,84	97,49	163,00	279,40	475,06	373,41
232,29	205,20	116,37	104,54	129,01	137,77	217,55	271,05	568,72	260,63
147,60	146,63	89,71	57,64	67,78	75,24	102,41	128,46	269,86	120,24
91,24	109,00	87,51	75,02	90,97	87,35	184,71	258,06	450,27	337,47
70,49	83,04	73,74	67,71	78,01	77,08	127,76	206,25	372,80	269,23
87,53	89,19	83,91	68,83	87,28	93,55	160,78	223,44	302,04	237,53
69,22	54,11	43,09	34,67	48,36	49,90	81,90	102,12	191,56	127,03
241,57	181,95	213,04	148,60	226,44	202,54	354,92	362,48	514,20	417,99
137,95	114,35	86,98	67,19	83,86	86,26	134,84	178,28	336,53	205,87
1,48	—3,68	—2,70	—2,55	4,53	0,57	4,57	2,83	6,56	—7,86
2,93	10,31	—4,45	—4,25	9,91	6,58	6,76	5,66	14,88	—3,37

преобразовать номинальные цены в реальные. Дефлятор относится к потребительскому набору городских рабочих. В результате реальная (дефлированная) цена покупательскую силу акра земли, как если бы выручка от его продажи была потрачена в городе того же самого региона. В WP. App. C изложены детали методики, в WP. App. B рассмотрены сходные по поведению дефляторы цен на сельскохозяйственную продукцию для отдельных штатов.

Наконец, из цены исключается влияние улучшения земли. Для корректировки данных за 1850—1950 гг. использованы доли «усовершенствованной» земли из переписи и лебе для каждого региона. В 1950—1986 гг. движения качества земли по оценкам Тосточены Петерсоном (см.: *Peterson W. Land Quality and Prices // American Journal of Agricultural Economics*. Vol. 68. 1986. Nov. N 4. P. 812—819). Подробнее см.: WP. App. D

В соответствии с результатами для 1915—1940 гг. (табл. 2 и рис. 2) регионы не в равной мере несли бремя потерь капитала в сельском хозяйстве. Северным центральным штатам жилось хуже, особенно на западе Миссисипи, в то время как потери фермеров-собственников на Северо-Востоке и Юге были меньше, чем в среднем по стране. Странно, что Юг был относительно пощажен. Действительно, к 1940 г. цены фермерской земли на Юге подтянулись к понижающейся более быстрыми темпами национальной средней цене акра усовершенствованной земли, что контрастировало с продолжающейся отсталостью Юга в показателях дохода на душу населения (на 40—50 %). Также вызывает удивление, что сближение цен на землю в южных и других штатах произошло между 1915 и 1930 гг., т. е. еще до того, как государством был взят новый экономический курс в отношении сельского хозяйства, дающий преимущества землевладельцам Юга.

Между 1940 г., близ которого наблюдается спад, и 1980 г., на который приходится пик, реальные цены фермерской земли увеличились в пять раз. Реальный темп прироста ценности зем-

ли составил 4,11 % в год, значительно выше, чем в 1850—1915 гг. Как показывают рис. 1 и 2, рост был монотонным и весьма устойчивым. На 70-е годы, как отмечалось, приходится максимальный прирост стоимости, когда реальные цены земли возрастали на 6,56 % в год. За эти 40 лет рост был свойствен всем регионам, хотя рост в Новой Англии и на Юге слабо опережал национальную среднюю этого периода. В III разделе мы коснемся вопроса о том, как мало мы знаем о причинах этого впечатляюще устойчивого роста.

В 80-е годы произошло самое резкое в истории Америки падение фермерских цен. С 1981 г., снижаясь к 1986 г., реальная ценность акра сельскохозяйственной земли в среднем в США унала на 39 % (или 9,5 % в год) (табл. 1), фактически это снижение определялось чистым падением цен. Так как последние выросли на 83,3 % по сравнению с предыдущим 9-летием, вполне возможно то, что мы наблюдаем, это пример спекулятивного бума и спада, подобный тому, что имел место в течение и после первой мировой войны. В дальнейшем мы вернемся к вопросу о том, действительно ли эти колебания носили спекулятивный характер. Во всяком случае, спад в этом последнем 5-летии был тяжелее, чем в любом другом 5-летии рассматриваемого периода, включающем такие трудные времена, как конец первой мировой войны и период Великой депрессии.

Стоимость земли до 1850 года. Если в период с 1850 по 1915 г. цены на землю выросли в четыре раза, то был ли таким же рост до этого периода? Определяется ли возрастание ценности земли ростом собственно цен? Иначе говоря, возможно ли, что в течение столетия или даже за более длинный промежуток времени земля данного качества становится более дефицитной, несмотря на продолжающийся процесс заселения новых земель?

Исследуя временной период до 1850 г., мы вступаем в период «статистического мрака». Однако авторы прошлого частично прояснили его и дали нам возможность получить по крайней мере общее представление о двух столетиях, предшествующих 1850 г. Прежде всего мы располагаем оценками Блэджета¹⁰ ценности сельскохозяйственной земли в США за 1774—1805 гг. Из приведенной им средней стоимости акра в 1805 г., недокументированной, но заслуживающей рассмотрения ввиду его должной компетентности, вытекает, что, несмотря на доступность более дешевых земель на Западе, реальная средняя ценность сельскохозяйственной земли в США с 1805 по 1850 г. примерно удвоилась. Блэджет также представил ряды цен двух бытовавших в то время в США крайних типов земли. На рис. 3 представлены его оценки ценности акра возделанной земли и земли «в ее натуральном состоянии» в 1774—1805 гг. Оба ряда дают возможность предположить, что стоимость земли понизилась во время Революции, но стремительно возросла позже, в 1790—1805 гг.

Слова необходимо воздать должное различиям между изменениями цен и качества земли. В границах Америки земля

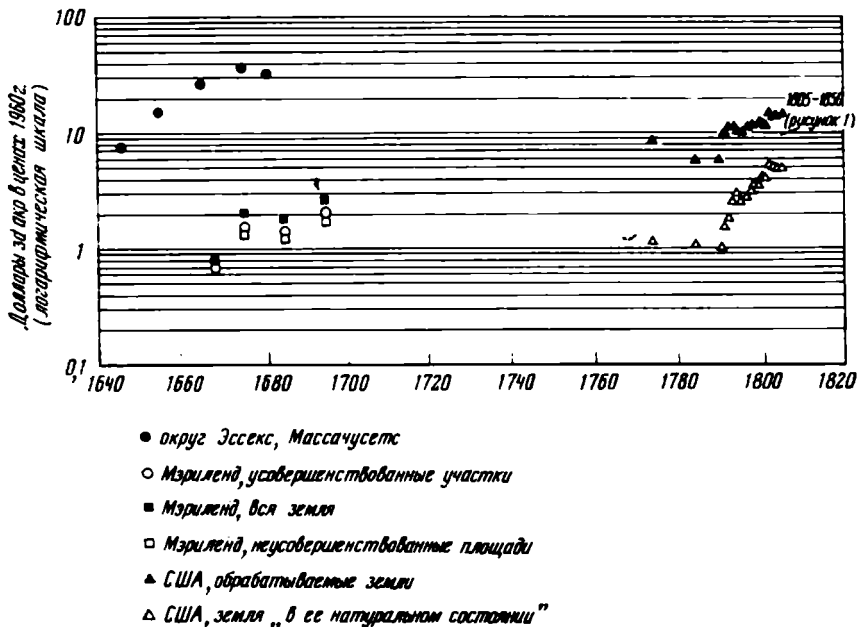

Рис. 3. Некоторые данные о цене земли в Америке, 1642—1805 г.

Примечания и источники:

▲ ▲: Цены обрабатываемой земли и земли «в ее натуральном состоянии», США, 1774—1805 гг. — по Блэдкету (см.: *Biogel S. Economics: A Statistical Manual for the United States of America*. N. Y., P. 60). Дополнительная точка за 1805 г. является начальной точкой ряда показателей цены земли, изображенной на рис. 1.

■: для колониального Мэриленда, 1664—1699 гг. — средние за десятилетия (1664—1669, 1670-е, 1680-е, 1690-е годы) цена акра усовершенствованных участков, всех участков и неусовершенствованных участков соответственно взяты у Вискофа (*Wyskoff V. J. Land Prices in Seventeenth-Century Maryland // American Economic Review*. Vol. 28. 1938. Mar. N 1. P. 82—88).

●: для прибрежного округа Эссекс, Массачусетс, север Бостона, 1642—1682 гг. — десятилетние средние Дэвиссона из ежегодных средних цен акра земли (*Davison W. I. Essex County Price Trends Money and Markets in 17th Century // Massachusetts Essex Institute Historical Collections*. Vol. 103. 1967. Apr. N 2).

Денежное обращение: Данные Вискофа (*Wyskoff V. J. Op. cit.*) в фунтах табака с акра превращены в фунты стерлингов посредством цен на табак производителя в Мэриленде или Чесапике (*Historical Statistics of the United States*. Vol. 2. Ser. 2583—2584). Ряды цен в фунтах стерлингов для Мэриленда и Массачусетса были переведены в доллары по курсу 1 ф. ст. равен 4,15 долл.

Дефлятор потребительских цен: расширяя к 1774 г. последовательность сращенных индексов, используемых в рис. 1, я придерживался индексов цен Дэвида — Солара. За 1720—1774 гг. пришлось использовать оптовые цены Коула (*Historical Statistics*. Vol. 2. Ser. 2557). За 1700—1720 гг. я взял цены Бостона на пшеницу (в серебре). За 1760—1779 — 1690—1699 гг. я использовал цены Андерсена в Новой Англии за десятилетний период (см.: *Anderson T. L. The Economic Growth of Seventeenth Century New England*. N. Y., 1975) и дополнил их индексом годовых потребительских цен Дэвиссона по Массачусетсу XVII в. Итоговые ряды цен, переведенные в фунты стерлингов, были также применены к оценке цены земли Мэриленда.

быстро перешла из состояния совершенно неиспользуемой к состоянию «неусовершенствованной, но в ферме» (необработанные земли, используемые под пастбища, леса и проч.) и к земле, полностью возделанной. Темп освоения земли постепенно замедлялся. Доля усовершенствованной земли в общей сельскохозяйственной земле достигла пика только в 1910 г., а общая площадь земли в фермах достигла максимума только в 1950 г. В конечном счете из общей площади фермерской земли 1950 г. только

четверть была освоена к 1850 г., а прежде освоение шло еще медленнее¹¹.

Тщательный анализ дает возможность показать, как оценки Блоджета учитывают изменения в цене и качестве земли в периоды 1774—1805 и 1805—1870 гг.¹² Их точность зависит от того, что Блоджет понимает под площадью неусовершенствованной земли в фермах. Как ни узка область предпосылок, чтобы делать выводы, в том и в другом периодах заслуживает внимания рост стоимости фермерской земли. Из данных Блоджета вытекает, что реальные цены земли фиксированного качества в 1774—1805 гг. повысились по крайней мере на 121 %, т. е. более чем удвоились. Поскольку рис. 3 показывает, что все реальное повышение пришлось на 1790—1805 гг., этот период сравним с 1970-ми годами, эрой наибольшего роста стоимости ферм в США. В 1805—1850 гг. реальные цены земли фиксированного качества снова возросли более чем в два раза, а возможно, и утроились в зависимости от того, как мы воспринимаем оценки Блоджета за 1805 г. Корректность всей цепи утверждений о повышении цен на землю в 1790—1915 гг.—они по меньшей мере удвоились в 1790—1805 гг., затем возросли более чем вдвое в 1805—1850 гг. и увеличились более чем в четыре раза в 1850—1915 гг.—зависит от точности данных за период до 1850 г., в связи с чем возникает естественный вопрос: можем ли мы доверять ранним оценкам? Для проверки данных Блоджета нужны новые архивные сведения.

Если цены на фермерскую землю росли так быстро после независимости, был ли таким же быстрым их рост в колониальную эпоху? Наши скудные сведения не дают оснований утверждать это. Начнем со сравнения Мэриленда XVII в. с 13 колониальными штатами в 1774—1805 гг. Как показано на рис. 3, средняя стоимость всех неусовершенствованных фермерских земель в США (к востоку от реки Миссисипи) в 1790 г. не выше, чем стоимость неусовершенствованных фермерских земель в Мэриленде в XVII столетии. Даже цена усовершенствованной земли не поднимается от 1690 к 1774 г. так быстро, как это происходит после 1790 г. Из этого сравнения можно сделать вывод о том, что с конца XVII до конца XVIII в. ценность земли возрастала медленнее, чем после независимости.

Конечно, из-за малочисленности данных и разнородности земель картина колониальных времен получается запутанной. Прежде всего земля чрезвычайно различается по ценности. Как в XVII в. (см. рис. 3), так и в XIX в.¹³ земля побережья Новой Англии была много ценнее, чем земля побережья в Мэриленде или на Юге. Цены были значительно ниже внутри континента. Кроме того, картина изменений цен на землю в колониальную эпоху зависит от того, рассматриваются ли цены только тех земель, которые фактически обрабатывались в колониальную эпоху, или цены всех тех земель в 1950 г., когда площадь обрабатываемой земли достигла своего максимума.

Безусловно, необходимы более тщательные архивные поиски цен на землю. На базе тех сведений, которыми располагаю, я считаю, что средняя стоимость фермерской земли росла значительно медленнее с конца XVII в. до независимости, чем это было позже, в первом столетии после независимости¹⁴.

Рента, цена земли и норма прибыли. Наш обзор покупных цен земли дал возможность сделать некоторые выводы о долгосрочных трендах дефицита сельскохозяйственной земли в Америке: незначительное повышение цен в колониальную эру, затем быстрый рост цен после независимости и продолжающееся повышение цен в конце XIX столетия. Наибольшее нарушение в этом постепенно ослабевающим росте вызвали 29%-ные потери капитала в десятилетие Гражданской войны. Для XX в. характерен широкий размах в ценах на землю: возрастание до 1914 г., 59%-ное падение с 1914 по 1942 г., утроение цен с 1942 до 1973 г. и беспрецедентное падение с 1973 г. Насколько эти колебания определялись изменениями действительной продуктивности земли в текущем сельскохозяйственном производстве? До какой степени они отражали «спекулятивные» силы, насколько они определялись колебаниями нормы процента, в которой стоимость земли капитализирована, налоговой политикой или другими изменениями в характере имущественных прав?

Для ответа на поставленные вопросы прежде всего необходимо провести сравнительный анализ покупных цен и годовых арендных платежей. Поскольку рента стремится сравняться с прибавочным продуктом земли, движение арендных платежей отражает, как правило, влияния на дополнительную продуктивность акра земли данного качества. Другие факторы (расчет на спекуляцию, норма процента, налоги и права на собственность) в большей степени воздействуют на отношение ренты к цене (или на величину, обратную коэффициенту капитализации, обозначавшуюся в английской исторической литературе термином *число покупок в год*). Чтобы в определенной мере учесть различные факторы, обратимся к рассмотрению фермерской ренты в три этапа: 1) рассмотрим по имеющимся данным тенденции изменения реальной ренты в XX в.; 2) изучим поведение отношения рента/цена в этом столетии и 3) сделаем косвенные выводы относительно трендов реальной ренты до 1900 г., используя рассмотренный для текущего столетия характер развития отношения рента/цена. Знание ренты, а также коэффициента роста стоимости капитального имущества позволяет нам сделать некоторые выводы о тенденциях изменений общей нормы прибыли для собственников земли.

Благодаря классическому исследованию Клайда Чамберса¹⁵, переписям 1930—1954 гг. и ежегодным обзорам департамента сельского хозяйства США с 1962 г. мы имеем данные об арендной плате для пяти западных штатов¹⁶ за XX столетие. К сожалению, данные не полны, три сопоставляемых ряда несколько отличаются охватом¹⁷. Более того, эти три ряда частично не сов-

падают во времени, что препятствует непосредственной проверке их сравнимости. Рис. 1 включает данные Чамберса, сельскохозяйственных переписей 1930—1954 гг. и данные департамента сельского хозяйства США. Ряды арендных платежей показывают в общих чертах ту же самую тенденцию развития для Среднего Запада и для США в целом, что и ряды покупных цен, но с некоторыми различиями. Арендная плата на Среднем Западе выросла с 1900 по 1915 г. Подобно ценам на землю, она падала до второй мировой войны, хотя ее снижение было не столь значительным. После второй мировой войны как арендная плата, так и цены выросли. И те, и другие испытали скачок в 70-х и падение в 80-х годах, но при этом выделились два различия. Во-первых, арендная плата начала падать после того, как достигла пика в 1977 г., а для цен сельскохозяйственной земли таким переломным моментом был 1981 г. Во-вторых, ценам на землю в большей степени, чем арендной плате, было свойственно движение по спирали, в результате чего падение в 1974—1980 гг. показателя рента/стоимость было круче, чем рост.

Неудивительно, что, как правило, арендная плата и цены двигались в течение столетия синхронно. Они объединены рынком. Инвеститоры могут выбирать, становиться ли им владельцами земли, облигаций или акций. Арендная плата есть часть дохода от владения аграрной землей, другая часть — чистый доход за счет повышения цен и государственной поддержки собственников земли (минус стоимость ремонтных работ, амортизация, налоги и выплаты за риск). Если арендная плата повысилась относительно цен на землю по некоторым внешним причинам, то увеличиваются инвестиции в землю, причем устанавливаются цены, которые приводят в соответствие ренты к цене с процентной ставкой, ожидаемыми ценами и другими факторами. Но этим же причинам падение арендной платы сопровождается падением цен.

Однако соотношение между ценами и арендной платой не является постоянным. В каждом из трех рассмотренных периодов (1900—1920, 1930—1954, 1961—1986 гг.) отношение рента/стоимость двигается циклически, предлагая *определенную схему предсказания ошибок*: чем последующее значение реальной цены сельскохозяйственной земли выше (ниже) ее предыдущего значения, тем больше сверхоптимизм (сверхпессимизм) относительно последующего движения цен.

Например, падение отношения рента/стоимость в начале этого столетия не может быть объяснено ни процентной ставкой, ни налогами, ни правительственными субсидиями, ни другими подобными причинами, поскольку, как представляется, они должны были уменьшить риск землевладельцев. Объяснение лежит в ожиданиях фермеров относительно будущего роста цен и арендной платы. Были ли они правы в своих прогнозах? Ясно, что их ожидания не оправдались в 1920 г., когда за снижением отношения рента/стоимость немедленно последовало падение

арендной платы и цены. Наивность ожидаемого роста цен подтверждена документами в литературе¹⁸. Поведение цен в 1920 г., конечно, выглядит спекулятивным бумом, и я согласен с такой интерпретацией, хотя экономисты справедливо настаивают на том, что поведение инвесторов, принимая во внимание ложные прогнозы, не было иррациональным или нестабильным.

С другой стороны, к 1940 г. настроения инвесторов относительно ценности сельскохозяйственной земли были излишне пессимистичными. Процентная ставка и доход от акций были очень низкими, начало войны привело к инфляции, которая особенно сильно коснулась цен на сельскохозяйственную продукцию. С высоты современного взгляда это время было вполне благоприятным для вложений в сельскохозяйственную землю. Фермеры излишне пессимистично оценивали падение цен относительно предыдущего их движения.

Движение ренты с 1962 г. также свидетельствует о том, что ошибки прогнозов инвесторов носили циклический характер. Отношение ренты к цене упало приблизительно с 7 до 5 %, достигнув своего минимума в 1980 г., затем вновь возросло в кризисные 80-е годы, достигнув уровня начала 1960-х годов. С другой стороны, по-видимому, как и в двух ранних периодах, обеспеченных данными о ренте, ошибки прогноза рыночных цен были безусловно связаны с отклонениями цен на землю от значений, подсказываемых предыдущей долговременной тенденцией их развития. Когда отношение ренты к цене в 1980 г. стало минимальным, а цена достигла своего циклического пика, инвесторы ожидали ускоренного роста платы за аренду в будущем.

Были ли падение и рост отношения рента/цена спекулятивным бумом цен на землю? Сразу после краха 80-х годов экономисты склонялись к утвердительному ответу. Эконометрическое исследование Мура и Мейерса¹⁹ отвергает вариант гипотезы благоприятной конъюнктуры на рынке сельскохозяйственной земли даже для временных рядов, кончающихся 1981 г., когда цена земли была максимальной. Барт²⁰ считает, что рынок сельскохозяйственных земель реагирует на обнаружение своих ошибок уменьшением колебаний. Фитерстоун и Бейкер²¹ на данных обо всем фермерском (движимом и недвижимом) имуществе в США за период 1910—1985 гг. фиксируют чрезмерный рост и бум.

Впрочем, убеждение, что на рынке сельскохозяйственной земли произошел спекулятивный бум, не является обязательным в нашем исследовании. Достаточно иметь общую картину ошибочных прогнозов, обнаруженных рынком за XX столетие: чем выше ценность земли по отношению к предыдущему долговременному тренду, тем сильнее тенденция к переоценке будущего движения ренты и цены земли. Зная, что так было в XX в., и учитывая теорию рынка, сформулируем рабочую гипотезу относительно того, как изменялось отношение рента/цена и арендная плата в 1850—1900 гг., в период, где данные о ренте отсутствуют. Для начала внесем маленькое дополнение к теории рыночно-

го равновесия. В любой момент времени инвеститоры будут связывать норму прибыли, как показано ниже:

$$\begin{array}{lcl} \text{ожидаемая норма} & = & (\text{рента/стоимость}) + \\ \text{прибыли собственника} & & \text{ожидаемое повышение ин-} \\ \text{земли} & & \text{декса цен на землю} \\ & & - \text{налоги} - \text{издержки и} \\ & & \text{компенсация за неудоб-} \\ & & \text{ства} \end{array} = \text{норма процента на альтернативное имущество}$$

Для отношения рента/стоимость получим ²²:

$$\begin{array}{lcl} \text{рента/стоимость} = & \text{норма процента} - \text{сущес-} + & \text{издержки и компенсация} \\ & \text{твующая инфляция цен} & \text{за неудобства} - \text{ошибка} \\ & \text{на землю} + \text{налоговая} & \text{предсказания цен} \\ & \text{ставка} & \\ \hline & \text{измеримые факторы} & \text{неизмеримые факторы} \\ & & \text{(чистый остаток)} \end{array}$$

Разделение отношения рента/стоимость на две части полезно, поскольку эти составляющие в разной степени обеспечены источниками и отражают разные типы факторов. Движение первого слагаемого можно проследить по данным даже в XIX столетии. Движение второго, вероятно, придерживается модели ошибочных прогнозов, характерной для XX в.

Зная тренды движения цен земли на Среднем Западе, норму процента и налоги за вторую половину XIX столетия, мы можем получить представление о том, как могла в этот период изменяться арендная плата, сведений о которой не имеем. С 1850 по 1860 г. инвестиции в землю Среднего Запада давали по номиналу 9,44 % прироста в год. Мы должны согласиться с тем, что арендная плата также росла, если по каким-либо причинам отношение рента/стоимость не падало быстрее, чем на 9,44 % в год. Но это, безусловно, не факт. Отношение рента/стоимость, вероятно, не понижалось между 1850 и 1860 гг. Оно возросло бы и реальная арендная плата удвоилась бы за десятилетие и в случае некоторого понижения процентной ставки, если бы инвеститоры в 1860 г. предвидели грядущие потери капитала в период Гражданской войны ²³. То, что инвеститоры были сверхоптимистичны в канун Гражданской войны, означает, что они завышали отношение стоимость/рента и занижали отношение рента/стоимость в большей степени, чем объективные и измеримые факторы гарантировали. Относительно 1850-х годов оптимальная рабочая гипотеза состоит в том, что реальная арендная плата повышалась, хотя и не удвоилась, как изменения измеримых факторов подразумевали.

Что касается десятилетия Гражданской войны и периода фермерского протеста 1870—1900 гг., те же самые рассуждения позволяют нам увидеть, что реальная арендная плата была, вероятно, стабильной или же росла слабо, несмотря на более широкие колебания покупных цен фермерской земли. В период Гражданской войны падение ценности земли было, вероятно, обусловлено ростом пессимизма инвеститоров, подкрепляемого

слабым ростом номинальной процентной ставки. Следовательно, рост отношения рента/стоимость должен быть достаточным, чтобы при не очень значительных изменениях в реальной арендной плате гасить падение реальной стоимости. Кроме того, в 1870—1900 гг. реальная плата за аренду земли была не в состоянии следовать за стоимостью сельскохозяйственной земли. Рост стоимости был достаточным, чтобы вызвать падение нормы процента. С понижением процентной ставки отношение рента/стоимость должно падать и к тому же, за исключением 1880-х годов, сильного повышения арендной платы не должно быть.

Итак, реальная арендная плата на Среднем Западе изменялась, по-видимому, следующим образом ²⁴:

Годы	Изменения
1850-е	— росла, хотя, возможно, и не удвоилась;
1860-е	— в отличие от цен земли, которые падали, изменения арендной платы не ясны;
1870-е	— направления изменения не ясны;
1880-е	— увеличивалась, возможно, на 1,6 % в год;
1890-е	— движение не ясно;
1900—1915	— возросла на 0,9 % в год;
1915—1940	— упала примерно на 2 % в год;
1940—1977	— сильный рост примерно на 3,6 % в год;
1977—1986	— упала на 4,8 % в год.

Если арендная плата и рост стоимости фермерской земли испытывали резкие колебания, происходившие примерно в одно и то же время, из этого должно следовать, что то же самое было справедливо для общей нормы прибыли собственников фермерской земли.

Норму прибыли на капитальные вложения в фермерскую землю можно проследить частично для текущего столетия и можно сделать выводы о ее динамике во второй половине XIX в. Однако прежде разумно сделать отступление и поразмышлять о том, что же должно нам дать измерение реализованной нормы прибыли. Очевидно, она покажет реальные ресурсы, которые остаются в руках собственников земли, чтобы их потратить или вновь пустить в оборот. Но при обсуждении ожидаемой нормы прибыли как на другое имущество, так и на последующий реализованный доход с фермерской земли имеют дело с ожидаемой нормой прибыли без первоначального вклада. К сожалению, этот феномен невозможно наблюдать. Даже если бы на рынке было достигнуто равновесие, ожидаемая норма прибыли состояла бы из ожидаемого (или даже определенного) дохода от вложений в другое имущество, а возможностей вклада несколько, и они не могут быть оценены раздельно. Рассмотрим роль неизменяемых характеристик в этих уравнениях (здесь только набранное большими буквами обеспечивается данными):
 1) РЕАЛИЗОВАННЫЙ ДОХОД С ФЕРМЕРСКОЙ ЗЕМЛИ равен ожидаемому (без вклада) доходу с земли плюс чистая ошибка предсказания и 2) ожидаемый доход с фермерской земли ми-

вус ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА НА АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ИМУЩЕСТВО равняются собственно размаху неопределенности плюс доплата за относительные неудобства владения сельскохозяйственной землей, связанные с нежеланием рисковать и т. п., минус ценность удобств, удовольствия и комфорта от владения землей. Так как неизмеряемых характеристик много, общий разрыв между реализованным доходом и альтернативной процентной ставкой объясняет немногое.

Однако заметим, что все эти ненаблюдаемые различия между характеристиками, которые мы можем измерить, считаются неизменными на десятилетия. Ошибка предсказания должна всегда иметь в среднем нулевое значение, как бы ни были широки ее колебания от года к году. Такова закономерность. Полагают, что неудобства, связанные с риском, и благо владения собственной фермой — ценности, присущие фермерскому сектору, — изменяются медленно или не изменяются совсем. Следовательно, если мы наблюдаем устойчивые систематические колебания в отклонении реализованного дохода на фермерскую землю от альтернативной процентной ставки, мы должны выяснить, какие из «неизменных» характеристик в действительности изменяются.

Рис. 4 предлагает ключ к разгадке колебаний нормы прибыли в истории и того, что, возможно, послужило их причиной. Прежде всего обратим внимание на линию, представляющую норму текущей прибыли (при исключенном росте стоимости) на весь фермерский производительный капитал. Ее числитель представляет собой всю ренту, рассчитанную в рыночных ценах фермерского, преимущественно недвижимого имущества. Тренд ренты слабо падает в текущем столетии, и она становится более стабильной. Норма текущей прибыли на производительный фермерский капитал остается близкой краткосрочной процентной ставке за исключением периода инфляции в течение мировых войн, когда реальные доходы в сельском хозяйстве повышались, в то время как процентная ставка падала. Тенденция к устойчивому падению арендной платы наводит на мысль, что настроения, связанные с нежеланием становиться владельцем ферм, уменьшались, возможно, из-за сокращения риска.

На переломе этого столетия, определяемого второй мировой войной, о земельном рынке Среднего Запада можно судить по текущим рентным доходам и реальной процентной ставке в соответствии с данными, которые мы имеем²⁵. Потрясения первой мировой войны и Великой депрессии имели только ограниченное влияние на цену земли. Наибольшие потери капитала произошли в 1916—1917 гг. (—8,8 %), 1917—1918 гг. (—7,7 %), 1931—1932 гг. (—9,5%) и 1932—1933 гг. (—13,6 %). В зависимости от этих потерь необходимо посчитать ренту, подобно тем реальным доходам на все фермерское имущество, о которых шла речь в предыдущем параграфе. Ни одна из этих потерь, ни доходы, подтвержденные документами за 1919—1920 гг., не вышли очень сильно за пределы процентной ставки или последующего

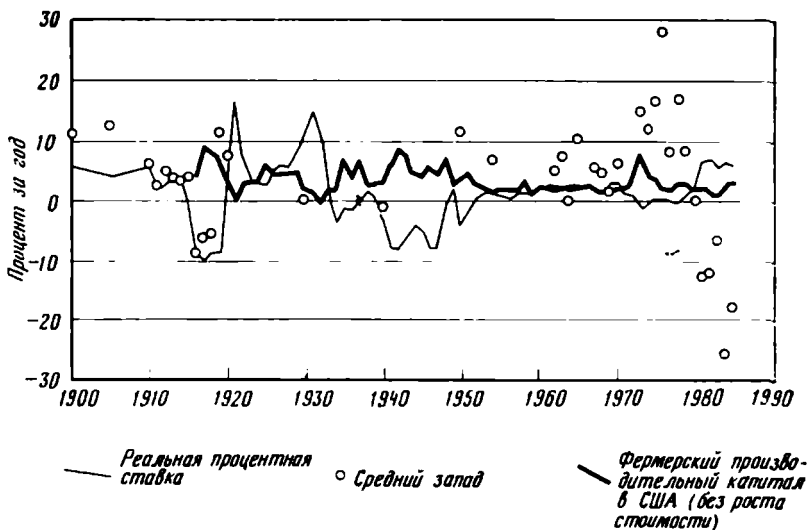

Рис. 4. Реальная годовая норма прибыли на фермерскую землю Среднего Запада в сравнении с реальной годовой нормой текущей прибыли на весь фермерский производительный капитал в США и с реальной процентной ставкой коммерческих бумаг, 1900—1985 гг.

Примечания и источники:

Фермерская земля Среднего Запада: каждый показатель равен отношению рента/цена плюс чистый рост стоимости (по отношению к дефлятору стоимости жизни) минус оценка падения стоимости и налоги на имущество (но без учета дохода и роста стоимости имущества). Налоговые ставки за 1900—1905 и 1985 гг. были экстраполированы из данных за 1910 и 1984 гг. соответственно. Показатель падения стоимости, равный 0,40 % за год для 1900—1954 гг., базируется на оценках Чамберса для 1920 г. и составляет 1,25 % для 1962—1985 гг. по оценкам департамента сельского хозяйства США за 1967—1970 гг. Все данные относятся к пяти штатам Среднего Запада (Огайо, Висконсин, Иллинойс, Айова и Миннесота), средняя посчитана с учетом общей площади в фермах. Цифровые данные и подробности см.: WP, App. E.

Реальная процентная ставка равна ставке 6-месячных коммерческих бумаг с корректировкой на инфляцию потребительских цен. Реальная ставка для 1910—1984 гг. была пересчитана Фитерстоуном и Бейкером (Featherstone A. M., Baker R. G. An Examination of Farm Sector Real Asset Dynamics: 1910—1985 // American Journal of Agricultural Economics. 1987. Aug. P. 545—546), а для 1900, 1905 и 1985 гг. извлечена из: Historical Statistics и Economic Report of the President.

Реальный показатель текущих доходов на весь производительный фермерский капитал США взят у Фитерстоуна и Бейкера (Featherstone A. M., Baker R. G. Op. cit. P. 546). Эти показатели базируются на работе Меличера, из них исключен рост стоимости капитала и будто бы исключен весь фермерский доход от труда и организации производства.

движения текущей прибыли. Та же самая умеренность динамики аграрной земли, по-видимому, характерна для второй половины XIX в.

С другой стороны, со времени второй мировой войны норма прибыли на сельскохозяйственную землю на Среднем Западе (и, возможно, всей сельскохозяйственной земли США) показала более драматические колебания. Рост стоимости капитального имущества поднял норму прибыли собственника фермерской земли значительно выше нормы текущей прибыли на весь производительный капитал (рис. 4). Какие надежды заставили инвесторов поднять цены существенно быстрее, чем росла рента (текущие доходы)? Как отмечалось, рента (текущие доходы) — та

стоимость фермерского имущества, которую предполагалось капитализировать, — варьировала незначительно и постепенно понижалась относительно самой стоимости имущества. Взлет роста стоимости земли выше арендной платы за землю и другое имущество производительных ферм и выше процентной ставки был уже заметным в период 1950—1972 гг. С 1973 по 1979 г. реальный чистый доход на сельскохозяйственную землю (Средний Запад) достиг беспрецедентной высоты, норма прибыли возрастала в среднем на 15 % в год. Между 1980 и 1985 гг. та же реальная норма прибыли падала в среднем на 13 % в год. Несколько удивительно, что литература о ценообразовании аграрной земли теперь смещается от моделей капитал — имущество — ценообразование и эффективность — рынок к моделям бума и отказа от гипотез рациональных ожиданий.

Современность отличается удивительной нестабильностью. Ранние колебания стоимости сельскохозяйственной земли при всей их заметности нельзя сравнивать с теми, что только что пережиты. С другой стороны, суть вопроса для дальнейшего исследования сводится к следующему: какие факторы, помимо аренды, приводили к колебаниям цен? Для решения этого вопроса сформулируем *рабочую гипотезу*:

драматический рост стоимости сельскохозяйственной земли в США между 1945 и 1972 гг. отразил постепенное осознание того, что в будущем государственная помощь фермерам должна быть более щедрой и гарантированной, чем в унылую пору Великой депрессии и второй мировой войны. С 1973 г. динамика цен сельскохозяйственной земли была обусловлена совместным воздействием эндогенного спекулятивного бума и неверного истолкования нарушений, связанных с падением цен на нефть.

II. ПОВЫШЕНИЕ СТОИМОСТИ ЗЕМЛИ И НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Оценки повышения ценности сельскохозяйственных земель открывают пути для новых исследований. В пересмотре особенно нуждается роль фактора роста стоимости капитального имущества, будь то земля или другой вид собственности, в процессе современного накопления капитала. В этом разделе показаны два пути для дальнейшего исследования накопления капитала в Америке XIX столетия.

Удорожание земель, подъем и падение нормы сбережений в Америке. Ученые долго ломали головы над колебаниями размеров традиционных капитальных вложений в период Гражданской войны — почти столько же, сколько они мучались над проблемой падения личных и национальных сбережений с начала 1970-х годов²⁶. Рост был заметным не только в традиционной норме капитальных вложений (инвестиции/национальный продукт в фиксированных ценах), но также в традиционной норме национальных сбережений (сбережения/национальный продукт

в текущих ценах). Норма личных сбережений оставалась высокой и постоянной для первых трех четвертей XX столетия, так что норма национальных сбережений изменялась только под влиянием государственных сбережений и потом упала после 1973 г. До сих пор остается открытым вопрос о причинах этого падения.

Принимая в расчет рост стоимости капитального имущества, рассмотрим рост и падение нормы сбережений в Америке. Норму сбережений можно определить как ту часть средств, поступающую в текущий период, которая обращается в чистую стоимость, т. е. предназначается более для будущего, чем для настоящего потребления. Эта часть является необязательно доходом с земли, но может быть доходом с другого имущества в форме передачи (например, наследства) или результатом роста стоимости имеющегося имущества. Следовательно, норму сбережений можно измерить как следующее отношение: (обычные сбережения + + рост стоимости капитального имущества)/(текущий доход + + рост стоимости капитального имущества). Выделяя из дохода на сельскохозяйственную землю возможный прирост капитальной стоимости, находим следующие аппроксимированные оценки национальной нормы сбережений (в %) ²⁷:

Год	Обычная чистая национальная норма сбережений без ЧНП, текущие цены	Чистая национальная норма сбережений с учетом среднегодового роста стоимости фермерской земли
1849/50	12	15
1879/80	15	16
1899/1900	19	22
1912	15	16
1929	10	9
1939	4	5
1950	14	15
1973	11	12
1978	9	10
1986	2	2

(предварительно)

Данные свидетельствуют о передатировке послевоенного подъема нормы сбережений. «Грандиозный порог» Гражданской войны, здесь от 1850 к 1880 г., повлиял в большей степени на реальную долю инвестиций, чем на ощутимую норму сбережений. Кроме того, при условии дальнейшего снижения роста доли сбережений рост стоимости фермерского капитала усиливает ревизию существовавших в литературе данных современными оценками Рэнсома и Сатча ²⁸. С точки зрения Рэнсома и Сатча, потери фермерского капитала во время Гражданской войны придают особо важное значение войне и эмансипации в их влиянии на богатство и стимулирование нового накопления. Следовательно, более высокую норму сбережений надо бы отнести к стыку веков или к первому десятилетию текущего столетия, главным образом из-за быстро растущей стоимости фермерской земли. Однако для передатировки пика нормы национальных сбережений

следует лучше оценить рост стоимости несельскохозяйственных, особенно городских, капиталов.

На фоне роста стоимости земли в течение текущего столетия особенно заметным явилось падение коэффициента с 1973 г. Эффект циркуляции цен сельскохозяйственных земель сам по себе мал, потому что сельскохозяйственная земля составляет менее 6 % чистого национального богатства. Но в 1950—1973 гг. наблюдался рост ценности несельскохозяйственной земли около 6 % в год²⁹, увеличивающий растущую норму сбережений еще на три пункта. Ход изменения роста стоимости капитала дает возможность предположить, что чистая национальная норма сбережений, составляющая в 1940—1973 гг. в среднем 15 %, с тех пор значительно понизилась. Сейчас, как и в XIX столетии, история американских сбережений все еще в постоянном движении.

Ценность фермерской земли и дискуссия Хэбакука. То обстоятельство, что рост стоимости земли может удовлетворять мотивам сбережений, дает новый поворот интереснейшему спору в англо-американской истории. Известная книга Хэбакука об американской и британской технологии в XIX столетии³⁰ породила дебаты о том, почему индустрия Америки и вся американская экономика были более механизированны и капиталоемки, чем британская в период около 1850 г. После ряда превосходных статей с альтернативными теориями о капиталоемкой экономике Америки вдруг появились работы, где показано, что американское производство было значительно менее капиталоемким и механизированным, чем британское³¹, и отмечается, что Хэбакук в действительности не утверждал иного³². Как Филд, так и Джеймс—Скиннер предлагают объяснение того, почему обилие земли должно понижать капиталоемкость.

К результатам этих споров следует добавить объяснение того, почему американцы к 1850 г. накопили и освоили меньше капитала вообще, а не только в обрабатывающей промышленности. Обычные доводы, сводящиеся к конкуренции из-за рабочей силы, на фоне обширных границ не являются достаточными, чтобы объяснить, почему американцы и иностранные кредиторы в Америке накапливали так мало капитала для его воспроизводства в США. Этого не делают и модели, предложенные Филдом или Джеймсом и Скиннером.

С другой стороны, обилие сельскохозяйственной земли, привлекательное как форма сбережений, может играть в пользу ревизии, проводимой Филдом и Джеймсом—Скиннером. Сельскохозяйственная земля в Америке составляла половину реального основного капитала в 1774 и 1805 гг. и 36 % — в 1850 г. В Великобритании же этот показатель упал с 51 % в 1760 г. до 20 % в 1860 г.³³, и снижение было даже более резким в Англии и Уэльсе по отдельности. Так как возможности поместить сбережения были ограничены, американцы большую часть спроса на сбережения удовлетворяли за счет вклада средств в сельскохо-

зяйственную землю. Таким образом, сельское хозяйство, вбирая в себя капиталы, играло определенную роль в уменьшении накопления конвенционного капитала, хотя и меньшую по сравнению с тем фактом, что в Америке доля реального основного капитала в валовом национальном продукте была низка, т. е. страна была еще недостаточно капитализирована.

III. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕНАХ АГРАРНОЙ ЗЕМЛИ

Объяснение разнообразной динамики дефицита земли, очевидно, является комплексной задачей. Все, кто пережил эти изменения или писал о них, знают о различных воздействиях, которые играли разную роль в ходе процесса. Чтобы решить, какие из этих факторов были наиболее важными, необходима основа для взвешивания, дающая каждому его количественную оценку.

Специально обученный экономист-историк должен выбрать один из двух подходов к решению. Один подход, которым мы не воспользовались, — формальное количественное моделирование. К его достоинствам относится исчерпывающая ясность: исходные предпосылки и конечные суждения прозрачно ясны для подготовленного ученого. Тип формальной модели, в основном предназначенный для объяснения долговременной динамики рыночных цен сельскохозяйственной земли, должен быть моделью общего равновесия (CGE), в которой экономика делится на сектора, поразному использующие земли. Существует опыт применения таких моделей к подобным задачам²⁴. Однако CGE-модели не совсем убедительны. Они не легки для восприятия. Кроме того, большинство читателей сохраняют недоверие к их упрощенным предпосылкам и его сложно рассеять, потому что CGE-модели, как правило, трудны для проверки. В тех случаях, когда проверка возможна, результаты получаются в лучшем случае удовлетворительными, никогда — блестящими. При всей силе их предположений модели убеждают только тех читателей, которые используют подобные модели сами.

Менее формальный путь, используемый здесь, начинается с обзора факторов, которые, как представляется, оказывают наибольшее влияние на цены фермерской земли. В качестве грубой предварительной проверки их объясняющей силы мы посмотрим, как хорошо они коррелируют с динамикой цен на землю в каждом из периодов истории США начиная с 1800 г. Цель при этом преследуется скромная — проследить за линией поведения основных факторов, что, по-видимому, объяснит область контрастов между двумя историческими периодами. Попытки выявить конкретные точки по имеющемуся тренду цен не предпринимались.

Однако даже такие приблизительные оценки взаимосвязей принесли пользу и выявили простую закономерность: за небольшими исключениями, факторы, повышавшие цены на землю, за-

медляют темпы роста заработной платы и ВВП на душу населения. В то время как в теории мыслится более гармоничное развитие событий, на практике возникает конфликт между интересами собственников земли и общим прогрессом.

Наибольшее влияние на цены фермерской земли и арендную плату оказывают *условия торговли* или отношение цен, которые фермеры получают, к ценам, которые они платят. Всякий раз, когда в результате некоторых воздействий это отношение растет, сдвигая условия торговли в пользу фермеров, реальная ценность владения сельскохозяйственной землей или ее использования увеличивается. Реально она поднимается даже на большую величину, чем происходит увеличение цен продаж по сравнению с ценами покупок, согласно «эффекту усиления» новой теории торговли. Если сектор экономики находится в благоприятных условиях, скажем происходит повышение отношения продажных цен к покупным на 10 %, затраты именно в этом секторе будут выгодны. Их использование в подобных пропорциях в любом другом секторе не будет столь эффективным. С другой стороны, те ресурсы, которые концентрируются в этом секторе, будут извлекать большую прибыль из повышения цены или дохода. Они неизбежно извлекают прибыль большую, чем 10 %, потому что взвешенная средняя больших и малых воздействий на различных поставщиков должна уравниваться до 10 %.

Соотношение условий торговли для фермеров необходимо рассматривать как фактор, который сам подвержен влиянию. На него в первую очередь воздействует совершенствование транспорта, что, в сущности, экономически приближает фермы к их городским и иностранным рынкам. На него также оказывают действие цены этих удаленных рынков и политика правительства, предназначенная изменить условия торговли (тарифы, таксы, субсидии и т. п.). Он не является вполне экзогенным в модели, но для удобства рассмотрения мы будем его воспринимать как дополнительный фактор.

Вторым ведущим фактором являются *правительственные субсидии сельскому хозяйству*, включающие снабжение общественными благами без вычета налогов. Этот фактор трудно измерить, поскольку он имеет много различных форм. В той мере, в какой он влияет на покупные и продажные цены, его воздействие уже учтено в первом факторе. Но соотношение условий торговли оказывается не в состоянии отразить некоторые типы правительственной помощи, такие, как платежи с целью компенсации низких цен (т. е. «платежи дефицита»), как плата за то, что земли не обрабатываются или по крайней мере не обрабатываются с некоторых пор (т. е. платежи «покинутые площади»). Чтобы быть уверенным, что эти величины учтены, мы посмотрим на приблизительную оценку правительственной субсидии, т. е. на отношение правительственных выплат сельскому хозяйству к чистому доходу сельского хозяйства. Такие платежи должны

поднимать цены сельскохозяйственной земли, хотя только платежи, идущие арендаторам, должны поднимать ренту.

Рост населения увеличивает цены сельскохозяйственной земли двумя способами. Во-первых, в той же мере растут размеры рабочей силы, особенно неквалифицированной. В результате снижения ставок заработной платы за счет увеличения неквалифицированного труда повышается доход владельцев сельскохозяйственной земли. Во-вторых, быстрый рост населения имеет тенденцию к росту доли в населении неработающих иждивенцев. Дополнительные иждивенцы вызывают спрос на продукты таким же образом, как и усиление бедности: они сдвигают спрос к пище и другим массовым товарам. Этот сдвиг повышает спрос на аграрную землю и увеличивает цены на нее. В результате как предложение труда, так и спрос на товары могут повысить цены сельскохозяйственной земли даже независимо от влияний, передающихся через условия торговли посредством удешевления предложения рабочей силы и других факторов производства в сельскохозяйственном секторе.

Рост производительности в сельском хозяйстве, вероятно, вызывает рост цен на землю до тех пор, пока его влияние не учитывается в относительных ценах сельскохозяйственных продуктов (условия торговли). Для данных условий торговли рост производительности сельского хозяйства увеличивает конечный продукт земли, что приводит к наращиванию как арендной платы, так и покупных цен. Противоположный результат должен иметь силу в случае «движения к обнищанию», при котором рост производительности ферм так понижает цены на сельскохозяйственные продукты, что доход собственника фермерской земли уменьшается, но такой неестественный ход событий представляется менее вероятным и не рассматривается здесь. Рост производительности давал бы еще более сильный стимул к изменению ценности земли, если бы существовала оцененная ниже склонность к использованию земли.

Ясно, что, чем больше предложение сельскохозяйственной земли, тем ниже цена. Об этом почти не спорят. Однако сама величина воздействия неопределенна. Непосредственное воздействие усиливается влиянием сбережений. Если расширение предложения фермерской земли на 10 % непосредственно понизило бы цену, скажем, на 14 %, действительная ценность фермерской земли уменьшилась бы примерно на 4 %. Сокращение богатства побуждает тех, кто имел целью скопить на жизнь (обеспечить себя в старости, иметь недвижимость для завещания и т. п.), сохранять больше средств в форме капитала, созданного руками человека, чтобы компенсировать падение ценности земли. Дополнительный капитал будет получен от дополнительного труда и других ресурсов вне сельского хозяйства, приводя к дальнейшему понижению цен на землю. И наоборот, если расширение предложения земли давало бы менее 10 % прямого эффекта на цены земли, дополнительное богатство глушило бы этот эффект.

Нам требуется только показать направление влияния дополнительного предложения земли на цену, но не величину этого влияния.

Наконец, экономический прогресс вообще, представленный **ростом дохода на душу** (этот рост является результатом накопления капитала и технологического прогресса), должен оказывать отрицательное влияние на цены аграрной земли, хотя результат зависит от степени технологического прогресса и его влияния на цены сельскохозяйственной продукции³⁵. Если цены продукта (условия торговли) и процентная ставка были фиксированы международным рынком или другими внешними силами, экономический прогресс должен установить цены на национальный труд и другие факторы производства вне сельского хозяйства, понижая цены земли. Это происходит из-за эффекта Энгеля, согласно которому в этих условиях относительно уменьшается спрос на продукты питания, в результате чего начинается отток факторов производства из сельского хозяйства. Конечно, можно предположить и противоположный результат. Например, если прогресс технологии в значительной степени уменьшает затраты труда, в сельскохозяйственном секторе высвободится так много рабочей силы, что это будет выгодно земельным собственникам. Однако я рассматриваю такие случаи как редкость в истории и предполагаю, что подъем уровня жизни определяется не сельским хозяйством.

Исторический опыт Америки свидетельствует, что простой набор только что рассмотренных факторов помогает объяснить переломы в движении цен аграрной земли. Проследим тенденции развития за длительные периоды времени, периоды, начинающиеся и кончающиеся почти полной занятостью в экономике США, с тем чтобы абстрагироваться от тех искажений, которые являются результатом краткосрочных депрессий. В табл. 3 весь период с 1800 г. делится на семь периодов с учетом наличия данных и характерных особенностей тренда цен аграрной земли. С подобающей осторожностью в общих чертах можно описать каузальную историю изменения цен период за периодом.

Повышение цен земли перед первой мировой войной. Десятикратное повышение реальных цен аграрной земли с 1800 по 1913 г. было логичным результатом развития условий торговли и роста плотности населения, которые вместе перевешивали понижające цены влияние общего экономического прогресса. Из табл. 3 видно, что четыре предвоенных периода (1800—1839, 1839—1859, 1869—1899, 1899—1913 гг.) объединены общими условиями³⁶. Для всего периода длительностью более века условия торговли сдвинуты в пользу аграрного сектора. В действительности движение цен было даже более благоприятным для сельского хозяйства, чем коэффициенты табл. 3 могут показать. Неизмеримое улучшение качества продуктов для нефермерской продукции означает, что она была дешевле, а товары фермеров становились относительно дороже, причем быстрее, чем индексы име-

Движение цен на аграрную землю и факторы, воздействующие на них, семь периодов, 1800—1984 годы

	(Темпы роста в % на год)						
	Начало фе- дерации, 1800—1839	До Граждан- ской войны, 1839—1859	Конец XIX в., 1869—1889	Начало XX в., 1899—1913	Затяжное падение цен, 1913—1945	Послевоен- ный период, 1945—1973	После нефтяного кризиса, 1973—1984
<i>Дефицит земли</i>							
Цена акра фермерской земли	1,99	2,86	2,40	4,89	—1,62	3,31	3,32
Рента фермерской зем- ли (Средний Запад)	рост	рост	не ясно ^е	0,69	—1,37	≤3,35	1,73
<i>Факторы, которые должны повышать це- ну фермерской земли</i>							
Условия торговли для фермеров ^а = P_f/P_{all} (не вполне экзогенные)	0,36 ^а	0,59	0,00	1,11	0,24	—0,68	—1,61
Правительственные платежи в % к доходу	0	0	0	0	0→5,8	5,8→7,8	7,8→24,3
Прирост населения в США	2,99	3,09	2,19	1,89	1,14	1,49	1,01
Рост продуктивности в сельском хозяйстве	0,00	0,00	0,79	—0,24 ^г	1,02 ^г	1,65	1,83
Сдвиг в производи- тельности, связанный с использованием зем- ли			0,04	—0,13	0,07	0,46	—0,63
<i>Факторы, которые должны понижать це- ны фермерской земли</i>							
Пополнение фермер- ской земли	0,98 ^с	3,32	2,44	0,54	0,74	—0,36	—0,80
ВНП на душу	1,11	1,59	2,51	2,17	1,99	1,04	1,19

Источники: Для цен аграрной земли и арендной платы см. источники, указанные в примечаниях к рис. 2 и 3. Данные об условиях торговли, доле правительственных выплат в доходе сельского хозяйства (в %), росте населения, фонде сельскохозяйственной земли с 1839 г. и приросте ВВП на душу с 1869 г. взяты из публикаций Бюро переписей (Historical Statistics of the United States; Statistical Abstract of the United States и The Economic Report of the President). Оценки темпа роста общего фактора продуктивности в сельском хозяйстве обсуждены Уильямсоном и Линдертом (см.: Williamson J.G., Lindert P. H. American Inequality: A Macroeconomic History. N. Y.: Academic Press, 1980. Chs. 7, 10, 11) и расширены до 1984 г. с помощью издания департамента сельского хозяйства США Agricultural Statistics, 1985. Сведения о сдвиге в изменении производительности, связанном со склонностью к использованию земли в сельском хозяйстве США, заимствованы: Hayami Y., Ruttan V. W. Agricultural Development: An International Perspective. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985. P. 191. Данные о земельном фонде в 1800—1839 гг., на самом деле в 1805—1850 гг., взяты у Блуджета (см. примечания и источники к рис. 1 и табл. 1) и в издании 1973 г. департамента сельского хозяйства США. Темпы роста ВВП на душу в 1800—1839 и 1839—1859 гг. — у Дэвида (David P. A. The Growth of Real Product in the United States before 1840: New Evidence, Controlled Conjectures // Journal of Economic History, Vol. 27, 1967, Jun N 2).

Примечания:

а) Условия торговли для фермеров определяются отношением индекса цен, которые фермеры получают (P_f), к индексу цен, которыми оплачиваются их производственные затраты и затраты на содержание семьи (P_{all}). До 1910 г. это отношение оптовых цен на сельскохозяйственную продукцию к общему индексу оптовых цен, относящихся в основном к Нью-Йорку (см. примечание б в этой таблице и обсуждение в тексте). С 1910 г. это официальное отношение «паритета»: цены, которые фермеры получают, поделены на цены, которые они платят, при исключении заработной платы, налогов и проч.

б) Взято отношение Берри (отношение цен продукции сельского хозяйства на Севере к ценам всей продукции, где использованы цены в Цинциннати). Соответствующее отношение для Нью-Йорка с 1800 до 1839 г. не имело тренда вообще;

с) 1805—1850.

д) Как отмечено в тексте, темп роста ВВП на душу использован как суммарный показатель, установленный для технологического прогресса и общего накопления капитала на душу вне сельского хозяйства, с учетом побочного эффекта, сдвигающего спрос от продовольственных продуктов (в соответствии с законом Энгеля).

е) Между 1869 и 1899 гг. процентная ставка значительно упала. Это должно было снизить отношение ренты к покупным ценам настолько, что, несмотря на рост цен, арендная плата не изменялась.

ж) 1899—1909, (г) 1909—1948.

з) Числа в этом ряду относятся к следующим периодам: 1880—1900, 1900—1925, 1915—1945, 1945—1975 и 1975—1980.

ющихся цен могли показать. Кроме этого, совершенствование транспорта давало фермерам более благоприятную динамику цен, чем смогли показать анализируемые ряды цен. Здесь были бы уместны цены производителя, тогда как имеющиеся ряды цен больше тяготеют к городским. В результате не учитывается то, что между 1815 и 1859 гг. производительность транспорта в Америке увеличилась более чем на 4,68 % в год²⁷, что в значительной мере коснулось фермеров. Не учтено также то, что рост производительности железных дорог в 1870—1910 гг. составил 1,89 % и в конце XIX в. упала доля перевозок по океану американского зерна, отправляемого в Европу²⁸. Даже при этих примерных поправках, свидетельствующих об улучшении условий торговли фермеров до 1 % в год (или больше?), мы, вероятно, недооцениваем влияния цен продукции улучшенного качества на стоимость аграрной земли. Необходимо вспомнить «эффект усиления», благодаря которому 1 % роста в условиях торговли должен в конечном счете привести к значительно большему росту цен на землю в фермерском секторе, где концентрация земли высока. Условия совершенствования торговли сами по себе могут объяснить почти половину эффекта длительного повышения ценности сельскохозяйственной земли перед первой мировой войной.

Другое важное объяснение долговременного роста кроется в том, что население (и рабочая сила) росли быстрее, чем предложение земли, несмотря на определенные усилия со стороны правительства сделать землю относительно дешевой для тех, кто хотел стать йоменом. Как в начале федерации, так и в первое десятилетие текущего столетия граница заселения не продвигалась достаточно быстро, чтобы соответствовать демографическому пополнению рабочей силы и спросу на питание. Как показывают

эксперименты с моделями, при условии, что единичное влияние каждого процента роста в предложении рабочей силы соответствует той же характеристике в предложении земли, чистый эффект должен быть таким, чтобы еще повысить цены сельскохозяйственной земли. Существует определенная уверенность, что эффект Энгеля и другие подобные эффекты роста дохода на душу населения сдерживают рост цен на фермерскую землю, но это влияние, как показала формальная модель, должно быть слабее на каждый процент роста дохода, чем те эффекты, о которых мы только что говорили. По крайней мере мы имеем возможность объяснить самое существенное и важное в долговременном росте цен сельскохозяйственной земли.

Конечно, этот рост не был постоянным. Начало XX в. отмечено ростом цен на аграрную землю, превысившим 5 % в год. Какова специфика этого периода? Прежде всего в Америке, как и в других странах, «ножницы цен» были в пользу фермеров. Действительно, период с 1910 по 1914 г. выделялся как глобальный максимум фермерских относительных цен, как эра, наивно названная базой индекса для обсуждаемого «паритета» в дискуссиях о политике фермерских цен. Повышение цен было, очевидно, обусловлено ускорением роста населения в мировом масштабе без соответствующего ускорения роста дохода на душу. Другим фактором, действовавшим в этот период на цены, был ускоренный рост отношения население/земля, так как иммиграция достигла больших размеров и свободные земли были исчерпаны.

Длительное падение цен. Длительное падение реальных цен на землю в течение двух мировых войн и десятилетий между ними можно более или менее объяснить, хотя некоторые моменты придется оставить невыясненными. В 1913—1945 гг., в период падения цен, независимые (объясняющие) переменные изменялись по-разному³⁹. Почти на протяжении всего периода условия торговли были не в пользу фермерского сектора, за исключением конца 1930-х годов и второй мировой войны. Рост населения замедлялся главным образом из-за того, что Америка ввела серьезные ограничения на иммиграцию после 1924 г., несмотря на то что земельный фонд рос немного быстрее, чем прежде. И то, и другое способствовало застою на рынке аграрной земли.

Начиная с 1933 г. правительство предпринимало определенные попытки противодействовать снижению цен. Однако к началу второй мировой войны влияние новых программ было еще весьма ограниченным. Табл. 3 может ввести в заблуждение в этом отношении, показывая, что платежи правительства фермерам составляли до 5,8 % чистого дохода фермерства. В действительности помощь в таких размерах была временным явлением, относящимся к узким временным рамкам около 1945 г., на который приходился наибольший рост безвозмездных выплат правительства фермерам.

Без дальнейших исследований труднее ответить на остальные вопросы относительно долговременного падения цен. Вместо со-

поставления 1913—1945 гг. с более ранними периодами сравним его с абстрактным периодом в условиях «неизменной» экономики, когда ни одна из объясняющих переменных табл. 3 не изменяется вообще. Почему на 1913—1945 гг. приходится падение цен на землю по сравнению с такой «нулевой» экономикой? Вопрос сложный. Для периода в целом условия торговли не противодействовали сельскому хозяйству. Рост населения несколько опережал освоение хозяйственной земли. Успехи развития производительности в сельском хозяйстве должны были повысить плодородие земли. Так почему же цены падали? Пожалуй, предварительно можно ответить так: в условиях застойной экономики 1913—1945 гг. доход на душу населения продолжал повышаться, хотя и очень неравномерно: примерно на 2 % в год. И этот прирост был получен за счет труда и других факторов производства вне сельского хозяйства, что понижало цены аграрной земли. Но полной уверенности в том, что это так, нет.

Послевоенный рост или падение? Впечатляющий послевоенный рост цен фермерской земли требует другого подхода к его объяснению, поскольку экономика была более подвижной. Начнем с послевоенного периода 1945—1973 гг., который выделен особо в табл. 3. Условия торговли складывались явно не в пользу фермеров, создавая парадоксальную картину роста цен на землю. Движение других факторов вполне объясняет этот послевоенный рост цен: отношение население/земля снова росло ускоренными темпами, производительность сельского хозяйства продолжала увеличиваться и возросла склонность к использованию земли, увеличение дохода на душу замедлялось и правительство продолжало субсидировать сельское хозяйство. Тот факт, что условия торговли ухудшались, несмотря на такие поднимающие цены факторы, лучше всего объясняется переходом в мировых масштабах от сельскохозяйственного дефицита военного времени (вторая мировая война и война в Корее) к возрастающей производительности вследствие роста урожайности, распространявшейся от страны к стране. Правда, следует отметить, что в этот период число факторов, способствовавших повышению цен на землю, превышает число факторов, действовавших на цены угнетающе. До тех пор, пока не найден лучший способ для взвешивания различных воздействий количественно, мы можем только предполагать, что перечисленные факторы были причинами послевоенного роста цен.

Период с 1973 по 1984 г., связанный с инфляцией, вызванной действиями Организации стран — экспортеров нефти, особенно труден для анализа в терминах факторов, действующих долговременно. 11 лет — это очень короткий и притом нестабильный период. Показанные в табл. 1 чистые изме-
щения для этого периода могут навести на мысль о том, каким может быть тренд, лежащий в основе современного подъема и спада в движении цен аграрной земли. Период 1973—1984 гг. близок к периоду 1945—1973 гг. Опять условия торговли ухудшились,

онять ускорение производительности сельского хозяйства приняло мировые масштабы (и, возможно, рост населения в мире начал падать, погашая эффекты, подобные эффекту Энгеля, вызванные снижением дохода из-за нефтяного кризиса). Однако снова отношение население/фермерская земля растет наряду с продуктивностью сельского хозяйства США и правительственными выплатами фермерам. Это служит началом объяснения, но только началом.

IV. ВЫВОДЫ

Длительная история цен на аграрные земли в США показывает поразительные изменения общей тенденции. После колониальной эры, в которой, вполне возможно, закономерность отсутствовала, в XIX в. цены аграрных земель, несмотря на большое количество доступных земель во время заселения континента, заметно выросли. Вслед за самым быстрым подъемом в начале XX в. цены на сельскохозяйственные земли испытали в течение 30 лет резкое падение. После 1945 г. возобновилось четко выраженное движение вверх. С 1973 г. начался самый нестабильный период с его спадами и подъемами. Ни десятилетие Гражданской войны, ни известный спад в спекуляции аграрными землями 1920 г., ни Великая депрессия не зпалп такого кризиса, какой разразился с 1980 г.

Движение цен было «настоящим». Оно отражалось не только в инфляции и дефляции номинальных цен, но и в ценах, очищенных от этих влияний. Изменения качества сельскохозяйственных земель, безусловно, влияли на цены, но не были определяющими. Таким образом, это было реальное движение именно цен. Причем, несмотря на некоторые отмеченные выше региональные особенности, такая динамика цен была свойственна всем регионам США.

В XX в. на Среднем Западе поведение реальной арендной платы и нормы прибыли аграрной земли аналогично поведению их покупательной способности. Они росли перед первой мировой войной, снижались ко второй мировой войне, повышались в 1970-е годы и, внушая опасения, падали после. Однако колебания арендной платы были умереннее, чем колебания закупочных цен. Общая норма прибыли изменялась, подобно арендной плате и ценам на землю, но с большими колебаниями. Рынок аграрных земель показал, что искусственное раздувание экономического подъема шло изнутри, что особенно характерно для бума и спада 1973—1986 гг.

В ходе анализа долговременного движения цен, арендной платы и доходов от аграрной земли были затронуты две проблемы, относящиеся к накоплению капитала в американской истории. Во-первых, учет роста и падения цен сельскохозяйственной земли в изменении сбережений выделяет и несколько смещает во времени известный феномен подъема и падения сбережений

в Америке. Во-вторых, привлекательность инвестиций в аграрную землю, возможно, сыграла роль в объяснении относительно низкой капиталоемкости американской экономики по сравнению с британской для середины XIX в. Однако оба вывода относительно накоплений не являются окончательными и требуют дальнейшего исследования.

Вероятное объяснение своеобразного движения цен аграрной земли в Америке сосредоточивается на шести факторах: условиях торговли (цены, по которым фермеры продают, поделены на цены, по которым они должны покупать), правительственной поддержке фермеров, росте населения, росте производительности в сельском хозяйстве, предложении аграрных земель и, наконец, общем экономическом прогрессе (представленном здесь ростом ВВП на душу населения). Схема действия этих факторов такова: те изменения, которые исторически сопутствовали повышению цен на сельскохозяйственные земли, совпадают с теми, что воздействовали на относительное уменьшение заработной платы и среднего дохода. К наиболее благоприятным для фермера-землевладельца факторам относятся такие: быстрый рост населения, завершение процесса заселения земель, государственные субсидии и рост производительности в сельском хозяйстве. За исключением одного, все указанные здесь факторы роста цен сельскохозяйственной земли сопутствовали снижению роста заработной платы и среднего дохода. И только один фактор — рост производительности в сельском хозяйстве — способствовал повышению заработной платы и росту национального продукта и в то же время увеличивал цены сельскохозяйственной земли. В остальном же интересы фермеров-землевладельцев сталкиваются с общим экономическим прогрессом. Это показывает трехвековая история цен сельскохозяйственной земли в Америке.

* Расширенный вариант этой статьи под тем же заглавием представлен по запросу в Центр аграрной истории, университет Калифорнии-Дэвис, Дэвис, CA 95616 USA (в статье называем «WP»).

¹ *Lindert P. H.* Unequal English Wealth since 1670 // *Journal of Political Economy*. Vol. 94. 1986. Dec. N 6. P. 1127—1162; *Idem.* Who Owned Victorian England? The Debate over Landed Wealth and Inequality // *Agricultural History*. Vol. 61, N 4.

² См., например, *Nichols D. A.* Land and Economic Growth // *American Economic Review*. Vol. 60. 1970. Jun. N 3. P. 332—40.

³ Изменения в природе, такие, как события 30-х годов XX в. в засушливых районах на Западе, могут быть рассмотрены как изменения или цены земли, или ее качества в зависимости от поставленных целей. Семантический выбор имеет малое значение, ибо такие события играют несущественную роль при учете длительного движения ценности земли.

⁴ Более полное представление об изменении цен по штатам и регионам см.: *WP*. App. B — D. В приложении A на поставленный ранее вопрос о том, являются ли официальные оценки обилия земли такими же достоверными, как более скудные данные о продажных ценах, дается утвердительный ответ.

⁵ Здесь и далее все «реальные» величины относятся к цепам потребительского набора 1960 г. Региональные «реальные» стоимости земли переведены в неизменные цены с помощью регионального коэффициента стоим-

мости жизни, стандартизованы в долларах 1960 г. потребительского пабора городского рабочего Новой Англии. См. в WP. App. В обсуждение дефляторов стоимости жизненного уровня и сходства их движения с движением цен на сельскохозяйственные продукты.

Некоторые из тех трендов, на которые прежде обращалось внимание, отмечены в этом разделе. Послевоенные тренды хорошо представлены в публикациях департамента сельского хозяйства США и научных статьях. Немногочисленные данные для всего периода до 1850 г. Краткие обзоры даны Линдертом и Доврингом (см.: *Lindert P. H. Land Scarcity and American Growth // Journal of Economic History. Vol. 34. 1974. Dec. N 4. P. 851—884; Dowering F. Land Economics. Boston, 1987. P. 282—290*).

⁶ *Bowman J. D. Trends in Midwestern Farm Land Values, 1860—1900. Unpublished doct. diss. Yale University, 1964.*

⁷ *Fogel R. W., Rutner J. L. The Efficiency Effects of Federal Land Policy, 1850—1900: A Report of Some Provisional Findings // The Dimensions of Quantitative Research in History/Ed. W. Aydelotte et al. Princeton, 1972. P. 390—418.*

⁸ Детальное описание фермерского кризиса после первой мировой войны см. у Шайдлера: *Shideler J. H. Farm Crisis, 1919—1923. Berkeley, 1957.*

Обзор литературы, некоторые количественные данные и специальное рассмотрение финансовых условий см. у Томаса Джонсона: *Johnson H. Th. Postwar Optimism and the Rural Financial Crisis of the 1920s // Explorations in Economic History. Vol. 11. 1973—1974. N 2. P. 173—192.* Джонсон, однако, игнорирует те более богатые возможности, которые предоставляются при рассмотрении «реальных», а не номинальных стоимостей.

⁹ Арендаторы и их семьи часто относятся к более чем одной из этих групп одновременно, особенно в сельском хозяйстве с преобладанием мелких землевладельцев, что свойственно США до 1930 г. Мы будем рассматривать эти группы как типы, ибо они позволяют различать семьи в зависимости от состоятельности и деловых способностей.

¹⁰ *Blodget S. Economica: A Statistical Manual for the United States of America. N. Y., 1964.*

¹¹ Если определить основной фонд сельскохозяйственной земли 1950 г. в 1158,6 млн акров, что соответствовало данным по 48 штатам, исторические сведения дают нам следующее распределение:

Площадь земли в % от площади сельскохозяйственной земли в 1950 г.

1774 г. 1805 г. 1850 г. 1870 г. 1910 г. 1950 г. 1985 г.

«обработанная» или «усовершенствованная»	1.8	3.4	9.8	16.3	41.3	45.9	—
общая площадь фермерской земли	—	16.3	25.2	35.2	75.9	100.0	87.7
доля «обработанной» или «усовершенствованной» земли	—	21 %	39 %	46 %	54 %	46 %	

Источники: *Blodget S. Op. cit. P. 60, 196; Clifton I. D., Crowley W. D., Jr. Form Real Estate Historical Series: 1850—1970 // USDA, Economic Research Service, Bulletin ERS 520 (Wash., D. C.: US Department of Agriculture, 1973); US Census of 1850; Tostlebe A. S. Capital in Agriculture: Its Formation and Financing since 1870. Princeton, 1957; USDA, Agricultural Statistics, 1985.*

¹² Детальный анализ изменений ценности земли за 1774—1805 гг. и 1805—1850 гг. представлены в WP. App. D, где также разбираются двусмысленность и противоречивость данных Блоджета о площади усовершенствованных земель и о стоимости земли.

¹³ *Sturm J. L. Investing in the United States, 1793—1893: Upper Wealth-holders in a Market Economy. Unpublished doct. diss. University of Wisconsin. Madison, 1969.*

¹⁴ Здесь я воздерживаюсь от предположения о трендах рыночной стоимости потенциальных фермерских земель в США, большинство из которых

не было заселено до конца XIX столетия. Также представляется возможным абстрагироваться от других концепций цены сельскохозяйственной земли: стоимости заселения и подготовки земли к использованию. По мере продвижения границы эта возможность сокращается.

¹⁵ *Chambers Glyde R. Relation of Land Income to Land Value // US Department of Agriculture Bulletin. N 1224. Wash., 1924.*

¹⁶ Иллинойс, Айова, Миннесота, Огайо и Висконсин.

¹⁷ Подробности о трех рядах аренды см.: WP. App. E.

¹⁸ *Murray W. G. Iowa Land Values, 1803—1967 // Palimpsest. Vol. 68. 1967. Oct. N 10. P. 461—468; Shideler J. H. Op. cit.; Johnson H. T. Op. cit.*

¹⁹ *Moore K. C., Meyers H. H. Predictive Econometric Modeling of the U. S. Farmland Market: An Empirical Test of the Rational Expectations Hypothesis. Ames, 1986. CARD Report 133.*

²⁰ *Burt Oscar. Econometric Modeling of the Capitalization Formula for Farmland Prices // American Journal of Agricultural Economics. Vol. 68. 1986. Febr. N 1. P. 10—26.*

²¹ *Featherstone A. M., Baker T. G. An Examination of Farm Sector Real Asset Dynamics: 1910—1985 // American Journal of Agricultural Economics. 1987. Aug. P. 532—546.*

²² Для более детальной трактовки см.: WP. App. E.

²³ *Bogue A. G. Land Credit for Northern Farmers // Two Centuries of American Agriculture/Ed. V. Wiser. Wash.: Agricultural History Society, 1976. P. 76—87.*

²⁴ Подробнее см.: WP. App. E.

²⁵ В этом и последующих параграфах используется помимо рис. 4 также данные табл. 1.

²⁶ *Davis L. E., Gallman R. E. The Share of Savings and Investment in Cross National Product during the 19th Century in the U. S. A. // Fourth International Conference in Economic History/Ed. F. C. Lane. P.; 1973; Davis L. E., Gallman R. E. Capital Formation in the United States during the Nineteenth Century // The Cambridge Economic History of Europe/Ed. P. Mathias and M. M. Postan. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1978. Vol. 7, pl. 2. P. 1—69; David P. A. Invention and Accumulation in America's Economic Growth: A Nineteenth-Century Parable // International Organization, National Policies and Economic Development Ed. K. Bunner, A. Pi. Meltzer. Amsterdam: North-Holland, 1977. P. 179—228; Williamson J. G., Lindert P. H. American Inequality: A Macroeconomic History. N. Y., 1980. Ch. 12; Ransom R. L., Sutch R. Domestic Saving as an Active Constraint on Capital Formation in the American Economy, 1830—1928 // University of California Project on the History of Saving. Working Papers. 1984. Dec. N 1, 2.*

²⁷ Норма сбережений была рассчитана с помощью скорректированных оценок Голдсмита (*Goldsmith R. W. Comparative National Balance Sheets: A Study of Twenty Countries, 1688—1978. Chicago, 1985*). Голдсмит обеспечил оценки всех использованных здесь величин, по его данные о ценности земли и ВВП нуждались в поправке. Ценность сельскохозяйственной земли взята из настоящей работы. При оценке ценности несельскохозяйственной земли Голдсмит предполагает, что доля земли в общей стоимости недвижимого имущества (земля плюс строения) изменяется от одной шестой в 1805 г. до трети в 1850 г. и снова до одной шестой в 1880 г., игнорируя данные Винника, который оценивал для 1890 г. долю жилья в недвижимом имуществе в 40%; в дополнительных расчетах его одна шестая была исправлена на одну треть и косвенно использована в наших расчетах. Наконец, представляется неудачным, что Голдсмит предпочел оценкам Гэлмана за 1850 и 1880 гг. оценки национального продукта Бэрри, хотя для данных 1805 г. его выбор этих оценок, а не оценок Дэвиса — Гэлмана и Дэвиса (*Davis L. E., Gallman R. E. Capital Formation in the United States...; David P. A. The Growth of Real Product in the United States before 1840; New Evidence, Controlled Conjectures // Journal of Economic History. Vol. 27. 1967. June. N 2*) безразличен.

²⁸ *Ransom R. L., Sutch R. Op. cit.*

²⁹ *Lindert P. H. Land Scarcity and American Growth. App. Table 1.*

³⁰ *Habakkuk H. J.* American and British Technology in the Nineteenth Century. Cambridge, 1962.

³¹ *Field A. J.* Land Abundance, Interest/Profit Rates, and Nineteenth-Century American and British Technology // *Journal of Economic History*. Vol. 43, 1983. Jun. N 2. P. 419—420.

³² *James J. A., Skinner J. S.* The Resolution of the Labor-Scarcity Paradox // *Journal of Economic History*. Vol. 45, 1985. Sept. N 3. P. 517.

³³ *Goldsmith R. W.* Op. cit. P. 122—123.

³⁴ *Lindert P. H.* Land Scarcity and American Growth; *Williamson J. G., Lindert P. H.* Op. cit.

³⁵ *Lindert P. H.* Land Scarcity and American Growth. P. 870—873.

³⁶ Десятилетие Гражданской войны здесь не включено; чтобы сэкономить место, которое требуется для обсуждения ее особенностей (освобождение рабов, разрушительные последствия войны на Юге, инфляция и дефляция, сокращение населения). Однако падение цен аграрной земли можно объяснить в принятых здесь временных рамках.

³⁷ *Williamson J. G., Lindert P. H.* Op. cit. P. 171.

³⁸ *Fishlow A.* Productivity and Technological Change in the Railroad Sector, 1840—1910 // *Output, Employment and Productivity in the United States after 1800, Studies in Income and Wealth/Ed. D. S. Brady*. Vol. 30. N. Y. P. 626.

³⁹ Следует отметить, что настоящий анализ довольно чувствителен к выбору 1913 г. и особенно 1945 г. как границ периода. Основные выводы, предложенные здесь, были бы убедительнее, если бы вместо 1945 г. был взят 1940 г., но последний был годом высокой безработицы, что затрудняет интерпретацию, поскольку она фокусируется на затруднениях рынка в течение длительного периода, а в этом можно разобраться, если выполняется условие полной занятости. По-видимому, разумнее охватить Великую депрессию 1930-х годов, что доказано в моей статье (*Lindert P. H.* Land Scarcity and American Growth. P. 877.)

Если бы вместо 1945 г. был взят 1948 или 1950 г., интерпретация роли роста дохода на душу стала бы довольно сомнительной. Дальнейшие исследования должны быть посвящены подбору соответствующих трендов, чтобы избавиться от такой чувствительности результатов к выбору границ периода.

НАЕМНЫЙ ТРУД И ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Гэвин Райт

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫНОК ТРУДА В США

Американцы не считают, что аграрная история их страны имеет что-либо общее с процессом пролетаризации, что означало бы появление класса сельскохозяйственных рабочих, не владеющих каким-либо капиталом и работающих только за плату. Вильям Паркер так обобщенно изложил доминирующую точку зрения по этому вопросу: «В основе процесса развития производства и роста его продуктивности лежит многомиллионный вклад отдельных экономических единиц. Это прежде всего фермеры, которые являлись *малыми бизнесменами*, владеющими от 30 до нескольких сот акров земли. Их основными трудовыми ресурсами (исключая рабов и издольщиков на Юге) были *они сами и их собственные семьи*»¹.

Семейная ферма была не просто устойчивым явлением, а занимала господствующее положение на протяжении всего XIX, а по свидетельствам современных историков-социологов, и XX столетий². В 1913 г. русский буржуазный экономист г-н Гиммер, основываясь на данных переписи населения Соединенных Штатов 1910 года, отмечал, что в «Соединенных Штатах громадное большинство ферм суть *трудовые хозяйства*», т. е. такие, на которых *работают сами владельцы*, и что в «огромном большинстве местностей страны» «мелкотрудовое земледелие расширяет неле своего господства»³.

Тем не менее Ленин считал все эти утверждения чудовищной ложью, противоречащей фактам, издевкой над истиной⁴. На основе детального анализа публикации материалов переписи 1910 года он пришел к выводу, что американское сельское хозяйство становилось все более и более капиталистическим. Проявлением этого процесса Ленин считал использование наемного труда, который, по его мнению, является основным признаком капитализма в сельском хозяйстве. Непосредственный анализ данных убеждает, что ленинская оценка развития сельского хозяйства в Америке была по существу верной для того периода, когда она была сделана, и не только исходя из сведений источника, но и на основе анализа действовавших скрытых экономиче-

ческих сил. Однако как долговременная тенденция большее развитие получила механизация сельского хозяйства по сравнению с развитием найма.

Нами сделана попытка приступить к анализу этих вопросов на основе рассмотрения доступных источников о трудовых ресурсах, использовавшихся на фермах Соединенных Штатов в период до первой мировой войны, и исследования развивавшихся экономических процессов, стимулировавших названные тенденции в сельском хозяйстве Америки. Предварительный обзор литературы по более широкому кругу вопросов истории развития фермерского хозяйства и рынков в стране определил основной предмет исследования. Это рынок рабочей силы, сформировавшийся вне пределов Юга Соединенных Штатов. Понятно, что Юг имел весьма своеобразную историю развития сельского хозяйства. Существует весьма значительная исследовательская традиция этого вопроса, к которой мы иногда будем обращаться для сравнения.

Хронологически исследование будет доведено до 1920 г., который, на наш взгляд, является более логичным рубежом разрыва с прошлым, чем 1900 г. Однако для сравнительного анализа будут учитываться и итоги более позднего периода.

ФЕРМЫ И РЫНКИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Бесспорно, что с течением времени американские фермерские хозяйства все значительнее вовлекались в систему товарного и капиталистического рынков. Хотя в нашем распоряжении нет индикаторов исследования этих процессов в течение длительных исторических периодов, мы оперируем основными тенденциями, восходящими по крайней мере к XVIII в. Это рост специализации и производство на рынок в отличие от внутреннего потребления, развитие торгового капитала, установление рыночных связей и по крайней мере к концу XIX в. рост доли аренды и залога ферм⁵. Доля аренды — показатель вовлеченности в земельный рынок — зарегистрирована только федеральной переписью 1880 года, но наиболее кропотливыми исследователями выявлены такого рода оценки в рукописях переписей 1850, 1860 и 1870 гг. В табл. 1 содержатся показатели постепенного роста после 1870 г. этих показателей для штата Айова. В табл. 2 представлены доступные сведения по стране в целом за период 1880—1920 гг. Опять-таки тенденция роста очевидна. Альтернативой аренде земли была ее покупка. При этом использовались ссуды, полученные под залог земель. Сведения о залоге земель ферм сообщаются впервые переписью 1890 года (табл. 3). Из табл. 2 и 3 можно видеть, что к 1890 г. большинство работающих на американских фермах не являлись полными владельцами своих земель, к 1920 г. такая ситуация была характерна приблизительно для 80 % фермеров.

Доля аренды (штат Айова)*

	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.
Спрингфилд Тауншип						
Графство Спар	13,8	11,2	27,9	25,6	29,5	34,3
Юнион Тауншип						
Графство Дэвис	11,6	7,8	5,8	24,5	24,8	28,4
Восточная Айова	17,6	15,1	19,0	24,3	29,7	34,3
Выборка из 12 графств	20,1	11,2	13,2	24,3	28,9	35,4
По штату в целом	—	—	—	23,8	28,1	34,9

* Donald L. Winters. Farmers Without Farms Agricultural Tenancy in Nineteenth Century Iowa. Westport, 1978. P. 14.

Таблица 2

Процент ферм, обрабатываемых арендаторами *

	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Север	19,2	22,1	26,2	26,5	28,2
Новая Англия	8,5	9,3	9,4	8,0	7,4
Среднеатлантический	19,2	22,1	25,3	22,3	20,7
Северо-Восточный Центральный	20,5	22,8	26,3	27,0	28,1
Северо-Западный Центральный	20,5	24,0	29,6	30,9	34,2
Юг	36,2	38,5	47,0	49,6	49,6
Южно-Атлантический	36,1	38,5	44,2	45,9	46,8
Юго-Восточный Центральный	36,8	38,3	48,1	50,7	49,7
Юго-Западный Центральный	35,2	38,6	49,1	52,8	52,9
Запад	14,0	12,1	16,6	14,0	17,7
Горный	7,4	7,1	12,2	10,7	15,4
Тихоокеанский	16,8	14,7	19,7	17,2	20,1
Всего по стране	25,6	28,4	35,3	37,0	38,1

* US Special Committee on Farm Tenancy. Farm Tenancy (1937). P. 39, 96.

Нас интересует рассмотрение сил, лежащих в основе процесса все большего вовлечения в земельный, денежный и товарный рынки американских фермеров. Кроме того, предполагается решить, целесообразно ли эти тенденции рассматривать как форму «пролетаризации». Имеются три распространенные интерпретации: 1) американские фермеры всегда имели коммерческие наклонности, но были связаны высокими транспортными расходами и низким уровнем развития рынков, включая и денежный (ка-

Процент заложенных ферм *

Район	Залог земель				Отношение долга по залому к стоимости заложенной фермы		
	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1890	1910 г.	1920 г.
Новая Англия	28,3	34,1	34,9	39,8	40,4	31,8	33,8
Среднеатлантический	37,0	40,3	38,3	41,1	43,2	34,5	36,3
Северо-Восточный Центральный	37,6	39,4	40,9	46,1	33,2	28,6	31,2
Северо-Западный Центральный	48,0	44,3	46,1	56,9	33,6	25,8	26,5
Юг	5,7	17,2	23,5	29,0	41,3	26,6	28,6
Горный	14,1	14,4	20,8	44,4	31,8	23,9	30,5
Тихоокеанский	28,7	27,6	26,8	52,1	30,1	23,4	29,8
США	28,2	31,0	35,6	41,4	35,5	27,3	29,1
Кроме Юга	39,9	39,1	40,1	49,4			

* 13th Census (1910). Vol. 5. Agriculture. P. 159—160; 14th Census (1920). Vol. 5. Agriculture. P. 484—486.

питалистический) рынок; 2) американские фермеры извели постепенное изменение своих отношений и поведения: от традиционной мотивации и утверждения о самообеспеченности до новых представлений о рынке, стоимостях, ценах и прибыли; 3) американские фермеры непроизвольно оказались втянутыми в товарный и капиталистический рынки под воздействием экономических и политических сил, таких, как малоземелье, задолженность, рост расходов на организацию ферм. Было бы ошибкой опираться исключительно на какое-либо одно или даже два из приведенных выше утверждений при объяснении хода американской истории в целом. Первое объяснение наиболее свойственно экономистам, ибо в неоклассической экономике нет обобщающего понятия для таких переменных, как «отношения» или даже «знание». Разделение типов отношений или поведения на «ориентированное на рынок» и «ориентированное на самообеспечение», несомненно, является жестким и педантичным; в реальной жизни фермеры могли с выгодой использовать обе модели поведения, сочетая их. Кроме того, вряд ли можно согласиться, что в условиях господства рыночных отношений в течение длительного периода не менялся бы способ мышления и оценок у фермеров, ибо стихийно изменялась сама система ценностей. Таким образом, в большинстве объяснений сочетаются факторы как из первого, так и из второго утверждения.

Однако сама система рыночных отношений содержала в себе элементы давления и воздействия. На рис. 1 изображена стандартная кривая производственного цикла для семейной фермы с определенным производственным потенциалом. Эта кривая по-

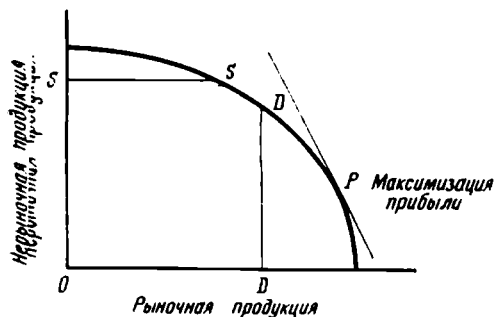

Рис. 1. Выбор между рыночной и нерыночной продукцией

казывает возможные сочетания частей продукта, произведенного на рынок и для потребления (нерыночной продукции). OS — уровень нерыночной продукции, которую фермер желает произвести для потребления. Но в случае, если его задолженность QD больше, чем SS , он вынужден отказаться от своих замыслов и производить на рынок: «сила, заставляющая», его действовать таким образом, — это своего рода требования кредитора, присвоившего себе право владеть собственностью фермера по причине невыплаты им долга. Таким образом, мелкие фермеры Юга, которые вынуждены были брать в долг, чтобы прожить до следующего урожая, тоже должны были отказаться от потребительского характера зернового производства в пользу хлопководства. Точно так же фермеры соседних Канзаса и Дакоты не имели иного выбора, кроме сосредоточения своих усилий на производстве пшеницы, с тем чтобы уплатить процент по залогу земли. Денежная рента, которую должен был фермер-арендатор уплачивать владельцу земли (лендлорду), имела аналогичные природу и действие. Свободный от долгов фермер, являющийся и владельцем земли, мог, конечно, сделать точно такой же выбор. Как, впрочем, он мог совершенно аналогично и выбрать что-то другое, например потребительский тип хозяйства (натуральное хозяйство). Экономисты утверждают, что система рыночных отношений такова, что при них отдельный индивид «свободен в выборе», тем не менее они также утверждают, что рынок диктует распределение ресурсов. На практике выходит, что степень свободы выбора есть функция благосостояния. В этом смысле можно сказать, что американские фермеры испытывали все большее воздействие рынка на протяжении по меньшей мере периода после 1870 г.

Оценка этой тенденции и ее социального смысла, однако, бесспорно очевидна. Заключение любого добровольного контракта накладывало определенные обязательства на обе стороны. Но возможность получить займы денежную сумму или арендовать землю по договору могла стать важным рычагом социального и экономического развития. Для Новой Англии на ранних этапах ее развития и для йоменов Юга периода после Гражданской

войны, как утверждается в обширной специальной литературе, «мелкие фермеры попали в ловушку рыночных сетей из-за беспечности, невезенья или молчаливого согласия»⁶. Для сельского хозяйства Севера и Запада была характерна другая тенденция. Историки в целом считают фермеров заинтересованными участниками «рыночных игр», которые занимали деньги не из-за нужды и разорения, а с целью получения прибылей и роста состоятельности. Даже аграрные беспорядки 1880—90-х годов не столько были направлены против системы кредита, его законности или товарного рыночного производства, сколько содержали призывы к реформе, регулированию и контролю системы существовавших денежных рынков⁷.

Однако более глубокая аналитическая точка зрения на этот процесс сводится к рассмотрению его как *коллективного выбора*, а не *суммы* отдельных *индивидуальных выборов*. Это связано с тем, что уровень цен на землю, которая имела своих владельцев и была своего рода «общественным товаром», в любом районе определялся в той или иной степени всеми местными землевладельцами. Рост цен на землю оказывал сильное давление на фермеров, организовавших свое хозяйство на товарно-денежной основе. В свою очередь, цены на землю в том или ином районе испытывали непосредственное воздействие «коллективного выбора» с учетом транспортных расходов на коммуникации и развития рыночных связей.

В Иллинойсе (графство Шампейн), например, ипотека получила незначительное распространение вплоть до начала 1850-х годов, когда завершилось строительство системы железнодорожных коммуникаций с графством⁸. Такое воздействие не было обременительным. Оно могло осуществляться путем повышения земельных налогов, пугающих возможностью экспроприации, но оно также могло проявиться и, напротив, в ультимативном предложении завышенной цены потенциальными покупателями, которые сочли бы, что смогут извлечь больше доходов из этой земли. Как бы то ни было, чем выше была стоимость земли, тем сильнее давление. Так что в результате преобладающий тип отношений определялся процессом самого развития, а не каким-либо воздействием извне. «Коллективный выбор» означал, что процесс был по сути своей политическим. Это можно трактовать таким образом, что развитие товарно-денежных отношений представляет собой отражение предпочтения этого типа отношений *большинством* в большинстве районов. При этом никогда не наблюдалось единодушного признания, а часто имели место конфликты и недовольство.

Этот тезис можно проиллюстрировать, обратившись к наблюдениям Токвевилла в 1830-х годах о выступлениях фермеров на севере и юге от реки Огайо. Огайо он сравнил с жужжащим пчелиным роем, тогда как в Кентукки, казалось, все общество погружено в сон. Рабовладельческий Юг, по утверждению обо-

зревателя, представлял совершенно иной тип культуры, где трудовая активность приходила в упадок, а лень процветала.

Как следует интерпретировать эти заявления? Конечно, возможно, что действительно культурные истоки Севера и Юга были различны. В чем состояли эти «исходные» различия, легко понять из того простого факта, что цены на землю в Огайо росли значительно быстрее, чем в Кентукки. Вот почему выходить на земельный рынок в Огайо мог только тот, кто придерживался так называемой «агрессивной стратегии» в торговле (т. е. предлагал завышенную цену). И наоборот, предприимчивым жителям Кентукки целесообразнее было отправиться в какую-либо другую местность. Эти региональные различия, в свою очередь, отражали весьма непохожие приоритеты рабовладельцев в отношении инфраструктуры вложений⁹. Разительный контраст между Севером и Югом в плане их участия в земельном рынке объясняет ту осязаемую аномалию, что многие состоятельные южане большие средства, полученные от продажи своих земель накануне Гражданской войны, вложили в земли Севера¹⁰.

Развитие товарно-денежных отношений в контексте «коллективного выбора» составляет сердцевину конфликта, усматриваемого социальными историками в системе приоритетов ценностей «рынка», а также «семьи и общины». В сельских местностях, как и в небольших городах, основное значение «общины» усиливалось, если не определялось, истинно общинными интересами относительно местных цен на землю. Конкурентная деятельность местных общин, направленная на повышение стоимости их собственности, была мощным импульсом в развитии железнодорожного строительства и торгового сельского хозяйства на северных границах США. Общинная солидарность, породившая такого рода политику, бесспорно происходила из этнических, кровнородственных и других неэкономических факторов. Однако в основе своей эта солидарность была общностью *землевладельцев*, общностью, функционирование которой часто приводило к выталкиванию из своей среды наименее удачливых.

Джон Мак Фараджер обнаружил при исследовании Сахарной бухты штата Иллинойс, что устойчивость землевладельцев была намного выше, нежели не имеющих собственности. Он пишет: «В Сахарной бухте община действует не в интересах всех. Скорее она является механизмом, позволяющим части мужчин и женщин преуспевать и преобладать, в то время как большинство разоряются и выталкиваются из общины. Относительная стабильность группы собственников сопровождалась в общине Сахарной бухты высоким уровнем мобильности и „выбросом“ тех, кто не имел средств для покупки земли»¹¹. При этом он не видит достаточно ясно, что общины, подобные этой, и составляли движущие силы процесса развития товарно-денежных отношений.

Так как цель большинства состояла в обогащении посредством рынка, деятельность этого большинства по развитию рыночных отношений вынуждала остальных к консенсусу. Так как

рынки расширялись, а рост цены на фермы шел с востока на запад, то те, кто изучает фермерскую собственность, должны двигаться все дальше и дальше на запад, в районы, где масштаб фермерского хозяйства едва ли превышал размер, необходимый для воспроизводства прожиточного минимума (т. е. имел потребительский характер). Развитие торгового фермерского хозяйства требовало расширения производства, изменения всей технологии в сторону повышения уровня механизации и организации крупномасштабного производства, что вело к увеличению расходов на содержание ферм до такой степени, что большинство новых фермеров вынуждены были начинать свою карьеру с долгосрочной аренды земли или залога обремененной долгами фермы¹².

Во всяком случае, развитие рынка означало увеличение его воздействия и ограничение возможностей свободного выбора для значительного числа американских фермеров. Хотя американские историки часто рассматривают как аксиому то, что все фермеры «выбирают тип отношений из расчета возможностей на их основе увеличить свои доходы», источники свидетельствуют, что именно требования денежных и земельных рынков часто оказывали определяющее воздействие на поведение фермеров. В штате Айова, например, наибольшего уровня развития достигли специализация и интенсивное земледелие на землях арендаторов, а не владельцев¹³. Можно утверждать, что всеобщее *разнообразие* решений со временем ограничивалось дисциплиной рынка: это и есть до какой-то степени проверяемое утверждение для квантитативного исследования.

Несмотря на широкий диапазон мнений, я не взялся бы утверждать, что рост аренды и залога ферм следует рассматривать как эквивалент пролетаризации. Это объясняется тем, что в американской истории изменение относительного равенства в имущественном положении фермеров проявлялось преимущественно от поколения к поколению, а не на протяжении жизни отдельного фермера. Диаграмма относительных изменений доли аренды (см. рис. 2) демонстрирует постоянные неумолимые потери в финансах и депрессию. На практике, однако, росло абсолютное число ферм и владельцев ферм в период первой мировой войны по стране в целом (табл. 4). Местные власти соглашались с тем, что аренда и залог земли способствовали становлению фермерской деятельности. Случаи же, когда бывший владелец становился арендатором, были скорее исключением. В необычайно большом числе случаев арендаторы состояли, как правило, в родственных или брачных отношениях с землевладельцами: в 1930 г. от 35 до 50 % таких арендаторов имелось в центральных районах Севера и северо-западных районах страны¹⁴. Данные о положении арендаторов в соответствии с их возрастом показывают устойчивую «лестницу социальной карьеры фермеров». Однако неясно, почему скорость продвижения вверх по лестнице снижается в период с 1890 до 1930 г. (рис. 3). Действительно, если

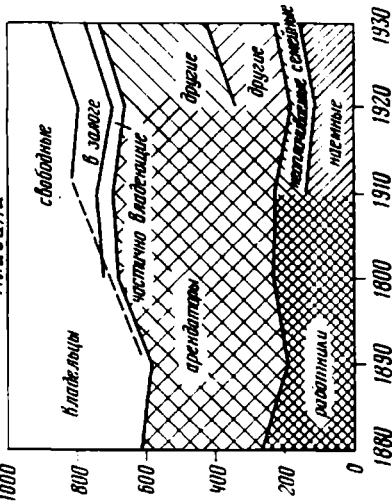
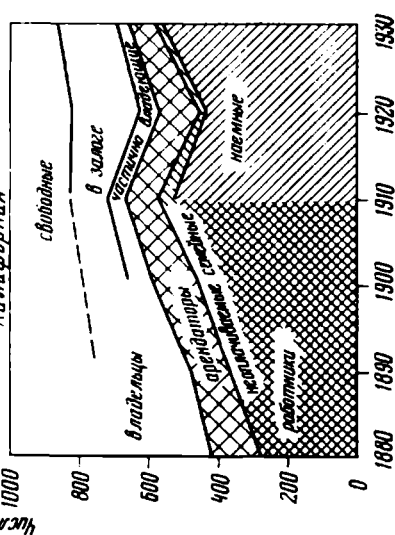
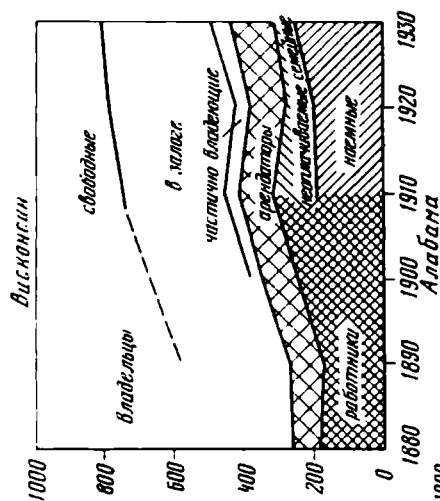
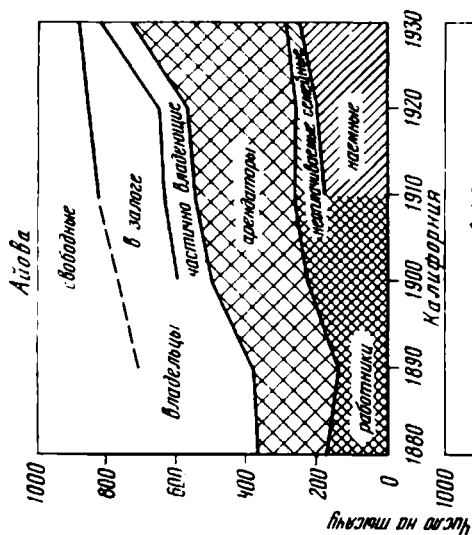

Рис. 2. Относительные размеры различных категорий землепользования в четырех штатах, 1880—1930 гг.

Источники: Black J. D., Allen R. H. The Growth of Farm Tenancy in the United States // Quarterly Journal of Economics (1937). P. 401.

Принадлежащие землевладельцам фермы, свободные от залога

Район	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Новая Англия	119	106	109	80
Среднеатлантический	222	208	217	179
Средневосточный Центральный	479	491	474	383
Среднезападный Центральный	357	395	405	279
Юг	973	1070	1163	985
Горный	46	72	126	89
Тихоокеанский	60	76	95	79
США	2256	2419	2589	2074
Кроме Юга	1283	1349	1426	1089

* Thirteenth Census (1910). Vol. 5. P. 150—160; Fourteenth Census (1920). Vol. 5. Agriculture. P. 34, 484—485.

условия кредита и залога со временем улучшались, то можно утверждать, что институты аренды и залога ферм *позволяли* все большему числу людей заниматься семейным фермерским хозяйством, даже если они не имели достаточно средств, чтобы купить землю и необходимое оборудование.

И именно так, мне кажется, большинство фермеров рассматривали ситуацию. Каждая сельская семья была бы счастлива улучшить свое положение и избавиться от вмешательства лендлорда или кредитора. Но реальный страх потерять статус владельца фермы вынуждал фермера становиться наемным работником. В движении американских фермеров перед первой мировой войной участвовали преимущественно владельцы ферм, которые владели и денежным капиталом. Единственным наиболее сильным экономическим мотивом их выступлений был страх лишиться права выкупа закладной¹⁵. Желание мелких фермеров выплатить большие долги толкало их семьи в долгие путешествия, заставляло переселяться и работать многие часы в условиях далеко не комфортных. Все это — явное доказательство жажды представителей этого класса преуспеть в качестве хозяев семейных ферм.

Они сохраняли контроль за распределением собственного рабочего времени, возможность присвоения семейного труда и требования заработной платы после удовлетворения других законных требований. Возможно, не используя этот термин, они боролись за то, чтобы избежать пролетаризации, и многие из них преуспели в этой борьбе, по крайней мере до 1920-х годов. Обращающим на себя внимание исключением была издольщина на Юге, развитие которой, по сути дела, вело к образованию пролетариата, хотя

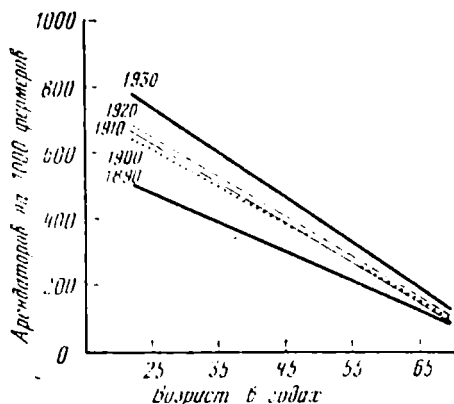

Рис. 3. Доля арендаторов различных возрастов.
 Источник: Black J. D., Allen H. H. Op. cit, P. 410.

все еще при сохранении использования семейного труда. Сравнение между издольщиной и системой наемного труда будет рассмотрено ниже.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФЕРМЕРСКОГО ТРУДА

Статистические источники дают основания для развития точки зрения о том, что семья продолжала быть основной хозяйственной ячейкой в американском сельском хозяйстве. С 1860 г. федеральные переписи стали выделять категорию «сельскохозяйственных рабочих», исчисляя ее в размере 795 679 человек, т. е. около 1/4 населения, занятого в сфере сельского хозяйства. За исключением Юга, на каждые две фермы приходилось меньше одного рабочего. По целому ряду причин мы никогда не узнаем точно, что означает эта цифра. По соображениям практического характера в ней учтено только мужское население. Поскольку в этой категории учитывались и семейные работники фермера, не получающие зарплаты, то эту цифру следует рассматривать как значительно завышенную по сравнению с действительной картиной распространения наемного труда в сельском хозяйстве. С другой стороны, перепись называет число «рабочих» 969 301, многие из которых на практике выполняли сельскохозяйственные работы по крайней мере в течение какого-то времени в году (сезонные работники). Однако независимо от того, завышены или занижены эти данные, они достаточно красноречиво свидетельствуют, что система наемного труда не была преобладающей в сельском хозяйстве Америки. Рассматривая этот показатель в динамике, нет оснований утверждать, что указанная характеристика сельского хозяйства существенно изменилась.

Как видим из табл. 5 и 6, воздействие освобождения на Юге сразу же стало очевидным и естественным. Возможно менее известно увеличение сельскохозяйственных рабочих в северных штатах в период с 1860 по 1870 г., особенно в центральных

Процент сельскохозяйственных рабочих (своих и наемных)*

	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Северо-Атлантический	29	35	33	33	39	47	39
Южно-Атлантический	19	58	59	49	52	47	38
Северный Центральный	24	36	31	25	35	39	32
Южный Центральный	17	58	54	31	48	45	39
Западный	29	32	27	30	36	48	40
США	25	49	43	35	43	50	39
Кроме Юга	27	35	31	27	36	42	35

* Eight Census (1860). Vol. 1. P. 659—679; Ninth Census (1870). Vol. 3. P. 812—813; *Holmes G. K. Supply of Farm Labor // USDA Bureau of Statistic-Bulletin. N 94* (1912); Thirtieth Census (1910). Vol. 4. Population. Table II.

Таблица 6

Число сельскохозяйственных рабочих на ферму *

	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Северо-Атлантический	0,49	0,58	0,50	0,54	0,61	0,74	0,56
Южно-Атлантический	0,35	2,17	1,48	1,08	0,97	0,72	0,50
Северный Центральный	0,39	0,65	0,50	0,40	0,56	0,62	0,46
Южный Центральный	0,15	1,10	1,28	0,88	0,92	0,75	0,51
Западный	0,34	0,41	0,56	0,67	0,62	0,88	0,63
США	0,39	0,97	0,83	0,66	0,81	0,90	0,51
Кроме Юга	0,46	0,69	0,50	0,45	0,57	0,67	0,51

* Eight Census (1860). Vol. 1. P. 659—679; Ninth Census (1870). Vol. 3. P. 812—813; *Holmes G. K. Op. cit.*; Thirtieth Census (1910). Vol. 4. Population. Table II; Fourtunth Census (1920). Vol. 5. Agriculture.

штатах Севера. Это увеличение сельскохозяйственных рабочих, однако, не было долговременной тенденцией, так как, по свидетельству источников, число сельскохозяйственных рабочих здесь постепенно снижается в 1870-х и в 1880-х годах, возвращаясь в 1890 г. приблизительно к уровню 1860 г. (за исключением Юга). Таблицы демонстрируют, что ко времени переписи 1910 года, когда Ленин анализировал развитие сельского хозяйства Америки, по-видному, наблюдалась более стабильная тенденция к использованию наемного труда в сельском хозяйстве. По его утверждению, Юг практически выделялся из общенациональной картины. За исключением Юга, относительное распространение наемного труда усиливалось на протяжении всего периода до 1910 г. И если мы обратимся не к центральным райо-

Доля расходов на наемных рабочих в стоимости совокупного сельскохозяйственного продукта *

	1870 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Северо-Атлантический	13,7	10,7	11,9	8,6
Южно-Атлантический	19,0	8,0	7,1	3,9
Северный Центральный	9,3	6,1	6,0	5,8
Южный Центральный	14,4	5,6	5,8	4,6
Западный	19,3	16,7	16,9	13,1
США	12,7	7,7	7,7	6,3
Кроме Юга	11,4	8,1	8,3	7,3

* Compendium of Ninth Census (1870). P. 692; Twelfth Census (1900). Agriculture. Part 1. P. CXXVIII; Fourteenth Census (1920). Vol. 5. Agriculture. P. 18, 506.

нам Севера, производящим пшеницу, которые Ленин считал районами *менее* капиталистически развитыми, но к фермам северо-восточных районов, специализирующихся на выращивании овощей, а также к плантациям сахарной свеклы и фруктовых садов побережья, то здесь использование сельскохозяйственных рабочих было гораздо предпочтительнее, чем в предшествующий период. Однако эти тенденции существенно изменились к 1920 г.

Выявление и исчисление сельскохозяйственных рабочих по материалам переписей представляется, как правило, опасным путем измерения процесса пролетаризации, поскольку наемный сельскохозяйственный труд по своему характеру оставался в основном сезонным и непостоянным. Поэтому сельскохозяйственные рабочие могли отсутствовать во время проведения переписи, или быть приписанными к другому региону, или просто-напросто вовсе не считать себя сельскохозяйственными рабочими. Однако в материалах переписей есть другой показатель. Это ответы на вопрос о расходах на наемный труд. Этот вопрос впервые появился в 1870 г., но, к сожалению, ответы на него не были опубликованы вплоть до 1900 г. Тем не менее данные, относящиеся к этому значительному историческому отрезку времени, свидетельствуют, что относительная роль наемного труда в производстве стоимости сельскохозяйственного *продукта* падала (табл. 7). Следовательно, тенденция развития капиталистического найма, как она наблюдалась в 1910 г., была незначительной и непостоянной.

Есть достаточно оснований полагать, что наемный труд был как бы временной фазой регионального развития, поскольку часто он являлся промежуточной ступенью в процессе индивидуального движения по социальной лестнице. Как показывает Пол Дэвид в исследовании выступлений в Чикаго, «спрос на наемных рабочих был большим в сфере строительства, транспор-

та, а не в сфере сельского хозяйства»¹⁶. Бездомным рабочим, привезенным для строительства каналов, железных дорог или мостов, иногда предоставляли возможность заняться сельским трудом, но они не имели намерения оставаться в деревне, если не было перспективы стать хозяевами (владельцами ферм). Особенно возрастала потребность фермеров в использовании дополнительной рабочей силы во время расчистки земель. Многие молодые люди приходили на запад и становились поставщиками рабочей силы при подъеме целины в прериях, при расчистке лесов. Но использование этого вида наемного труда постепенно сокращалось в связи с изменением как спроса, так и предложения рабочей силы.

Во многих регионах страны крупные землевладельцы организовывали свое хозяйство как крупнокапиталистическое. При этом выяснилось, что со временем применение наемного труда стало спорадически ненадежным и безответственным явлением. Так что постепенно владения дробились и передавались арендаторам. Таким образом развивались события в зернопроизводящих районах от Индианы до Айовы во времена, предшествующие хорошо известному, образцово процветающему хозяйству в Долине Красной Реки¹⁷.

Будучи весьма не склонны рассматривать наемный труд как непреходящую тенденцию развития торгового сельского хозяйства, историки и современники часто воспринимали его как категорию переходную и относящуюся к прошлому. Автор работы «Наемный труд и хлебопашцы» пишет: «Сельскохозяйственный наемный рабочий, некогда являвшийся непреходящей составляющей сельского общества, хотя и занимал там весьма низкое положение, однако постепенно исчезал из виду, оставаясь лишь в памяти, традиции и американском фольклоре»¹⁸.

Однако дело здесь сложнее, чем кажется. Хотя семейные фермы и семейный труд продолжали количественно преобладать на протяжении всего XIX в. и далее, со временем незаметно развивалась и тенденция использования наемного труда на более долговременной основе. Ключ к пониманию этого процесса, во-первых, мы находим в растущих показателях категории так называемых «сельскохозяйственных рабочих», которые уже не являлись членами семьи владельца фермы (табл. 8). Данные табл. 8 показывают, что в действительности в южных штатах имелось меньше наемных рабочих, чем где бы то ни было. Большие же показатели численности наемных рабочих в основном получены в результате высокого уровня рождаемости в этом регионе. На восточном и западном побережье более 90 % сельскохозяйственных рабочих были действительно наемными работниками, не принадлежащими семье владельца.

Во-вторых, есть еще признаки долговременных изменений, которые носят подчиненный характер, но, возможно, не менее важны. В первой половине XIX в. наемный сельскохозяйственный труд часто ничем не отличался от фермерского. Иностран-

Доля «своих» во всех сельскохозяйственных рабочих (%)*

	1900г.	1910 г.	1920 г.
Новая Англия	25	19	10
Среднеатлантический	34	24	17
Северо-Восточный Центральный	55	49	35
Южно-Атлантический	58	56	50
Южный Центральный	62	59	51
Горный	35	18	18
Тихоокеанский	2	15	8

* Twelfth Census (1900): Special Reports: Occupations. P. 94—95, 104—105; Thirteenth Census (1910). Vol. IV. Population: Occupation Statistics. P. 96—97, 110—111, 124—125, 138—139; Fourteenth Census (1920). Vol. IV Population: Occupations. P. 56—57, 74—75, 92—93, 110—111. В 1900 г. употребилось выражение «сельские рабочие (члены семьи)»; в 1910 и 1920 гг. различались понятия «домашней фермы» (homefarm) и фермы, производящей на рынок (working out).

ные путешественники удивлялись, например, когда узнавали, что помощники фермера ели за одним семейным столом с хозяином¹⁹. Сам термин «наемный» или «наемница» расценивался как американизм шотландским путешественником Джеймсом Флинтотом. Он писал: «Словом „хозяин“ не пользуются наемные работники»²⁰. Но к концу XIX в. стало ясно, что эти представления претерпели существенные изменения во многих местностях США. В 1891 г. фермер штата Массачусетс записал: «Старомодное понятие „помощник“ исчезло, и теперь используют слово „работник“ с особым значением»²¹. Социальный резонанс такого явления, когда небольшие армии «голодранцев, лодырей и бродяг» кочевали по селам, побудил Промышленную комиссию заслушать вопрос о сельскохозяйственных рабочих в 1900 г.

Х. Р. Дожд из департамента сельского хозяйства США написал Записку в Промышленную комиссию по вопросу о сельскохозяйственных рабочих, явно выделив категорию наемных рабочих, как «наименее эффективный и совсем нежелательный класс, занимающий подчиненное положение в сфере сельскохозяйственного производства, который получает мизерное вознаграждение. Вследствие юридической и хозяйственной несостоятельности они стеснены в средствах существования, у них отсутствуют нормальные условия жизни. Поэтому помыслы этих людей не отличаются чистотой и высотой целей и побуждений»²². Утверждения Дожа о неполноценности не следует воспринимать в личном плане. Но мы не ошибемся, если увидим в Записке Дожа отражение огромной социальной дистанции между наемными рабочими и другими категориями общества, что свидетельствует об оформлении особого класса сельскохозяйственных рабочих к

1900 г. Таким образом, возникает вопрос: как объяснить тот факт, что хотя сельскохозяйственные рабочие по своей численности не были значительной группой, а также не отмечен и сколько-нибудь значительный относительный рост расходов на наемных сельскохозяйственных рабочих, тем не менее наблюдатели отмечают появление нового класса пролетаризированных сельскохозяйственных рабочих? Ниже сделана попытка решить этот вопрос.

ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР

Принципиальное значение для решения проблемы приобретает учет сезонного характера спроса на рабочие руки в сельском хозяйстве. Сезонный характер по природе своей биологического происхождения. Однако следует отметить, что многоотраслевая, самообеспечивающаяся ферма (т. е. основанная на натуральном хозяйстве) обладает весьма разнообразными хозяйственными функциями с различными циклами спроса на сезонный труд. Так что в целом эти вариации спроса на рабочие руки умеренные. Стэнли Леберготт утверждает, что труд по расчистке земель — идеальный вид работ для фермерской семьи, где был определенный объем трудовых ресурсов. Дело в том, что именно этот вид работ обеспечивал годовую занятость работникам и гарантировал оплату труда почти вдвое выше годовой зарплаты сельскохозяйственного рабочего²³. Исследователи труда рабов утверждают, что именно природа этого труда (его неизменная стоимость, независимая от занятости) побуждала рабовладельцев расширять посевы зерна и хлопка, с тем чтобы рабы были заняты работой круглый год и таким образом окупались бы расходы на их содержание²⁴. Как и в случае с семейными фермами, при многоотраслевом натуральном типе хозяйства существовала обоюдная заинтересованность в поиске выгодного круглогодичного труда, а также таких технологий и изменений в сельскохозяйственном производстве, которые нивелировали бы пики спроса на рабочие руки во время уборки урожая наиболее ценных зерновых.

С течением времени, однако, все возрастала потребность в извлечении максимально возможных прибылей из организованного фермерского земледельческого хозяйства. Мы можем связывать эту тенденцию с развитием торгового земледелия в хозяйствах американских фермеров, или с ростом цен на землю, или с финансовым давлением, растущим в связи с падением доли земли, полностью принадлежащей фермеру, т. е. не обремененной долгами и не сданной в аренду. Либо это можно объяснить воздействием причин другого порядка — таких, как закрытие границ, строительство сети железных дорог, развитие транспортных коммуникаций и технологий, что позволило организовать специализированные торговые фермы в различных отдаленных уголках страны. Однако сколько бы мы ни перечис-

ляли и ни ранжировали эти причины, но растущая специализация оказала воздействие на рост поставки сезонной рабочей силы, особенно во время сбора урожая. Рис. 4 и 5 отражают связи между рыночной специализацией и сезонным характером сельскохозяйственного труда накануне первой мировой войны. Эти связи наблюдались в хозяйствах, производящих кукурузу и пшеницу, а также специализировавшихся на выращивании фруктов в различных районах страны. Смысл интерпретации этих данных состоит в обнаружении тесной взаимосвязи между социальной задачей сохранения стабильности сельскохозяйственных общин и экономическим аспектом — извлечением максимальной прибыли из земли. Выражение «фермеры и бродяги идут рядом» стало поговоркой на равнинах и в прериях к концу XIX в.²⁵

Проблема обеспеченности хозяйства трудовыми ресурсами имеет еще один аспект, вытекающий из того факта, что средства, полученные при сельскохозяйственных работах во время сбора урожая, никак не покрывали расходов на содержание сельскохозяйственного рабочего и его семьи в течение всего года. Действующий повсюду обуславливал мобильность трудовых ресурсов, т. е. движение рабочих с места на место в зависимости от того, где шел сбор урожая, иначе говоря, где можно было бы получить максимально высокую зарплату. Однако такие заработки давались дорогой ценой в ущерб стабильности семейного быта, к чему естественно стремились американцы. Вот почему сбор урожая побуждал к переселению на временное место жительства прежде всего неженатых молодых людей из соседних городов и сел. Но этот путь получения средств к существованию становился все менее доступным в связи с растущей однопрофильной специализацией на монопосевах зерновых культур в целых районах, а также в связи с усиливающимся процессом урбанизации. Хотя все еще существовала в зернопроизводящей полосе система мигрирующей рабочей силы, более или менее регулируемая сезонами урожая, на людей, привлеченных такого рода заработками, смотрели как на «бродяг», «смутьянов», «низшую касту сельскохозяйственных работников». К тому же неизбежным следствием оставалась ненадежность такого рода поставки рабочих рук, определяющаяся исключительно временными потребностями сезонного спроса. Опираясь на такой контингент рабочей силы, полагали фермеры, было делом рискованным и нежелательным. В 1870-е годы известны случаи вооруженных выступлений на Среднем Западе сельскохозяйственных рабочих против механизации, сокращающей спрос на рабочие руки²⁶. Но такие выступления, даже имевшие временный успех, в итоге только, напротив, неизбежно усиливали желание фермеров как можно больше сэкономить затраты на наемный труд. Повсеместно, где только возможно, механизация была лучшим выбором. Именно по этому пути пошли районы зернопроизводящей полосы США, специализирующиеся на посевах пшеницы.

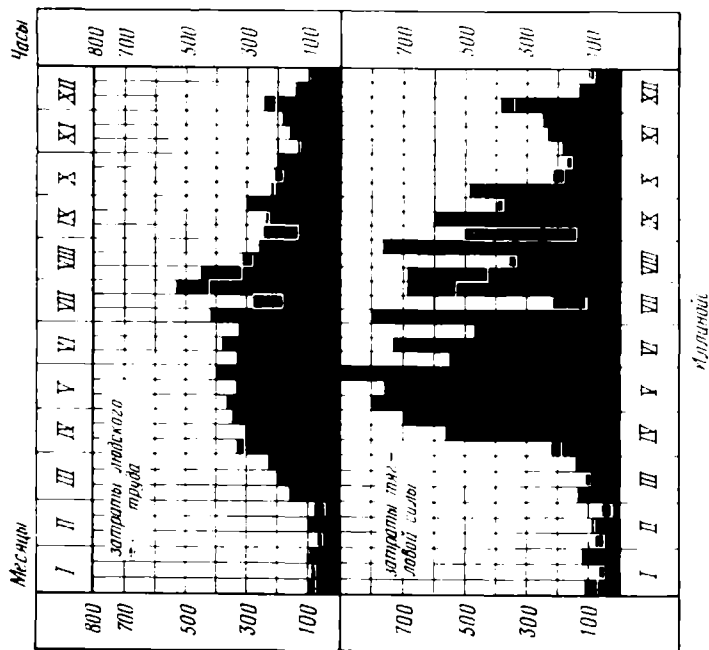
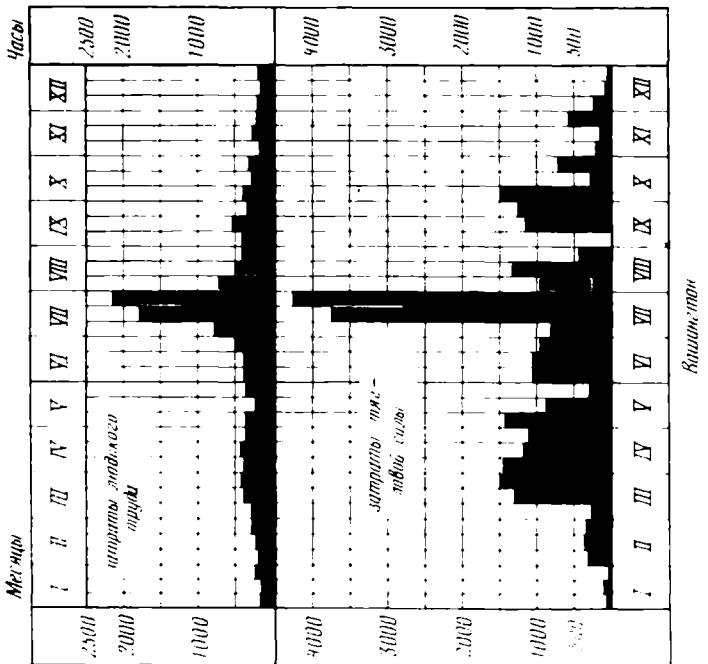

Рис. 4. Характер сезонности сельскохозяйственного труда в зерновом поясе (на примере фермы размером 270 акров в Юго-Западном Иллиноисе) и регионе, севшем озимую пшеницу (на примере фермы размером 800 акров в штате Вашингтон).
 Источник: Yearbook of the Department of Agriculture, 1917, P. 544—545.

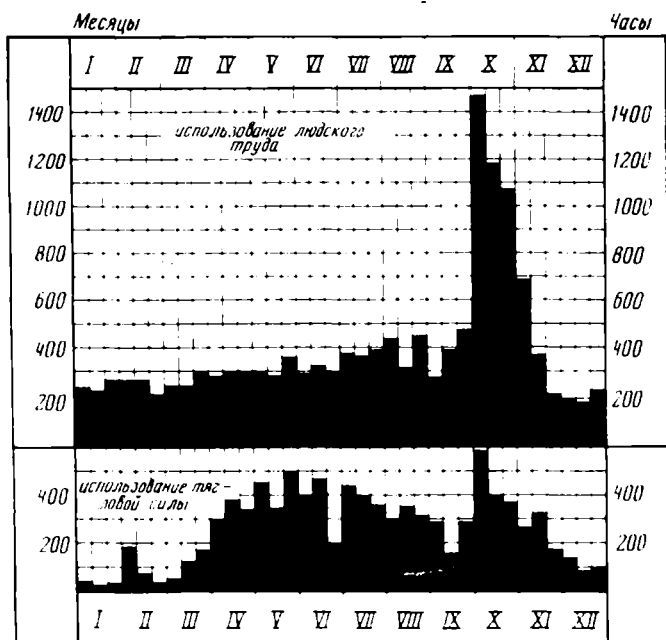

Рис. 5. Сезонность сельскохозяйственного труда (на примере комплексной фермы размером 256 акров (яблоки, сено, бобовые, пшеница, картофель, овес, кукуруза и др., запад штата Нью-Йорк).

Источник: Yearbook of the Department of Agriculture. 1917. P. 543.

Принципиально важно, что, за исключением Юга, большинство американских фермеров относились в той или иной степени к среднему классу. Они действительно были мелкими бизнесменами, осуществлявшими ощутимые вложения в землю и оборудование, устанавливавшими доверительные отношения друг с другом и заинтересованными в наследовании следующим поколением их семей того же социального статуса. Несмотря на часто повторяемое заявление, что американцы всегда отличались высокой мобильностью, американские владельцы ферм оставались стабильной группой по меньшей мере до конца столетия. Обследование местного населения по вопросам «стабильности сельского населения» (1909 г.) зафиксировало, что подавляющее большинство владельцев ферм в северных штатах получили свои фермы во владение более 10 лет назад²⁷.

Хотя мы не располагаем надежной оценкой степени миграции фермеров в период до первой мировой войны, есть множество данных, позволяющих сделать вывод, что это не было процессом движения пролетариев к статусу неквалифицированных рабочих. Когда Промышленная комиссия выясняла в различных районах, с чем связан уход молодых людей с ферм; чаще ответы содержали ссылку на стремление продвижения *вверх* по соци-

альной лестнице, «получить новые профессии... пойти по пути коммерции... получить высшее образование... стать юристами... правоведами, докторами, министрами и т. д. ...и не возвращаться на фермы»²⁸. По меньшей мере одно государственное обследование предлагает статистическое подтверждение этой точки зрения на основе данных по штату Огайо за 1893 г. (о профессиональной занятости сыновей фермеров, выбравших несельскохозяйственную деятельность, см. табл. 9). Было обследовано 3758 сыновей фермеров, не занимающихся фермерской деятельностью. Из них только 305 (8,1 %) были рабочими; 55 человек — горняки; наиболее многочисленная категория учителей — 14,6 %, торговцы — 11,5, клерки — 8,8 %. Общая картина представляет очень большое разнообразие профессий, занятий и бизнеса — от правоведа, банкиров и букинистов до хорошо оплачиваемых категорий квалифицированных рабочих, например, плотников.

Огайо, конечно, не представляет страну в целом, но мы можем с уверенностью сказать, что семьи фермеров, в частности их сыновья, не являлись источником трудовых ресурсов для индустриализации Америки. Иностранцы составляли только шестую часть в населении страны к концу XIX в., тем не менее иммигранты и их дети насчитывали более половины всех рабочих мануфактурного и механического производств²⁹. В 1910 г. иностранцы (родившиеся за пределами Америки) и их сыновья составляли более 60 % механиков в стране и более двух третей горняков и рабочих мануфактур. Обзоры Комиссии по иммигрантам свидетельствуют, что многие из основных отраслей американской промышленности — изготовление сельскохозяйственных орудий, легкая промышленность, сталелитейная, мебельная, мясная — основывались в целом на контингенте иностранных рабочих³⁰.

Хотя незначительная часть сыновей иммигрантов была выходцами из сельской местности, подавляющее большинство этого контингента рабочих не было связано с сельским хозяйством Америки. Изучение рынка рабочей силы выявило, что урожденные американцы, входящие в состав контингента рабочей силы, имели намного лучшие возможности для быстрого продвижения к квалифицированному труду высокого уровня по сравнению с рабочими иностранного происхождения или их сыновьями³¹. Именно это обстоятельство и определяло выбор варианта социальной карьеры, наиболее привлекательного по сравнению с тем, что можно было бы ожидать от карьеры сельскохозяйственного рабочего. Допуская отдельные локальные исключения, мы можем утверждать, что в аграрных отношениях в Америке не наблюдался процесс пролетаризации как предшествующий индустриализации, по классическому определению Маркса.

Если в американском сельском хозяйстве и должен был произойти переход к наемному труду, он осуществлялся бы за счет привлечения и использования сезонного труда иммигрантов, приехавших из тех стран, где условия жизни существенно хуже,

Занятия сыновей фермеров, выбравших иную, нежели фермерство, стезю (Огайо, 1893 год)*

Род занятий	Число	Род занятий	Число
Агенты	43	Клерки	329
Архитекторы	10	Инженеры-строители	30
Кузнецы	43	Подрядчики	9
Мясники	35	Химики	3
Вязальщики венников	4	Аптекари	40
Работники котельных	3	Дантисты	11
Бухгалтеры	125	Сыщики	2
Банкиры	15	Торговцы молоком	18
Парикмахеры	9	Инженеры-механики	72
Пекари	3	Курьеры	5
Кирпичники	6	Граверы	1
Пчеловоды	1	Электрики	6
Медеплавильщики	2	Пожарники	1
Коммерсанты	153	Стеклодувы	4
Повара	3	Садоводы	15
Плотники	183	Жокеи	4
Маклеры	5	Издатели	3
Владельцы отелей	3	Фотографы	26
Шорники	11	Владельцы птицеферм	5
Металлисты	16	Печатники	13
Страховые агенты	20	Почтовые клерки	8
Мороженщики	7	Штукатуры	14
Ювелиры	20	Водопроводчики	6
Журналисты	18	Гончары	4
Лесорубы	27	Преподаватели колледжей	16
Юристы	142	Бумажники	1
Шорники	25	Лудильщики	3
Рабочие	305	Врачи	153
Литографы	2	Железнодорожники	73
Музыканты	19	Владельцы ресторанов	4
Машинисты	75	Кровельщики	5
Мельники	26	Конюхи	2
Водители	4	Маклеры	39
Торговцы	434	Моряки	5
Священники	78	Стенографисты	23
Горняки	55	Землемеры	8
Фабриканты	39	Обувщики	8
Литейщики	13	Пилыщики	38
Каменщики	37	Трактирщики	8
Владельцы питомников	9	Солдаты	2
Оптики	1	Работники на оловянных рудниках	5
Нефтяники	5	Учителя	550
Красильщики	20	Грузчики	8
Телеграфисты	84	Драпировщики	1
Кафельщики	14	Ветеринары	14
Железнодорожные диспетчеры	2	Каретники	2
Портные	5	Работники метеослужбы США	2
Дубильщики	1	<i>Всего</i>	3758

* Seventeenth Annual Report of the Ohio Bureau of Labor Statistics, for the year 1893. Norwaer, 1894, P. 794.

чем в Соединенных Штатах. Именно этот путь использования труда иммигрантов, в частности мексиканцев, практиковался в штате Техас и частично в Калифорнии, а также в других западных штатах. Труд мексиканцев использовался постоянно как в хлопководстве, так и в плодовоовощных хозяйствах Техаса после 1900 г. Постепенно в этот процесс стали вовлекаться и другие штаты, в которых хозяйства специализировались на посевах кукурузы, сахарной свеклы. В результате рабочие, часто путешествовавшие целыми семьями, использовали эти новые возможности с тем, чтобы заполнить работами все большую и большую часть года³².

В 1910 г., как показало обследование Сельскохозяйственного департамента по выявлению связи между процессом урбанизации и применением наемного труда в сельском хозяйстве на уровне графств, между этими двумя процессами в большинстве случаев (в западных штатах) отсутствует какая-либо связь³³. Эти изыскания, возможно, означают, что к 1910 г. большинство сельскохозяйственных наемных рабочих были рассредоточены по территории штатов и имели небольшой доступ к заработкам в близлежащих городах. В Калифорнии распространение наемного труда имело наибольший масштаб по сравнению со страной в целом. В 1870—1880-х годах нанимались китайские рабочие, начиная с 1890-х годов их заменили японские наемные рабочие.

Проблема иммиграции и трудовых ресурсов долгое время остается предметом политических дискуссий. Перед первой мировой войной, когда существенное число белых американцев использовалось как рабочая сила в сельском хозяйстве, предприниматели столкнулись с деятельностью союза, организующего кампании за политическую реформу и оказывавшего сильное влияние на них в плане улучшения условий труда, стабилизации контингента рабочей силы, облегчения сельскохозяйственных работ. Можно рассматривать это воздействие как демонстрацию существенных политических требований фермеров относительно условий функционирования рынка рабочей силы в Америке, которые «обеспечивали бы соответствующие цены на труд», исходя из хозяйственных расчетов. Во время войны это требование проявилось в воздействии рынка на экономику сельского хозяйства. Фермеры столкнулись с массовым оттоком рабочей силы (наемных работников) из сферы сельскохозяйственного производства по всей стране, в том числе и в Калифорнии. Для хозяйств, специализирующихся на посевах кукурузы, которая не являлась торговой культурой в то время, единственной альтернативой полному свертыванию производства было использование дешевой наемной рабочей силы. Это было возможным при использовании низкооплачиваемого труда мигрирующих по стране мексиканцев. Таковым являлось направление развития сельского хозяйства Калифорнии после войны.

Таким образом, в снижении относительных расходов на сельскохозяйственный труд отразились два различных процесса: ме-

**Зарплата сельскохозяйственных и неквалифицированных рабочих
в 1869—1919 годах
(дневная ставка без «стола»)**

Штат	1869 г.		1890 г.		1919 г.	
	По сельскому хозяйству	Общие данные	По сельскому хозяйству	Общие данные	По сельскому хозяйству	Общие * данные
Массачусетс	1,41	1,60	1,45	1,52	3,40	3,12
Нью-Джерси	1,20	1,64	1,25	1,44	3,32	3,52
Индиана	1,00	1,56	1,05	1,38	3,21	3,12
Висконсин	1,15	1,54	1,26	1,37	3,63	3,20
Айова	1,12	1,69	1,23	1,33	4,24	3,36
Канзас	1,15	1,87	1,10	1,47	4,47	3,44
Калифорния	2,13	2,31	1,55	1,96	3,90	3,52
Техас	0,85	1,27	0,97	1,68	3,15	2,88

* Дневной заработок $\times 8$.

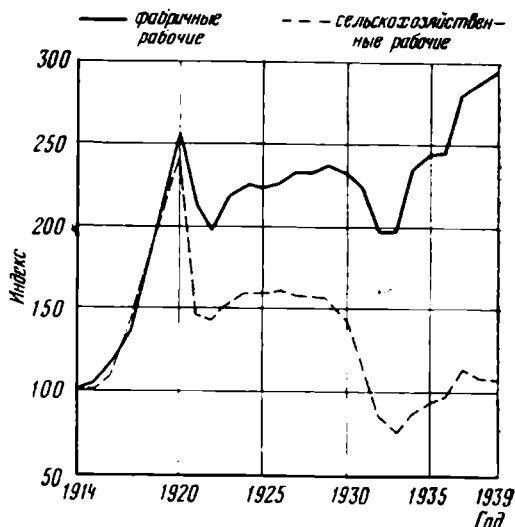
USDA. Crops and Markets. Vol. 19 (1942). P. 150—151; Stanley Lebergott, Manpower, in Economic Growth. P. 541.

ханизация и дальнейшее переселение, которые привели к сокращению числа наемных сельскохозяйственных рабочих и развитию системы низкооплачиваемого труда иммигрантов. В итоге сократилась стоимость рабочей силы в тех штатах, где широко использовался наемный труд. Полезно было бы измерить вклад каждого из означенных процессов. Так, в 1919 г. отмечено относительное падение платы наемным рабочим в сельском хозяйстве Калифорнии (табл. 10) по сравнению с другими частями страны. Обобщая, можно сказать, что известное изначальное равновесие между оплатой наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности, которое поддерживалось вплоть до войны и в течение войны, позже сменилось все более явным «разрывом» в оплате труда в этих двух секторах к 1920 г., который и сохранился вплоть до настоящего времени (рис. 6).

Следует отметить, что выбор между специализацией и многоотраслевым хозяйством не есть выбор между рынком и нерыночной политикой. Если есть недостаток в рабочей силе в хозяйстве, или некоторые работы весьма трудоемки, нежелательны, или если сезонный характер работ представляет основное неудобство для сельскохозяйственных работников, рынок заставит землевладельцев организовывать хозяйство с учетом этого фактора недостатка рабочей силы, т. е. отдать предпочтение интенсивному земледелию и многоотраслевому типу хозяйства, с тем чтобы иметь возможность предложить в течение всего года работу и привлечь семьи наемных рабочих для постоянного жительства. Но что вообще означает «хозяйство»? Что это — группа людей или имущественная собственность в условиях данной по-

Рис. 6. Движение пидексов заработной платы сельскохозяйственных и фабричных рабочих, 1914—1939 гг. (1914 г. = 100 %).

Источник: Ahearn D. J. The Wages of Farm and Factory Laborers. 1914—1944. N. Y., 1945. P. 227.

литической системы? Концепция «недостатка рабочей силы» не имела бы особого значения, если бы рынок рабочей силы постоянно подвергался расширению и переоценке с политической точки зрения. Тем не менее решение этого вопроса связано с социальным выбором, включающим основные проблемы гражданства и принадлежности к общине.

Что касается процесса использования мигрирующей рабочей силы, то в этом не было ничего «естественного». Развитие подобных рынков рабочей силы было связано с известной долей риска. Дело в том, что фермеры, которые имели острую потребность в рабочих руках в определенное время, не знали никогда заранее, когда наступит это время и как долго оно будет длиться. В некоторых районах возможно предполагать дополнительный спрос на рабочие руки, тогда как в других — жестокую конкуренцию. Работник, пришедший слишком рано или слишком поздно, мог понести большие потери. Сделки заключались на больших территориальных пространствах, а обстоятельства постоянно менялись. В обзоре, содержащем информацию об обеспеченности рабочими руками работ по сбору урожая в 1920-х годах в районах, сеящих пшеницу, отмечены потери более чем 40 % возможного рабочего времени этого сезона по причинам сложности коммуникаций и координации расстояния и погоды³⁴.

Неудивительно, что Техас вскоре «понял необходимость принятия государством мер по созданию более рационально организованного рынка рабочей силы»³⁵. Если сделать моментальный снимок мигрирующей рабочей силы, это, возможно, будет логичный набор индивидуальных сделок, в которых все стороны, в выигрыше. Вместе с тем в подобной ситуации наниматели весьма

заинтересованы в создании барьеров (с помощью языковых различий, средств информации, а иногда и физической грубой силы) между их работниками и окружающими общинами. Такая система требует во многих отношениях законодательной и политической поддержки, и тем не менее она является по существу социальным выбором.

Чем определялось развитие той или иной культуры или региона? Очевидно, основными при этом являются такие характеристики, как сезонность, масштаб хозяйства, пригодность для применения механизации при обработке. Сразу очевидны различия в оплате труда в зависимости от специализации хозяйства (табл. 11). Данные о спросе на рабочие руки при производстве пшеницы (рис. 4) демонстрируют умеренные сезонные колебания сравнительно с периодом до применения механизации, когда пик спроса на рабочие руки мог превышать среднегодовые данные в 20—30 раз³⁶. И наоборот, использование механизации при уборке хлопка, фруктов и овощей дает совершенно другую картину.

Однако технический детерминизм не объясняет всего. Мы не исключаем возможности зависимости порайонной специализации сельского хозяйства от развития рынка рабочей силы и других сторон социально-политической сферы, а также от воздействия условий рынка на самое технологию. Калифорния, например, в конце XIX в. была зернопроизводящим штатом, развивалась в условиях недостатка рабочих рук, что определило здесь опережающие сравнительно с другими штатами темпы механизации. Доля работ при уборке пшеницы, выполняемая непостоянными наемными рабочими, существенно различается по штатам: в 1920 г. — от 7 % в Миннесоте до 41 % в Северной Дакоте и 43 % в Вашингтоне³⁷. Что касается хлопководства, то здесь ис-

Таблица 11

Расходы на оплату труда в различных отраслях сельского хозяйства *

Специализация хозяйства	%	Стоимость		Специализация хозяйства	%	Стоимость	
		всего продукта	непотребленного			всего продукта	непотребленного
Рожь и зерновые	76	8,1	10,0	Рис	299	21,8	22,4
Овощи	106	14,0	15,9	Сахар	1985	35,7	37,3
Фрукты	184	18,4	20,1	Садоводство	675	22,5	22,6
Скот	65	6,1	8,2	Подсобное хозяйство	1136	22,4	22,9
Мясо-молочные продукты	105	9,7	13,3	Таро	51	12,0	12,0
Хлопок	25	5,1	5,9	Кофе	360	63,3	63,3
Табак	51	7,3	8,3				

* Twelfth Census (1900). Agriculture. Part 1. P. CXXVIII.

Расходы на оплату труда *

Стоимость продукта (в долл.)	На ферму (в долл.)	% стоимости		Площадь (в ак- рах)	На ферму (в долл.)	% стоимости	
		всех про- дуктов	непотреб- ленных			всех про- дуктов	непотреб- ленных
1—49	4	8,7	13,6	3—9	18	8,3	9,0
50—99	4	4,5	6,1	10—19	16	5,9	6,7
100—249	7	3,2	4,1	20—49	18	4,7	5,6
250—499	18	3,9	4,9	50—99	33	5,8	6,6
500—999	52	5,8	7,4	100—174	60	6,5	8,4
1000—2499	158	8,5	10,9	175—249	109	7,9	10,3
2500 и более	786	13,6	15,8	250—499	166	9,4	12,2
				500—999	312	13,0	16,3
				1000 и более	1059	17,4	19,9

* Twelfth Census (1900). Agriculture. Part 1. P. CXXVIII.

польщина была той системой эксплуатации труда, которая позволяла обеспечивать годовую занятость сельскохозяйственных рабочих. Хотя часто эту систему называют «квазифеодальной» формой, польщина на Юге США была эффективной системой. Колебания в спросе на рабочие руки при этом имели не сезонный, а годовой цикл³⁸. Возможно, эта система не совсем подходила для хлопководства, где два пика работ: ранний — по культивации и поздний — уборка урожая³⁹. Однако польщина не стимулировала механизацию. Когда стала частично применяться механизация при обработке хлопка в период до сбора урожая, плантационные хозяйства, основанные на издольщине, не спешили ее использовать, однако новые развивающиеся районы в Западном Техасе быстро перешли к использованию непостоянного наемного труда только в сезон сбора урожая.

Иногда утверждают, что изначальный размер землевладения является основным элементом, определяющим специализацию на той или иной агрикультуре, а также и выбор системы эксплуатации труда, технологии. В Калифорнии владения огромных размеров были следствием Договора Гуаделупе — Идальго. Здесь средний объем сельскохозяйственных работ в несколько раз превышал эти показатели по другим штатам (даже при сравнении работ по возделыванию одних и тех же культур)⁴⁰. Взаимозависимость между показателями применения наемного труда и масштабом хозяйства также оказывается весьма существенной (см. табл. 12).

Однако объяснение не так просто, как кажется. Первоначально в центральных регионах Севера Соединенных Штатов Америки имели место покупки крупных владений. Но они относительно быстро делились и перепродавались. Можно ли рассматривать сложившуюся ситуацию таким образом, что социальная

политика, являвшаяся основой успешного развития семейного фермерского хозяйства на протяжении значительного периода национальной истории, теперь, начиная с общественной поддержки проектов по масштабной ирригации, приобрела иную ориентацию на Западном побережье?

Дебаты по проблемам социальной политики привели к ясному пониманию того, что обмен происходил между регионами с наиболее плодородными землями, где обеспечивалась стабильная годовая занятость работникам⁴¹. В 1940 г. Варден Фуллер утверждал, что отношения обмена появлялись вместе с капитализацией земельной собственности на основе развития крупномасштабного производства с высокой производительностью⁴². В это время финансовые соображения, которые определяли спрос на дешевую сезонную рабочую силу, стали ведущими, определяющими. Постольку поскольку проблема поставки рабочей силы была связана с обеспеченностью города и промышленности наемным трудом, работодатели оказались под воздействием постоянно действующих сил экономического и политического давления. Развитие самовоспроизводящейся системы эксплуатации контингента мигрирующей рабочей силы с явно заниженным уровнем заработной платы представляло вид социально-политического эквилибрума. В 1920 г. Фуллер писал, что «концепция оценки этой системы как аномальной в связи с наймом случайных, блуждающих людей изжила себя. Сельское хозяйство Калифорнии *по природе* своей было таковым, что требовало постоянной поставки мигрирующей рабочей силы»⁴³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема пролетаризации американского сельского хозяйства, за исключением Юга, не является вопросом лишения собственности существовавшего сельского населения, а связана с рационализацией процесса производства или технологии. Проблема эта состояла в том, допустили бы общины превращение мигрирующего неостоянного сельскохозяйственного труда «аутсайдеров» в постоянный институализированный компонент аграрного строя в Соединенных Штатах. Исполщина на Юге Америки является примером такого института, развитие которого способствовало использованию «местного» контингента не имеющих собственности работников на долговременной основе — годовом контракте, содержащем побудительные мотивы, подходящие для семейных работников. Повсюду в США ярко выраженный сезонный характер был связан со специализацией земледельческого производства. Это и обусловило невыгодность использования круглогодичного наемного труда, так как он был связан с большими расходами на содержание работников. Но временный сезонный труд был также дорог в связи как с внутренними причинами, т. е. состоянием рынка рабочей силы (негибкость рынка, ненадежный характер контингента мигрирующей рабочей силы, до-

ступного для найма), так и с внешними по отношению к рынку причинами. Это социальные препятствия найма контингента «нищих», бродяг, а также требования сельскохозяйственными рабочими упрочения их положения, стабильности статуса и расширения возможностей вертикальной социальной мобильности. Основным путем избежать этих проблем была механизация — стратегия, в которой Соединенные Штаты были мировым лидером. Но там, где механизация была технически трудно применима, совместный результат действия указанных причин приводил к появлению системы эксплуатации мигрирующего контингента рабочей силы, насколько это возможно, изолированной от рынка труда в городе и промышленности. Эта система возникла на юго-западе Соединенных Штатов приблизительно в конце XIX в., к 1920-м годам распространилась в Калифорнии и продолжала развиваться на восточных территориях в XX в., по большей части незамеченная или вызывающая досаду американцев. Социальная незначительность контингента мигрирующей рабочей силы, его удаленность и изолированность от магистрального направления индустриального развития (в противоположность традиционной концепции пролетаризации), пожалуй, и составляют основную причину того, что большинство американцев не верят в то, что история сельскохозяйственного развития их страны тесно связана с процессом пролетаризации.

¹ Parker W. N. Agriculture/Lance Davis et al. American Economic Growth. N. Y., 1972. P. 393—94.

² Friedmann H. World Market, State and Family Farm // Comparative Studies in Society and History. 1978. N 20. P. 545—586.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 134.

⁴ См.: Там же.

⁵ Rothenberg W. The Market and the Massachusetts Farmer, 1750—1855 // Journal of Economic History. 1981. N 41. P. 283—314; *Idem*. The Emergence of a Capital Market in Rural Massachusetts, 1730—1838 // Journal of Economic History. 1985. N 45. P. 781—808; Danhof C. Change in Agriculture: The Northern United States, 1820—1870. Cambridge, 1969; Severson R. F. et al. Mortgage Borrowing as a Frontier Developed // Journal of Economic History. 1966. N 36. P. 147—168.

⁶ Henretta J. A. Families and Farms: Mentalité in Pre-Industrial America // William and Mary Quarterly. 1978. N 35. P. 3—32; Clark Ch. The Household Economy, Market Exchange, and the Rise of Capitalism in the Connecticut Valley, 1800—1860 // Journal of Social History. 1979. N 13. P. 169—189; Hahn S. The Roots of Southern Populism: Yeoman Farmers and the Transformation of the Georgia Upcountry, 1850—1890. N. Y., 1980.

⁷ Palmer B. Man Over Money: The Southern Populist Critique of American Capitalism. Chapel Hill, 1980.

⁸ Severson R. F. et al. Mortgage Borrowing... P. 152.

⁹ Wright G. Old South, New South: Revolutions in the Southern Economy Since the Civil War. N. Y., 1986. Ч. 2. Различия между графствами в рентабельности землепользования благодаря рыночному типу хозяйства показаны в работе: Weiman D. Farmers and the Market in Antebellum America: A View from the Georgia Upcountry // Journal of Economic History. Vol. 47. 1987. Sept. 644—647.

¹⁰ Gates P. W. Landlords and Tenants on the Prairies Frontier (Ithaca: Cornell University Press, 1973). Ч. 3.

¹¹ MacFaragher J. Open Country Community // The Countryside in the

Age of Capitalist Transformation/Ed. S. Hahn and J. Prude. Chapel Hill, 1985 P. 252.

¹² *Danhof C. H.* Farm Making Costs and the Safety Value // Journal of Political Economy. 1941. N 49. P. 317—359; *Atack J.* Farm and Farm-Making Costs Revisited // Agricultural History. 1982. N 56. P. 663—676.

¹³ *Winters D. L.* Farmers Without Farms: Agricultural Tenancy in Nineteenth-Century Iowa. Westport. 1978. Ch. 1—2.

¹⁴ *Kirby J. T.* Rural Worlds Lost: The American South 1920—1960. Baton Rouge, 1987. P. 3.

¹⁵ *Stock J. H.* Real Estate Mortgages, Foreclosures, and Midwestern Agrarian Unrest, 1865—1920 // Journal of Economic History. 1984. N 44. P. 89—106. См. также: *Bogue A. J.* Land Credit for Northern Farmers, 1789—1940 // Agricultural History. 1976. Vol. 50. P. 90—92.

¹⁶ *David P.* Industrial Labor Market Adjustments in a Region of Recent Settlement: Chicago and the Midwest, 1848—1868 // Quantity and Quiddity: Essays in U. S. Economic History/Ed. P. Kilby. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 1987.

¹⁷ *Lee Coulter J.* Industrial History of the Valley of the Red River of the North // Collections, North Dakota State Historical Society. 1910. Vol. 3: *Bogue A. J.* From Prairie to Corn Belt. Chicago, 1963. P. 184; *Gates P. W.* Landlords and Tenants... P. 314—317.

¹⁸ *Schob D. E.* Hired Hands and Ploughboys: Farm Labor in the Midwest, 1815—1860. Urbana, 1975. P. 1.

¹⁹ *Schob D. E.* Hired Hands and Ploughboys... P. 184.

²⁰ Цит. по: *Taylor P.* The American Hired Man: His Rise and Decline // Land Policy Review. 1943. P. 191.

²¹ Цит. по: *La Wanda F. Cox.* The American Agricultural Wage Earner, 1865—1900 // Agricultural History. 1948. Vol. 22. P. 100.

²² United States Industrial Commission: Report. 1901. Vol. 11. P. 79.

²³ *Lebergott S.* The Demand for Land: The United States, 1820—1860 // Journal of Economic History. 1985. N 45. P. 184—189.

²⁴ *Anderson R. V., Gallman R. E.* Slaves as Fixed Capital // Journal of American History. 1977. N 64. P. 24—46.

²⁵ *Taylor P.* Labor on the Land. N. Y., 1981. P. 62.

²⁶ *Argersinger P. H., Argersinger JoAnn E.* The Machine Breakers: Farmworkers and Social Change in the Rural Midwest of the 1870's // Agricultural History. 1984. Vol. 58. P. 393—410.

²⁷ United States Census Bulletin: Stability of Farm Operators, or Term of Occupancy of Farms (1910).

²⁸ U. S. Industrial Commission: Report. Vol. 10. P. 133, 321, 848, 868.

²⁹ *Hutchinson E. P.* Immigrants and their Children, 1850—1950. N. Y.: Wiley and Sons, 1956.

³⁰ United States Senate: Report of the Immigration Commission. Wash., 1911. Vol. 1. P. 332, 343.

³¹ *Hannon J. U.* City Size and Ethnic Discrimination // Journal of Economic History. 1982. N 42. P. 825—845.

³² *Coalson G. O.* The Development of the Migratory Farm Labor System in Texas, 1900—1954. San Francisco, 1977.

³³ *Holmes G. K.* Supply of Farm Labor // USDA Bureau of Statistics. Bulletin. 1912. N 94. P. 38—40.

³⁴ *Lescohier D. D.* Harvest Labor Problems in the Wheat Belt // USDA... Bulletin. 1922. N 1020. P. 10.

³⁵ *Coalson G. O.* Development of the Migratory Farm Labor System. Chapter 5.

³⁶ *Lebergott S.* Demand for Land. P. 186.

³⁷ Monthly Crop Reporter. 1921. Apr. P. 45.

³⁸ *Wright G.* Old South, New South. Chapter 4.

³⁹ *Whalley W. C.* South Agrarian Labor Contracts as Impediments to Cotton Mechanization // Journal of Economic History. 1987. Mar. N 47. P. 45—70.

⁴⁰ *Fuller V.* The Supply of Agricultural Labor as a Factor in the Evolution of Farm Organization in California // U. S. Senate Committee on Educa-

tion and Labor, Hearings on Violation of Free Speech and the Rights of Labor. 1940. Pt 54. P. 19780.

⁴¹ Daniel C. E. Bitter Harvest: A History of California Farmworkers, 1870—1941. Ithaca, 1981. Ch. 2.

⁴² Fuller V. Supply of Agricultural Labor... P. 19825.

⁴³ Ibid. P. 19882.

Н. Б. Селунская

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ И НАЕМНЫЙ ТРУД В КРЕСТЬЯНСКОМ И ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1917 ГОДУ

Исследование производственно-технического уровня и системы организации крестьянского и помещичьего хозяйств в России начала XX в. тесно и непосредственно связано с изучением процесса буржуазной аграрной эволюции, общего уровня и темпов, форм развития капитализма в сельском хозяйстве России. Именно названные стороны развития крестьянского и помещичьего хозяйств как основных типов организации сельскохозяйственного производства представляют собой следствие воздействия и проявления развития капитализма в сельском хозяйстве. В то же время, думается, именно конкретное сопоставление уровней развития крестьянского и помещичьего хозяйств как в производственном, так и в социальном аспекте позволит раскрыть причины незавершенности буржуазной аграрной эволюции в России. Решение поставленных конкретно-исторических задач предполагает поиски новых путей и средств исследования, в том числе на основе системного подхода и разработки структурно-количественных методов анализа. Особое значение вопросы методологии приобретают при макроанализе, т. е. масштабных исследованиях на основе массовых сводных данных. Нами будут изложены некоторые итоги изучения производственно-технического уровня и наемного труда в помещичьем и крестьянском хозяйствах Европейской России на основе обработки и анализа опубликованных погубернских итогов земельной и сельскохозяйственной переписи 1917 года¹.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДСТВА И НАЕМНОГО ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Место помещичьего хозяйства в аграрном строе страны, его воздействие на ход аграрной эволюции определялись экономической мощью помещиков. По переписи 1917 года не составит труда выявить удельный вес помещичьего хозяйства в земельных отношениях и сельскохозяйственном производстве.

По 34 губерниям в общем фонде удобных земель помещикам принадлежала пятая часть. Наиболее высокой доля помещичьего землевладения была в Волжско-Вятском^{1*}, Белорусском и Украинском, а самой низкой — в Южно-Уральском и Средневожском районах. Отметим также высокую концентрацию в руках помещиков лесных и сенокосных угодий. Так, по Европейской России помещикам принадлежало две пятых лесов. Во всех районах доля принадлежавших помещикам лесов была выше, чем доля удобных земель, которой они владели. Удельный вес помещичьих сенокосов везде, кроме Украины, был выше, чем их доля в пашенных угодьях. Иначе говоря, помещики не только сосредоточивали значительную часть земельного фонда, но и удерживали за собой наиболее ценные лесные и сенокосные угодья, недостаток в которых особенно остро ощущали крестьяне.

Место помещичьего хозяйства в определяющих отраслях сельского хозяйства — земледелии и скотоводстве — раскрывают нижеприведенные данные^{2*}. На долю помещиков в 34 губерниях в среднем приходилось 7,7 % всех посевов. Наиболее высокой их доля была в Украинском (15,4 %), Белорусском (13,3) и Центрально-Черноземном (11,6), а самой низкой — в Северном (0,7), Волжско-Вятском (1,2) и Южно-Уральском (2,4 %) районах. Таким образом, даже в районах с ярко выраженным сельскохозяйственным характером помещичьих хозяйств роль последних в основной отрасли сельского хозяйства была незначительной. Так, по 34 губерниям помещичьи посевы занимали 39,8 % пашни помещиков, тогда как посевы землевладельцев всех категорий занимали 64,3 % всей пашни. Максимальным разрыв в интенсивности использования пашни под посевы между помещичьим и всеми другими категориями хозяйств был в Средне-Волжском, Южно-Степном, Волго-Вятском, Южно-Уральском и Центрально-Черноземном, а минимальным — в Белорусском, Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах.

«Недовозделываемая» помещиками пашня составляла те земли, которые арендовали и обрабатывали крестьяне. Это приблизительно 25 % помещичьей пашни по 34 губерниям Европейской России с колебаниями по районам от 15—17 (Белоруссия и Промышленный центр) до 40—50 % (Поволжье и Степной Юг). Здесь же следует отметить, что расчет продуктивного скота на 100 десятин сенокосов по всем категориям хозяйств и по помещичьему хозяйству, по переписи 1917 года, свидетельствует о весьма значительном различии в интенсивности использования сенокосов во всех категориях хозяйств сравнительно с поме-

^{1*} Доля помещичьего землевладения в Волжско-Вятском районе выведена по данным по Нижегородской и Костромской губерниям. В Вятской губернии эта доля была очень низкой.

^{2*} Здесь мы не касаемся лесного хозяйства помещиков, поскольку это хотя и важная, но скорее промышленная, а не сельскохозяйственная сфера их деятельности. Заметим, что концентрация у помещиков лесов во многом ставила в зависимость от них крестьян.

щичьим. Так, для содержания имеющегося у помещиков продуктивного скота (по 34 губерниям) было достаточно в среднем пятой части их сенокосов (21,5 %). Большая же часть помещичьих сенокосов составляла также арендный фонд. Крестьяне же испытывали, особенно в черноземной полосе, острейшую потребность именно в сенокосных угодьях и могли арендовать сенокосы в основном у помещиков, так как доля сенокосов в наделенном земельном фонде была крайне низкой.

Показателем роли помещичьего хозяйства в животноводстве является его доля в общем количестве продуктивного скота. По 34 губерниям помещикам принадлежало всего 3,5 % продуктивного скота. Наибольший удельный вес помещичьего хозяйства в скотоводстве был в Белорусском (8,3 %), Южно-Степном (5,8) и Украинском (4,6 %), а наименьшим — в Волжско-Вятском (0,6), Южно-Уральском (0,9), Средневолжском (1,4) и Центрально-Промышленном (1,5 %) районах.

Таким образом, накануне Великой Октябрьской социалистической революции в земледелии и скотоводстве помещичье хозяйство не играло сколько-нибудь существенной роли в производстве и не определяло состояния ведущих отраслей сельского хозяйства в стране в целом и в большинстве районов^{3*}.

Говоря о месте помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве, следует иметь в виду, что значительная часть помещичьих хозяйств вообще была выключена из этого производства. Так, по Европейской России 24,4 % хозяйств не имели посевов, 20,4 % не имели рабочего скота, 16,9 % не имели никакого скота. Наибольшей доля имений без посева и рабочего скота была в Центрально-Промышленном, Северо-Западном и Волжско-Вятском районах, где подавляющую часть угодий помещиков составляли леса (67—89 %). Здесь преобладало лесное хозяйство и сельскохозяйственные угодья сдавались в аренду. В черноземных районах наиболее высоким был удельный вес помещичьих хозяйств без посевов и рабочего скота в Средневолжском и Центрально-Черноземном районах. В Центрально-Черноземном (как и в Восточно-Белорусском) доля хозяйств без рабочего скота была выше, чем доля хозяйств без посевов. Это значит, что определенная часть хозяйств в этих районах возделывала свои посевы целиком скотом крестьян или других земледельцев.

Производственно-техническая база помещичьего хозяйства характеризуется следующими чертами. Оно не было в достаточной степени обеспечено рабочим скотом. Возделывая 7,7 % общей площади посевов 34 губерний, помещики владели лишь 5,1 % рабочего скота. В целом по Европейской России помещики обрабатывали своим скотом две трети посевов (68,0 %). Вместе с тем обработка всех помещичьих посевов требовала в значительной

^{3*} Исключение составляли Прибалтика, Литва и Запад Белоруссии и Украина.

степени использования рабочего скота крестьян. Иными словами, и накануне Октябрьской революции в помещичьем хозяйстве еще имели заметное распространение отработки первого рода. Наиболее широко они применялись в восточнобелорусских, украинских, левобережных и центрально-черноземных губерниях.

Данные об обеспеченности помещичьего хозяйства плугами свидетельствуют также о том, что помещики все же не могли обойтись без привлечения в какой-то мере части крестьянского инвентаря, т. е. без тех же отработок первого рода. Так, по Европейской России в целом помещики имели 5,6 % общего количества плугов. Вместе с тем надо отметить, что по такому важному показателю, как обеспеченность машинами и усовершенствованными орудиями, помещичье хозяйство имело преимущество перед крестьянским. В частности, по Европейской России помещикам принадлежало 8,2 % усовершенствованных орудий. Лучше всего ими было обеспечено помещичье хозяйство Центрально-Промышленного, Северо-Западного, Северного и Средневолжского районов. В двух районах — Центрально-Нечерноземном и Южно-Степном — доля усовершенствованных орудий была меньше доли помещичьих посевов. Причины здесь различные. В Центрально-Нечерноземном районе такое положение, очевидно, было связано с незначительной ролью земледелия, а в Южно-Степном — с экстенсивным характером земледельческого производства.

Как видим, в основных отраслях сельского хозяйства — земледелии и скотоводстве — ведущую роль играло крестьянское хозяйство. На долю помещиков в 34 губерниях Европейской России в среднем приходилось 7,7 % всех посевов и 3,5 % продуктивного скота. Общий же производственно-технический уровень крестьянского хозяйства был в целом выше, чем в помещичьем, оказывавшем сковывающее воздействие на крестьянское хозяйство (см. табл. I). Так, обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим скотом была повсеместно значительно выше, чем хозяйства помещичьего. В среднем по Европейской России на 100 десятин посева крестьяне имели рабочего скота почти вдвое больше, чем помещики. Плугами, основными орудиями вспашки, помещичье хозяйство также, кроме Средневолжского района, повсюду было обеспечено хуже, чем крестьянское хозяйство. Что касается сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий, то помещичье хозяйство имело преимущество в этом отношении перед крестьянским только в Нечерноземном и Средневолжском районах. В Украинском районе обеспеченность крестьянского хозяйства усовершенствованными орудиями была даже несколько выше помещичьего. В целом при несколько лучшей обеспеченности помещичьего хозяйства машинами и усовершенствованными орудиями, чем хозяйства крестьянского, это преимущество в условиях значительно худшей обеспеченности помещичьего хозяйства рабочим скотом и орудиями вспашки не имело существенного значения.

**Уровень оснащенности помещичьего и крестьянского хозяйств
в Европейской России в 1917 году
(на 100 дес. посева)***

Район	Рабочий скот		Плуги		Усовершенствованные орудия		Наемные рабочие		Продуктивный скот	
	помещичий	крестьянский	помещичьи	крестьянские	помещичьи	крестьянские	помещичьи	крестьянские	помещичьи	крестьянские
Центрально-Промышленный	33,9	42,8	17,6	29,0	16,0	1,7	57,0	1,9	28,0	74,8
Центрально-Нечерноземный	27,3	39,3	16,1	24,8	11,6	4,0	24,7	1,5	13,7	62,3
Северо-Западный	27,0	50,8	13,4	19,8	17,0	5,5	29,8	2,0	30,5	106,3
Волжско-Вятский	20,7	28,5	8,9	10,5	8,9	1,7	23,0	1,3	4,1	50,6
Центрально-Черноземный	16,3	31,2	6,3	9,4	5,5	4,4	12,2	0,6	4,3	44,4
Средневолжский	15,4	32,0	9,2	4,7	9,5	1,5	15,4	0,2	2,4	33,4
Украинский	16,4	32,6	6,1	8,7	8,2	9,4	11,9	0,8	4,1	25,5
Южно-Степной	19,4	24,0	6,2	8,7	6,1	9,4	8,9	0,8	5,9	25,5
Южно-Уральский	19,5	50,0	5,1	8,0	5,5	5,1	9,7	1,2	4,2	48,8
По 34 губерниям ** Европейской России	18,1	35,2	6,3	13,1	5,6	4,2	14,4	1,1	6,6	55,8

* См. Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литяков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России эпохи капитализма: (Источники и методы исследования). М., 1982.

** Данные по Северному и Восточно-Белорусскому районам не включены из-за неполноты.

Итак, помещичье хозяйство не определяло общей картины производственной и технической вооруженности сельского хозяйства страны. Его производственный уровень не был таким, чтобы воздействовать на общий прогресс сельскохозяйственного производства.

Роль помещичьего хозяйства в буржуазной аграрной эволюции в какой-то мере может быть выявлена на основе анализа показателей *применения наемного труда*. Из общего количества различных категорий сроковых наемных рабочих, учтенных переписью в 1917 г., на долю помещичьего хозяйства Европейской России приходилось 63,4 %, т. е. около двух третей. В этом плане развитие капитализма в помещичьем хозяйстве в канун Октябрьской революции достигло более высокого уровня, чем в крестьянском хозяйстве. В то же время 42 % помещиков по Европейской России не имели сроковых наемных рабочих. Особенно много таких имений было в Северо-Западном и Волжско-Вятском, а также Южно-Уральском районах. Иначе говоря, высокий уровень буржуазной организации хозяйства был присущ

Региональная характеристика доли наемного труда в трудовых ресурсах крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 года

Признак	Нечерноземье	Среднечерноземный район	Степной район
Число/доля (в %) наемных в трудоспособном населении	151281/1,2	87688/0,8	125075/2,4
Число/доля (в %) хозяйств с наймом	102014/2,5	60060/1,4	80090/5,3
Число/доля (в %) хозяйств без «своих» работников	468718/11,5	426437/9,2	149370/8,6
Доля (%) работоспособного населения в наличном	62,4	51,8	53,6

далеко не всем помещичьим хозяйствам. Очень многие из них, как и крестьянские хозяйства, обходились поденщиками, а некоторые, видимо, вообще не имели наемных работников.

Приведенные выше данные позволяют считать, что внутренний строй помещичьего хозяйства характеризовался переплетением собственно капиталистических и отработочных приемов его ведения. Однако они не отражают глубины и степени развития в нем капиталистических отношений. Этот вопрос требует специального рассмотрения.

О развитии найма в крестьянском хозяйстве дают представление следующие социально-демографические показатели, раскрывающие структуру трудовых ресурсов крестьянского хозяйства по трем основным регионам России (см. табл. 2). Так, наибольший удельный вес в структуре трудовых ресурсов найм имел в Степном регионе, вдвое опережая Нечерноземный и втрое — Среднечерноземный регионы по показателю и доли наемных рабочих в трудоспособном населении и доли хозяйств с наймом. Интересно отметить, что региону, наименее обеспеченному наемной рабочей силой, была присуща и наименьшая обеспеченность трудовыми ресурсами вообще, т. е. крестьянское хозяйство Среднечерноземного региона было относительно хуже обеспечено как «своими», так и наемными рабочими.

Таким образом, предпринятый анализ данных переписи 1917 года свидетельствует о возможностях их использования для общей и региональной характеристики производственного уровня и масштаба применения наемного труда в помещичьем и крестьянском хозяйствах накануне Великой Октябрьской социалистической революции, однако возможности их использования для изучения социальных аспектов организации как помещичьего, так и тем более крестьянского хозяйства представляются весьма ограниченными при традиционных методах анализа. В этом случае необходимы были бы данные о соотношении систем в помещичьем хозяйстве, доли различных социальных групп крестьянских хозяйств и др., которые отсутствуют в публикациях итогов переписи 1917 года. Вот почему для изучения со-

циально-экономического строя деревни Европейской России по материалам этой переписи потребовалась разработка специальных эффективных методик анализа массовых сводных данных.

КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Предпосылкой для изучения производственной структуры и социальной организации как помещичьего, так и крестьянского хозяйства в масштабах страны, т. е. макроанализа процесса капиталистической эволюции этих двух типов хозяйств, на основе анализа массовых сводных данных, в том числе содержащихся в переписи 1917 года, явился накопленный на современном этапе в советской историографии опыт конкретно-исторического анализа крестьянского и помещичьего хозяйств на основе методологии системного подхода и применения математико-статистических приемов обработки первичных данных. В итоге этих исследований стало возможным изучение внутренней организации помещичьего и крестьянского хозяйств путем построения структурных моделей на основе выявления характера и тесноты корреляционной взаимосвязи между показателями, характеризующими производственный уровень и социальный тип организации помещичьего и крестьянского хозяйств. Накопленный опыт моделирования позволил перейти к макроанализу крестьянского и помещичьего хозяйств, т. е. к масштабным исследованиям на основе обработки массовых сводных данных, как, например, опубликованные итоги переписи 1917 года.

* * *

Методология моделирования структуры помещичьего хозяйства основывается на ленинской характеристике капиталистической и отработочной систем. Исходя из этого, можно предположить, что помещичье хозяйство капиталистического типа должно характеризоваться тесной прямой взаимосвязью масштабов применения рабочей силы в хозяйстве и обеспеченности его скотом и инвентарем. Это неизбежное следствие эксплуатации рабочей силы на основе капиталистического найма. При отработочном типе помещичьего хозяйства увеличение найма крестьян на условиях обработки ими земли помещика с помощью крестьянского скота и инвентаря не оказывало влияния на производственную базу помещичьего хозяйства. Для проверки этих так называемых теоретических моделей типов социально-экономического строя помещичьего хозяйства был взят такой источник, как описания имений, заложенных в Дворянском земельном банке. Из них были отобраны те, в которых наряду со статистическими сведениями о помещичьем хозяйстве содержались и прямые указания на способ ведения хозяйства помещиком.

Так появилась возможность провести группировку хозяйств, т. е. сформировать две группы имений соответственно «отрабо-

точному» и капиталистическому типам ведения хозяйства помещиком на основе имеющихся в источнике прямых указаний на способ ведения хозяйства. Затем были вычислены коэффициенты линейной корреляции статистических характеристик различных сторон организации помещичьего хозяйства и проанализирован характер этих коэффициентов, с тем чтобы установить, как во взаимосвязях количественных характеристик помещичьего хозяйства проявляется различный способ его ведения. В итоге были получены количественные модели соответственно капиталистического и отработочного типа помещичьего хозяйства. Построение количественных моделей позволяет путем анализа взаимосвязей основных характеристик помещичьего хозяйства определить социально-экономический тип его организации. При этом уже не требуется прямых указаний на способ ведения помещиком хозяйства. Иначе говоря, открывается возможность для изучения внутреннего строя помещичьего хозяйства по данным различных массовых источников: переписей, земских обследований, описаний имений и т. д., в том числе в масштабах страны, содержащихся в сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года.

Степень буржуазной эволюции помещичьего хозяйства Европейской России в 1917 г. отчетливо выражается в его производственной структуре. Взаимосвязи обеспеченности десятины посева наемными рабочими, тягловым скотом и инвентарем были прямыми и очень тесными (см. табл. 3).

Таким образом, имела место высокая степень пропорциональности в обеспеченности производства тягловой силой и инвентарем, с одной стороны, и наемными рабочими — с другой, что свидетельствует о господстве в социально-экономическом строе помещичьего хозяйства капиталистических отношений. Вместе с тем следует обратить внимание на степень и формы буржуазной эволюции помещичьего хозяйства. Состояние помещичьего хозяйства накануне Великой Октябрьской социалистической революции было таково, что возможности для применения отработков были весьма ограничены и представляли собой остаточное явление. Из двух форм отработков в большей степени сохранились отработки второго рода. О наличии их свидетельствует то, что взаимосвязь доли помещичьих посевов, обрабатываемых рабочим скотом помещиков, с количеством наемных рабочих на десятину посева была хотя и прямой (0,30), но не очень значительной. Имеющийся в помещичьем хозяйстве потенциал тягловой силы не был тесно сбалансирован и, следовательно, жестко ориентирован лишь на контингент наемной рабочей силы, а значит, можно предположить и эксплуатацию окрестных крестьян на условиях отработков второго рода.

Степень развития капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве, как следует из анализа данных переписи 1917 года, была непосредственно связана с ролью помещичьего землевладения в отдельных регионах страны. Так, степень распро-

Внутренний строй помещичьего хозяйства Европейской России в 1917 году *

Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1 Наемные работники	×	0,89	0,86	0,86	0,82	0,63	0,92	0,54	-0,75	0,89	-0,77	-0,74
2 Рабочий скот	0,90	×	0,80	0,86	0,90	0,66	0,79	0,46	-0,69	0,87	-0,73	-0,72
3 Плуги	0,90	0,91	×	0,92	0,88	0,57	0,71	-0,49	-0,69	0,80	-0,65	-0,63
4 Усовершенствованные орудия	0,89	0,91	0,89	×	0,86	0,60	0,67	0,51	-0,75	0,87	-0,69	-0,66
5 Продуктивный скот	0,95	0,96	0,91	0,91	×	0,81	0,86	0,71	0,84	0,89	-0,66	-0,72
6 Доля хозяйств с наемными рабочими, %	0,80	0,80	0,88	0,88	0,73	×	-0,69	-0,48	-0,44	-0,72	-0,53	0,55
7 Наемных рабочих на хозяйство с наймом	-0,71	-0,75	-0,78	-0,78	-0,73	-0,69	×	0,54	0,69	0,77	-0,72	-0,77
8 Удобная земля (дес.) на хозяйство	-0,67	-0,73	-0,72	-0,73	-0,69	-0,48	0,54	×	0,63	0,49	-0,53	-0,48
9 Пашня (дес.) на хозяйство	-0,87	-0,81	-0,77	-0,76	-0,89	-0,44	0,69	-0,63	×	0,74	-0,72	-0,76
10 Посевы (дес.) на хозяйство	-0,81	-0,83	-0,79	-0,78	-0,92	-0,72	0,77	0,49	-0,74	×	-0,74	-0,73
11 Доля помещичьих посевов в их числе, %	0,95	0,80	0,87	0,86	0,86	0,53	-0,72	-0,53	-0,72	0,74	×	0,89
12 Доля помещичьих посевов во всех посевах, %	-0,96	-0,89	-0,87	-0,86	-0,87	0,55	-0,77	-0,48	-0,76	-0,73	-0,89	×

* См.: Коваленко И. Д., Седалиска Н. Б., Литовская Е. М. Указ. соч. 220. В верхней, наддиагональной части таблицы показатели 1—5 даны в расчете на пашню, а в нижней, поддиагональной части — в расчете на десятина посевов.

странения наемного труда (доля хозяйств с наймом) находилась в обратной взаимосвязи с долей помещичьих земель в общем земельном фонде ($-0,40$), общими размерами имений ($-0,48$), количеством в них пашни ($-0,44$) и посевов ($-0,72$). Значит там, где была выше концентрация помещичьего землевладения, ярче проявлялся его латифундистский характер и значительнее была его роль в земельных отношениях, а также были больше размеры земледельческого производства, там помещичье хозяйство было меньше втянуто в капиталистические отношения. Латифундии являлись тормозом в буржуазной аграрной эволюции помещичьего хозяйства вплоть до самой Октябрьской революции.

Следует особо отметить, что общая степень развития капитализма в помещичьем хозяйстве (его развитие вглубь) находилась в очень тесной взаимосвязи с его масштабами (развитием вширь). Об этом свидетельствуют взаимосвязи обеспеченности наемными рабочими, скотом и инвентарем с долей хозяйств с наймом (см. табл. 3, показатели 1—4 с 6-м в нижней части). Однако в целом развитие капитализма вглубь отставало от его развития вширь. Взаимосвязь производственных компонентов с количеством наемных рабочих на имение с наймом была обратной и довольно значительной: от $-0,71$ до $-0,78$ (см. связи показателей 1—5 с 7-м в нижней части табл. 3).

В помещичьем хозяйстве рассмотренных 34 губерний Европейской России накануне Октября проявлялись и такие две тенденции, как сворачивание производства и сдача земли в аренду, с одной стороны, и развитие собственного производства на капиталистической основе — с другой. Из приводимых данных следует, что уровень развития капитализма в помещичьем хозяйстве был выше там, где была больше доля хозяйств, не имеющих собственного производства и сдающих всю землю в аренду. Так, взаимосвязи обеспеченности скотом, инвентарем и наемным трудом десятины посева с долей хозяйств без посева, рабочего скота и всякого скота были прямыми и тесными (коэффициенты корреляции колеблются от 0,62 до 0,88). Следовательно, в одних и тех же губерниях проявлялись две отмеченные выше тесно взаимосвязанные тенденции. Это еще одно свидетельство того, что организация производства в помещичьем хозяйстве могла быть эффективной лишь на основе собственной производственно-технической базы и применения наемного труда.

Что касается роли помещиков в земледельческом производстве, то в целом по Европейской России положение было таким. Доля помещичьих посевов была больше там, где более высока доля помещичьих хозяйств с наемными рабочими, выше доля посевов по отношению к пашне, с одной стороны, и меньше средний размер имений и посевов — с другой (см. связи показателей 12-го с 6-м и 11-го с 8-м и 10-м табл. 3). Иными словами, развитие капитализма в помещичьем хозяйстве содействовало воз-

растанию его роли в сельскохозяйственном производстве, а латифундии тормозили его производственные функции. В то же время и масштабах Европейской России была очевидной невозможность для помещиков сохранять и расширять свои позиции в сельскохозяйственном производстве и одновременно повышать производственный уровень своего хозяйства. Об этом свидетельствует обратная взаимосвязь между долей помещичьих посевов в посевах всех сословий и производственно-техническим и социально-экономическим уровнем помещичьего хозяйства (см. -связи показателей 1—5 с 12-м в табл. 3). Помещичье хозяйство не было способно совмещать производственно-технический и социально-экономический прогресс с сохранением своих позиций в сельскохозяйственном производстве. Следствием этого было неуклонное падение удельного веса помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве.

Вместе с тем помещики могли удерживать и расширять свои позиции в сельскохозяйственном производстве, лишь перестраивая свое хозяйство на капиталистический лад. Об этом говорит то, что в отдельных районах и в Европейской России в целом доля помещичьих посевов была выше там, где выше доля хозяйств с наемными рабочими (см. связь показателей 6 и 12 в табл. 3). Но закономерности, присущие товарно-капиталистическому производству, вынуждали помещиков не только переходить к эксплуатации наемных рабочих, но и повышать производственно-технический и социально-экономический уровень хозяйства. Поскольку же, как было сказано, развитие капитализма вглубь отставало от развития его вширь, постольку было неизбежным ограничение размеров производства, падение роли помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве.

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Необходимыми условиями превращения мелкого самостоятельно-го хозяйства в буржуазное являются такие процессы, как «господство товарного хозяйства» и «превращение рабочей силы в товар» и средств производства в капитал². Таким образом, основными аспектами изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства являются, во-первых, исследование процесса развития капитализма в производственно-экономической сфере, а во-вторых, анализ социальных отношений, т. е. прежде всего развитие отношений найма.

В советской историографии на основе разработки богатейшего комплекса первичных данных бюджетных обследований крестьянского хозяйства выявлена степень его подчиненности законам товарно-капиталистического производства на низшем уровне последнего, что весьма важно для общей оценки степени обуржуазивания крестьянского хозяйства Европейской России³. Доказательство подчиненности всех типов крестьянского хозяй-

ства объективным законам товарно-капиталистического рынка послужило основанием выработки методологического подхода к макроанализу крестьянского хозяйства Европейской России, разработки методик изучения массовых сводных данных о хозяйстве крестьянина. Одной из них является методика корреляционного анализа показателей развития крестьянского хозяйства в целях изучения его производственно-экономического строя и социальной организации, которая и применялась к данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года.

Признание необходимым выражением капиталистической организации производственно-экономического строя крестьянского хозяйства тесной сбалансированности его отдельных компонентов позволяет вести изучение производственно-экономического строя крестьянского хозяйства на основе сводных данных, не содержащих социальных группировок этого хозяйства, но характеризующих различные стороны его производственно-экономической организации, путем выявления и измерения тесноты и характера связи отдельных компонентов его структуры. Иначе говоря, изучение характера производственно-экономического строя крестьянского хозяйства Европейской России возможно вести на основе применения структурно-количественных методов к сводным данным переписи 1917 года, в частности метода корреляционного анализа, надежно апробированного в исторических исследованиях.

Нами были отобраны такие показатели производственно-экономического строя крестьянского хозяйства, как средняя обеспеченность земель, пашней и посевами (характеризующие размеры хозяйства и земледельческого производства), обеспеченность рабочим и продуктивным скотом, инвентарем и усовершенствованными орудиями (характеризующие производственно-техническую основу хозяйства), а также данные о масштабах и степени применения наемного труда, представляющие социальный аспект организации хозяйства.

При этом рассматривалась обеспеченность основными производственными компонентами крестьянского хозяйства (данные в расчете на двор), измерялась обеспеченность ими на душу крестьянского населения, а также на такие равномасштабные единицы, как десятина посева и пашни. В таком многоаспектном измерении в какой-то степени учитывались погубернские различия в численности крестьянских хозяйств, объеме трудовых ресурсов, размерах и удельном весе земледельческого производства.

Рассмотрим сначала итоги корреляционного анализа показателей обеспеченности основными производственными компонентами крестьянского хозяйства в расчете на двор и на душу крестьянского населения (см. табл. 4). Здесь прежде всего нужно констатировать наличие сбалансированности производственно-экономического строя, о чем свидетельствуют в целом высокие показатели взаимосвязи между названными компонентами этого строя. Тесно взаимосвязаны такие характеристики, как средняя обеспеченность (на двор, на душу) крестьянского хозяйства на-

Корреляционные модели производственно-экономического строя крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 года
(в расчете на душу и на двор)

Показатель *	1	2	3	4	5	6	7
Коэффициенты корреляции 0,...							
Пашня	×	76	46	78	54	10	62
Посевы	79	×	43	73	24	22	84
Наемные рабочие	54	47	×	56	44	40	57
Рабочий скот	80	79	63	×	51	35	69
Продуктивный скот	59	35	52	55	×	08	08
Плуги	17	31	46	43	21	×	37
Усовершенствованные орудия	65	84	63	74	18	43	×

* В наддиагональной части таблицы коэффициенты в расчете на душу, в нижней — на двор.

емной рабочей силой, тягловым и продуктивным скотом, плугами и усовершенствованными орудиями. О тесноте взаимосвязи названных характеристик крестьянского хозяйства свидетельствует средний индекс связи, вычисленный как отношение суммы значений коэффициентов корреляции между названными признаками на их число. В данном случае этот индекс равен соответственно для показателей в расчете на двор 0,49 и 0,56 — для показателей в расчете на душу. Производственный уровень крестьянского хозяйства, как видим, тесно связан с масштабом земледельческого производства. Об этом свидетельствует теснота взаимосвязи размеров посева со всеми производственными характеристиками (индекс связи равен соответственно 0,57 и 0,49).

Об общей сбалансированности производственно-экономической структуры крестьянского хозяйства свидетельствуют и итоги корреляционного анализа показателей в расчете на десятину пашни и посева (см. табл. 5). Вместе с тем следует отметить ряд отличий в итоговых данных. Прежде всего это в целом более высокий уровень значений показателей взаимосвязей. Исключение составляют показатели взаимосвязи обеспеченности усовершенствованными орудиями и сельскохозяйственными машинами с другими компонентами производственно-технической базы крестьянского хозяйства в расчете на десятину пашни (посева), что, очевидно, является следствием способа измерения, точнее, единиц измерения, производственного уровня крестьянского хозяйства. В данном случае мы имеем дело с более «чистым» измерением уровня обеспеченности собственно земледельческого производства крестьянского хозяйства трудовыми ресурсами, скотом (в том числе тягловой силой) и инвентарем (орудиями вспашки прежде всего). Вот почему особенно значительны итоги проведенного анализа,

**Корреляционные модели производственно-экономического строя крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 года
(в расчете на десятину пашни и посева)**

Показатель *	1	2	3	4	5
Коэффициенты корреляции 0,...					
Наемные рабочие	×	71	69	78	32
Рабочий скот	50	×	96	87	22
Продуктивный скот	50	78	×	85	04
Плуги	53	46	38	×	21
Усовершенствованные орудия	06	—20	—48	—07	×

* В наддиагональной части таблицы коэффициенты в расчете на десятину пашни, в нижней — на десятину посева.

которые в целом дают основание для заключения о тесной сбалансированности компонентов производственно-экономического строя крестьянского хозяйства, т. е. его подчиненности общим закономерностям товарно-капиталистического развития.

В то же время особо следует сказать об обеспеченности крестьянского земледельческого производства усовершенствованными орудиями и сельскохозяйственными машинами. Как уже отмечалось при общей характеристике уровня производственно-экономического развития крестьянского и помещичьего хозяйств, именно в этом плане техническая оснащенность крестьянского хозяйства отставала, т. е. обеспеченность крестьянского земледельческого производства усовершенствованными орудиями и сельскохозяйственными машинами была неадекватной, непропорциональной обеспеченности другими компонентами производственно-технической базы.

Характерно, что различия в производственном уровне крестьянского хозяйства губерний по такому компоненту, как обеспеченность десятины посева усовершенствованными орудиями, находились в обратной зависимости от объема трудовых ресурсов, приходящихся на десятину посева в крестьянском хозяйстве (—0,50). А это означало, что рост технической оснащенности земледельческого производства крестьянского хозяйства сопровождался экономией трудовых ресурсов. Иными словами, через показатели взаимосвязи трудовых ресурсов крестьянского хозяйства и его технической оснащенности мы как бы наблюдаем региональные особенности протекания процесса рационализации и интенсификации земледельческого производства в крестьянском хозяйстве губерний Европейской России.

Другим показателем обратной взаимосвязи обеспеченности десятины посева усовершенствованными орудиями является коэффициент ее корреляции с обеспеченностью продуктивным скотом десятины посева крестьянского хозяйства (—48). Это свидетель-

стирует о том, что процесс увеличения поголовья продуктивного скота, как и рост технической оснащенности, механизации земледельческого производства крестьянского хозяйства были проявлениями развития и углубления специализации крестьянского хозяйства губерний либо в сфере животноводства, либо в сфере земледелия. Ориентация хозяйства на ту или иную специализацию сельскохозяйственного производства определяла и различный уровень обеспеченности соответственно продуктивным скотом и усовершенствованными орудиями и сельскохозяйственными машинами.

Итак, проведенный анализ убеждает в том, что в крестьянском хозяйстве Европейской России в 1917 г. проступала общая тенденция подчиненности производственно-экономической организации крестьянского хозяйства товарно-капиталистическим закономерностям. Конкретными проявлениями этого процесса стали, в частности, рост специализации сельскохозяйственного производства, а также дальнейшее развитие механизации земледельческого производства крестьянского хозяйства.

В то же время развитие капитализма в крестьянском хозяйстве, его воздействие на социально-экономическую организацию этого хозяйства связаны прежде всего с использованием *наемного труда*, процессом «превращения рабочей силы в товар». Результаты корреляционного анализа различных производственных и социальных характеристик крестьянского хозяйства, содержащихся в переписи 1917 года, дают интересную информацию о роли наемного труда в социально-экономической организации крестьянского хозяйства Европейской России. Остановимся на некоторых из них.

Так, высокие показатели взаимосвязей пайма в крестьянском хозяйстве губерний Европейской России и доли беспосевных и безземельных хозяйств (см. табл. 6). Иначе говоря, развитие пайма в крестьянском хозяйстве было тесно связано с созданием контингента наемной рабочей силы вследствие пролетаризации крестьянства, выделения из его среды сельского пролетариата, «свободного» от земли и продававшего свою рабочую силу. Обезземеливание крестьянства сопровождалось и ухудшением обеспеченности крестьянского хозяйства скотом, прежде всего тягловыми. Как свидетельствует проведенный анализ, в губерниях, где ниже была средняя обеспеченность крестьянского хозяйства землей (на двор и на душу), выше доля хозяйств без рабочего скота (коэффициенты корреляции соответственно $-0,56$ и $-0,51$). Вмешательств и увеличения доли безземельных и беспосевных хозяйств в среднем по губернии (коэффициенты корреляции соответственно $0,52$ и $0,69$).

Интересно отметить, что созданию и развитию контингента наемных работников, сельскохозяйственного пролетариата способствовали не только социально-экономические, но и социально-демографические изменения, происходившие, в частности, под

Показатели корреляционных связей характеристик применения наемного труда и доли пролетарских хозяйств

Признак	1	2	3	4	5
	Коэффициент корреляции 0,...				
Крестьянские хозяйства с наймом (%)	×				
Наемные у крестьян (%)	86	×			
Наемные на двор (число)	86	99	×		
Хозяйства без земли (%)	61	76	72	×	
Хозяйства без посева (%)	51	61	56	89	×

воздействием первой мировой войны. Мобилизация в армию определила сдвиги в структуре трудовых ресурсов крестьянского хозяйства, что, в свою очередь, привело к проявлению такой общей тенденции в крестьянском хозяйстве губерний Европейской России: там, где более ощутимый урон мобилизация нанесла трудовым ресурсам крестьянского хозяйства, т. е. доля ушедших в армию была больше, там выше и удельный вес хозяйств пролетарского типа — безземельных и беспосевных (коэффициенты корреляции соответственно 0,52, 0,45), там «крестьянство превращается быстрее в сельский пролетариат»⁴.

Важным аспектом анализа процесса *развития наемного труда* является выявление роли крестьянского хозяйства и его влияния на общий масштаб применения наемного труда в сельском хозяйстве Европейской России. По итогам проведенного анализа (см. табл. 7) можно сделать вывод о том, что общий процесс развития найма в сельском хозяйстве был тесно связан с использованием наемной рабочей силы как в крестьянском, так и помещичьем хозяйстве. Как видим, увеличение доли наемных рабочих тесно связано с ростом доли крестьянских хозяйств с наймом, долей наемных в трудовых ресурсах крестьянского хозяйства, средней обеспеченностью двора наемными работниками, а также с показателями применения наемного труда в помещичьем хозяйстве.

Развитие найма в сельском хозяйстве находилось в тесной связи с процессом разложения крестьянства, проявлением которого, в частности, является то, что «низшие группы крестьянства создавали контингент безлошадных и бесскотных дворов»⁵. Как видно по результатам анализа, чем ниже доля рабочего скота, принадлежавшего крестьянам, тем больший масштаб имело распространение наемного труда в губернии (см. табл. 7 — коэффициент корреляции —0,55). Как уже отмечалось, снижение доли крестьянского тяглового скота в результате роста числа безлошадных и бесскотных дворов имело следствием развитие найма внутри крестьянского хозяйства. Вместе с тем этот процесс не мог не оказывать влияния и на помещичье хозяйство, ибо сокра-

Показатели корреляционных связей масштаба применения наемного труда
в сельском хозяйстве
(доли наемных рабочих к работникам обоего пола)

Признак	Коэффициент корреляции 0,...
Наличные крестьянские хозяйства с наймом (%)	61
Наемные у крестьян (%)	52
Наемные у крестьян (на двор)	54
Рабочий скот (на двор)	48
Плуги (на двор)	56
Усовершенствованные орудия (на двор)	54
Рабочий скот, принадлежащий крестьянам (%)	—55
Частновладельческие хозяйства без рабочего скота (%)	—53
Наемные на хозяйство с наймом у частновладельцев	66
Рабочий скот (на имение)	57
Посевы частновладельцев (%)	51

иление поголовья тяглового скота у крестьян существенно ограничивало возможности для помещиков использовать крестьянский рабочий скот для обработки своего земледельческого хозяйства, т. е., по сути дела, возможности для эксплуатации крестьян на основе отработков первого рода. А следовательно, появлялась необходимость перестройки помещичьего хозяйства, его организации на собственной производственно-технической базе и с применением найма рабочей силы, сельскохозяйственного пролетариата. Подтверждением сказанного является тесная связь развития найма в сельском хозяйстве с уровнем обеспеченности имения тягловым скотом (см. табл. 7 — коэффициент корреляции с 10-м признаком 0,57).

Наконец, что касается крестьянского хозяйства, то неверно было бы ограничивать его связи с развитием найма только формированием контингента сельскохозяйственного пролетариата. Как видим по результатам анализа данных переписи 1917 года, уровень крестьянского хозяйства (обеспеченность двора работниками, тягловым скотом, инвентарем и усовершенствованными орудиями) тесно связан с общим уровнем развития найма в сельском хозяйстве (см. табл. 7). Следовательно, развитие производственной функции крестьянского хозяйства накануне Великой Октябрьской социалистической революции, его прогресс непосредственно и неотделимо были связаны также с наймом, его распространением в сельском хозяйстве, т. е. с уровнем развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве губерний Европейской России.

Прогрессивность социально-экономической сути наемного труда для аграрных отношений рассматриваемого периода подтверждается и тесной связью общего уровня развития найма в сельском хозяйстве с удельным весом помещичьего хозяйства в зем-

Показатели связи помещичьего и крестьянского хозяйств

Доля	1	2	3	4	5
	Коэффициент корреляции 0,...				
Помещичьих хозяйств без скота					
Помещичьих хозяйств без рабочего скота	91				
Крестьянских хозяйств с наймом	-52	-48			
Наемных у крестьян	-38	-38	86		
Помещичьих хозяйств с наймом	09	13	-56	-40	

леделеском производстве (долей в посевах) (см. табл. 7 — коэффициент корреляции с 11-м признаком 0,51). Вместе с тем, как видим по результатам анализа данных переписи 1917 года, даже накануне Октябрьской революции в помещичьем хозяйстве все еще консервировалась и собственно отработочная система. Анализ региональных данных дает основание для заключения о том, что в губерниях, где большей была доля помещичьих хозяйств, не имеющих рабочего скота (т. е. являющихся оплотом отработочной системы), меньший размах получило применение наемного труда в сельском хозяйстве в целом (см. табл. 7 — коэффициент корреляции с 8-м признаком -0,53).

Особое значение приобретает взаимоотношения крестьянского и помещичьего хозяйств, как они могут быть прослежены по итогам корреляционного анализа региональных данных переписи 1917 года (см. табл. 8). Здесь прежде всего мы должны отметить тормозящее воздействие помещичьего хозяйства отработочного типа на социальные процессы развития крестьянского хозяйства. Это наблюдение основано на анализе характера и тесноты связи доли помещичьих хозяйств без скота и без рабочего скота с характеристиками развития найма в крестьянском хозяйстве. Обратная и довольно тесная взаимосвязь между названными характеристиками крестьянского и помещичьего хозяйств свидетельствует о том, что в губерниях, где большей была доля помещичьих хозяйств без собственного тяглового скота и, следовательно, большее распространение получили отработки первого рода, в этих губерниях значительно слабее развивались отношения найма и внутри крестьянского хозяйства. И наоборот, там, где в крестьянском хозяйстве значительное влияние имели отношения найма рабочей силы, т. е. выше была доля крестьянских хозяйств с наймом, существенной была роль наемных работников в структуре трудовых ресурсов крестьянского хозяйства, там значительно меньшее распространение получали отработки в помещичьем хо-

ийстве, была ниже доля помещичьих хозяйств без скота и без рабочего скота.

Развитие найма в крестьянском хозяйстве находилось в обратной взаимосвязи с масштабом применения наемного труда в помещичьем хозяйстве (см. табл. 8 — коэффициенты корреляции 3-го и 4-го с 5-м признаком соответственно $-0,56$ и $-0,40$). Очевидно, это есть проявление региональных различий «двух путей» буржуазной аграрной эволюции. Там, где во главе буржуазной аграрной эволюции стояло помещичье хозяйство, оно угнетало производственную функцию. И наоборот, преобладание «американского» варианта аграрной буржуазной эволюции сопровождалось большей пассивностью помещичьего хозяйства к перестройке его социально-экономической организации. Именно региональными особенностями развития двух путей буржуазной аграрной эволюции, на наш взгляд, объясняется различный характер взаимосвязи уровня применения наемного труда в крестьянском хозяйстве, т. е., по сути дела, степени развития буржуазных отношений, соответственно с ролью, удельным весом как крестьянского, так и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве (см. табл. 9). Как видим по результатам анализа данных переписи 1917 года, там, где был более высокий уровень крестьянского хозяйства в целом, иначе говоря, выше обеспеченность земель, скотом на душу, там выше доля наемных работников в структуре трудовых ресурсов, а также больше удельный вес в земледельческом производстве (в посевах) и при этом слабее позиции помещичьего хозяйства (ниже его доля в посевах), там большее развитие получали в крестьянском хозяйстве отношения найма. И наоборот, там, где помещичье хозяйство играло большую роль в земледельческом производстве, в большей мере воздействовало на ход аграрной эволюции, там оно оказывало сдерживающее, тормозящее воздействие на степень и уровень буржуазной эволюции крестьянского хозяйства.

Таким образом, анализ данных переписи 1917 года обнаруживает сложный характер взаимодействия крестьянского и помещичьего хозяйств в ходе буржуазной аграрной эволюции Европейской России в начале XX в. Так, несомненно, факторами, оказывающими сдерживающее, тормозящее воздействие на крестьянское хозяйство, были помещичье землевладение, завышенные арендные цены (так называемая «надбавка» к нормальной земельной ренте), консервация отработочной системы в помещичьем хозяйстве. Но во взаимосвязях крестьянского и помещичьего хозяйств есть и другой аспект — воздействие крестьянского хозяйства на развитие хозяйства помещичьего. Крестьянское хозяйство не просто подвергалось давлению и испытывало гнет со стороны помещичьего хозяйства. Будучи основной формой организации сельскохозяйственного производства, играя в нем доминирующую роль, крестьянское хозяйство, несмотря на крайне неблагоприятные условия развития, определяло состояние сельскохо-

**Показатели корреляционных связей масштаба применения
наемного труда в крестьянском хозяйстве
(доли крестьянских хозяйств с наймом)**

Признак	Коэффициенты корреляции 0,...
Посевы крестьян (%)	59
Рабочий скот крестьян (на душу)	62
Земля крестьян (на душу)	63
Наемные рабочие у крестьян (%)	57
Посевы помещиков (%)	—51

зяйственного прогресса и воздействовало на помещичье хозяйство. Как свидетельствуют итоги анализа переписи 1917 года, уровень развития помещичьего хозяйства был во всех районах, кроме Центрально-Промышленного, выше там, где больше был удельный вес крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве. Особенность развития помещичьего хозяйства накануне Великого Октября состояла в том, что оно объективно было не способно ни по своему весу в сельскохозяйственном производстве, ни по своей роли в производственно-техническом прогрессе стоять во главе буржуазной аграрной эволюции, определять общий ход аграрного развития. Иными словами, к началу XX в. обнаружилась историческая бесперспективность помещичье-консервативного «прусского» пути буржуазной аграрной эволюции. Крестьянская среда оказывала влияние на прогресс помещичьего хозяйства. В стране назрел буржуазно-демократический аграрный переворот, имевший целью ликвидацию помещичьего землевладения. Это был объективно обусловленный путь решения аграрного вопроса.

Вместе с тем одни и те же лица выступали и как капиталисты-аграрии, и как помещики-полукрепостники. Этот социальный дуализм помещиков приводил к тому, что борьба против полукрепостнических пережитков и их основы — помещичьего землевладения, против помещиков-полукрепостников одновременно была борьбой против крупных аграриев-капиталистов, против помещиков-буржуа. Анализ социально-экономических процессов, протекавших в помещичьем и крестьянском хозяйствах накануне Октября (специализация и механизация сельского хозяйства, развитие отношений найма, разложение крестьянства), убеждает в наличии экономического фона для социально-политических противоречий двоякого рода, т. е. наличии в деревне социально-экономических предпосылок (разного уровня зрелости) и для буржуазно-демократической, и для социалистической революций. Отметим, что речь идет лишь об экономическом фоне, что не исчерпывает вопроса о зрелости предпосылок революции в целом.

Ход исторического развития России в эпоху империализма,

и особенно в годы первой мировой войны, которая действовала как ускоритель развивавшихся капиталистических процессов, в том числе и в деревне, сблизил этапы буржуазно-демократической и социалистической революций.

¹ Погубернские итоги Всероссийской и сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 5, вып. 1.

² См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 450—451.

³ Ковальченко П. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства // История СССР. 1983. № 5.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 105.

⁵ Там же. С. 101.

Роджер Рэнсом, Ричард Сатч

КАПИТАЛИСТЫ БЕЗ КАПИТАЛА: ВРЕМЯ РАБСТВА И ВЛИЯНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ *

Там, где господствуют капиталистические представления, как на американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость (рабского труда) рассматривается как прибыль... Цена, уплачиваемая... за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выжата из него.

К. Маркс. Капитал ¹

Задолго до американских историков Карл Маркс понял капиталистическую природу американского рабства. Конечно, историки всегда знали, что важной экономической особенностью американской рабовладельческой системы была капитализация человеческого труда. Чернокожие на американском Юге являлись видом собственности. Их можно было покупать и продавать, перевозить, куда пожелает их владелец, и использовать на любой работе по его усмотрению². Но Маркс понял также и то, что рабовладение приносило прибыль. Весь продукт, произведенный трудом семьи рабов, сверх необходимых расходов на их питание и другие нуж-

* Это исследование финансировалось Национальным научным фондом, Институтом экономических исследований Калифорнийского университета (Беркли), Лабораторией исторических исследований Калифорнийского университета (Риверсайд), академическим советом Калифорнийского университета и Фондом Гугенхайма. Исходная идея работы принадлежит Роберту Холлу и Ричарду Ф. Америка. Мы также выражаем благодарность Стэнли Энгерману, Роберту Голлману и Леоуренсу Котляковскому, предоставившим нам неопубликованные данные. Мы высоко ценим рекомендации Уильяма Паркера, а также глубокие соображения, высказанные советскими коллегами на конференции в Таллинне.

ды, присваивался рабовладельцем. Эта разность составляла прибыль владельца, а расчет на непрерывный поток таких доходов делал рабовладение выгодным. Цена, уплаченная за раба, отражала соглашение между продавцом и покупателем относительно потенциальной величины непрерывно поступающей прибыли, которую мог принести владельцу этот раб, а также и его потомство, если речь шла о рабыне.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА РАБОВЛАДЕНИЯ

Сегодня Маркс не обнаружил бы расхождения во мнениях по этим вопросам с американскими историками, поскольку взгляды последних изменились³. Еще примерно 30 лет назад они отрицали наличие прибыли в рабовладении и отвергали мысль о том, что владельцы плантаций могли иметь капиталистический облик. Напротив, американская рабовладельческая система рассматривалась как пережиток или возврат к феодализму, а рабовладельцы характеризовались как гордые и знатные патриархальные помещики, к сожалению лишенные будущего в капиталистической Америке⁴. Это мнение изменилось в результате убедительных доказательств прибыльности рабовладения с привлечением больших массивов количественных данных.

Почти через три четверти века после выхода 3-го тома «Капитала» Альфред Конрад и Джон Мейер доказывали, что рабовладельческая система была способна процветать в условиях рыночной капиталистической экономики, поскольку сама являлась формой капитализма⁵. Однако система плантационного рабства была необычайно разнообразностью капитализма, в которой основным капиталом являлись земля и рабы, а не физический или финансовый капитал. Конрад и Мейер доказывали, что рабы воспринимались как одна из возможных сфер помещения капитала, подобно железнодорожным облигациям, сельскохозяйственным угодьям, текстильным или другим мануфактурам. А поскольку рабы являлись капиталом, их рыночная цена приближалась к ожидаемой норме прибыли от капитала, вложенного в рабов, в соответствии с ожидаемой нормой прибыли от других видов капиталовложений. Конрад и Мейер собрали количественные данные по ценам, производительности труда и издержкам, доказывая, что норма прибыли для рабовладельцев действительно равнялась норме прибыли, получаемой от других видов капиталовложений, т. е. составляла около 6—8 % в год.

В течение 30 лет после выхода статьи Конрада и Мейера множество исследователей ввели в научный оборот уточненные, дополненные или же новые данные. Все они использовали те или иные варианты модели Конрада и Мейера для оценки основного капитала и неизменно приходили к выводам о том, что рабовладельцы имели по крайней мере среднюю норму прибыли от своей «живой» собственности⁶.

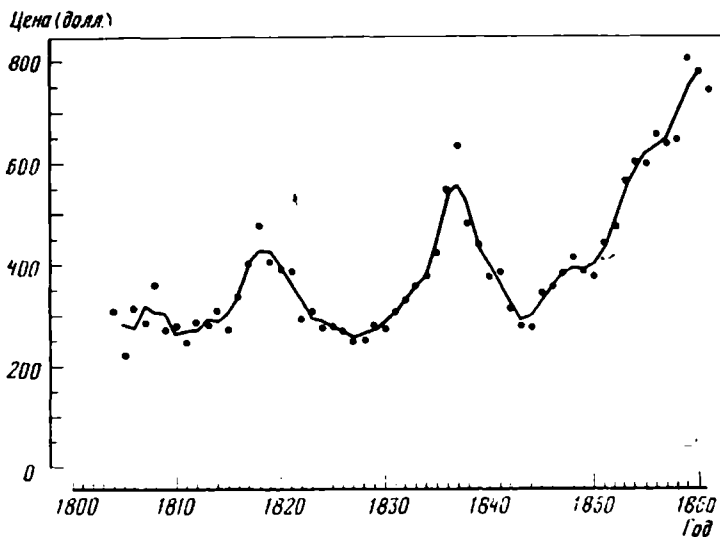

Рис. 1. Средняя цена раба

Концепцию рабовладения как формы капитализма, а рабов как вида «живого капитала» можно было считать лишь логическим предположением, но по мере накопления количественной информации его убедительность возрастала. На рис. 1 приведен временной ряд цен на рабов, охватывающий период с 1805 по 1860 г. Эти цены подробно рассмотрены в Приложении к данной статье; они представляют собой средние цены на всех рабов: и мужчин, и женщин, и детей. В начале рассматриваемого периода цена раба близка по величине к 300 долл., к 1860 г. она возросла уже до 800 долл. Трудно представить себе более яркое доказательство прибыльности рабовладения. 800 долларов за раба — это в 10 раз больше годовой величины среднедушевого валового продукта в земледелии на Юге в период 1857—1860 гг.⁷

Выявление (вторично после Маркса) капиталистической природы рабовладения оказалось значительным достижением. Этот прорыв вызвал не только полный и широкий пересмотр концепций рабовладельческой системы в Америке: он стимулировал также и возрождение в области американской экономической истории в целом. Но если это возрождение может характеризоваться только положительно, то открытие капиталистической природы рабовладения имело по крайней мере одно негативное следствие. Быть может, ввиду того что капитализм обычно связывается с экономическим ростом, высоким уровнем жизни и экономическим развитием, появилось стремление игнорировать вредные последствия рабства для развития и благосостояния Америки. В данной статье мы подчеркиваем связь между рабством и недостаточным экономическим развитием рабовладельческого Юга.

РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Доказательство прибыльности рабовладельческой системы для американских рабовладельцев подтверждалось данными, агрегированными по отдельным районам страны, об оценках доходов, из которых ясно следовало, что перед Гражданской войной Юг был экономически растущим и процветающим регионом⁸. На Юге в период 1840—1860 гг. доход на душу возрастал так же быстро, как и по Соединенным Штатам в целом⁹. Как следствие в течение всего периода быстрого промышленного развития Севера средний доход свободных южан оставался примерно равным среднему доходу жителей северных штатов. Основным сельскохозяйственным продуктом плантационной системы был хлопок, а растущий мировой рынок хлопчатобумажных тканей обеспечивал рост доходов на Юге Соединенных Штатов без существенных структурных изменений экономической системы для развития обрабатывающей промышленности¹⁰.

Эти результаты важны для понимания динамики американской истории. Если бы доход на душу для свободных белых южан не держался на уровне дохода северян, это вызвало бы миграцию белых рабочих на Север, падение цен на рабов и привело бы к значительной напряженности в экономике Юга. На самом деле Юг и Север следовали параллельными, но раздельными путями экономического роста. Миграция между этими регионами была незначительной, цены на рабов имели тенденцию к росту (как видно на рис. 1), а рабовладельцы ужесточали плантационный режим¹¹.

Хотя картина процветания и роста средних доходов белого населения статистически корректна, неверно было бы интерпретировать эти факты как свидетельство экономического развития на Юге. Разумеется, рабы не разделяли ни этого процветания, ни выгод этого роста. Более того, рост среднедушевого дохода на Юге, даже если сосредоточить внимание исключительно на благосостоянии белых, почти целиком обеспечивался непрерывным движением населения на Запад, на новые, более плодородные земли¹². Как следствие экономический рост в пределах любого субрегиона Юга был ниже, чем для Юга в целом. В течение этого периода производство хлопка не механизировалось, сельскохозяйственная технология не менялась, а плодородные земли в этом регионе оставались почти постоянными¹³.

Хотя движение на Запад требовало соответствующих капиталовложений, ввиду того что рабовладельцы, решившиеся на это, теряли значительную часть продукции нескольких лет, эти капиталовложения все же кардинально отличались от тех, которые двигали экономический рост на Севере. На Севере физический капитал постоянно рос вследствие капиталовложений в строительство фабрик и внедрения механизации. Следовательно, производительность труда в промышленности Севера была значи-

тельно выше, чем в сельском хозяйстве, и промышленный сектор развивался быстрее¹⁴. Рост производительности труда на Юге достигался не за счет перехода рабочих от сельскохозяйственного к индустриальному сектору, более производительному благодаря механизации и новой технологии, но за счет притока рабочей силы на более плодородные земли. Это различие существенно, так как процесс накопления физического капитала может в принципе продолжаться бесконечно, тогда как для доходов, извлекаемых просто из географического перемещения, существует естественный предел. Таким образом, экономически Юг рос, но не развивался.

РАБЫ КАК ЗАМЕЩЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Рабовладельцы являлись капиталистами без физического капитала. Их богатством были рабы и земля. В основных южных штатах, производящих хлопок, «живой» капитал в 1859 г. составлял 44 % всего богатства, недвижимость (земля и строения) — более 25 %, тогда как физический капитал — менее 10 %. Величина капитала в обрабатывающей промышленности достигала лишь 1 % совокупной величины богатства¹⁵. Тезис о недостаточном накоплении физического капитала на Юге соответствует как количественным данным о темпах роста для южных штатов, так и взглядам современников на то, что Юг был экономически отсталым по сравнению с Северо-Востоком¹⁶.

Более важным моментом является то, что относительный недостаток физического капитала на Юге можно объяснить наличием рабства. В капиталистическом обществе физический капитал принадлежит частным предпринимателям; они делают вложения и держат капитал в надежде на получение прибылей. Рабы на американском Юге были альтернативой физическому капиталу, удовлетворяя потребность в обладании богатством. Короче говоря, рабы как имущество вытесняли физический капитал из «портфеля» капиталиста на Юге.

Существует такое «доказательство» связи между рабовладением и промышленным развитием, которое восходит к временам, когда рабство еще существовало. Некоторые современники доказывали, что покупка рабов была «поглощением капитала». Проще говоря, предполагалось, что рабовладельцы вкладывали свои сбережения в рабов и поэтому не имели средств для других форм капиталовложений¹⁷. Хотя на первый взгляд это соображение и наши аргументы кажутся совершенно аналогичными, в действительности они не имеют ничего общего между собой. Более того, упомянутое соображение неверно: оно смешивает физический и финансовый капитал. Покупка рабов не уменьшала денежного обращения, так как деньги переходили прежнему владельцу рабов, который теперь мог при желании вложить их в физический капитал.

Конрад и Мейер критиковали эту старую концепцию в своей статье 1958 г., указывая, что «трудно понять, как капитализация огромных по меркам того времени доходов могла называться уменьшением богатства». Они делали вывод, «что капитализация рабочей силы сама по себе не препятствовала экономическому развитию Юга»¹⁸. Но и после этой статьи концепция поглощения все еще имеет сторонников¹⁹. Мы предлагаем более сложное объяснение механизма поглощения капитала.

По нашей концепции, не капитализация рабочей силы сама по себе замещала физический капитал и препятствовала экономическому развитию Юга: причиной был рост имущества, обусловленный ростом числа рабов. Мы объясняем это тем, что рост числа рабов должен уменьшать норму сбережения (в ее обычном понимании). Если рабы являются богатством, а их число растет, то автоматически увеличивается богатство рабовладельца и отпадает необходимость делать сбережения из текущих доходов для накопления богатства. Таким образом, мы доказываем, что рост численности рабов на Юге должен был снижать темп накопления физического капитала в этом регионе²⁰. Следовательно, экономическое развитие должно было замедляться.

Эта гипотеза была впервые выдвинута Джоном Моусом в статье, которая до сих пор не привлекала большого внимания²¹. Фогель и Энгерман пытались опровергнуть гипотезу Моуса. Они утверждали, что не должно быть причин, по которым существование рабства уменьшало бы другие возможности капиталовложения или влияло на ожидаемую норму прибыли для капиталовложений в других сферах. В той степени, в которой норма сбережения соответствовала норме прибыли на вложенный капитал, увеличение богатства в форме прироста числа рабов, видимо, было просто дополнительной возможностью вложения капитала, что, по Фогелю и Энгерману, должно было стимулировать склонность к сбережению²². Однако заметим, что этот аргумент неявно предполагает полное соответствие сбережений и нормы прибыли. Поскольку все эмпирические исследования свидетельствуют, что такое требование не выполняется, мы не усматриваем эмпирического подтверждения доводам Фогеля и Энгермана.

Утверждение, что рост числа рабов и повышение цен на них уменьшали обычные сбережения, снижали темп роста объема капитала и тормозили экономическое развитие, аналогично утверждению, что расходы правительства, которые покрываются увеличением национального долга, а не налогами, будут снижать накопления²³. Если бы, как обычно предполагается, норма сбережения не зависела от нормы процента, то замещение физического капитала шло бы один к одному. При некоторых других допущениях традиционная экономическая теория предполагает, что между потоком доходов и величиной богатства существует естественная связь, обычно выражаемая как оптимальное отношение богатства к доходу. Поскольку рабы были богатством, они могли заменять в «портфеле» рабовладельцев другие виды иму-

щества — особенно физический капитал. Рост числа рабов, таким образом, приводил бы к «вытеснению» возможности новых капиталовложений и снижал бы объем физического капитала.

РОСТ БОГАТСТВА, ЗАКЛЮЧЕННОГО В СТОИМОСТИ РАБОВ

Ввоз рабов из-за границы был запрещен с 1800 г., но благодаря естественному приросту число рабов в Соединенных Штатах продолжало расти с высокой скоростью²⁴. На рис. 2 представлена кривая динамики численности рабов. В приложении детально описаны использованные при этом данные. Средняя скорость роста числа рабов превышала 2,4 % в год. Если в соответствии с новыми историческими концепциями рабы представляли собой капиталовложения в имущество плантатора-предпринимателя, они помогали удовлетворить потребность своего владельца в обладании богатством. Но в отличие от большинства других форм капитала, которые со временем амортизируются, этот вид повышается в цене. Следовательно, рост числа рабов постоянно увеличивает богатство владельца.

Чтобы получить представление о степени увеличения богатства, заключенного в рабах, мы оценили ежегодную стоимость всего количества рабов в Соединенных Штатах в 1805—1860 гг. (результаты приводятся в приложении). На рис. 3 эти данные представлены графически. В целом видна тенденция к повышению, а с 1843 г. это повышение постоянно. Каждый год, согласно нашей гипотезе, потенциальный прирост физического капитала заменялся соответствующим приращением стоимости рабов. Результатом был относительный недостаток фондов накопления, слабое развитие обрабатывающей промышленности на Юге и постоянная зависимость его экономики от сельского хозяйства, основанного на рабском труде.

Степенью влияния рабовладельческой системы на экономику нельзя пренебречь. Мы не располагаем данными о процессе накопления капитала рабовладельцами Юга. Однако, рассматривая оценки ежегодного прироста объема богатства, выраженного в

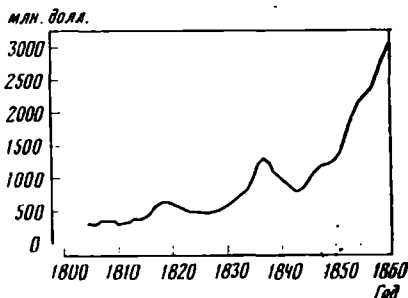
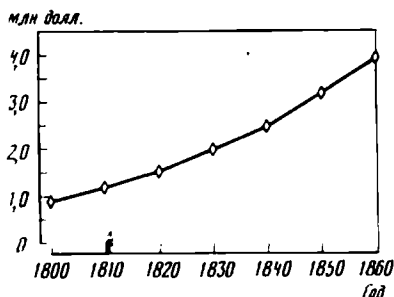

Рис. 2. Численность рабов в Соединенных Штатах, 1800—1860 гг.

Рис. 3. Суммарная стоимость рабов

**Прирост физического капитала и стоимости рабов в 1839—1859 гг. в целом
по Соединенным Штатам
(млн долл. в текущих ценах)**

Год	Прирост				Доля стоимости рабов в увеличении национального богатства, %
	физического капитала	стоимости рабов	другого имущества	общий прирост богатства	
1839	218	22	57	275	8,1
1844	230	21	78	308	6,7
1849	332	31	115	446	6,9
1854	631	43	167	798	5,3
1859	600	60	232	832	7,2

Прирост физического капитала как валовой прирост Частного национального капитала есть сумма стоимости произведенных промышленных товаров длительного пользования и новых зданий, взятая из данных Роберта Голлмана о ВНП, плюс изменение стоимости товаров производственного назначения, оцениваемое как одна десятая десятилетних изменений стоимости товарных запасов, приведенных Голлманом и Хаутом, См.: *Gallman R. E. Gross National Product in the United States, 1834—1908: Output, Employment, and productivity in the United States after 1800 // Studies in Income and Wealth, Princeton. 1966. Vol. 30. Table A — 3. P. 34; Gallman R. E., Howle E. S. The U. S. Capital Stock in the Nineteenth Century* (неопубликованный текст доклада, 1979 г.); *Ransom R. L., Sutch R. A System of Life-Cycle National Accounts; Provisional Estimates, Tables and Source Notes to: Domestic Saving as in Active Constraint on Capital Formation in the American Economy, 1839—1928 // Working Papers on the History of Saving. 1984. Dec. N 2. Institute of Business and Economic Research, University of California. Berkely, Table C — 3.*

Прирост стоимости рабов вычисляется как увеличение числа рабов (см. столбец 1 табл. А.1 Приложения), умноженное на сглаженную среднюю цену одного раба (столбец 5 табл. А.1).

Прирост другого имущества включает чистые капиталовложения иностранного капитала, стоимость проданных потребительских товаров длительного пользования, продажу общественных земель и возрастание федерального долга, а также долга на уровне штатов и местного уровня. См.: *Ransom R. L., Sutch R. A System of Life-Cycle National Accounts. Table E — 1.*

Общий прирост богатства является суммой первого и третьего столбцов.

стоимости рабов, наряду с оценками общего прироста национального богатства Соединенных Штатов, мы можем получить некоторую оценку того влияния, которое рабовладение оказывало на американскую экономику в целом. Эти данные приведены в табл. 1. Капиталовложения в рост числа рабов, по-видимому, поглощали от 5 до 8 % общего прироста национального богатства, а по отношению к промышленному сектору Юга этот процент должен быть значительно большим.

ВЛИЯНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАБОВ НА ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Если до Гражданской войны рост числа рабов тормозил накопление капитала и экономическое развитие, то освобождение от этого бремени должно было оказать долговременное положительное воздействие на экономику. Более того, сами формы освобож-

дения рабов должны были на некоторое время дать стимулы для сбережения и на первоначальном этапе это дало бы наиболее мощный толчок именно норме накопления капитала. Одним росчерком пера освобождение рабов разрушило большую часть накопленного Югом «капитала», и ни рабовладельцы, ни рабы не получили компенсации за эту потерю богатства²⁵. В ответ южане, по-видимому, вынуждены были увеличить норму сбережения для восполнения объема своего внезапно сократившегося богатства и для восстановления равновесного отношения богатства к доходу²⁶.

Для иллюстрации влияния освобождения на величину богатства на Юге нами собраны данные об имуществе и продукции для 750 ферм восьми южных округов в 1860 г. и о 760 других ферм тех же самых округов в 1870 г.²⁷ Выборка по 1860 г. включает 387 ферм, имеющих рабов, и 183 — не имеющих. Среди ферм, имеющих рабов, 125 являются «плантациями», каждая из которых насчитывала не менее 20 рабов и не менее 100 акров окультуренной земли. Обе выборки получены на основании материалов переписей сельского хозяйства и населения²⁸. Данные переписей за эти годы включают для каждого респондента вопросы о величине личного движимого и недвижимого имущества. В 1860 г. в стоимость движимого имущества включалась и стоимость рабов, находящихся в собственности респондента. В табл. 2, основанной на этих выборках, приведены сравнительные данные о средней величине стоимости движимого имущества и всего имущества. Уровень богатства в расчете на одну ферму в 1870 г. был чуть выше одной десятой того уровня, который отмечался десятью годами раньше. Как и ожидалось, огромная убыль относится к движимости; освобождение рабов вызвало снижение ее стоимости с 14 576 долл. на одного владельца в 1860 г. до 775 долл. в 1870 г.

Для ферм в нашей выборке нет данных о доходах. Однако мы произвели грубую оценку средней стоимости продукции на одну ферму по двум упомянутым переписям, включая для 1860 г. стоимость естественного прироста количества рабов. Используя эти оценки, мы получили для выборок из табл. 2 два отношения стоимости имущества к стоимости продукции: одно вычислено как отношение средних значений, другое — как медианное значение. Эти оценки показывают, что для ферм Юга отношение стоимости имущества к стоимости продукции упало за это десятилетие со значения, большего 7, до значения, меньшего 2. Даже учитывая, что эти цифры, вероятно, преувеличивают изменения данного отношения, все же несомненно, что освобождение должно было серьезно нарушить соотношение между богатством и доходом²⁹.

Потеря сконцентрированного в рабах капитала была не единственным источником уменьшения стоимости имущества после освобождения рабов. Одним из более драматических последствий отмены рабства был частичный отход от трудовой деятельности части черного населения³⁰. Этот отход вызвал нехватку рабочих

**Стоимость имущества и продукции ферм в текущих ценах в 1860 и 1870 гг.
по восьми округам Юга
(в долл.)**

	В среднем на ферму				Стоимость имущества/стоимость продукции	
	число ферм в выборке	движимое имущество	всего имущества	стоимость продукции ферм	среднее	медиана
1860 г.						
Все фермы:	570	14 576	24 881	2478	8,9	7,3
плантации	125	45 394	81 609	7905	9,0	9,7
другие фермы, имеющие рабов	262	9 114	13 345	1215	9,7	9,0
фермы, не имеющие рабов	183	1 346	2 648	577	4,6	3,9
1870 г.						
Все фермы:	760	775	2 788	2128	1,3	1,3
белый хозяин	560	979	3 704	2593	2,0	1,4
черный хозяин	200	203	226	827	0,2	0,3

Источник. Выборка ферм на основании материалов переписей сельского хозяйства и населения 1860 и 1870 гг. подробно описана в статье.

Примечание. Стоимость всего имущества определяется как сумма стоимости движимого и недвижимого имущества по данным переписи. Стоимость продукции определяется как сумма стоимости урожая предыдущего года плюс оценка прироста стоимости рабов в 1860 г. Реальные объемы производства хлопка, риса, табака, пшеницы, шерсти, ржи, овса, гороха, ирландского и сладкого картофеля, ячменя, сена, мелассы и коноплю умножены на оценки дохода от продажи этой продукции в 1859 и 1869 гг. соответственно.

Цены 1859 г. приведены в работе: *Ransom R., Sutch R. One Kind of Freedom: The Economic Consequences of Emancipation. Cambridge, 1977. Table F4. P. 263*, кроме цен на коноплю, сено и горох, которые взяты из работы: *Towne M. W., Rasmussen W. D. Farm Gross Product and Gross Investment in the Nineteenth Century // Trends in the American Economy in the Nineteenth Century: Studies in Income and Wealth. 1960. Vol. 24. P. 299, 305, 309*, а цены на мелассу взяты из работы: *Seagrave Ch. E. The Southern Negro Agricultural Worker: 1850—1870. PhD Dissertation, Economics. Stanford, 1973. P. 112*.

Цены 1869 г. взяты из работы: *Hall A. R. The Efficiency of Post-bellum Southern Agriculture. PhD Dissertation, Economics. Berkely, 1977. Appendix C*, кроме цен на коноплю, сено и горох, которые взяты из упомянутой выше работы Тауна и Расмуссена, а также цен на табак и ячмень, взятых из официальной статистики: *U. S. Department of Agriculture, Report of the Comissioner of Agriculture for the Year 1869. Wash., 1869. P. 26—28*.

Прирост стоимости рабов оценен как 2,12 % числа рабов, принадлежащих фермерам, умноженный на среднюю стоимость одного раба в 1859 г. (801 долл.), как указано в Приложении. Отношение стоимости имущества к стоимости продукции вычисляется и как отношение средних, и как медиана для всех ферм, попавших в выборку.

рук, что создало избыток земельных ресурсов. Следовательно, значительно упала цена на землю. В табл. 3 приведены данные о средней стоимости земли для ферм тех округов, которые вошли в нашу выборку. Эта стоимость резко падает. Цена акра окультуренной земли в 1870 г. составляла только около половины его стоимости десятью годами раньше.

Общая величина богатства сократилась на величину стоимо-

Средний размер фермы и средняя стоимость окультуренной и неокультуренной земли в 1860 и 1870 гг. по восьми южным округам

Год	Число ферм в выборке	Средний размер фермы в акрах	Стоимость акра в текущих ценах (долл.)	
			Окультуренная земля	Неокультуренная земля
1860	624	217,1	29,61	5,81
1870	917	107,9	14,32	1,36
Изменение, в %	+47,0	-50,3	-51,6	-76,6

Источник. Выборка ферм для 1860 и 1870 гг.

Примечание. Включены все владения с 10 и более акрами окультуренной земли и указанной стоимостью фермы. Средняя стоимость одного акра окультуренной и неокультуренной земли оценивалась в каждом округе отдельно. Значения, приведенные в таблице, представляют собой взвешенные средние по восьми округам; в качестве весов использованы общие площади окультуренной земли в каждом округе. Оценки получены по данным переписи о стоимости ферм и по данным о количестве акров окультуренной и неокультуренной земли по каждой ферме. Наша гипотеза состоит в том, что цена акра окультуренной земли в каждом владении отличается от цены акра неокультуренной земли на величину, равную затратам на улучшение земли. Стоимость этих затрат предполагается постоянной в каждом округе. Для оценки стоимости акра окультуренной земли и затрат на окультурирование мы пользовались методом наименьших квадратов. Более полное изложение этой процедуры и техники оценивания см. в работе: Ransom R. L., Sutch R. Tenancy, Farm Size, Self Sufficiency and Ransom: Four Problems in the Economic History of Southern Agriculture, 1865—1880 // Southern Economic History Project Working Paper Series. 1970. Apr. N 8. P. 86.

сти рабов, а также из-за падения стоимости земли, хотя основа постоянного получения доходов — потенциальный труд бывших рабов и естественное плодородие почвы — осталась неизменной. Поскольку отношение богатства к доходу резко упало, это безусловно подталкивало южан к накоплению, хотя мы и не располагаем данными, явно подтверждающими это. Однако мы можем заметить, что наш прогноз подтверждается агрегированной на национальном уровне статистикой капиталообразования, приведенной Робертом Голлманом³¹. В табл. 4 мы воспроизводим 2 варианта его оценок, представленных как доли валового национального продукта. Вторая оценка предпочтительнее, но обе дают существенный рост нормы накопления физического капитала. В этой же таблице мы приводим темп роста ВВП в неизменных ценах. После 1860 г. налицо его явное ускорение.

Мы не можем быть уверены, что в южных штатах после отмены рабства значительно увеличилось накопление капитала. Скорее всего, это не так. Безусловно, экономика Юга не испытывала роста, сравнимого с ростом в других регионах Соединенных Штатов. Фактически экономика Юга попала в длительный период стагнации и замедленного роста вплоть до XX в.³² Возможно, частичным объяснением этой стагнации может служить то, что капитализму не удалось после Гражданской войны оживить экономическую жизнь в южных штатах.

Доля валового прироста капитала в ВВП и темп экономического роста (десятилетние средние за 1839—1888 гг.) в целом по США (в %)

Десятилетие	Норма накопления капитала		Темп роста
	Голлман	Дэвис и Голлман	
1839—1849	11,5	12,1	5,0
1844—1854	12,9	13,9	5,1
1849—1859	13,3	14,2	
1869—1878	17,4	18,4	5,7
1874—1883	17,3	18,2	6,0
1879—1888	18,9	18,7	

Источники. *Gallman R. E. Gross National Product in the United States, 1834—1909 // Output, Employment, and Productivity in the U. S. after 1900, Studies in Income and Wealth. Princeton, 1966. Vol. 30. P. 3—90; Davis L. E., Gallman R. The Share of Saving and Investment in Gross National Product During the 19-th Century in the U. S. A. // Fourth International Conference of Economic History. Bloomington, 1968. Mouton La Haye, 1973. P. 437—466.*

Отмена рабства разрушила то имущество, на котором до Гражданской войны строили свою экономическую систему «капиталисты без капитала». Превратить ее после войны в капиталистическую систему на основе физического капитала они оказались неспособны. Вследствие этого сбережения южан после Гражданской войны финансировали капиталообразование за пределами этого региона. Большинство объяснений такого направления капитала вовне безусловно может быть связано с послевоенным ростом промышленности на Севере и открытием новых каналов межрегиональной мобильности капитала. Но, как мы указывали в работе «Один вид свободы», воссоздание капитализма на Юге блокировалось противоречивой общественной структурой, возникшей в период Реконструкции. На Юге не удалось восстановить эффективную банковскую систему; белые землевладельцы создали систему сельскохозяйственной издольщины и финансового меркантилизма, использующую черных рабочих и подавляющую инициативу как белого, так и черного населения. Южане заменили рабство безобразным, репрессивным социальным режимом, базирующимся на расовой нетерпимости и дискриминации. Столкнувшись с этой неблагоприятной обстановкой, сбережения южан потекли на Север, и без новой базы для физического капитала капитализм на Юге просто умер.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТОИМОСТЬ РАБОВ В 1805—1860 ГОДАХ

Наша оценка стоимости рабов в текущих ценах за каждый год с 1805 по 1860 г. представлена в табл. А.1. Процедура оценивания включает шесть этапов, которым в таблице соответствуют шесть столбцов.

Оценка стоимости рабов в млн долларов в 1805—1860 годах в целом по Со-
единенным Штатам

Год	Число рабов	Цена молодого раба-мужчины в новом Орлеане (долл.)	Индекс относительной стоимости	Средняя цена раба (долл.)	3-летняя подвижная средняя	Стоимость всех рабов (млн долл.)
1804	1 002 545	700	44,0	308	—	—
1805	1 031 796	504	44,1	222	282	291
1806	1 061 901	719	44,1	317	275	292
1807	1 092 883	647	44,2	286	321	351
1808	1 124 770	813	44,2	360	306	344
1809	1 157 587	615	44,3	272	303	351
1810	1 191 326	624	44,3	277	265	316
1811	1 222 181	555	44,4	246	270	330
1812	1 153 798	643	44,5	286	272	341
1813	1 286 232	638	44,5	284	293	377
1814	1 319 506	694	44,6	309	289	381
1815	1 353 640	610	44,6	272	306	414
1816	1 388 657	753	44,7	337	337	468
1817	1 424 580	900	44,7	403	405	578
1818	1 461 433	1065	44,8	477	429	627
1819	1 499 238	908	44,9	407	426	638
1820	1 538 022	875	44,9	393	397	610
1821	1 579 666	864	45,0	389	359	566
1822	1 622 437	650	45,2	294	331	536
1823	1 666 367	683	45,3	309	293	488
1824	1 711 485	606	45,4	275	287	491
1825	1 757 826	608	45,5	277	273	481
1826	1 805 421	588	45,7	268	264	477
1827	1 854 305	542	45,8	248	257	476
1828	1 704 513	551	45,9	253	261	497
1829	1 956 080	611	46,0	281	269	526
1830	2 009 043	591	46,2	273	287	577
1831	2 052 663	663	46,4	308	303	623
1832	2 096 713	707	46,7	330	332	697
1833	2 141 972	765	46,9	359	356	762
1834	2 188 208	800	47,2	378	387	847
1835	2 235 442	893	47,5	424	449	1005
1836	2 283 696	1146	47,7	547	535	1222
1837	2 332 992	1322	48,0	634	555	1295
1838	2 382 351	1002	48,3	484	519	1237
1839	2 434 798	906	48,5	440	433	1055
1840	2 487 355	773	48,8	377	401	997
1841	2 551 159	788	48,9	385	359	915
1842	2 616 599	640	49,0	314	326	853
1843	2 683 718	569	49,1	280	290	778
1844	2 752 559	561	49,2	276	299	823
1845	2 823 166	672	49,4	342	325	918
1846	2 896 583	723	49,5	358	361	1044
1847	2 960 859	771	49,6	382	384	1141
1848	3 046 139	830	49,7	413	394	1200
1849	3 124 174	776	49,8	387	392	1225
1850	3 024 313	756	49,9	377	401	1286
1851	3 272 371	878	50,1	440	429	1405
1852	3 341 873	937	50,2	471	492	1644

Год	Число рабов	Цена молодого раба-мужчины в Новом Орлеане (долл.)	Индекс относительной стоимости	Средняя цена раба (долл.)	3-летняя подвижная средняя	Стоимость всех рабов (млн долл.)
1853	3 412 853	1122	50,4	565	545	1862
1854	3 485 339	1189	50,5	601	589	2052
1855	3 559 366	1185	50,7	600	619	2203
1856	3 634 964	1291	50,8	656	631	2293
1857	3 712 169	1249	51,0	636	646	2397
1858	3 791 013	1262	51,1	645	694	2632
1859	3 871 531	1564	51,2	801	741	2870
1860	3 953 760	1513	51,4	778	774	3059
1861	4 037 735	1440	51,5	742	—	—
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)

Источники описаны в Приложении.

Таблица А.2

Темпы роста числа рабов в 1790—1860 годах в целом по Соединенным Штатам

Год	Число рабов	Среднегодовая скорость роста, %	Год	Число рабов	Среднегодовая скорость роста, %
1790	697 624	2,51	1830	2 009 043	2,16
1800	893 602	2,92	1840	2 487 355	2,57
1810	1 191 362	2,59	1850	3 204 313	2,12
1820	1 538 022	2,71	1860	3 953 760	

Источник. U. S. Bureau of Census, Negro Population, 1790—1915 (U. S. Government Printing Office, 1918). Table 6. P. 57.

Таблица А.3

Приближенные значения цены (долл.) молодого раба-мужчины для работ на плантациях на четырех региональных рынках в отдельные годы с 1800 по 1860 год

Год	Пик (Р) или «яма» (Т) графика	Виргиния	Черльстон	Средняя Джорджия	Новый Орлеан
1800	—	380	500	480	520
1810	Р	500	540	600	900
1813	Т	400	450	500	600
1819	Р	800	900	950	1100
1828	Т	400	500	700	770
1837	Р	1100	1200	1300	1300
1843	Т	500	550	660	700
1848	—	650	720	900	950
1853	—	830	950	1200	1250
1859	—	1100	1200	1650	1690
1860	—	1200	1240	1800	1800

Источник. Данные отобраны визуально на основе графика, приведенного в работе: Phillips U. B. Life and Labor in the Old South. Little Brown, 1929. P. 177.

Цены на молодого раба-мужчину в Новом Орлеане в 1800—1866 годах (долл.)

Год	По оценкам			Год	По оценкам		
	Филлипса	Энгермана	Котли-коффа		Филлипса	Энгермана	Котли-коффа
1800	520			1832	900	707	701
1801	560			1833	960	765	797
1802	600			1834	1000	800	714
1803	600			1835	1150	893	881
1804	600	700		1836	1250	1146	1069
1805	600	504		1837	1300	1322	1263
1806	600	719		1838	1220	1002	897
1807	600	647		1839	1240	906	823
1808	640	813		1840	1020	773	800
1809	780	615		1841	870	788	746
1810	900	624		1842	750	640	608
1811	860	555		1843	700	569	547
1812	680	643		1844	700	561	547
1813	600	638		1845	700	692	608
1814	650	694		1846	750	723	709
1815	765	610		1847	850	771	656
1816	880	753		1848	750	830	797
1817	1000	900		1849	1030	776	680
1818	1050	1065		1850	1100	756	697
1819	1100	908		1851	1150	878	831
1820	970	875	875	1852	1200	937	878
1821	810	864	672	1853	1250	1122	1048
1822	700	650	579	1854	1310	1189	1130
1823	670	683	618	1855	1350	1185	1058
1824	700	606	498	1856	1420	1291	1085
1825	800	608	603	1857	1490	1249	1126
1826	840	588	587	1858	1580	1262	1175
1827	770	542	568	1859	1690	1564	1431
1828	770	551	479	1860	1800	1513	1451
1829	770	611	596	1861		1440	1381
1830	810	591	579	1862			1116
1831	860	603	652				

Источники:

Филлипс. Цены 1800, 1801 и 1812 гг. оценивались визуально на основе: *Phillips U. B. Life and Labor in the Old South*. Little Brown, 1929. P. 177. Все другие цифры взяты из работы: *Conrad A. H., Meyer J. R. The Economics of Slavery in the Ante Bellum South* // *Journal of Political Economy*. Vol. 66. 1958. Apr., а также из ее более поздней перепечатки: *Conrad A. H., Meyer J. R. The Economics of Slavery and Other Studies in Economic History*. Adline, 1964. Table 17, column 6. P. 76.

Энгерман. Данные, собранные Стэнли Энгерманом, представляют собой средние цены по выборке хранящихся в Новом Орлеане закладных на покупку рабов. Размер выборки по каждому году колебался от 2,5 до 5 %. Средние цены относятся к «мужчинам в возрасте от 18 до 30 лет, без навыков ремесла, не имеющим физических и других недостатков». Энгерман использовал только те случаи, в которых отдельно была указана цена каждого раба». Для большинства лет при вычислении значений, приведенных в таблице, использованы от 15 до 20 наблюдений.

Котликофф. Данные содержатся в работе: *Kotlikoff L. J. The Structure of the Slave Prices in New Orleans, 1804 to 1862* // *Economic Inquiry* 17. 1979. Oct. Ch. 1. P. 498. Использованный здесь график взят из работы *Kotlikoff L. J. A Quantitative Description of the New Orleans Slave Market, 1804—1862* // *Without Consent or Contract: Technical Papers on Slavery*/Ed. by Robert W. Fogel and Stanley Engerman (W. W. Norton, готовится к печати).

Автор включал в выборку всех мужчин в возрасте 21—38 лет безотносительно к другим показателям.

**Половозрастные профили индексов стоимости рабов
(цены на рабов-мужчин в Луизиане приняты за 100)**

Возрастные когорты	«Старый» Юг		«Новый» Юг	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До 5	10,19	10,75	15,29	15,54
5—9	31,19	31,11	40,88	40,47
10—13	48,27	45,11	62,71	58,79
14	56,58	51,07	73,84	67,08
15—19	64,43	55,86	85,05	74,37
20—23	72,55	59,56	77,85	81,24
24—25	75,21	59,56	103,17	82,91
26—29	75,47	57,86	105,49	82,18
30—35	71,75	52,00	103,78	77,00
36—39	64,16	43,80	96,41	68,29
40—44	55,10	35,35	85,60	58,42
45—49	43,50	26,00	71,39	46,79
50—54	32,16	17,57	56,31	35,70
55—57	21,87	10,66	42,30	26,16
60 и более	7,29	2,45	24,16	14,46

Источник. Данные собраны С. Энгерманом. См.: *Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross. Little Brown, 1974. Vol. 1. Fig. 15, 16, 18. P. 72, 76.* Описание метода построения этих оценок см.: *Ibid. Vol. 2. P. 79—82.* См. также: *Fogel R. W., Engerman S. L. The Market Evaluation of Human Capital: The Case of Slavery // Twelfth Cliometrics Conference. Madison (Wisconsin), 1972. Apr.*

Таблица А.6

**Средняя стоимость раба в отдельных штатах в 1850 году
в текущих ценах (долл.)**

Штат	Стоимость
Делавар, Мэриленд и округ Колумбия	300
Виргиния, Кентукки и Миссури	310
Северная Каролина и Теннесси	330
Южная Каролина и Арканзас	350
Джорджия, Флорида, Алабама, Миссисипи, Луизиана и Техас	400

Источник. *Seamen E. C. Essays on the Progress of Nations. Scribner, 1852. P. 619.*

Численность рабов на «Старом» и «Новом» Юге в 1790—1860 годах

Год	Численность		%	
	«Старый» Юг	«Новый» Юг	«Старый» Юг	«Новый» Юг
1790	668 360	29 204	95,8	4,2
1800	830 707	62 895	93,0	7,0
1810	1 031 385	159 977	86,6	13,4
1820	1 232 385	305 252	80,2	19,8
1830	1 485 308	555 495	72,4	27,6
1840	1 693 081	1 002 047	59,7	40,3
1850	1 693 081	1 511 232	52,8	47,2
1860	1 817 722	2 136 038	46,0	54,0

Источники. U. S. Bureau of the Census, Negro Population, 1790—1915. U. S. Government Printing Office, 1918. Table 6. P. 57.

«Новый» Юг включает Джорджию, Флориду, Алабаму, Миссисипи, Арканзас, Луизиану и Техас плюс Северо-Западный Центральный (включая Миссури), Горный и Тихоокеанский регионы. «Старый» Юг определяется как США без «Нового» Юга.

Таблица А.8

Сопоставление средней стоимости раба в текущих ценах по таблице А.1 с оценками, полученными другими методами

Год	Оценка по табл. А.1	Альтернативная оценка	Автор
1805	222	220	Блоджет
1850	378	357	Симэн
1860	778	771	Филлипс
1860	778	778—782	Солтоу

Источники. *Blodget S.* *Economica: A. Statistical Manual for the United States of America* (privately printed. Wash., 1806). В социальной таблице, «основанной на плане сэра Вильяма Петти», Блоджет оценивает стоимость рабов, занятых на плантациях, в 200 долл., а рабов, «занятых в разных сферах», в 300 долл. (Р. 89). Он полагает, что в сельском хозяйстве было занято 800 тыс. рабов, а в других сферах — 200 тыс., и в качестве итогового среднего получает 220 долл.

Seamen E. C. *Essays on the Progress of Nations*. Scribner, 1952. Симэн дает средние по каждому штату (см. табл. А. 6)) для 1850 г. Перепись рабов в 1850 г. использована для подсчета общей стоимости всех рабов и приведенной здесь средней цены: U. S. Bureau of the Census, Negro Population, 1790—1915. U. S. Government Printing Office, 1918. Table 6. P. 57.

Phillips U. B. *Life and Labor in the Old South*. Little Brown, 1929. Филлипс приводит цены на молодых рабов-мужчин для работ на плантациях в Чарльстоне и Новом Орлеане (см. табл. А.3). С другой стороны, в работе «*American Negro Slavery*» (D. Appleton, 1918) Филлипс утверждает, что «усредненная по возрасту и полу цена раба» составляла примерно половину цены раба выделенной группы (Р. 370). Используя географические веса «Старого» и «Нового» Юга из табл. А.7 и коэффициент 0,5 для пересчета, на основе данных Филлипса можно получить 771 долл. в качестве взвешенной средней цены для Чарльстона и Нового Орлеана в 1860 г.

Soltow L. *Men and Wealth in the United States, 1850—1870* (Yale University Press, 1975). Солтоу показывает, что стоимость движимого имущества, по данным Бюро переписей в 1860 г., увеличивалась в среднем на 911 долл. за каждого раба (Р. 37). Методика оценки Солтоу включает в эти 911 долл. стоимость личного имущества раба и орудий его труда, в том числе одежды, рабочего скота и хижины. В работе *Ransom R. L., Sutcliff R.*

One Kind of Freedom: The Economic Consequences of Emansipation (Cambridge University Press, 1977) привлечены данные переписи для оценки того, что средняя стоимость орудий и живого инвентаря составляет 111,71 долл. на одного раба (табл. А.3, р. 209), а стоимость жилья — 10 долл. (табл. А.2, р. 208). Стоимость личного имущества раба была вероятно, ненамного больше, чем ежегодные затраты его владельца на одежду и другие товары с ограниченным сроком пользования для содержания раба, и находилась в пределах от 7,7 до 11,00 долл. на одного раба (табл. А.5, р. 211). Значит, общая стоимость движимости, соответствующая одному рабу, но этим оценкам, колебалась от 129,41 до 132,71 долл. Вычитая ее из 911 долл., получаем оценку средней стоимости раба в диапазоне 778—782 долл.

1. Общее число рабов в каждом году (столбец 1) оценивается путем интерполяции данных переписей, проводившихся каждые десять лет.

2. Средняя цена продажи в Новом Орлеане молодого мужчины-раба для работ на плантациях приведена в столбце 2.

3. Индекс, показывающий отношение средней цены раба по стране в целом к цене в Новом Орлеане (столбец 2), приводится в столбце 3. Для каждого года индексы цен с учетом возраста, пола, места жительства и квалификации приведены к базе 100 на основании цен из столбца 2.

4. Для получения оценки средней стоимости раба цены в Новом Орлеане (столбец 2) умножаются на индекс (столбец 3); результат дается в столбце 4.

5. Ряды цен (столбец 4) сглаживаются с помощью трехлетней скользящей средней. Результаты приведены в столбце 5.

6. Число рабов (столбец 1) оценивается в долларах с использованием цен (столбец 5). Результаты (в млн долл.) приведены в столбце 6.

Процедуры оценивания и их обоснование более детально рассматриваются ниже.

(См. табл. А.1)

Столбец 1. До Гражданской войны Федеральное бюро переписей населения регистрировало численность рабов в каждой повторяющейся один раз в 10 лет переписи. Жирным шрифтом в столбце 1 выделены цифры для 1810, 1820, ..., 1860 гг., отражающие официальные данные. Численность рабов в годы между переписями оценивается в предположении постоянной скорости роста населения в период между каждыми двумя переписями. Эти темпы роста приводятся в табл. А.2.

(См. табл. А.2)

Столбец 2. Наиболее известное и, вероятно, наиболее исчерпывающее исследование цен на рабов выполнено У. Филлипсом³³. Он приводит отдельные динамические ряды ежегодных цен для четырех географических регионов: Виргиния, Чарльстон, Средняя Джорджия и Новый Орлеан. Каждый из рядов дает «приближенные цены молодого раба для работ на плантациях»³⁴. Филлипс характеризует свой метод так: «Отобрать из совокупности закладных для изучаемого времени и места максимально возможные цены на рабов-мужчин с частотой встречаемости таких по-

купок выше определенного порогового значения. Ремесленники, мастера и т. п., таким образом, исключаются, так как частоты их продаж малы, а рабы среднего возраста, старые и неработоспособные исключаются, так как отбрасываются низкие цены»³⁵.

Выборка данных в табл. А.3 сделана визуально на основе графика, приведенного в работе Филлипса³⁶. Выбранные между 1810 и 1843 годы являются пиками и «ямами» графика для динамического ряда по Новому Орлеану. По Филлипсу, с 1844 по 1860 г. цены на рабов постоянно повышались. Сопоставление рядов цен показывает постоянную умеренную связь между четырьмя рассматриваемыми рынками.

(См. табл. А.3)

Роберт Фогель и Стэнли Энгерман использовали данные о налоговых оценках имущества для изучения связи между стоимостью рабов в различных регионах. Для периода 1846—1855 гг. они указывают, что средняя цена рабов-мужчин в возрасте 18—30 лет в Мэриленде, Виргинии, Северной Каролине и Южной Каролине составляла 73 % цены в Луизиане, и отмечают, что это соотношение остается постоянным для всего периода 1838—1860 гг.³⁷ Ввиду очевидной стабильности соотношения между ценами в различных регионах Юга для получения тренда средней цены всех рабов мы остановились на ценах в Новом Орлеане.

Ряды Филлипса для цен на рабов в Новом Орлеане широко использовались после их публикации Конрадом и Мейером³⁸. Филлипс основывал свои оценки на закладных, хранящихся в нотариальных архивах Нового Орлеана. Поскольку его метод выборки и усреднения данных вызывает сомнения, Фогель и Энгерман для 1801—1862 гг. сделали новую выборку примерно из 5800 закладных. Эта выборка использовалась Энгерманом и Лоуренсом Котликоффом для получения отдельных рядов цен на молодых мужчин-рабов³⁹. Ряды Энгермана относятся ко всем рабам-мужчинам в возрасте 18—30 лет, полностью здоровым и не имеющим навыков ремесла или физических недостатков. Котликофф приводит ряды средних цен на всех рабов-мужчин в возрасте 21—38 лет. Как и ожидается, эти ряды дают цифры существенно ниже максимальных цен Филлипса. Однако все три ряда изменяются согласованно. Мы воспользовались оценками Энгермана, так как они в отличие от рядов Котликоффа не включают рабов-ремесленников или рабов, имеющих физические дефекты. Более того, именно ряды Энгермана позволяют нам довести наши оценки назад по времени до 1804 г.

(См. табл. А.4 и рис. 4)

Столбец 3. Чтобы превратить ряды цен Нового Орлеана на молодых рабов-мужчин для работ на плантациях в ряды средних цен на всех рабов, надо сделать поправки на географический регион, возраст, пол, квалификацию и физические недостатки. Это достигается путем оценивания численности групп, эквивалентных описанной, среди всех рабов Соединенных Штатов, используя для «взвешивания» приведенных в каждой переписи цифр информа-

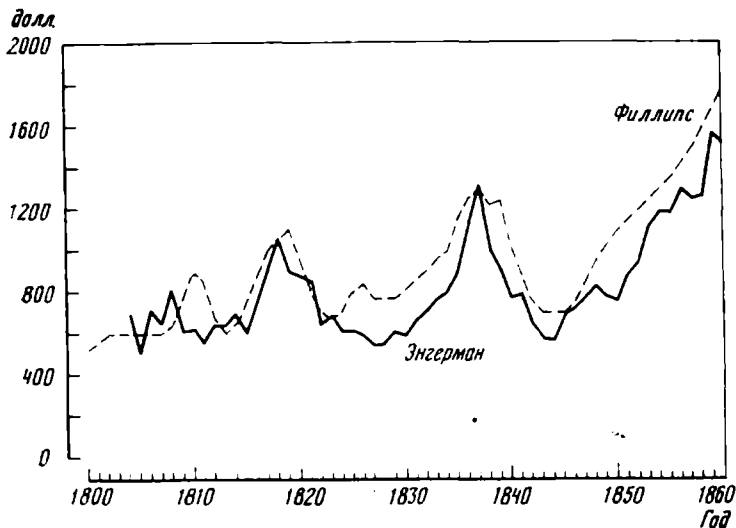

Рис. 4. Цена молодого раба в Новом Орлеане

цию о ценах в соответствии с возрастом, полом и местом проживания. Отношение численности группы, эквивалентной группе Энгермана, ко всей численности рабов равно отношению цены среднего раба к цене раба из выделенной группы.

Фогель и Энгерман использовали свою выборку данных о налоговых оценках имущества, чтобы оценить половозрастные профили цен для рабов «Старого» Юга (определяемого как Виргиния, Мэриленд, Северная и Южная Каролина) и Луизианы в 1846—1855 гг.⁴⁰ Они указывают, что характерные половозрастные и географические особенности остаются стабильными на протяжении всего периода 1787—1860 гг.⁴¹

Таким образом, мы преобразовали половозрастные профили в относительные цены, используя оценку средней цены на рабов-мужчин в возрасте 18,5—29,5 лет в Луизиане в качестве базы индекса, равной 100. Относительные цены вычислялись для тех же возрастных когорт, которые указаны в переписях, проводившихся до Гражданской войны. Результаты приведены в табл. А.5. (См. табл. А.5)

На основе данных о ценах на рабов, собранных Филлипсом (см. табл. А.3), и оценок средней стоимости рабов по штатам в 1850 г., сделанных Эзрой Симэном в 1952 г. и приведенных в табл. А.6, представляется разумным для каждой переписи «взвесить» относительные цены Луизианы (табл. А.5) с помощью данных о численности рабов в Джорджии, Флориде, Алабаме, Миссисипи, Луизиане, Арканзасе, Миссури и Техасе, а относительные цены «Старого» Юга — с помощью данных о числе остальных рабов в каждой переписи [определение «Старого» и «Нового» Юга авторы дают в табл. А.7.—*Пер.*]. Такой подход

дает веса, приведенные в табл. А.7. Эти веса использованы для сопоставления относительных цен «Старого» Юга и Луизианы из табл. А.5 с целью получения индексов относительных значений стоимости, приведенных для каждой переписи в табл. А.1. (См. табл. А.6 и А.7)

Описанные процедуры дают оценки средней цены раба в процентах относительно цены Нового Орлеана на молодых мужчин-рабов: этот процент вырос с 45 в 1820 г. до 51 в 1860 г. Такие результаты представляются достоверными. Филлипс установил, что средняя цена раба составляла примерно 50 % указанной цены Нового Орлеана⁴². Для периодов между переписями индексы относительных значений интерполированы линейно по данным переписей. Перепись 1820 г. впервые содержала распределение рабов по возрасту. Поправочный коэффициент (индекс) стоимости для 1804 г. принят за 44 %. Полученный ряд приводится в столбце 3 табл. А.1.

Столбец 4. Поправочные коэффициенты в столбце 3 табл. А.1 использованы для преобразования ряда цен Нового Орлеана (столбец 2) в оценку рыночной стоимости рабов, приведенную в столбце 4 этой же таблицы. Думается, что нет необходимости в какой-либо поправке для учета рабов-ремесленников или неработоспособных, поскольку эти два фактора действовали в противоположных направлениях. Во всяком случае, число квалифицированных рабов в общем числе рабов, по-видимому, было чрезвычайно мало⁴³.

В табл. А.8 полученные нами оценки стоимости среднего раба сравниваются с оценками исследователей, использующих другие методы оценивания. В каждом году из тех трех лет, для которых сделано такое сравнение, наша оценка выше других. Однако в 1805 и 1860 гг. разница составляет менее 1 %. Для 1950 г. наша оценка примерно на 5 % выше цифры, данной Симэном.

(См. табл. А.8)

Столбец 5. Этот столбец содержит центрированные 3-летние скользящие средние для ряда цен из столбца 4. Мы использовали этот сглаженный ряд для оценки богатства, заключенного в рабах, так как возможно, что исходные данные содержат колеблющиеся от года к году погрешности при оценивании рабовладельцами стоимости своих рабов.

Столбец 6. Этот столбец содержит оценки стоимости всех рабов в США на основе цен из столбца 5 и численности рабов из столбца 1.

¹ Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 368, 373.

² Подробнее о дискуссии по этим вопросам см.: *Sutch R. The Treatment Received by American Slaves: A Critical Review of the Evidence Presented in «Time on the Cross»* // *Explorations in Economic History*. 1975. Oct. Vol. 12. P. 335—438.

³ Углубленное рассмотрение проблем капитализма и рабства см.: *Wright G. Capitalism and Slavery on the Islands: A Lesson from the Main-*

land // Journal of Interdisciplinary History. N 17. 1987. Spring. P. 851—870. Даже такие активные оппоненты общепринятым воззрениям в этой области, как Р. Фогель и С. Энгерман, согласны, что плантационное рабство было капиталистическим предпринимательством, организованным с целью извлечения прибыли: *Fogel R. W., Engerman S. E. Time on the Cross*. Little Brown, 1974. Vol. 1—2. Фогель и Энгерман не согласны с другими историками в оценке степени влияния этого обстоятельства на обращение с рабами и на техническую эффективность рабства. Эти вопросы подробно рассмотрены в работе: *David P., Gutman H., Sutch R., Temin P., Wright G. Reckoning with Slavery: A Critical Study in the Quantitative History of American Negro Slavery*. Oxford, 1976.

⁴ См., например, работы У. Филлипса, в особенности его книгу: *Phillips U. B. American Negro Slavery: A Survey on the Supply, Employment and Control of Negro Labor as Determined by the Plantation Regime* (D. Appleton and Company, 1918). Те из американских историков, кто находился под более сильным влиянием марксистского классового подхода, вообще были далеки от складывающегося мнения о капиталистической природе рабовладения и тяготели к точке зрения Филлипса. В этом отношении они не согласались и с самим Марксом, и с большинством специалистов в области экономической истории, не придерживающихся марксистских взглядов. См.: *Genovese E. The Political Economic of Slavery: Studies in the Economy and Society of the Slave South* // Pantheon Books, 1965.

⁵ *Conrad A., Meyer J. The Economics of Slavery* in the Ante Bellum South // Journal of Political Economy. Vol. 66. 1958. Apr. В каждой последующей эмпирической работе, посвященной изучению американского рабовладения, содержался вывод, что рабский труд давал рабовладельцу значительный прибавочный продукт. Кроме указанной работы см. также: *Sutch R. The Profitability of Slavery — Revisited* // Southern Economic Journal. Vol. 31. 1965. Apr. P. 365—377; *Ransom R. L., Sutch R. One Kind of Freedom* // The Economic Consequences of Emancipation. Cambridge, 1977. App. A; *Wright G. The Political Economy of the Cotton South: Households, Workers, and Wealth in the XIX Century* (W. W. Norton, 1978). Ch. 3.

⁶ К основным работам, которые с помощью количественных данных поддерживали и развили выводы Конрада и Мейера о прибыльности рабовладения, можно отнести: *Evans R., Jr. The Economics of American Negro Slavery* // Aspects of Labor Economics. Princeton, 1962. P. 185—243; *Sutch R. The Profitability of Slavery...*; *Foust J., Swan D. The Productivity and Profitability of Antebellum Slave Labor: A Micro Approach* // Agricultural History. N 44. 1970. Jan. P. 39—62. Единственным исключением из общего единодушия по этой проблеме является статья: *Saraydar E. A Note on the Profitability of Slavery* // Southern Economic Journal. Vol. 30. 1964. Apr. P. 325—332. Однако его расчеты показались Р. Сатчу ошибочными, что в конечном счете признал и сам автор. Указанные работы, а также другие исследования собраны в кн.: *Did Slavery Pay? Readings in the Economics of the Black Slavery in the United States*/Ed. Aitken. Houghton. Mifflin, 1971.

⁷ *Ransom R., Sutch R. Growth and Welfare in the American South in the Nineteenth Century* // Explorations in the Economic History. Vol. 16. 1979. Apr. P. 213.

⁸ *Easterlin R. A. Interregional Differences in Per Capita Income, Population and Total Income, 1840—1950: Trends in the American Economy in the Nineteenth Century* // National Bureau of Economic Research, Studies in Income and Wealth. Princeton. 1960. Vol. 24. P. 73—140; *Regional Income Trends, 1840—1950* // American Economic History/Ed. by S. E. Harris. McGraw Hill. 1961. P. 525—547; *North D. C. The Economic Growth of the United States, 1790—1860*. Prentice Hall, 1961. P. 91—94.

⁹ *Engerman S. L. The Effects of Slavery on the Southern Economy: A Review of the Recent Debate* // Explorations in Entrepreneurial History. Vol. 4. 1967. Winter. P. 71—97; *Some Economic Factors in Southern Backwardness in the Nineteenth Century. Essays in Regional Economics*/Ed. by J. F. Kain, J. R. Meyer. Harvard (Mass.), 1971. P. 279—306.

¹⁰ О важности мирового спроса на хлопок см.: *Wright G. Political Economy of the Cotton South*. Ch. 4, а также: *Prosperity, Progress and American Slavery* // David P. et al. *Reckoning with Slavery. Об обрабатывающей промышленности на Юре см.: Bateman F., Weiss Th. A Deplorable Scarcity: The Failure of Industrialization in the Slave Economy* (University of North Carolina Press, 1981).

¹¹ Данные о межрегиональной миграции показывают отсутствие потоков рабочей силы между этими двумя регионами: *McClelland P. D., Zeckhauser R. J. Demographic Dimensions of the New Republic: American Interregional Migration, Vital Statistics, and Manumissions, 1800—1860*. Cambridge, 1982. Насколько нам известно, нет причин предполагать также и наличие значительных потоков капитала между Севером и Югом.

¹² *Sutch R. The Breeding of Slaves for Sale and the Westward Expansion of Slavery, 1850—1860* // *Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantitative Studies* / Ed. by Stanley L. Engerman and Eugene D. Genovese. Princeton, 1975. P. 173—210.

¹³ Расчеты Энгермана дают темп роста в Южной Атлантике 1,21 % в год, для Юго-Восточного Центра — 1,28 % в год, по для Юга в целом темп роста составляет 1,67 %. *Some Economic Factors in Southern Backwardness... Table 2*. P. 287. Но нашим оценкам, в период 1839—1857 гг. темп роста продукции земледелия на душу не мог превышать 0,64 % в год. *Ransom R., Sutch R. Growth and Welfare... P. 212—217*.

¹⁴ *David P. A. The Growth of Real Product in the United States Before 1840: New Evidence, Controlled Conjectures* // *Journal of Economic History*. Vol. 27. 1967. June. P. 151—197; *Sokoloff K. L. Productivity Growth in Manufacturing during Early Industrialization: Evidence from the American Northeast, 1820—1860: Long-Term Factors in American Economic Growth*/Ed. by S. L. Engerman, R. E. Gallman // *National Bureau of Economic Research, Studies in Income and Wealth*. Chicago, 1986. Vol. 51. P. 679—729. См. в этом же томе: *Williamson J. G. Comment*. P. 729—736.

¹⁵ Это оценки для штатов Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи и Луизиана. Они вносят небольшие поправки в наши более ранние результаты (*Ransom R., Sutch R. One Kind of Freedom*. P. 53), позволяющие использовать их для получения новых оценок величины «живого» капитала, приведенных в *Приложении к данной статье*.

¹⁶ Экономическая отсталость рабовладельческого Юга подчеркивалась в работах: *Genovese E. D. The Political Economy of Slavery; Down D. A Comparative Analysis of Economic Development in the American West and South* // *Journal of Economic History*. Vol. 16. 1956. Dec. P. 558—574. Их авторы поддерживали положения, ранее высказанные в работе: *Cairnes J. E. The Slave Power: Its Character, Career, and Probable Designs: Being an Attempt to Explain the Real Issues Involved in the American Contest* // Harper and Row 1969 (1st publ. 1862); см. также: *Russell R. R. The General Effects of Slavery upon Southern Economic Progress* // *Journal of Southern History*. 1938. Feb. P. 34—35.

¹⁷ Об этой точке зрения см.: *A Carolinian [Daniel Reaves Goodloe]. Inquiry into the Causes which have Retarded the Accumulation of Wealth and Increase of Population in the Southern States: In which the Question of Slavery is Considered in a Politico-Economical Point of View* (W. Blanchard, 1846); *Law Olmsted F. The Cotton Kingdom* (Alfred A. Knopf, 1953, 1st publ. 1861); а также *Cairnes. The Slave Power*.

¹⁸ *Conrad A., Meyer J. The Economics of Slavery... P. 81—82*.

¹⁹ Дополнительная критика этой концепции специалистами по экономической истории дана в работах: *Conrad A. H. et al. Slavery as an Obstacle to Economic Growth in the United States: A Panel Discussion* // *Journal of Economic History*. Vol. 27. 1967. Dec. P. 518—560; *Fogel R. W., Engerman S. L. The Economics of Slavery* // *Reinterpretation of American Economic History*. Harper and Row, 1971. P. 336; *Green G. D. Finance and Economic Development in the Old South: Louisiana Banking, 1804—1861*. Stanford, 1972. P. 60—61; *Bateman F., Weiss Th. A Deplorable Scarcity... P. 74—76*.

²⁰ Есть еще причина, по которой накопление капитала должно было замедляться наличием рабства. Рабы не могли делать сбережения для себя, а у рабовладельцев не было причин заботиться о них. В данной статье мы не развиваем этого положения, но его эффект, если бы он оказался значимым, усиливал бы полученные нами выводы.

²¹ *Moses J. E.* The Absorption of Capital in Slave Labor in the Ante-Bellum South and Economic Growth // *American Journal of Economics and Sociology*. 1961. Oct. Vol. 20. P. 535—541.

²² *Fogel R. W., Engerman S. E.* The Economics of Slavery. P. 336.

²³ Такое суждение о национальном долге приводит Ф. Модильяни; оно основывается на его хорошо известной «гипотезе жизненного цикла накопления», сформулированной в работе: *Long-Run Implications of Alternative Fiscal Policies and the Burden of the National Debt* // *Economic Journal*. 1961. Dec. Vol. 71. P. 730—755. Р. Холл в своем докладе в 1967 г. впервые указал на аналогичность выводов Модильяни о национальном долге и Моуса об экономическом эффекте рабства. Хотя доклад Холла и не был опубликован, он было обсуждался в 1967 г. на сессии Ассоциации экономической истории в Филадельфии. См. также: *Conrad A. H. et al.* Slavery as an Obstacle to Economic Growth... (в частности, раздел, написанный Р. Сатчем). Эта же проблема более подробно рассмотрена в работе: *Ransom R., Sutch R.* The Long-Run Implications of Capital Absorption in Slave Labor. *National Economic Association*. N. Y. Dec. 1982. Идея Модильяни относительно национального долга не была принята безоговорочно, но заметим, что контраргумент, выдвинутый Р. Барро, не опровергает концепцию Моуса — Холла (*Barro R.* Are Government Bonds Net Wealth? // *Journal of Political Economy*. 1974. Nov./Dec. Vol. 82. P. 1095—1117).

²⁴ Возможно, этот рост был не столь естественным. Среди специалистов по экономической истории прошла дискуссия относительно практики «разведения» рабов. Количественные данные по этой проблеме приводятся в работе: *Sutch R.* The Breeding of Slaves... Новый обзор этой же дискуссии см.: *Sutch R.* Slave Breeding // *Dictionary of Afro-American Slavery*/Ed. by R. M. Miller and J. D. Smith. Greenwood Press, 1988.

²⁵ Формы, в которых проводилось освобождение рабов, более подробно рассмотрены в работе: *Ransom R., Sutch R.* Who Pay for Slavery? // *Working Paper in Economics*. N 88—23 (Department of Economics, University of California. Berkely, Febr. 1988).

²⁶ Значимость влияния отмены рабства на отношение богатства к доходу подтверждается нашими расчетами, свидетельствующими, что это отношение для страны в целом упало примерно с 5 в 1860 г. до 3.7 в 1870 г.: *Ransom R., Sutch R.* Domestic Saving as an Active Constraint on Capital Formation in the American Economy, 1839—1928: A Provisional Theory // *Working Papers on the History of Saving*. N 1 (Dec. 1984). Institute of Business and Economic Research, University of California, Berkley. P. 56—58.

²⁷ Ферма определяется как сельскохозяйственная единица, производящая продукцию земледелия минимум на 125 долл. В 1870 г. включались только фермы, по которым даны сведения о стоимости движимого имущества фермеров, поскольку с 1870 г. переписи, по-видимому, давали заниженную величину личного имущества.

²⁸ Выборка ферм проведена по округам: Аттала, Миссисипи; Кауэта, Джорджия; Даллас, Алабама; Джорджтаун, Южная Каролина; Галифакс, Виргиния; Мэдисон, Луизиана; Ред-Ривер и Робертсон, Техас. Процедура формирования выборки изложена в работе: *Ransom R., Sutch R.* One Kind of Freedom. P. 294—298.

²⁹ Отношение стоимости имущества к стоимости продукции имеет тенденцию к завышению реальных значений, так как стоимость продукции не охватывает всех доходов фермеров или даже всей продукции, производимой ими. Что касается 1860 г., есть еще одна причина ожидать, что эта величина могла не отражать равновесного соотношения между богатством и доходом. Цепы на рабов росли более десяти лет и к 1860 г. достигли наивысшего уровня. Полученный в результате прирост капитала мог вывести отношение

богатства к доходу на необычайно высокий уровень. Мы отметим в этой связи, что отношение стоимости имущества к стоимости продукции для ферм, имеющих рабов, принимает значения 8—9 при том, что средняя величина этого отношения для Соединенных Штатов в целом около 5.

³⁰ См.: *Ransom R., Sutch R. The Impact of the Civil War and the Emancipation on Southern Agriculture // Exploration in Economic History. 1975. Jan. Vol. 12. P. 1—28; Idem. One Kind of Freedom. P. 44—47.*

³¹ На национальном уровне накопление капитала можно рассматривать приблизительно как национальное накопление, так как потоком иностранного капитала можно пренебречь.

³² Стагнация Юга после Гражданской войны изучается в работе: *Ransom R., Sutch R. Growth and Welfare in the American South.*

³³ *Phillips U. R. The Economic Cost of Slaveholding in the Cotton Belt // Political Science Quarterly. Vol. 20. 1905. June. P. 257—275; The Economics of Slave Labor in the South // The South in the Building of the Nation. Southern Publication Society, 1909. Vol. 5. P. 121—124; Phillips U. B. American Negro Slavery... Idem. Life and Labor in the Old South. Little Brown, 1929.*

³⁴ *Phillips U. B. Life and Labor in the South. P. 177; Idem. American Negro Slavery... P. 370.*

³⁵ *Phillips U. B. American Negro Slavery... P. 370.*

³⁶ *Phillips U. B. Life and Labor in the Old South. P. 177.*

³⁷ *Fogel R., Engerman S. L. The Market Evaluation of Human Capital: The Case of Slavery // Cliometrics Conference. Madison, Apr., 1972. P. 8—9.*

³⁸ *Fogel R. W., Engerman S. L. The Economics of Slavery. Table 17. P. 76.*

³⁹ *Kotlikoff L. J. The Structure of Slave Prices in New Orleans, 1804—1862 // Economics Inquiry. Vol. 17. 1979. Oct. P. 496—518.*

⁴⁰ *Fogel R. W., Engerman S. E. Time on the Cross. Vol. 1. Fig. 15, 16, 18. P. 72, 76; Vol. 2. P. 79—82; Idem. The Market Evaluation of Human Capital.*

⁴¹ *Fogel R. W., Engerman S. E. The Market Evaluation of Human Capital. P. 8—9; Idem. Time on the Cross. Vol. 2. P. 79.*

⁴² *Phillips U. B. American Negro Slavery... P. 370.*

⁴³ *Sutch R. Treatment of Slaves. P. 345—353; Guttman H., Sutch R. Sambo Makes Good, or Were Slaves Imbued with the Protestant Work Ethic? // David P. et al. Reckoning with Slavery. P. 77—93.*

Джереми Этак

АРЕНДАТОРЫ И МЕЛКИЕ ФЕРМЕРЫ В XIX ВЕКЕ: ПРОБЛЕМА РОСТА АРЕНДЫ НА СЕВЕРЕ *

ВВЕДЕНИЕ

В базирующейся на сельском хозяйстве экономике Америки XIX столетия возможность получения земли определяла хозяйственное развитие и социальный прогресс для большинства населения, особенно на Севере, где семьи фермеров обеспечивали основную массу сельского труда. Землю можно было получить либо непосредственно от прежнего владельца, причем не обязательно обработанную землю, либо путем отчуждения государственной земли. Условия для первого определялись факторами спроса и предложения или семейной лихней в случае наследования, для второго — условиями законодательства о земле, начало которому было положено Законом о земле 1785 года. С тех пор и на протяжении почти всего XIX столетия в государственном

владении было сосредоточено большое количество земли и условия, регулирующие отчуждение этих земель, прогрессивно либерализовались, эта система сдерживала частный рынок¹. В результате в американской историографии преобладало мнение, будто в XIX в. всякий, кто хотел иметь землю, мог получить ее².

Однако, когда в 1880 г. впервые была собрана статистика об аренде, оказалось, что четверть всех фермеров страны не являлись собственниками земли и доля таковых постоянно росла³. Представляется неестественным, что при наличии реальных преимуществ у владельцев земли арендаторы добровольно выбирали свой статус. При отсутствии статистических доказательств обратного защитники существовавшей системы тешили себя предположением, что, поскольку незаселенных земель было много, распространение аренды должно быть незначительным, в действительности, как доказывали многие, аренда должна отсутствовать.

С этим не согласился только Пол Гейтс. Он доказывал, что те самые организации, которым надлежало содействовать колонизации посредством облегчения условий доступа к земле, фактически способствовали спекуляции, монополизации земли и сдаче ее в аренду.

В этой статье рассматриваются дебаты о распространении аренды и представляются количественные и качественные данные о развитии этого процесса в северной половине территории Соединенных Штатов в XIX столетии. Уточнены оценки темпов роста аренды для этого региона в 1860 г. — в то время, когда земли на передовой черте поселения в Канзасе и Миннесоте не были заселены и правительственная политика была направлена на поддержку мелких собственников. Эти оценки показывают уровни аренды, которые в общем согласуются с теми, что были в 1880 г. и позже. Они использованы для выявления характерных черт фермеров-арендаторов в 1860 г. и сравниваются с данными об аренде конца века. На базе личных, семейных и хозяйственных характеристик арендаторов и мелких землевладельцев определяется вероятность обретения индивидом с определенным набором характеристик статуса арендатора или собственника земли.

АРЕНДА ПОСЛЕ 1880 ГОДА

Руководитель переписи 1880 г. Чарльз Ситон определил сведения об аренде как «весьма важные в экономическом и социологическом отношении» и привлек внимание к сильным региональным различиям в темпах роста аренды⁴. Самый низкий уровень аренды был на Северо-Востоке (16 %), а самый высокий — на Юге, где он превысил одну треть⁵. Доля аренды на Среднем Западе лежала между этими крайними значениями и составляла свыше 20 %. Широкое распространение аренды на Юге, возможно, оправдывается особенностями, обусловленными процессами эмансипации и шеудачами в попытке обеспечить каждого свобод-

ного человека 40 акрами земли и одним мулом. Сложнее объяснить более высокий, чем на Северо-Востоке, уровень аренды на Среднем Западе. Действительно, первый заселялся раньше, и, следовательно, факторы, способствующие экономической концентрации, такие, как удача, незаурядные способности и наследство, действовали дольше. Кроме того, заселение, особенно в штатах Средней Атлантики, часто проходило в условиях, неблагоприятных для владения⁶. Наоборот, заселение Среднего Запада началось позже, и отчуждение земли осуществлялось на более либеральных началах, определяемых декретом 1785 года. Далее, ко времени переписи 1880 года западные районы этого региона пережили 18 лет заселения, когда каждый желающий мог получить 160 акров свободной земли при условии обработки ее за пять лет.

Однако перепись не ставила целью проследить ход аренды в условиях заселения земель на Среднем Западе, и фактически анализ данных отсутствовал. Вместо этого в переписи перепечатывают оптимистическую статью Фрэнсиса Уокера, прежнего руководителя переписи, об американском сельском хозяйстве. С его точки зрения, данные показывают, что существующая система землевладения в США была «в высшей степени популярной». Он приписывает ей, к примеру, «наличие обширных площадей незанятых земель „на Западе“... [и также] либеральную политику правительства относительно государственных владений; в частности, превосходные законы о регистрации титулов и передаче недвижимой собственности... дух нашего народа, его готовность покупать и продавать, идти на восток или на запад, когда это выгодно»⁷.

Когда эта справка была повторена в 11-й переписи в 1890 г., было обнаружено, что аренда возрастает во всех регионах, кроме Запада, но опять-таки данные рассматривались поверхностно и без всестороннего анализа. Разработчики переписи ограничились следующими выводами из данных. С 1880 по 1890 г. общее число ферм выросло на 555 734 и фермеров-собственников стало больше на 285 422. Отсюда было сделано заключение о том, что 270 312 дополнительных ферм, использующих аренду, являлись в основном новыми фермами, основанными в это десятилетие⁸.

Доля ферм, использующих аренду, в большинстве районов заметно увеличилась (см. табл. 1), и данные стали привлекать внимание официальных кругов. Анализ данных руководителя 12-й переписью в 1900 г. был шире и тщательнее, чем прежде. Однако официальная точка зрения относительно того, что повышение уровня аренды не является причиной для беспокойства, осталась: «Считается само собой разумеющимся, что число арендаторов повысилось за счет числа собственников и что такое развитие, выраженное расширением аренды, было дурным знаком для республики... [но] этот вывод не учитывает некоторых очень важных социальных моментов... что фермы собственников земли росли с 1850 г. быстрее, чем сельскохозяйственное население. Такое увеличение может быть реальным при условии, что рост чис-

Таблица 1

Процент арендованных ферм в общем числе по географическим регионам, 1880—1900 годы *

Регион	1880 г.	1890 г.	1900 г.
Новая Англия	8,5	9,3	9,4
Среднеатлантические штаты	19,2	22,1	25,3
Северо-Восточный центр	20,5	22,8	26,3
Северо-Западный центр	20,5	24,0	29,6
Южно-Атлантические штаты	36,1	38,5	44,2
Юго-Восточный центр	36,8	38,3	48,1
Юго-Западный центр	35,2	38,6	49,1
Горные штаты	7,4	7,1	12,2
Тихоокеанские штаты	16,8	14,7	19,7

Регионы включают:

Новая Англия: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Вермонт.

Среднеатлантические штаты: Нью-Джерси, Нью-Йорк, Пенсильвания.

Северо-Восточный центр: Иллинойс, Индиана, Мичиган, Огайо, Висконсин.

Северо-Западный центр: Айова, Канзас, Миннесота, Миссури, Небраска, Северная Дакота, Южная Дакота.

Южно-Атлантические штаты: Делавер, округ Колумбия, Флорида, Джорджия, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Виргиния, Западная Виргиния.

Юго-Восточный центр: Алабама, Кентукки, Миссисипи, Теннесси.

Юго-Западный центр: Арканзас, Луизиана, Оклахома, Техас.

Горные штаты: Аризона, Колорадо, Айдахо, Монтана, Нью-Мексико, Невада, Юта, Вайоминг.

Тихоокеанские штаты: Калифорния, Орегон, Вашингтон.

* Goldenweisser E. A., Truesdell L. E. Farm Tenancy in the United States. US Department of Commerce. Bureau of the Census, Census Monograph IV. Wash., 1924. P. 23.

ла арендаторов происходит за счет повышения статуса бывших наемных рабочих до уровня фермеров-арендаторов. Такой рост числа арендаторов осуществлялся за счет наемных рабочих, а не собственников и их детей»⁹.

До публикации результатов 14-й переписи 1920 года данные об аренде серьезно не анализировались. Только тогда аренда стала предметом специального монографического исследования¹⁰. Перед авторами, Голденвайссером и Труэделлом, рассматривающими фермерские владения, стояла двойная задача: показать, с одной стороны, взаимоотношения между земледельцем и землей, с другой — распределение богатства между теми, кто снабжает землей, теми, кто вкладывает капитал, и теми, кто обеспечивает труд в сельском хозяйстве. Они доказывают, что экономическое преимущество одного статуса перед другим можно оценить сравнением годовой стоимости пользования землей при двух формах владения, но заключают, что «принимается за аксиому, что собственники предпочитают... частично основываться на обстоятельствах совершенно случайных и имеющих незначительную связь с чистым доходом индивидуальных фермеров или с продук-

тивностью сельского хозяйства в целом»¹¹. К факторам, которые они определяют как стимулирующие переход земли в собственность, относятся федеральная земельная политика передачи земли непосредственно в руки тех, кто будет ее обрабатывать, повышение стоимости земли и важность этого для прибыльности ферм, а также отсутствие эффективной системы аренды¹². Как и их предшественники, Голденвайссер и Трузсделл полагают, что «аренда была слабо распространена в то время, когда происходило заселение, особенно пока оставались свободные земли»¹³.

Расширение аренды приписывалось «тому факту, что свободные земли были практически исчерпаны к 1900 г., и... тяжелым временам, которые преобладали в 90-е годы и вызвали большое число просроченных закладных, поставивших многих владельцев перед необходимостью брать фермы в аренду, чтобы продолжать заниматься сельским хозяйством»¹⁴. Отсутствие свободных земель и неблагоприятная экономическая обстановка были также названы причинами распространения аренды в «Ежегоднике» департамента сельского хозяйства США за 1923 г. Однако здесь авторы (среди которых Грей) пошли дальше и отнесли к причинам долговременного существования аренды понижение в среднем потенциальных возможностей фермеров-арендаторов¹⁵.

Доклад Президентского комитета по земельной аренде в 1937 г. отличается более сочувственным отношением к фермеру-арендатору, в нем также акцентируется внимание на повышении доли аренды¹⁶. Фермеры-арендаторы, говорится в Докладе, были загнаны системой в капкан экономически и социально нежелательной ситуации и имели мало шансов попасть в ряды независимых фермеров-собственников. В частности, Комитет винит сложившиеся экономические условия, но также высказывается мысль, что «политика распределения государственных владений позволила приобретать земли в больших количествах (главным образом для спекулятивных целей) тем, у кого не было намерения заниматься сельским хозяйством»¹⁷. В результате Комитет рекомендует среди прочих «лечебных» средств политику правительственных закупок земли для субсидированных перепродаж арендаторам и совершенствование кредита¹⁸.

ИСТОРИКИ ОБ АРЕНДЕ В XIX СТОЛЕТИИ

В классической работе о сельском хозяйстве Севера Бидвелл и Фалкопер фактически не упоминают об аренде¹⁹. В американском сельском хозяйстве до Гражданской войны такой проблемы просто не существовало. Когда аренда была впервые упомянута, традиционная точка зрения сводилась к тому, что дешевые или свободные земли способствовали переходу земли в собственность. Примером отрицания аренды служит очерк Перси Бидвелла о сельской экономике Новой Англии в начале XIX столетия, который содержит простое утверждение: «Хорошо известно, что почти каждый фермер владеет собственной землей». Подобные

утверждения позже были сделаны для земель, расположенных западнее. Ученый из Иллинойса написал про 1850-е годы: «Несмотря на большое количество незанятых земель, обработанные наделы могли бы преобладать, но аренда не была распространена»²⁰. Статистически невидимая и — доказано — логически невозможная, аренда не могла существовать.

Однако такой подход не мог не вызвать споров. Менее оптимистичный взгляд на эффективность федеральной земельной политики, появившийся в Докладе Президентского комитета, отразил тенденции, которые вслед за статьей Пола Гейтса распространились в академической литературе²¹. Опрокинув логику традиционного аргумента, будто свободные и дешевые земли способствуют переходу их в собственность, Гейтс заявил, что существующая система способствует росту аренды: «Закон о земле 1785 года и последующие законы не содержали ограничений на количество государственной земли, которое могут приобрести отдельные лица или группы лиц. Политика нелегитимированных продаж и неограниченных передач прав на землю делала возможной монополизацию земли спекулянтами, которые приобрели большую часть отборных земель в определенных районах... В результате дешевые и свободные земли быстро исчезли и появилась аренда»²².

По утверждению Гейтса, возникла нелепая земельная система, которая поощряла аренду в ущерб собственности. Дешевизна земли стала палкой о двух концах. Она не только увеличивала возможности людей с небольшими средствами, но и в условиях отсутствия ограничений на размер владений давала возможность богачам приобретать громадные пространства земли по минимальным ценам. Принятие в 1862 г. Гомстед-акта оказалось малоэффективным, поскольку спекулянты находили подставных лиц и пользовались преимуществами замены. В результате огромные площади земли были закуплены спекулянтами, компаниями и богачами. Кроме того, обширные площади были получены железными дорогами по федеральным каналам²³.

По Гейтсу, сосредоточение земли у спекулянтов и железных дорог сократило предложение земли на рынке и подняло цены. Поскольку спрос не был эластичным, желающие стать фермерами были вынуждены тратить на землю больше из своего дохода за исключением других вариантов. Тому, кто не мог себе позволить заплатить более высокие цены или выйти из положения с помощью займа, пришлось решать вопрос: вести ли хозяйство на меньшей площади, становиться арендатором или совсем выйти из игры.

Гейтс привел убедительные факты, подтверждающие его аргументацию при обсуждении деятельности земельных спекулянтов, таких как Сэмюэль Элертон, Майкл Сэливент и Уильям Скалли, казенных держателей земли, таких, как Центральная железная дорога Иллинойса, а также действий покровителей аренды, таких, как Генри Элсуорт²⁴. Однако прийти к единому мнению в споре не удалось, так как статистические данные, доказываю-

ние наличие ранней аренды, отсутствовали. Кроме того, экономическая аргументация Гейтса несовершенна. В частности, он игнорирует эффект борьбы за арендаторов между землевладельцами, которые должны были снижать арендную плату, дабы сделать аренду относительно привлекательной.

СПОСОБСТВОВАЛА ЛИ ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРИБРЕТЕНИЮ ЗЕМЛИ В СОБСТВЕННОСТЬ?

Немногие в понимании американской науки могут сравниться с Алексисом де Токвплем, который начал свое сочинение «Демократия в Америке» с утверждения: «Всего более поразило меня равенство общественных положений»²⁵. Фундаментом этого, полагает он, были правовые институты, в функции которых входило регулирование собственности на землю и вопросы наследования, а также обилие ресурсов, в числе которых «земли Нового Света, принадлежавшие первым колонизаторам, они являются заслуженным вознаграждением самым инициативным»²⁶. До сих пор продолжаются дебаты относительно размеров вклада Джефферсона в Закон о земле 1785 года и Северо-Западный Закон 1787 года. Однако представляется несколько сомнительным то, что его взгляды оказали важное воздействие на характер споров о законопроектах, а также на их исход. Эти взгляды, возможно, лучше всего отражены в письме, которое он написал Преподающему Джеймсу Мэдисону из Фонтенебло, Франция, в 1785 г., где он изложил беседу с одной бедной женщиной, встреченной им в пути:

«Эта случайная попутница навела меня на размышления о несправедливом разделении собственности, дающем повод бесчисленным примерам несчастий, которые я наблюдал в этой стране и которые наблюдаются по всей Европе.

Подавляющая часть богатства этой страны сконцентрирована в руках очень немногих. Я спрашиваю себя, что может быть причиной того, что в стране, где велика доля необработанной земли, позволительно нищенствовать тому, кто хочет работать...

Представляется, что это должно объясняться столь огромным богатством собственников, что это лишало их желания увеличивать свои доходы путем разрешения на этих землях трудиться. ...Всегда, когда в стране имеются необработанные земли и безработная беднота, становится очевидным, что законы собственности вмешиваются в естественное право. Земля существует как общее достояние, чтобы человек мог жить и трудиться на ней. Если же для поддержания промышленности мы позволяем отчуждать землю в ее пользу, то должны заботиться о том, чтобы другие формы занятости были обеспечены тем, кто не участвует в этом процессе отчуждения. Если мы этого не сделаем, основное право трудиться на земле обернется безработицей. В нашей стране пока преждевременно говорить о том, что каждый человек,

который не может найти работу, но может найти необработанную землю, будет иметь право, заплатив умеренно, обрабатывать ее. Но уже пора всеми возможными путями добиваться того, чтобы было меньше тех, у кого нет хотя бы клочка земли. Мелкие землевладельцы — наиболее ценная часть государства»²⁷.

В соответствии с этой философией Джефферсон покровительствовал передаче земли поселенцам: «При продаже земли им [бедным поселенцам] вы будете вызывать их негодование и станете причиной их отрыва от общества. Они будут заселять земли вопреки всему»²⁸, — но в этом вопросе он оказался не прав. Поскольку нужда в средствах заставила федеральное правительство срочно продавать землю, условия для отчуждения стали более жесткими, так как в этой ситуации цены на землю выросли, условия ссуды были отменены и потребовалась плата наличными деньгами. Однако с течением времени эта тенденция повернула к спаду. Минимальные площади были сокращены и были признаны преимущественные права сквоттеров на покупку государственной земли. Кроме того, на правительство оказывалось постоянное давление как изнутри, так и извне, чтобы отменить продажи и заменить их «дарением». Например, Томас Бентон часто произносил страстные речи в сенате по этому поводу: доказывая:

«Арендаторы не расположены к свободе. Ими создается фундамент, который разлагает общество, сводит на нет патриотизм и ослабляет дух независимости. У фермеров-арендаторов фактически нет страны, нет домашнего очага, нет домашнего алтаря, нет бога-покровителя. Напротив, собственник земли является естественной поддержкой свободного государства; и политика республик должна быть направлена на то, чтобы умножить число свободных фермеров... передавать государственные земли без препоны и дешево в руки народа; продавать за приемлемую цену тем, кто способен купить; давать бесплатно тем, кто платить не может»²⁹.

Эта мечта была со временем реализована в Гомстед-акте 1862 года, по данные переписи 1880 года показывают, что аренда не была ликвидирована. Была ли успешной политика снижения уровня аренды? Этот вопрос остается открытым и разбирается в этой статье.

Если доказано, что федеральная земельная политика не достигла успеха в ограничении аренды в течение большого периода времени, то есть отдельные доказательства ее ранних успехов. Согласно де Токвилю, «английские законы о переходе имущества почти во всех штатах были отменены в эпоху революции. Закон о наследовании земли без права отчуждения был видоизменен так, что существенным образом не препятствовал свободной циркуляции собственности», в результате, по крайней мере в 1830 г., «почти все семьи крупных владельцев земли сравнялись с общей массой»³⁰.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРЕНДЕ В ПЕРИОД ДО 1880 ГОДА

В последние годы появился ряд количественных оценок распространения аренды, относящихся к периоду до 1880 г. Они основаны на разбросанных прямых и косвенных данных. В канун революции, например, по имеющимся оценкам, в Нью-Йорке было 6—7 тыс. фермеров-арендаторов³¹. Южнее, «в самых бедных округах» — Честер и Ланкастер (Пенсильвания), по оценке Джеймса Лемэна, в поздний колониальный период безземельными были 30 % женатых налогоплательщиков³². Эти цифры означают, что аренда была столь же распространена (и, может быть, даже более) во времена Революции, как и столетие спустя. Рациональное зерно этой статистики состоит в том, что она представляет результаты старых систем землевладения, основанных на прежней системе передачи права на имущество, которая была заменена законом о земле, приспособленным под нужды заселения Запада. Однако относительно условий Среднего Запада ничего определенного не было известно, кроме спекулятивных утверждений традиционалистов о том, что аренда была маловероятной при данных обстоятельствах, и отрицания ее Гейтсом и его сторонниками.

В результате усилий Аллана Боуга и благодаря стараниям составителей переписи, вышедших за рамки инструкции, мы получили некоторые выведенные путем заключений данные об аренде в середине XIX столетия для Среднего Запада. Боуг обнаружил, что в округе Джоунс, штат Айова, в 1860 г. помощник начальника полиции зафиксировал имущественное положение большого числа респондентов, у которых не было недвижимости. Основываясь на этих данных, Боуг показал, что эти лица, названные в сельскохозяйственной переписи работающими на ферме и внесенные в списки фермеров, но не сообщившие о стоимости недвижимого имущества, в списках населения значились как арендаторы³³. Используя эту технику, он оценил долю аренды в трех районах Айовы для 1860 г. в пределах от 6,6 до 11,2 %³⁴. Эти показатели ниже, чем в Пенсильвании колониального периода, и, возможно, того же порядка, что и в штате Нью-Йорк во время Революции.

Аренда в Айове оказалась в фокусе двух исследований учеников Боуга. Используя ту же самую методику, что и Боуг, Седди Когсуэлл изучил взаимосвязь между арендой, возрастом и местом рождения в шести районах Восточной Айовы³⁵. В этом регионе доля аренды повышалась неравномерно: от 17,6 % в 1850 г. до 27,3 % в 1880 г., хотя между 1850 и 1860 гг. она упала до 15,1 %, понизившись везде, кроме двух районов³⁶. Когсуэлл доказывает, что расширение аренды отражает не только критическое положение класса экономически нуждающихся фермеров в Восточной Айове, но до некоторой степени также изменение структуры возраста сельскохозяйственного населе-

ния³⁷. Действительно, среди 126 фермеров, которых он смог проследить между 1860 и 1870 гг., только двое стали арендаторами, тогда как доля аренды в целом в течение того же периода повысилась на четыре пункта³⁸. На основе анализа трендов аренды в штате Айова с 1850 г. Дональд Уинтерс заключил, что изменения в арендовании были «неотделимой частью развивающейся хорошо продуманной системы сельского хозяйства» с ярко выраженным уклоном на товарное зерновое производство³⁹.

АРЕНДА НА СЕВЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В 1860 ГОДУ

Все опубликованные количественные исследования аренды, рассматривающие период до 1880 г., до сих пор ограничивались узкими географическими зонами — двумя округами в работе Боуга и областью в размере целого штата у Лемэна⁴⁰. В данном исследовании рассматривается повое доказательство ранней аренды для всего Севера. Оно базируется на обширной выборке сельскохозяйственных и демографических данных, собранных Фредом Бейтманом и Джеймсом Фаустом. Она была сделана как стратифицированная выборка, направленная на то, чтобы быть репрезентативной как для Северо-Востока, так и для Среднего Запада. Фактически данные были взяты из 102 случайно отобранных сельских пунктов в совокупности всех негородских местечек и поселений и представляли 16 северных штатов⁴¹. Статистические тесты определили, что выборка не только является достаточной аппроксимацией всего Севера и двух субрегионов, северо-восточной части США и Среднего Запада, но также данные по поселениям для части штата близки к тем, что соответствуют штату в целом⁴². Однако обобщение на уровне штата может вызывать сомнения, особенно относительно такого показателя, как аренда.

В выборке 11 943 фермы, 10 288 из которых удовлетворяют потребностям этого исследования. Для каждой из этих ферм приводятся данные о площадях, посевах, орудиях труда и стоимости скота. Отобраны те хозяйства, в которых по крайней мере один член семьи заявлен как арендодатель, арендатор, земледелец или временный владелец фермы. Эти критерии, в чем-то более строгие, чем те, которые использовались Этакон и Бейтманом, исключали более высокий по сравнению с йоменами процент потенциальных фермеров-арендаторов⁴³. В результате доля аренды, приведенная в этой работе, обычно ниже.

Подобно Боугу, мы считаем арендаторами всех тех фермеров, которые не сообщили о своей недвижимости. Отсутствие до 1880 г. записанных правил для регистраторов, касающихся определения статуса фермера-арендатора, по-видимому, вело к разнообразию форм представления этих сведений в разных местах. Так, в отношении Юга Фредерик Боуд и Дональд Джинтер обнаружили, что счетчики намеренно вносили в список тех лиц, которые называли себя фермерами, а в действительности были

арендаторами, поскольку не имели недвижимого имущества, но в среде переписчиков на Юге существовала договоренность не вносить в сельскохозяйственные переписные листы стоимость фермы или площади земли. Однако сведения о продукции должны быть записаны. Некоторое время действовала другая система, согласно которой площади и стоимость фермы полностью или частично регистрировались⁴⁴. Совершенно ясно, что такая практика противоречила инструкциям проведения переписи и, по-видимому, не была широко распространена, в противном случае доля аренды была бы крайне низкой⁴⁵. Неполные записи данных усложняют анализ. Поскольку арендаторы были беднее фермеров-собственников, следует ожидать, что при прочих равных условиях у первых фермы должны быть меньше по размерам и менее благоустроены. Однако, должно быть, трудно, если вообще возможно, отличить эту относительную бедность от ошибки измерения, которую допускает альтернативная гипотеза Боуда и Джингтера о частичной записи сведений о фермах.

Нет доказательств того, что в данных о Севере есть умышленные пропуски и имеется соглашение среди исследователей о том, что фермеры без недвижимого имущества являются арендаторами. В противовес сложившейся практике я не принимаю элементарной дихотомии фермеров на арендаторов и йоменов. Я докажу, что существует третья группа, в которую входят те, кто по роду занятий записан как фермер либо земледелец, а также те, кто объявил два или более занятий, одно из которых — фермер, и у кого в списках сельскохозяйственной переписи была обнаружена ферма, но кто, возможно, владел только частью обрабатываемой земли. В эту группу входят лица с ненулевой величиной недвижимого имущества в списках населения, но меньшей, чем соответствующий показатель для фермы, на которой это лицо работает. Я назову эту группу группой «неполных собственников»⁴⁶. На сегодняшний день наличие такой группы — распространенное явление, и, оказывается, она была многочисленной в XIX в. Она включала около трети арендаторов на протяжении XIX в., но игнорировалась другими исследователями⁴⁷.

В табл. 2, использующей предложенную группировку и выборку Бейтмана — Фауста, показаны доли арендования по штатам для региона в целом и отдельных его частей⁴⁸. Доли для неполных собственников и арендаторов приведены отдельно, так что данные непосредственно сравнимы с оценками Боуга, Уинтерса и др. Например, моя оценка в 130 арендаторов на тысячу фермеров в Айове несколько ниже той, что привел Когсуэлл для Восточной Айовы как в целом, так и для большинства округов выборки, и почти в два раза ниже оценок для округов, данных Уинтерсом⁴⁹. Хотя доля «неполных собственников» положительно и сильно коррелирует с долей арендаторов, в ряде штатов больше половины в доле всей аренды составляет та группа, которую все исключают⁵⁰. Действительно, в Мичигане, Нью-Гемпшире и Огайо около 70 % арендаторов были владельцами недви-

Оценки доли арендованных ферм на тысячу по выборке Бейтмана — Фауста за 1859—1860 годы по штатам

Штат или регион	Общая доля аренды*	Доля аренды**	Доля неполных собственников***	Штат или регион	Общая доля аренды*	Доля аренды**	Доля неполных собственников***
Иллинойс	170	130	40	Средний Запад	170	110	60
Индиана	190	130	60	Коннектикут	80	50	30
Айова	190	130	60	Мэриленд	550	450	100
Канзас	330	220	110	Нью-Гемпшир	100	30	70
Мичиган	70	20	50	Нью-Джерси	150	70	80
Миннесота	360	310	50	Нью-Йорк	80	40	40
Миссури	120	60	60	Пенсильвания	190	130	60
Огайо	130	40	90	Вермонт	160	50	100
Висконсин	110	50	70	Северо-Восток	150	90	60
				Север	160	100	60

* Доля аренды + доля неполных собственников

*** Эти фермеры не сообщили стоимость недвижимого имущества.

** Неполные собственники владеют недвижимым имуществом, стоимость которого меньше, чем стоимость тех ферм, на которых они работают.

Общий итог может не совпадать с суммой строк в силу округления.

жимости. Доля «неполных собственников» в выборке заключена в пределах от 30 до 100 на тысячу ферм и составляет в среднем 60 на тысячу для всего Севера и отдельных его регионов. Доля арендаторов без недвижимого имущества отличалась значительно больше, колеблясь от 20 на тысячу в Мичигане до 450 на тысячу в Мэриленде. Однако, за исключением этих предельных значений, доля на Среднем Западе была в общем выше, чем на Северо-Востоке.

Если считать «неполных собственников» арендаторами, то на меньшей части ферм в Мэриленде работали йомены, которые, возможно, владели этими фермами всегда. С другой стороны, только около 7 % мичиганских фермеров и 8 % фермеров Коннектикута и Нью-Йорка являлись арендаторами⁵¹. Вывод о том, что аренда вообще была шире распространена в районах более позднего заселения, на первый взгляд поддерживает утверждение Пола Гейтса о несостоятельности закона о государственной земле, покровительствующего мелким землевладельцам, как того хотел Джефферсон. В частности, несмотря на обилие дешевой земли в непосредственной близости, аренда была особенно велика в Канзасе и Миннесоте, где коэффициент достиг одной трети⁵². Это прямо опровергает тех, кто доказывал в 1920-е годы, что аренда не может существовать в таких условиях доступности земли⁵³. Тем не менее выводонная взаимосвязь представляется сомнительной. Корреляция между показателями наличия земли (оценки Этака и Бейтмана) и долей аренды для 102 поселений выборки оказалась незначительной⁵⁴.

Вопреки предостережению относительно корректности использования данных Бейтмана — Фауста на уровне штата мои оценки доли аренды соответствовали данным 10-й переписи 1880 года и их динамике с 1880 до 1900 г. Эти данные представлены на рис. 1. Оценки 1860 г. согласованы с данными более поздних лет. Делая обзор имеющейся в наличии статистики аренды в 1937 г., Президентский комитет заметил, что «за последние 55 лет, т. е. за весь период, для которого мы имеем статистику о земельных владениях, происходило заметное и непрерывное снижение доли собственников и сопровождающее его повышение доли арендаторов»⁵⁵. Похоже, что эта тенденция установилась много раньше. Следовательно, повышение аренды в северной половине Соединенных Штатов Америки является скорее частью долговременного эволюционного процесса, чем итогом революционных изменений или результатом внезапного перелома. Только показатели по Канзасу, Мэриленду и Миннесоте оказались далекими от тех ожиданий, которые диктовали данные после 1880 г., и это вполне объяснимо. Запись сквоттеров как арендаторов, возможно, является причиной высокой доли аренды в Канзасе и Миннесоте. Ситуация с Мэрилендом объясняется еще проще — особенным, нетипичным характером выборочных наблюдений района Костин в округе Вустер. Если бы данные по Мэриленду после 1880 г. были ограничены тем же самым округом, доля аренды для 1860 г. уже не была бы такой необычной⁵⁶.

Оценки доли аренды в 1860 г. также показывают значительные различия внутри штата. Подобные выводы получены Когсуэллом и Уинтерсом⁵⁷. Степень распространенности аренды для отдельных поселений в выборке Бейтмана — Фауста показана на рис. 2. Например, в Иллинойсе этот показатель сильно варьирует: в округах Бьюроу и Вайтсайд он составил менее чем 43 на тысячу, а в округе Нокс достиг значения 406 на тысячу. Хотя на уровне поселков число фермеров-арендаторов мало, данные, проявляющие пространственную регулярность степени распространенности аренды в смежных поселениях, имели обычно больше сходства, чем те, которые относились к более удаленным друг от друга поселениям. Степень использования аренды вообще была очень низкой (до 100 на тысячу), на северных границах Соединенных Штатов Америки и даже внутри штатов, по-видимому, существовала некоторая тенденция к падению доли аренды от юга к северу. Как в Канзасе, так и в Миннесоте доля аренды на переднем крае поселения была либо очень высокой — в трех поселениях превышала 50 %, — либо очень низкой, поддерживая «гипотезу сквоттеров» в объяснении аренды на границе продвижения поселенцев⁵⁸. Моя оценка доли аренды для выборки поселений в Индиане и округе Типекэну, т. е. для районов, тесно связанных с системой содействия аренде Генри Эллсворта, составила 42 % и была самой высокой в нашей выборке⁵⁹.

На рис. 2 представлены карты, где округа, в которых рас-

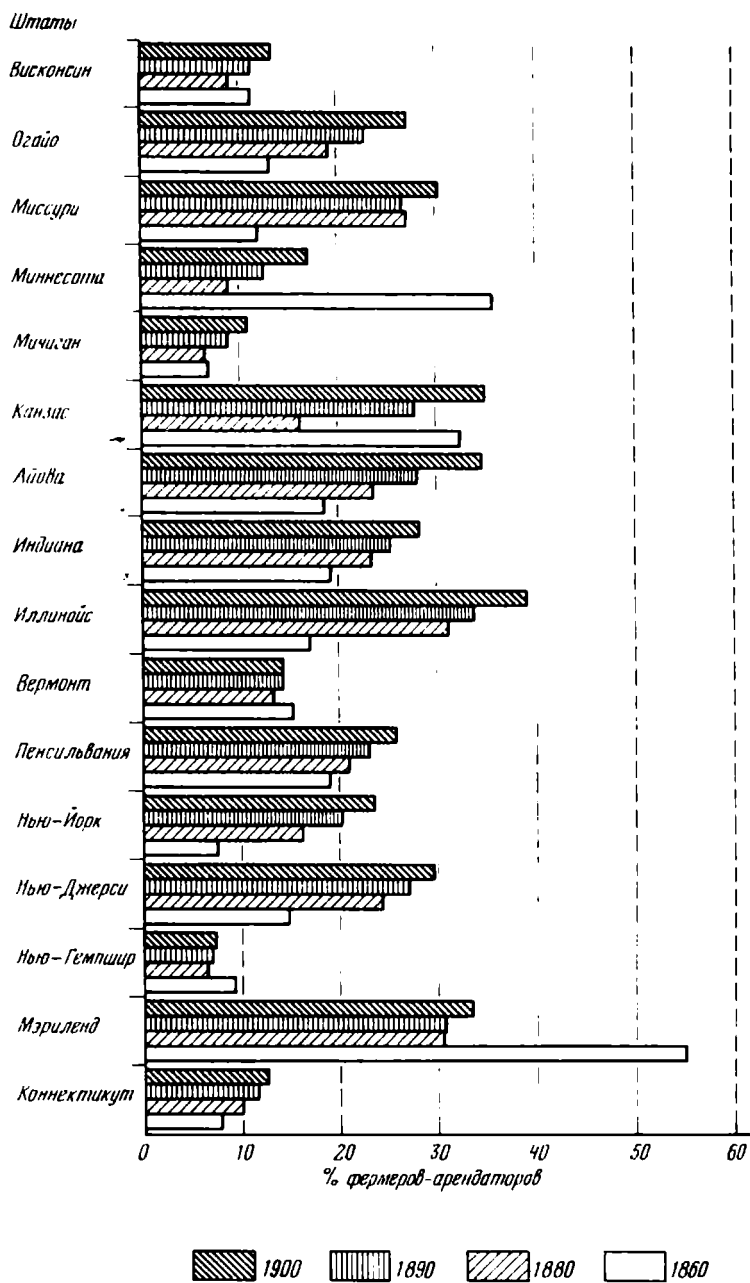
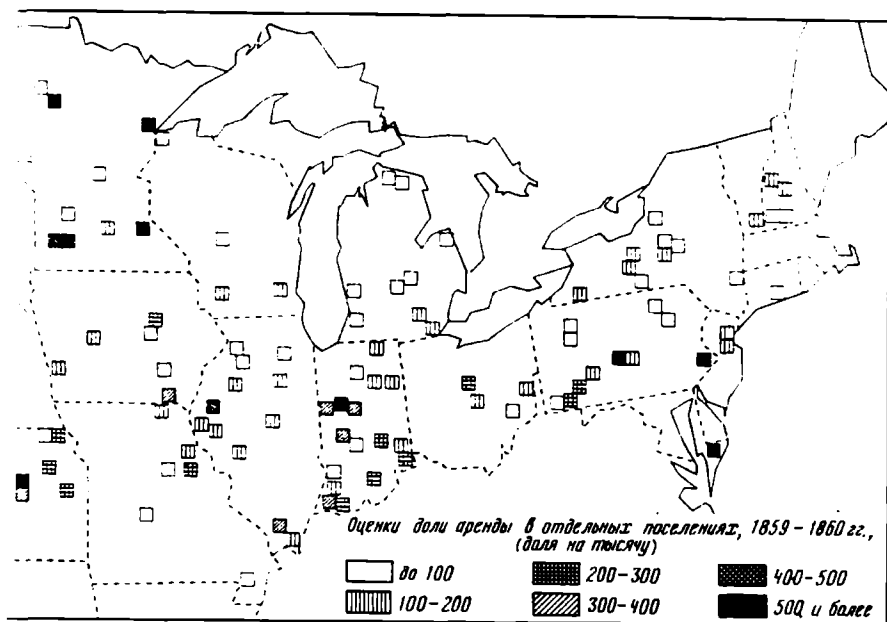

Рис. 1. Изменение доли аренды по штатам, 1860—1900 гг.

Округа, в которых по крайней мере на половине ферм работали арендаторы (в том числе издольщики)

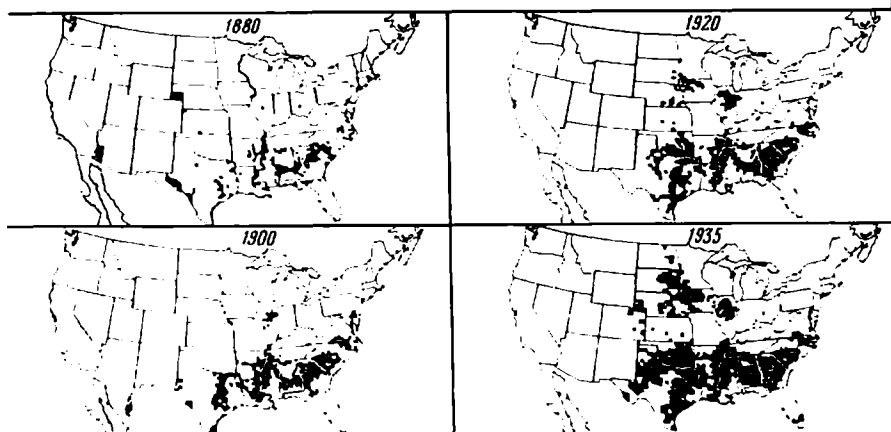

Рис. 2.

пространение аренды превышает 50 %, заштрихованы⁶⁰. Здесь хорошо просматривается сильная концентрация округов с высокой долей аренды на Юге. Однако даже в 1880 г. на Севере существовали целые районы, где более половины фермеров были арендаторами. Кроме того, общая картина распространения округов с высокой арендой после 1880 г. согласуется с картиной в 1860 г. Области, где аренда была относительно высокой в 1860 г., совпадали с теми, где аренда в последующие 65 лет превышала 50 %.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРОВ АРЕНДЫ И ФЕРМЫ МЕЛКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

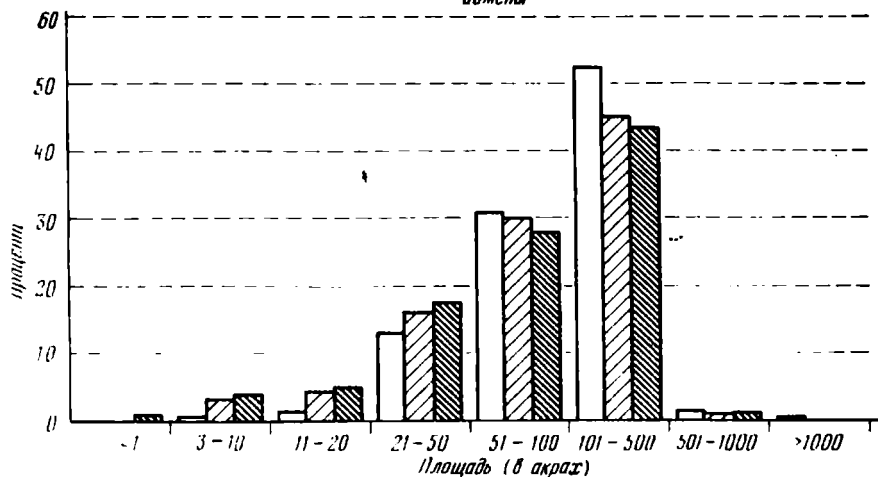
Распределение по размеру ферм арендаторов и йоменов на Севере в 1860 г. показывает тенденцию преобладания вторых над первыми (рис. 3). На фермах размером выше 50 акров йоменов было больше, чем арендаторов, в то время как на фермах до 20 акров доля арендаторов была в три раза больше, чем полных владельцев. Это согласуется с мнением об аренде как о «начальном уровне» ведения сельского хозяйства. Эта тема несколько подробнее раскрывается ниже.

Распределение ферм по размеру в 1860 г. не полностью отражает распределение совокупности всех северных ферм из-за недостатков выборки, тем не менее распределения по размеру и виду владения в общем согласуются с пропорциями ферм различного размера в 1880 г.⁶¹ Они показывают совершенно различные тренды в распределении между типами владений во времени. В 1860—1900 гг. фермы собственников имеют тенденцию к уменьшению в размере, в то время как и большие и малые фермы арендаторов формировались за счет ферм среднего размера. Заметное и упорное снижение числа ферм в группе размером свыше 50 акров происходит за счет познеления семейных ферм или за счет продажи части фермы, чтобы удовлетворить требования тех наследников, которые не получили недвижимого имущества (верхняя часть рис. 3). Для арендаторов картина менее четкая. Относительное число и совсем маленьких ферм (до 11 акров), и больших (свыше 100 акров) выросло (нижняя часть рис. 3). Возрастающее значение очень маленьких ферм арендаторов, возможно, отражает развитие прибыльных арендованных участков земли, производящих овощи для продажи на городских рынках; рост больших отражает экономию, обусловленную ростом масштаба производства и стимулирующую арендатора к экстенсивному ведению хозяйства⁶².

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ «СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕСТНИЦА» В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ?

Споры об аренде в основном сконцентрированы на следующей проблеме: были ли арендаторы мобильными наемными рабочими, поднявшими свой статус, или йоменами на их пути вниз,

йомены

арендаторы

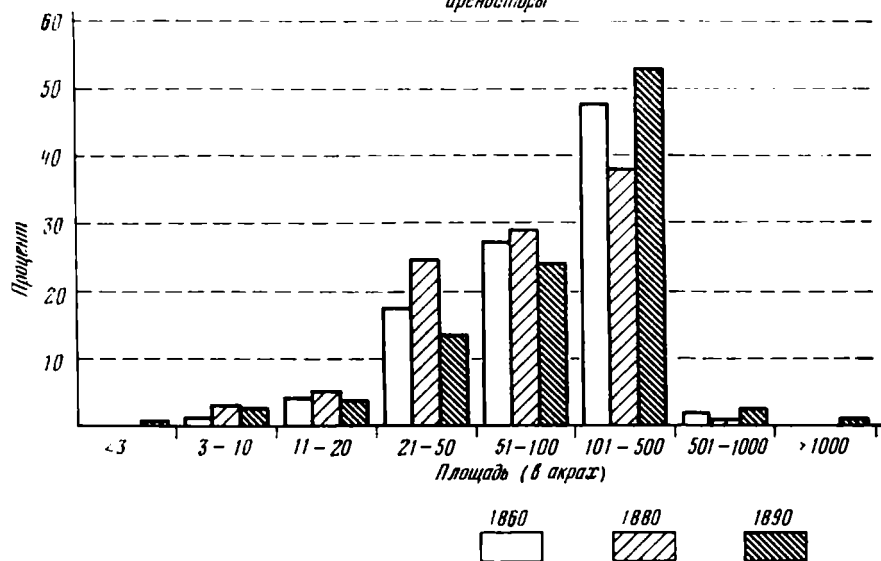

Рис. 3. Распределение по размеру ферм йоменов и арендаторов на Севере

когда денежные затруднения «сбрасывали многих фермеров-собственников в класс арендаторов»⁶³?

Гейтс и его сторонники придерживались второго варианта. Например, Лаванда Кокс в своей работе об аренде и «социальной лестнице» в сельском хозяйстве заявила, что «исторические

исследования экономических условий, в которых находились западные фермеры, дают возможность предположить, что во многих районах преобладало скатывание по наклонной плоскости»⁶⁴. Пессимизмом также пропитан отчет 1937 г. Президентского комитета по земельной аренде. В нем содержится заключение, что «движение со ступеньки на ступеньку [по социальной лестнице] происходило по преимуществу вниз, а не вверх» и что «лестница становилась круче, что превращало ее в барьер,— и все труднее было выйти из того определенного статуса, в рамки которого фермеры были насильственно поставлены»⁶⁵. Даже Боуг, горячий сторонник интерпретации аренды как стадии, переживаемой в движении вверх, приводит извлеченные из биографии случаи движения вниз⁶⁶.

Однако Боуг считал, что аренда «продвигает по лестнице имущественного положения, которая ведет их от первоначального статуса наемного работника к позициям, где они становятся не только собственниками фермерских домов, но часто вдобавок и арендуемой собственности»⁶⁷. Эту точку зрения разделяет и Дэнхоф, который рассматривает аренду фермы как «важный шаг к собственности в этот период»; подобная позиция служит типичным примером взглядов большинства наблюдателей-современников в конце XIX и начала XX в.⁶⁸ Карел Доутен, например, в предисловии к унифицированной переписи аренды 1920 года написал: «Данные, по-видимому, убедительно доказывают, что аренда — в общем пригодный путь, приближающий к полной собственности. Она фактически является частью социальной лестницы в сельском хозяйстве»⁶⁹. Авторы этого исследования, Голдепвайссер и Труэделл, также написали о фермерской аренде как «определенном шаге в процессе, посредством которого человек, начинающий с ограниченным капиталом или совсем без средств, приобретает со временем ферму в собственность благодаря своей собственной энергии и предприимчивости»⁷⁰.

Гипотеза «социальной лестницы» в сельском хозяйстве базируется на двух важных предположениях. Во-первых, аренда предоставляет дополнительную возможность занятий сельским хозяйством тем, кто не имеет достаточного капитала, чтобы стать собственником; во-вторых, люди передвигаются с одной ступеньки на другую независимо от того, происходит это движение вниз или вверх. По Кларенсу Дэнхофу, на передовой черте поселения устройство ферм в 40 акров обходится примерно в 1 тыс. долл.⁷¹ Эта цифра подтверждена данными переписи о стоимости фермы, орудий и скота для ферм размером 40—80 акров в 1860 г. на Среднем Западе⁷². Для приобретения фермы нужны такие средства, которые превышают возможности по крайней мере половины поселенцев, более низкие затраты на аренду делают ее доступной уже для 80 %⁷³. Следовательно, если бы желание обрабатывать землю было всеобщим, типичным, не более половины простонародья могло позволить себе независимый ста-

туса владельца фермы и на 20—30 % больше было бы способно к аренде. Остальные должны были становиться наемными рабочими на ферме или искать другое занятие.

Мобильность, вверх или вниз, труднее проследить. Почти все данные являются косвенными. Пожалуй, лучшие сведения представлены Грессом в «Ежегоднике» департамента сельского хозяйства США за 1923 г., они базируются на данных переписи 1920 г. Эти данные показывают, что в Средней Атлантике и штатах Среднего Запада по крайней мере 30 % лиц, которые стали йоменами между 1915 и 1920 гг., одно время были арендаторами. В Айове соответствующий показатель составлял более 70 %. В Новой Англии пропорция была много ниже, в пределах от 10 до 30 %⁷⁴.

Не такой прямой метод анализа движения вверх или вниз состоит в определении характеристик фермеров-арендаторов и сравнении их с характеристиками других групп. Так, в каждом штате арендаторы были в среднем моложе собственников-фермеров. На Среднем Западе средний возраст арендаторов был 36,9 лет, тогда как средний возраст фермеров-собственников составлял 42,8 лет (см. табл. 3). Эти различия, как показал специальный тест (t — тест), являются статистически значимыми. Те, кто заявили себя рабочими фермы, были еще моложе, и к тому же те, кого я определил как «неполных собственников», были старше арендаторов, но моложе йоменов. Эта картина согласуется с движением наверх в жизненном цикле, как предполагается в гипотезе «социальной лестницы», в соответствии с которой собственник-поселенец начинает как рабочий фермы и, прежде чем стать полным владельцем, проходит через статус арендатора и «неполного собственника».

Однако не только фермеры-арендаторы были, как правило, моложе йоменов, но доля фермеров, бывших арендаторами (полностью или частично), постепенно падала с увеличением возраста (рис. 4). Около 30 % фермеров-арендаторов имели возраст до 25 лет, тогда как на возрастную группу в 30—40 лет приходилось уже 16 % и только 9 % составляли фермеры в возрасте 55 лет и старше. Подобная картина повторялась во всех регионах и даже на уровне государства, хотя и с некоторыми вариациями (рис. 5). Эти данные дополняют детали картины движения по социальной лестнице в жизненном цикле. Рассмотрим, например, случай фермеров Индианы. Доля арендаторов среди фермеров в возрасте до 25 лет составляла 35 %, в возрасте 25—34 лет — 29 %, для группы в возрасте 35—44 лет она упала до 17 %, 15 % дала возрастная группа 45—54 лет и 11 % — фермеры в возрасте 55 лет и старше.

Распределение доли аренды по возрасту для 1860 г. в сравнении с более поздними годами становится частью долговременного тренда (рис. 6). Среди молодых доля арендаторов растет во времени, более чем удваиваясь с 1860 до 1920 г. Эти данные согласуются с мнением, что рост капитальных издержек увели-

Таблица 3

Средние выборочные характеристики арендаторов, неполных собственников и йоменов на Среднем Западе и Северо-Востоке, 1859—1860 годы

Характеристика	Средний Запад			Северо-Восток		
	Арендатор	Неполный собственник	Йомен	Арендатор	Неполный собственник	Йомен
Персональные характеристики						
Возраст	36,9	40,2	42,8	38,2	44,6	47,1
% грамотных	86,5	90,7	91,8	88,0	97,1	97,4
% мигрантов	66,1	63,2	63,6	5,8	7,7	14,8
Доли тех, кто родился в (на):						
Новой Англии	4,9	10,8	7,9	31,0	74,0	75,7
Средней Атлантике	18,0	27,0	28,8	31,0	13,0	20,9
Среднем Западе	29,2	22,2	17,6	0,0	0	0,7
Юге	48,0	38,1	45,8	39,7	13,0	2,7
% иммигрантов	15,6	15,5	21,0	5,8	4,3	5,5
Доли тех, кто родился в:						
Англии	14,7	14,8	19,5	10,3	23,3	29,1
Ирландии	14,7	32,3	20,0	44,8	32,6	23,6
Германии	30,8	29,0	33,3	20,7	32,6	25,5
Годы проживания	14,4	18,0	18,9	35,5	41,2	41,8
Размер семьи	5,4	5,6	6,1	5,7	5,4	5,5
Число детей	2,9	2,6	3,0	2,3	2,1	2,0
Стоимость недвижимости	0	1751,8	2838,4	0	2409,0	4006,8
Личное имущество	351,9	750,4	865,4	623,3	1083,1	1280,3
Хозяйственные характеристики						
Усовершенствованная земля (акр)	48,9	75,2	67,6	73,6	90,0	83,3
Неусовершенствованная земля (акр)	59,0	81,1	73,7	54,4	50,9	36,3
Стоимость:						
фермы	1536,5	3184,2	2465,5	3258,4	4587,2	3636,2
орудий	62,6	95,3	96,3	98,7	130,3	132,6
скота	284,1	457,1	454,9	401,5	530,2	533,6
домашнего производства	6,7	8,9	9,8	3,7	1,9	3,8
Валовой доход, в том числе от (в %):	483,9	693,8	884,2	716,6	907,2	1126,4
пшеницы	11,5	12,1	10,5	5,1	4,5	3,4
кукурузы	30,3	25,2	19,2	22,0	13,7	7,9
сена	9,1	10,7	8,3	10,3	16,1	18,5
молочного производства	9,2	10,2	8,5	14,4	16,8	17,4
Размер выборки	732	399	5361	342	209	3245

чивает барьер при переходе молодых в статус йоменов. Однако наиболее замечательная черта этих данных — относительное постоянство во времени доли аренды в возрастной группе от 45 лет

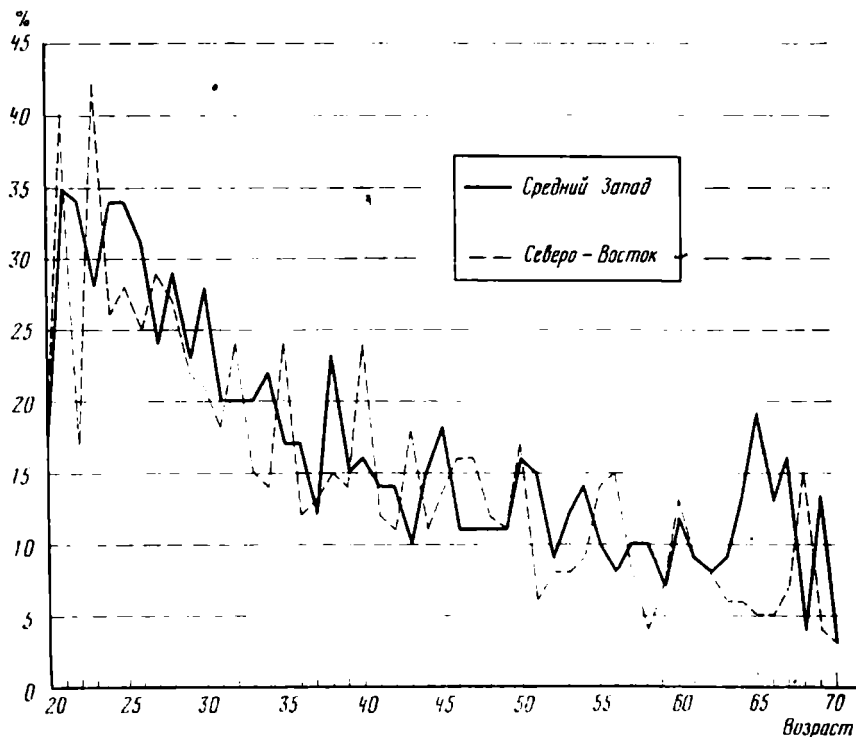
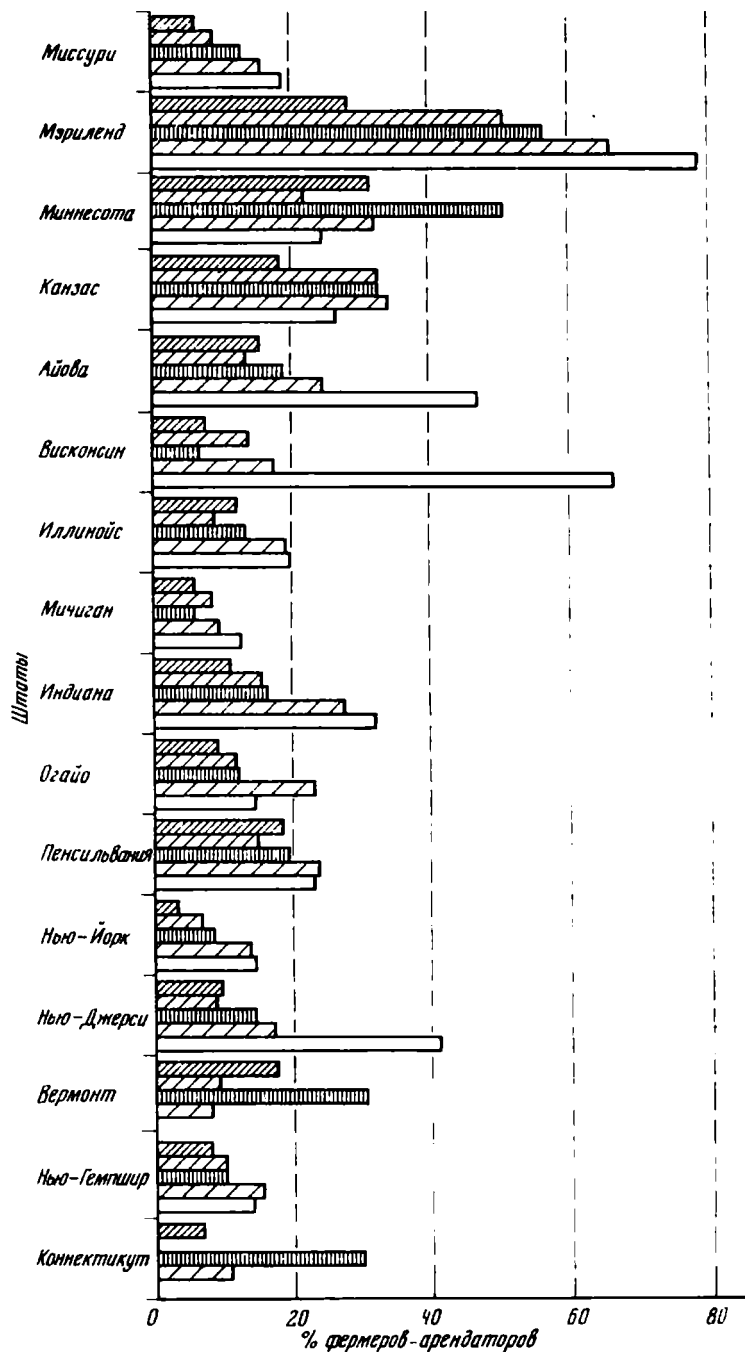

Рис. 4. Распределение доли арендаторов среди фермеров по возрасту для двух регионов, 1859—1860 гг.

и выше. Доля аренды среди пожилых в 1920 г. почти не отличалась от той, что была 60 лет назад. Это дает возможность предположить, что накопление богатства в жизненном цикле лишь оплачивает растущие издержки перехода в другой статус.

Возникает вопрос: отражают ли эти данные по различным возрастным когортам в отдельные моменты времени картину жизненного цикла в изменяющихся условиях, которые отдельные когорты должны были пережить? В общем данные за период с 1890 г. определяют повышающиеся пропорции фермеров-арендаторов от десятилетия к десятилетию в каждой возрастной группе⁷⁵. Несмотря на растущую долю фермеров-арендаторов, данные соответствуют гипотезе движения вверх. Действительно, каждая возрастная когорта по той или иной переписи состоит главным образом из оставшихся в живых от более молодой когорты предыдущей переписи. Если история была процессом непрерывного скатывания к аренде и нарастания трудностей при переходе в статус фермера-собственника, процентные доли возрастных когорт той или иной переписи должны превышать те, что в предшествующей переписи характеризовали когорты более молодого возраста. Однако на рис. 6 мы наблюдаем обратное

55 и выше
 45-54
 35-44
 25-34
 до 25

Рис. 5. Процент арендаторов среди фермеров по возрастным группам, 1859—1860 гг.

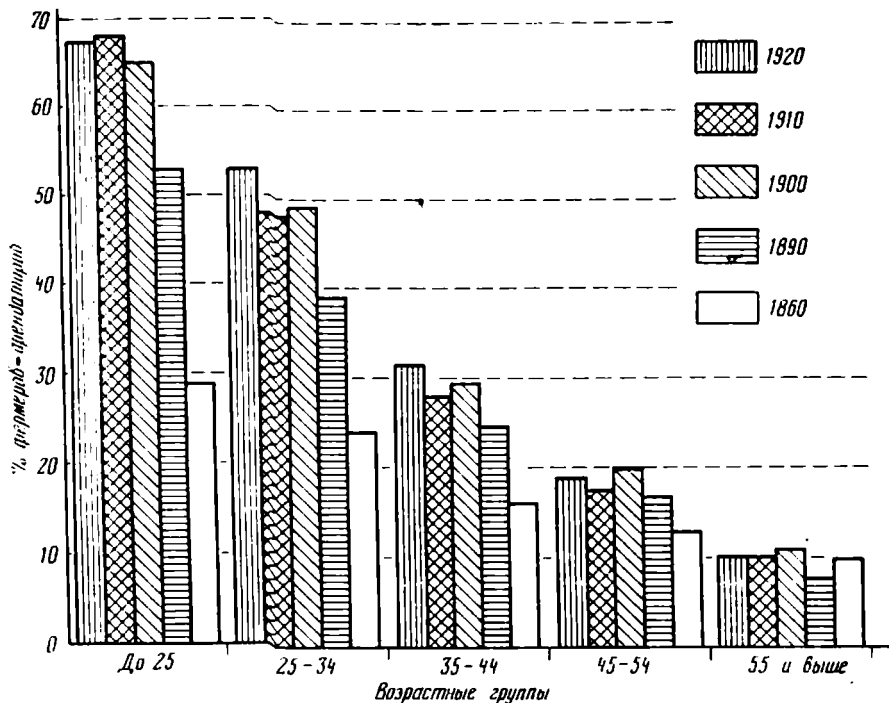

Рис. 6. Процентное распределение фермеров-арендаторов по возрасту, 1860—1920 гг.

соотношение. Например, группа фермеров-арендаторов в возрасте до 25 лет по переписи 1890 года через 10 лет, т. е. в 1900 г., представляет основу возрастной когорты 25—34 года. Легко убедиться, что группа не увеличилась.

Те же самые рассуждения можно привести для периода 1860—1890 гг., хотя из-за большого размаха иммиграции в это время они менее убедительны. Данные по Северу за 1890 г. показывают меньший процент фермеров-арендаторов среди группы пожилых, чем среди когорты в возрасте до 25 лет за три десятка лет до этого. Процент фермеров возраста 55 лет и старше в 1890 г. много ниже, чем этот показатель для возрастной когорты 25—34 года в 1860 г.

ОТЛИЧАЛИСЬ ЛИ АРЕНДАТОРЫ ОТ ЙОМЕНОВ?

Практически в каждой характеристике из тех, что я смог идентифицировать или посчитать из первичных данных, арендаторы отличались от йоменов (табл. 3). Однако такого рода обобщение невозможно для «неполных собственников», которые в разное время были больше похожи либо на йоменов, либо на арен-

даторов, либо отличались от тех и других. Возрастная характеристика трех групп соответствует гипотезе «социальной лестницы»: арендаторы были значительно моложе «неполных собственников», последние в свою очередь были заметно моложе йоменов. Показатели грамотности значительно возрастают от арендаторов к «неполным собственникам» и йоменам. «Неполные собственники» были в некоторой степени менее грамотны как группа, чем совокупность йоменов, но расхождение между ними было несущественным. Данные о миграции показывают заметные региональные различия, а также вариацию между группами⁷⁶. На Среднем Западе две трети фермеров-арендаторов были мигрантами-аборигенами и около одной седьмой — иммигрантами, в то время как доля мигрантов среди йоменов была ниже, а иммигрантов — выше. На Северо-Востоке мигранты имели больше шансов стать йоменами, чем арендаторами, но почти не было различий между группами относительно пропорций иммигрантов. Иммигранты, возможно, предпочитали собственность аренде как из-за преимуществ собственного владения (см. ниже), так и из-за прошлого опыта арендования в собственной стране. Это представляется наиболее адекватным объяснением. С другой стороны, можно предположить, что иммигранты были жертвами дискриминации лендлордов, которые предпочитали сдавать землю в аренду аборигенам. К сожалению, данные не позволяют нам проверить направление связи и решить этот вопрос однозначно. Как на Среднем Западе, так и на Северо-Востоке арендаторы, вероятно, в большей степени, чем «неполные собственники» и йомены, состояли из недавних иммигрантов⁷⁷. Предполагается, что тот, кто передвигался в поисках удачи, мог быть наказан, но, чем дольше оставался на одном месте, тем больше имел шансов перейти из группы арендаторов в группу йоменов⁷⁸. На Среднем Западе кривая размеров хозяйства и семьи имела тенденцию к повышению, если сравнивать арендаторов со свободными держателями, что соответствовало потребностям в рабочей силе для поддержания хозяйства на ферме йоменов. На Северо-Востоке размеры хозяйства и семьи у йоменов, наоборот, имели тенденцию к некоторому понижению.

Фермеры-арендаторы, по определению, не имели недвижимого имущества. Величина недвижимого имущества «неполных собственников» была меньше стоимости фермы, на которой они работали, и составляла около 60 % всей недвижимости йоменов. Стоимость недвижимого имущества, заявленная фермерами-собственниками, превышала стоимость их ферм примерно на 500 долл. У каждой группы имелось некоторое личное имущество. У арендаторов оно часто было немногим больше стоимости орудий и скота, зафиксированной в сельскохозяйственной переписи. «Неполные собственники» и особенно йомены были богаче.

Сведения о фермах в табл. 3 обнаруживают некоторые интересные различия между группами. В обоих регионах фермы «неполных собственников» были дороже, чем фермы арендаторов и

йоменов. Это дает возможность предположить, что «неполные собственники», возможно, брали землю в аренду, чтобы обрабатывать ее в более широких масштабах, чем позволяли собственные средства. У арендаторов было меньше скота и менее ценные орудия обработки, чем у других, но йомены и «неполные собственники» фактически не различались в этом отношении. Размер ферм варьировал между группами в обоих регионах. На Среднем Западе арендаторы имели, вероятно, фермы меньших размеров, чем другие группы, тогда как в северо-восточном регионе фермы арендаторов были несколько больше, чем у йоменов (хотя с меньшими усовершенствованиями), но меньше, чем те, что были в пользовании у «неполных собственников». На Среднем Западе также существовали реальные различия между группами в условиях домашнего производства. Йомены производили значительно больше изделий, чем арендаторы, что свидетельствовало о более высоком уровне достатка⁷⁹.

Я также включил в эту таблицу долю крупных статей фермерского дохода, рассчитанных для четырех сельскохозяйственных культур: двух зерновых культур (пшеницы и кукурузы), которые можно продать на отдаленных рынках, а также сна и молочных продуктов, которые обычно потреблялись на месте⁸⁰. Данные отчетливо показывают более высокую степень специализации ферм арендаторов по сравнению с фермами йоменов. На Среднем Западе доходы фермеров-арендаторов от этих четырех продуктов достигали 60 % валового дохода (и только 47 % — у йоменов). По сравнению со Средним Западом на Северо-Востоке хозяйства арендаторов были менее специализированны, а специализация ферм йоменов была примерно на том же уровне, но с другим ассортиментом продукции. В обоих регионах фермеры-арендаторы специализировались в большей степени на производстве товарной зерновой продукции, в меньшей — на производстве других культур, что было связано с нуждой в наличных деньгах для уплаты долгов.

ПОЧЕМУ ОНИ СТАНОВИЛИСЬ АРЕНДАТОРАМИ?

Несмотря на длительное развитие земледелия на арендованной земле, представляется невероятным, что аренда как способ землепользования добровольно выбиралась фермером. Несомненно, аренда земли была экономически менее желательной, чем владение ею на правах собственности. Лишенные дохода с капитала (земли), арендаторы не участвовали в распределении одного из главных источников прибыли на землю⁸¹. Кроме того, в той степени, в какой позволяла арендная биржа, лендлорды захватывали значительную часть произведенной арендатором прибыли⁸². В результате положение арендаторов было немногим лучше, чем у фермерских рабочих, а может быть, даже хуже в том смысле, что им приходилось рисковать при выборе ассортимента культур и в случае неудачи они не получали компенсации⁸³.

Переменные, определяющие выбор аренды или определяемые им

Переменные	Пояснение	Переменные	Пояснение
<i>Персональные характеристики</i>			
Возраст	годы	Иммигрант из Ирландии	1 = да 0 = нет
Грамотность	1 = грамотный 0 = неграмотный	Иммигрант из Германии	1 = да 0 = нет
Раса	1 = белый 0 = прочие	Иммигрант из неопределенных стран	1 = да 0 = нет
Мигрант	1 = да 0 = нет	Годы проживания в штате	годы
Иммигрант из Англии	1 = да 0 = нет	Богатство	доллары
<i>Семейные характеристики</i>		число членов семьи в возрасте до 15 лет	
Размер семьи		число	
Число детей		к общей площади в акрах	
Работники в домохозяйстве (взрослых мужчин)		число	
<i>Хозяйственные характеристики</i>		в долл. к валовому доходу	
Доля усовершенствованной земли		в долл. к валовому доходу	
Наемных несемейных работников		в долл. к валовому доходу	
Валовая выручка фермы от:		в долл. к валовому доходу	
пшеницы		в долл. к валовому доходу	
кукурузы		в долл. к валовому доходу	
овса		в долл. к валовому доходу	
молочного хозяйства		число голов на общую площадь в акрах	
домашнего производства			
Крупный рогатый скот на акр земли			

Тогда почему же они становились арендаторами, а не йоме-нами? Из табл. 3 очевидно, что арендаторы отличались от йоме-нов. Отчасти это объясняется тем, что те и другие находились на различных этапах своего жизненного цикла, но существовали также другие инвариантные различия между ними. Вполне определенные различия групп по территориальному признаку (Северо-Восток и Средний Запад). В связи с этим возникает вопрос: могут ли эти различия в некотором смысле «объяснить», почему одни фермеры становились арендаторами, другие — йоме-нами? Какие свидетельства могут быть извлечены из данных за 1860 год?

Простая модель, используемая здесь, отражает выбор статуса как функцию персональных, семейных и хозяйственных харак-

теристик⁸⁴. Однако при такой постановке вопроса возникают сложности, потому что причина и результат переплетены. Например, индивидуальные характеристики, такие, как возраст и грамотность, больше подходят для того, чтобы стать каузальными факторами аренды, в то время как характеристики фермы, такие, как высокая степень специализации, возможно являются ее результатом. В отношении такого параметра, как богатство, вопрос решить труднее. Фермеры-собственники обычно богаче фермеров-арендаторов, в частности в силу того, что при определении статуса учитывается богатство. Однако владение фермой давало йомену более высокий доход по сравнению с тем, что получал арендатор, потому что йомены были свободны от платы за аренду, в их распоряжение поступал основной доход с земли и они пользовались определенными привилегиями при устройстве своих ферм. При прочих равных условиях они, следовательно, могли наращивать богатство быстрее.

Несмотря на эти сложности, предложенная здесь модель способна пролить свет на факторы, которые определяют, почему один стал арендатором, другой — йоменом. Признаки, которые, я предполагаю, определяют выбор аренды или определяются этим выбором, показаны в табл. 4. Часть из них — номинальные альтернативные признаки, принимающие значения нуль или единица; остальные — числовые. Зависимая переменная сама является дихотомической и принимает значение, равное нулю, если фермер был йоменом, и единице, если он был арендатором.

Таким образом, модель использует долю тех фермеров, которые стали арендаторами, в качестве зависимой переменной. Перевес в пользу становящихся арендаторами фермеров можно представить так:

$$p/(1 - p),$$

где p — вероятность стать арендатором. Это выражение формирует базис моей логит-модели аренды:

$$\log [p/(1 - p)] = b_0 + b_i \{\log X_i\}, \quad i = 1, \dots, n,$$

где X_i — вектор независимой переменной, представляющий персональные, семейные и хозяйственные характеристики субъекта⁸⁵. Поскольку на каждого принимающего решение имеется только одно наблюдение, для решения уравнения использован итеративный метод максимального правдоподобия Ньютона — Рафсона⁸⁶.

Статистические результаты для Северо-Востока и Среднего Запада сведены в табл. 5. Уравнение для Среднего Запада быстро достигло оптимального уровня, сходимость для уравнения по Среднему Западу была хуже⁸⁷. Обе оценки оказались статистически значимыми. Из-за логарифмических преобразований интерпретация коэффициентов сложнее, чем обычно. Возрастание величины показателя, коэффициент при котором получил отрицательное значение, снижает вероятность того, что человек будет арендатором. Например, для иммигранта из Германии вероят-

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа аренды на Северо-Востоке и Среднем Западе, по данным 1859—1860 годов

Зависимая переменная = 0 для владельца фермы

Зависимая переменная = 1 для арендатора

Характеристика	Северо-Восток	Средний Запад
Свободный член уравнения	—1,2954	—4,2641 ***
Возраст	0,0411	0,1062 **
Возраст в квадрате	—0,0008	—0,0013 **
Грамотность	—0,1232	0,3942 *
Раса	—1,1666	2,4529 ***
Мигрант	—0,5142	0,1349
Иммигрант из Англии	—0,6793	—1,0086 **
Иммигрант из Ирландии	0,2107	—1,3371 ***
Иммигрант из Германии	—1,2249	—0,8861 **
Прочие иммигранты	0,2412	—0,9310 **
Годы проживания	—0,0021	—0,0058
Богатство	—0,0026 ***	—0,0058 ***
Размер семьи	0,1712 **	0,0956 **
Число детей	—0,0453	—0,0496
Семейная рабочая сила	0,8969 ***	0,4198 **
% усовершенствованной земли	1,2741 ***	1,6549 ***
Наемная рабочая сила	1,3227 ***	0,5115 ***
% дохода от:		
пшеницы	9,5628 ***	2,2656 ***
кукурузы	3,0177 ***	3,3461 ***
овса	10,2621 ***	6,8615 ***
молочного производства	0,5044	—2,0789 *
домашнего производства	2,9874	—1,1167
Поголовье скота на акр	—0,2866	—1,9337 **
Псевдо R^2	0,790	0,839
Логарифм вероятности	—806,13	—1280,67

*** — значимость выше 0,01.

** — значимость выше 0,05.

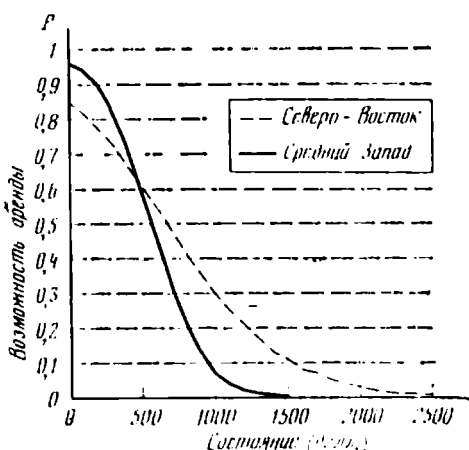
* — значимость выше 0,10.

ность того, что он станет арендатором, уменьшастся. Аналогично снижение величины переменной, коэффициент при котором оценен положительным числом, также снижает вероятность того, что человек станет арендатором. Следовательно, для черных на Среднем Западе вероятность взять ферму в аренду снижалась, тогда как на Северо-Востоке возрастала.

Как в первом, так и во втором уравнении, несомненно, наиболее существенным для объяснения аренды фактором было бо-

Рис. 7. Зависимость возможности аренды от обеспеченности фермера, по двум регионам, 1859—1860 гг.

Примечание: Вероятность показана при средних значениях всех прочих признаков.

гатство⁸⁸. Это почти не удивляет, так как, по определению, арендаторами были люди без имущества. Оба уравнения предсказывают, что люди без богатства станут арендаторами с очень высокой степенью вероятности ($p > 0,96$ — для Среднего Запада, $p > 0,85$ — для Северо-Востока)⁸⁹. Однако удивительно то, что это богатство не было очень большим в зоне высоких вероятностей арендования (рис. 7). Для лица со средними региональными характеристиками богатство свыше 565 долл. на Среднем Западе и свыше 700 долл. на Северо-Востоке было достаточным, чтобы склонить вероятность в пользу собственности. На Среднем Западе одной тысячи долларов было более чем достаточно, чтобы вероятность того, что фермер станет йоменом, повысилась по крайней мере до 90 %⁹⁰. Чтобы достигнуть той же самой степени уверенности относительно имущественного статуса, на Северо-Востоке требовалось богатства примерно на 75 % больше.

В обоих регионах возможность стать арендатором для иммигрантов, особенно выходцев из Англии и Германии, была меньшей, чем для уроженцев Америки⁹¹. Представляется, что высокий уровень аренды также связан с такими характеристиками, как более широкое применение труда членов семьи, использование наемной рабочей силы, но, с другой стороны, чем больше было детей в семье, тем ниже была вероятность арендования.

Анализ коэффициентов табл. 5 показывает, что при наличии внутрирегионального сходства существовали различия межрегиональные: аренда на Северо-Востоке определялась рядом факторов, отличающихся от тех, что влияли на аренду на Среднем Западе. Ни одна из персональных характеристик, исключая богатство, не была значима в уравнении для Северо-Востока. Переменные, которые мы обсудили, были каузальными факторами аренды — персональные характеристики, такие, как возраст, грамотность и т. д., попросту не объясняли аренду в этом регионе. К тому же такая, скажем, характеристика, как неграмотность, повышавшая вероятность арендования на Северо-Востоке, снижала ее на Среднем Западе. С другой стороны, те переменные, которые характеризуют аренду, а именно: степень специализа-

ции, установка на денежные доходы, предпочтение ферм с высокой долей усовершенствованной, т. е. культивированной, земли в общей площади и т. д.— были высокозначимыми. В частности, то, что возраст не вошел в уравнение как значимая характеристика для объяснения аренды на Северо-Востоке, даст возможность предположить, что в этом регионе «социальная лестница» практически бездействовала. Возможное объяснение этого состоит в том, что преуспевающие северо-восточные арендаторы — двигавшиеся вверх по «лестнице», — соблазненные дешевой землей, тянулись на запад, чтобы стать йоменами на Среднем Западе.

Для Среднего Запада большинство персональных характеристик фермеров являлись значимыми факторами, определяющими вероятность того, что некто должен стать скорее арендатором, чем йоменом. Поскольку вероятность стать арендатором сначала повышается в зависимости от возраста вплоть до середины — конца пятого десятка жизни и потом падает, данные представляют некоторые факты феномена жизненного цикла в действии. Как видим, «социальная лестница» на Среднем Западе, по-видимому, работала. Кроме того, характеристики ферм, такие, как специализация, в общем оказывали на вероятность такое же влияние на Среднем Западе, как и на Северо-Востоке. Однако на Среднем Западе специализация фермеров-арендаторов, вероятно, почти не распространялась на молочное производство и крупные скотоводческие ранчо.

Вероятность того, что некто становится арендатором охотнее, чем йоменом, зависит от вектора персональных, семейных и хозяйственных характеристик. Для любого данного ряда характеристик, в частности для набора характеристик X_i^* , вероятность арендования выглядит так:

$$p = 1 / \left[1 + e^{(-b_0 - b_i X_i^*)} \right].$$

В табл. 6 представлены некоторые оценки изменений в вероятности арендования в ответ на изменения отдельных (объясняющих) переменных при фиксировании других переменных на определенном уровне. В большинстве случаев эти уровни близки их средним значениям для непрерывных переменных или их наиболее вероятным значениям (0 или 1) для номинальных характеристик, таких, как грамотность и миграция. Рассмотрим случай фермера со Среднего Запада с такими характеристиками: 40-летний, белый, грамотный, имеющий 565 долл.⁹² Вероятность того, что это был арендатор, а не йомен, почти 50/50. Если этот фермер каким-либо способом добудет еще 100 долл., скажем продав теленка или жеребенка, вероятность того, что он станет арендатором, упадет до 0,36. Если фермер был неграмотным, вероятность арендования будет 0,41; если он черный, вероятность того, что он был арендатором, всего лишь 0,08. Если фермер был ирландцем, вероятность того, что он должен быть арендатором,

Вероятность арендования для конкретных изменений переменных (исходный вектор характеристик задан так, что $P(\text{аренды}) = 0,50$)*

Изменения характеристик	Вероятность арендования		Изменения характеристик	Вероятность арендования	
	Северо-Восток	Средний Запад		Северо-Восток	Средний Запад
<i>Персональные характеристики</i>			<i>Семейные характеристики</i>		
Возраст +10 лет	0,40	0,49	Размер семьи +1	0,55	0,53
Возраст -10 лет	0,57	0,46	Размер семьи -1	0,46	0,48
Неграмотность	0,53	0,41	Дети +1	0,49	0,49
Немигрант	—	0,47	Дети -1	0,51	0,52
Мигрант	0,38	—	Семейная рабочая сила +1	0,71	0,61
Рожденный в Англии	0,34	0,24 **	<i>Хозяйственные характеристики</i>		
Рожденный в Ирландии	0,56	0,19 **	2/3 площади усовершенствованной земли	—	0,57
Рожденный в Германии	0,23	0,27 **	7/8 площади усовершенствованной земли	0,54	—
Рожденный в прочих странах	0,56	0,26 **	Один наемный рабочий	0,79	0,63
Богатство +100 долл.	0,44	0,36	Удвоение дохода от:		
Богатство -100 долл.	0,58	0,64	пшеницы	0,60	0,56
Годы проживания +5	—	0,50	кукурузы	0,58	0,67
Годы проживания -5	—	0,51	овса	0,63	0,54
Годы проживания -10	0,51	—	от молочного производства	0,53	0,45
Годы проживания -20	0,51	—	Удвоение домашнего производства	0,50	0,51
Негры	0,76	0,08	Удвоение поголовья скота на единицу площади	0,50	0,48

*

Исходный вектор характеристик для Среднего Запада был:

Возраст	40	Грамотность	1	Раса	1
Мигрант	1	Английский иммигрант	0	Ирландский иммигрант	0
Германский иммигрант	0	Прочий иммигрант	0	Годы проживания	15
Богатство (долл.)	565	Размер семьи	6	Число детей	3
Семейных рабочих	1	Найм	0	Доля усовершенствованной земли	0,5
Доход от пшеницы	0,1	Доход от кукурузы	0,2	Доход от овса	0,02
Доход от молочного производства	0,1	Домашнее производство	0,01	Скота на единицу площади	0,04

Исходный вектор характеристик для Северо-Востока был:

Возраст	45	Грамотность	1	Раса	1
Мигрант	0	Английский иммигрант	0	Ирландский иммигрант	0
Германский иммигрант	0	Прочий иммигрант	0	Годы проживания	40
Богатство (долл.)	550	Размер семьи	5	Число детей	2
Семейных рабочих	1	Найм	0	Доля усовершенствованной земли	0,75
Доход от пшеницы	0,04	Доход от кукурузы	0,1	Доход от овса	0,05
Доход от молочного производства	0,2	Домашнее хозяйство	0,01	Скот/акр	0,04

** Для этих оценок ложной переменной «мигрант» присвоен 0. Следовательно, базисная вероятность арендования принята за 0,47 вместо 0,50.

составляет только 0,19. Подобным же образом можно делать выводы, основываясь на хозяйственных характеристиках. Если нам известно, что этот же самый фермер получил, скажем, 40 % валового дохода от кукурузы, тогда вероятность того, что он арендатор, равняется 0,67.

Изменения вероятности арендования на Среднем Западе были особенно резкими для черных фермеров и для иммигрантов, в особенности прибывших из Ирландии. Фермеры с такими характеристиками при прочих равных условиях имели больше шансов стать йоменами, чем арендаторами. На Северо-Востоке деление на арендаторов и йоменов было значительно менее четким. И в этом случае среди большинства важных факторов, воздействующих на вероятность арендования, выступают те, что относятся к расе и месту рождения. Маловероятно, чтобы иммигранты из Германии и Англии, которые селились на Северо-Востоке, стали арендаторами, то вероятность арендования для фермеров, принадлежащих к другим иммигрантским группам, почти не изменялась. С другой стороны, черные имели значительно больше шансов стать арендаторами, хотя, если из данных исключить такой штат, как Мэриленд, эта характеристика потеряет свою объясняющую силу. Два других фактора дают важный ключ к разгадке статуса арендатора среди северо-восточных фермеров: в общем, существенно больше шансов стать арендаторами имели те фермеры, у которых было больше, чем в среднем, семейных работников и которые использовали найм.

РОСТ АРЕНДЫ И АМЕРИКАНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Таким образом, экскурс в историю показывает, что рост аренды в северной половине Соединенных Штатов Америки на протяжении XIX и начала XX столетия представляется частью скорее эволюционного, чем революционного, процесса. Вероятно, на протяжении всего XIX столетия существовали условия для аренды. Несомненно, она была распространена повсеместно в 1860 г. В то время причиной аренды, весьма вероятно, был недостаток капитала, так же как и 60 лет спустя, и поэтому рост стоимости ферм наиболее правдоподобно объясняет расширение аренды на на Севере⁹³. Если это так, то федеральная земельная политика, уменьшая издержки вступления в статус фермера-собственника, тем самым сокращала сферу действия аренды. Впрочем, это не помогло. Так как сравнение чистого дохода арендаторов и йоменов показало, что оно не в пользу первых, арендаторы при росте стоимости земли были вдвойне поставлены в невыгодное положение: у них не было возможности аккумулировать богатство и они видели, как растет в цене то, что они мечтали приобрести, и удаляется за пределы досягаемости. В результате для последующих поколений движение по «социальной лестнице» усложнилось. Это нашло свое отражение в повышении доли фермеров-

арендаторов внутри определенных возрастных когорт в следующих друг за другом переписях. В то же самое время расширение масштабов арендования в XIX столетии, уменьшение самостоятельности производителей, увеличение их зависимости от рынка, усиление риска, связанного с выбором специализации, задавали тон и в сельском хозяйстве Америки XX в.

* Первый вариант этой статьи был представлен на семинарах в Иллинойском и Индианском университетах и на двусторонних советско-американских симпозиумах по квантификации в аграрной истории, проходивших в Новом Орлеане (США, декабрь 1986 г.) и в Таллине (СССР, июнь 1987 г.). Мне были полезны обсуждения на этих встречах, а также квалифицированная помощь Дэна Бабизета в использовании логит-модели пакета SAS.

¹ Государственный земельный фонд в 1850 г. оценивался в 1,2 млрд акров. В то же время земли под фермами было менее 300 млн акров. Конечно, эти земли не были равноценными. Земля под фермами относилась к разряду усовершенствованной и имела еще ряд несомненных преимуществ, обусловленных климатом и близостью рынков. Это делало ее более ценной по сравнению с незаселенными землями Запада, составляющими основную массу государственных владений. См.: Historical Statistics of the United States from Colonial Times to 1970. Wash., 1975. Ser. J-3.

² См., например, обширную литературу о так называемом «предохранительном клапане», в том числе: *Turner F. J. The Frontier in American History*. N. Y., 1920; *Billington R. H. Westward Expansion: A History of the American Frontier*. N. Y., 1967.

³ US Department of the Interior. Census Office. Report upon the Statistics of Agriculture. Wash., 1883. Vol. 3. P. XIII — XIV.

⁴ Ibid. Ситон стал руководителем Бюро переписей в 1881 г. после отставки Фрэнсиса Уокера. Он оставался в этой должности до 1885 г.

⁵ Исключая 8 горных штатов, где насчитывалось лишь около 25 тыс. ферм.

⁶ Например, долина р. Гудзон была первоначально разделена на поместья по системе, напоминающей феодальную Европу, а в основу освоения Пенсильвании легли королевские привилегии Уильяму Пенну.

⁷ *Walker F. A. American Agriculture* (непечатано из «The Princeton Gazette» с добавлением из «Agricultural Review» 10-й переписи). См.: US Department of the Interior. Census Office. Vol. 3. P. XXVIII.

⁸ US Department of the Interior. Census Office, Report of the Statistics of Agriculture. Wash., 1895. Vol. 5 (of the Eleventh Census). P. 3—6.

⁹ US. Census Office. Twelfth Census, Agriculture. Pt 1. P. LXXVII. Точка зрения на аренду как на промежуточный этап восхождения по «социальной лестнице» в сельском хозяйстве общепринята в литературе, и к ней я еще вернусь.

¹⁰ *Goldenweisser E. A., Truesdell L. E. Farm Tenancy in the United States*. Wash., 1924 (US Department of Commerce. Census Bureau. Census Monograph IV).

¹¹ Ibid. P. 12.

¹² Ibid. P. 13.

¹³ Ibid. P. 13, 19.

¹⁴ Ibid. P. 21.

¹⁵ *Gray L. C. et al. Farm Ownership and Tenancy* // USDA «Yearbook of the Department of Agriculture 1923». P. 507—600.

¹⁶ National Resources Committee. Farm Tenancy: Report of the President's Committee. Wash., 1937. Febr.

¹⁷ Ibid. P. 6.

¹⁸ Ibid. P. 11—20.

¹⁹ *Bidwell P. W. Rural Economy in New England at the Beginning of the Nineteenth Century* // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol. 20, 1916. Apr. P. 241—399; *Bidwell P. W., Falconer J. I. History*

of Agriculture in the Northern United States, 1620—1860. Wash., 1925. P. 242.

²⁸ Anderson R. H. Agriculture in Illinois During the Civil War Period, 1850—1870. University of Illinois, 1929. P. 63. Unpubl. Ph. D. diss.

²¹ См.: Gates P. W. The Homestead Law in an Incongruous Land System // American Historical Review. 1936. N 41. P. 652—681; см. также: *Idem*. The Role of the Speculator in Western Development // Pennsylvania Magazine of History and Biography. N 66. 1942. July. P. 314—333; *Idem*. Land Policy and Tenancy in the Prairie States // Journal of Economic History. 1941. May. P. 60—82; *Idem*. Land Policy and Tenancy in the Prairie Counties of Indiana // Indiana Magazine of History. N 35. 1939. Mar. P. 1—26; *Idem*. Frontier Landlords and Pioneer Tenants // Journal of the Illinois State Historical Society. 1945. June. N 38. P. 142—206.

²² Gates P. W. Land Policy and Tenancy in the Prairie Counties of Indiana. P. 3.

²³ Федеральная передача земли железным дорогам с 1850 по 1870 г. достигла 131 млн акров, а передача в Техасе составила в сумме 27 млн акров.

²⁴ См.: в частности: Gates P. W. Land Policy and Tenancy in the Prairie Counties of Indiana; *Idem*. Frontier Landlords and Pioneer Tenants.

²⁵ Tocqueville A. de. Democracy in America (первая публикация: P., 1835): Quotes and references are to the Henry Reeve text as revised by Frances Bowen with corrections by Phillips Branley. N. Y., 1946. Vol. 1. P. 3.

²⁶ Ibid. P. 431.

²⁷ Thomas Jefferson to the Reverend James Madison. 1785. Oct. 28.

²⁸ Thomas Jefferson to Edmund Pendleton (?). 1776. Aug. 13.

²⁹ См.: Hart Benton Th. Thirty Years View. N. Y., 1854. Vols. 1—2. Vol. 1. P. 103—104.

³⁰ Tocqueville A. de. Op. cit. P. 50—51.

³¹ Watt J. Pennsylvania Ledger: or the Weekly Advertiser. Oct. 29, 1777 quoted by Sung Bok Kim «Landlord and Tenant in Colonial New York Manorial Society. 1664—1775». UNS Press, 1979. P. vii. К сожалению, недостаток данных о числе ферм исключает точный расчет доли аренды. Однако, если судить по сведениям 1-й переписи 1790 года, представляется маловероятным, что в Нью-Йорке во время революции насчитывалось более 80 тыс. семей и что более 70 тыс. могли заниматься сельским хозяйством. Исходя из этих оценок, не более 10 % фермеров были арендаторами.

³² Lemon J. T. The Best Poor Man's Cjuntly. Johns Hopkins University Press. 1972. P. 94.

³³ Боуг также идентифицировал отдельную категорию «фермеров без ферм», в которую вошли те, кто назвался фермером в списках населения и сообщил нулевую стоимость недвижимости, но для кого в сельскохозяйственном перечне не была определена ферма. Он доказал, что эта группа включает в себя оптимистически настроенных фермерских рабочих и новых поселенцев в процессе поиска подходящей фермы. См.: Bogue A. G. From Prairie to Corn Belt: Farming on the Illinois and Iowa Prairies in the Nineteenth Century. Chicago, 1963. P. 56—66 (особенно P. 63—65).

³⁴ См.: Ibid. Table 9. P. 65. Доли аренды пересчитаны: как из числителя, так и из знаменателя исключены «фермеры без ферм».

³⁵ Cogswell S., Jr. Tenure, Activity and Age as Factors in Iowa Agriculture, 1850—1880. Ames, 1975.

³⁶ Ibid. P. 153, table 3.1. P. 23.

³⁷ Ibid. P. 152—153. Взаимосвязь между возрастом и распространенностью аренды рассмотрена ниже.

³⁸ Ibid. P. 153, table 3.1. P. 23.

³⁹ Winters D. L. Tenancy as an Economic Institution: The Growth and Distribution of Agricultural Tenancy in Iowa, 1850—1900 // Journal of Economic History. Vol. 37. 1977. June. N 2. P. 382—408.

⁴⁰ Впрочем, это не совсем верно, так как начиная работу над проектом я узнал о главе докторской диссертации Донхью Янга из Гарвардского университета, который использовал те же самые данные и способом, подобным тому, что и в моей статье. См.: Yang D. Aspects of United States Agriculture. Circa, 1860 (неопубликованная докторская диссертация), Harvard University,

1885, особенно глава 3: *Farm Tenancy in the Northern United States, 1860*. Инг затрагивает некоторые обсуждаемые и здесь вопросы, такие, как различия в демографических и социальноэкономических характеристиках арендаторов и именов, кроме того, он развивает экономическую модель арендной биржи и исследует различие в производительности между арендаторами и фермерами-собственниками. Данные, которые мы используем для анализа, в конечном счете отличаются от данных Инга из-за различий в отборе критериев и в связи с тем, что я включаю в рассмотрение Мэриленд и Миссури.

⁴¹ *Bateman F., Foust J. D. A Sample of Rural Households Selected from the 1860 Manuscript Censuses // Agricultural History. 1974. Vol. 48, N 1. P. 75—93.*

⁴² *Atack J., Bateman F. To Their Own Soil, Ames IA: Iowa State University Press (forthcoming). Ch. 7 и неопубликованная работа.*

⁴³ См.: *Ibid. Ch. 7*. Приведенные здесь доли аренды рассчитаны только для фермеров с фермами. Это сказалось на результатах. Например, доля аренды, приведенная в табл. 7—1 указанной работы, для Индианы составила 210 на тысячу (сравни с табл. 2 настоящей работы — 190 на тысячу). Большая часть данных имела меньшие расхождения. Эффект введенных ограничений был, однако, существенным для оценки доли аренды в Миссури, понизив ее с 205 до 120 на тысячу.

⁴⁴ *Bode F. A., Ginter D. T. A Critique of Landholding Variables in the 1860 Census and the Parker-Gallman Sample // Journal of Interdisciplinary History. 1984. Vol. 15, N 2. P. 277—295 (особенно P. 278—280).*

⁴⁵ См.: *US Census Office. Eighth Census. Instructions to US Marshals. Instructions to Assistants. Wash. DC: G. W. Bowman, 1860.*

⁴⁶ Этот термин (но не определение группы) отличается от того, что используется в: *To Their Own Soil*, — «частично арендаторы». Изменение терминологии отражается на результатах табл. 3 и согласуется с терминологией других авторов. См.: *Gray L. C. et al. Op. cit.; Goldenweisser E. A., Truesdell L. E. Op. cit.*

⁴⁷ Инструкции регистраторам переписи в 1910 и 1920 гг. недвусмысленно предписывали относить к собственникам тех фермеров, которые брали в аренду только часть обрабатываемой земли. Однако инструкции для предыдущих переписей не устанавливали, как в таких случаях поступать счетчикам.

⁴⁸ Чтобы избежать появления неоправданной точности в оценках, они рассчитаны на тысячу ферм и округлены до десятков.

⁴⁹ См.: *Cogswell S. Op. cit. Table 2—1. P. 23; Winters D. L. Op. cit. P. 384.*

⁵⁰ В этой статье, если не оговорено особо, доля аренды для 1860 г. включает «неполных собственников» как арендаторов.

⁵¹ Общую цифру по Нью-Йорку удобно сравнивать с данными Кима для периода Революции. Если бы «неполные собственники» были исключены, доля аренды была бы много ниже. См.: *Kim. Landlord and Tenant.*

⁵² Даже если исключить «неполных собственников», доля аренды в Миннесоте и Канзасе остается самой высокой для штатов в выборке. См. также: *Atack J., Bateman F. Op. cit. Ch. 4.*

⁵³ Считалось, что процент фермеров, не сообщивших о владении недвижимостью, высок на передовой черте поселения в связи с тем, что они не имели еще прав на владение землей, которую обрабатывали, поскольку были нелегальными сквоттерами, ожидающими реализации своего законного права на приобретение земли. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу с теми данными, что имеются в нашем распоряжении.

⁵⁴ О методике оценки наличия земли см.: *Leet D. Human Fertility and Agricultural Opportunities in Ohio Counties: From Frontier to Maturity, 1810—60 // Klingaman D., Vedder B. Essays in Nineteenth Century Economic History. Athens, 1975. P. 138—158.* Мерой является индекс избытка спроса на землю. Коэффициент корреляции оказался равным $-0,071$.

⁵⁵ *National Resources Committee. Farm Tenancy. P. 3.*

⁵⁶ Доля аренды в округе Вустер составляла в 1880 г. 48 %, в 1890 г. — 43, в 1900 г. — 52 %. В районе Костин эти показатели, возможно, были выше.

⁵⁷ См.: *Cogswell S. Op. cit. Table 2—1. P. 23; Winters D. L. Op. cit. P. 384 and Maps 1—3. P. 401—403.*

⁵⁸ Уровень аренды превышал 500/1000 в Каунсил-Гроув, округ Морис, Канзас; местечке Вейсе, округ Гудхью, Миннесота, и округе Мапоумэ, также в Миннесоте. В сумме аренда превышала 500/1000 в районе Костин, округ Вустер, Мэриленд.

⁵⁹ См.: *Gates P. W. Land Policy and Tenancy in ... Indiana*. Аренда была также широко распространена в одном из округов Иллинойса — Ноксе. Это не из тех, упомянутых Гейтсом, где действовали наиболее известные спекулянты. В истории этого округа говорится о двух местных жителях — Джордже Стивенсе и Джоне Уимэне, которые завладели сотнями акров земли, чтобы сдавать ее в аренду. В результате деятельности этих людей произошла от трети до половины всех арендаторов в 1860 г. См.: *Historical Encyclopedia of Illinois and Knox County/Ed. by N. Bateman. Chicago, 1899. P. 881—882.*

⁶⁰ Карты с 1880 г. и далее на рис. 2 взяты из издания Национального комитета ресурсов. *Farm Tenancy... Fig. 2. P. 40.*

⁶¹ См.: *Bateman F., Foust J. D. Op. cit.* Основной дефект распределения всех северных ферм по размеру состоит в том, что число малых ферм незначительно. Они имеют тенденцию к концентрации вблизи городов.

⁶² О дискуссии по тому же самому феномену в XX столетии см., например: *Goldenweisser E. A., Truesdell L. E. Op. cit. P. 40—44; Gray L. C. et al. Op. cit. P. 569—573.*

⁶³ *Gates P. W. Frontier Landlords and Pioneer Tenants. P. 63.*

⁶⁴ *Cox L. Tenancy in the United States; 1865—1900; A Consideration of the Validity of the Agricultural Ladder Hypothesis // Agricultural History. 1944. N 18. P. 97—105.*

⁶⁵ *National Resources Committee. Report of the President's Committee on Farm Tenancy. Wash., 1937. Febr. P. 5.*

⁶⁶ *Bogue A. G. From Prairie to Corn belt. P. 57.*

⁶⁷ *Ibid. P. 56.*

⁶⁸ См.: *Danhof C. C. Change in Agriculture. Cambridge, 1969. P. 87—94.*

⁶⁹ *Goldenweisser E. A., Truesdell L. E. Op. cit. P. 10.*

⁷⁰ *Ibid. P. 83—104; см. также: Gray L. C. et al. Op. cit. P. 547—563; US Census Office. Twelfth Census, «Agriculture», Part 1. P. LXXVIII, цитировано выше (списка 9).*

⁷¹ *Danhof C. C. Farm Making Costs and the Safety Valve // Journal of Political Economy. 1941. N 49. P. 317—359.*

⁷² *Atack J. Farm and Farm-Making Costs Revisited // Agricultural History. Vol. 56. 1982. Oct. P. 663—676.*

⁷³ *Atack J., Bateman F. The «Egalitarian Ideal» and the Distribution of Wealth in the Northern Agricultural Community; A Backward Look // The Review of Economics and Statistics. Vol. 63. 1981. Febr. P. 124—129; Eadem. Egalitarianism, Inequality, and Age: The Rural North in 1860 // Journal of Economic History. Vol. 41. 1981. Mar. 85—93; Eadem. To Their Ows Soil. Ch. 6.*

⁷⁴ *Gray L. C. et al. Op. cit. P. 553—561 (особенно рис. 52, p. 556); см. также: Goldenweisser E. A., Truesdell L. E. Op. cit. P. 102—114.*

⁷⁵ *Goldenweisser E. A., Truesdell L. E. Op. cit. P. 88. В 1880 г. данные, сгруппированные по возрасту, отдельно не сообщались.*

⁷⁶ Относительно высокий процент южных мигрантов (особенно на Северо-Востоке) отражает выборочные веса Миссури и Мэриленда в выборке Бейтмана — Фауста.

⁷⁷ Этот показатель измеряется весьма несовершенно и реально содержит ошибки. Время проживания было рассчитано по первичным данным переписи с использованием информации о месте рождения и возрасте. Для фермеров, которые родились в Америке, годы проживания приравнивались к возрасту. Для тех, кто родился вне страны, проставлялся ноль, если они не имели детей, родившихся здесь. По возрасту старших детей, родившихся в Америке, устанавливалась нижняя граница для времени, когда фермер мог приехать в страну; по возрасту самого младшего ребенка, рожденного вне страны, определялась верхняя граница. В этом случае мы брали среднее значение из этих оценок. Если же отсутствовали дети, рожденные вне государства, за верхнюю Границу принимался возраст самого фермера и снова

рассчитывалось среднее значение. См.: *Easterlin R. A. et al. Farm and Farm Families in Old and New Areas: The Northern States in 1860* // Hareven T., Vinovskis M. (eds.). *Family and Population in Nineteenth Century America*. Princeton, 1978. P. 22—84; *Atack J., Bateman F. To Their Own Soil*. Ch. 2; *Yang D. Op. cit.* Ch. 3.

⁷⁸ Для оценки издержек миграции и измерения этого штрафа см.: *Schaefer D. A Model of Migration and Accumulation: Farmers at the Antebellum Southern Frontier* // *Explorations in Economic History* (forthcoming).

⁷⁹ Различия те же самые, что были отмечены и 60 годами позже. См.: *Gray L. C. et al. Op. cit.* P. 573.

⁸⁰ Для оценки использованы фермерские цены (цены производителя). См.: *Atack J., Bateman F. To Their Own Soil*. Ch. 13 (особенно табл. 13—1).

⁸¹ *Gates P. W. The Farmer's Age*. P. 399, 403.

⁸² *Atack J., Bateman F. To Their Own Soil* (особенно гл. 13 и рис. 13—3. 13—4, 13—5).

⁸³ Вариация дохода арендатора повышается с возрастанием специализации. То же самое справедливо для арендаторов в начале XX столетия. См. работу Грея (*Gray L. C. et al. Farm Ownership and Tenancy*). Однако, если исходить из чистого трудового дохода в 1920 г., арендаторы зарабатывали больше, чем йомены.

⁸⁴ «Неполные собственники» были исключены из анализа.

⁸⁵ Методика детально разбирается в нескольких эконометрических работах. См., например: *Judge G. G., Hill R. C. et al. Introduction to the Theory and Practice of Econometrics*. N. Y., 1982. P. 521—525.

⁸⁶ *Ibid.* P. 522. Был использован алгоритм LOGIST PROC из пакета SAS.

⁸⁷ Уравнение для Среднего Запада сошлось за 8 итераций, для Северо-Востока — за 20.

⁸⁸ Замена персонального богатства общей величиной существенно снижает объясняющую силу уравнений. Коэффициент детерминации для Среднего Запада, например, упал с 0,839 до 0,465. Это отражает потерю статистической значимости не только для этой переменной, но и для всех остальных, за исключением хозяйственных характеристик.

⁸⁹ Эти вероятности рассчитаны при значениях остальных характеристик, близких к средним или наиболее вероятным. См. табл. 6. С другими характеристиками, более подходящими для объяснения аренды (см. табл. 3), вероятность аренды, оцененная из уравнения, была фактически близка к единице (p) = 0,99.

⁹⁰ Это совпадает с тем, что приводит Клэрэнс Дэнхоф как сумму, необходимую для независимого фермера на Среднем Западе в 1850-х годах. См.: *Danhof C. Farm-Making Costs*; см. также: *Atack J. Farm and Farm-Making Costs*.

⁹¹ На Северо-Востоке ирландцы и другие неупомянутые иммигрантские группы были более подходящими, чтобы стать арендаторами.

⁹² См. примечание к табл. 6 для значений других персональных, семейных и хозяйственных характеристик.

⁹³ См.: *Gray L. C. et al. Farm Ownership and Tenancy*.

Кэрл Леонард

ЗАНЯТИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН НА СЕВЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА РОССИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ

(на примере Ярославской губернии)

В какой степени крепостное право в дореформенную эпоху тормозило экономическое развитие России? Здесь возможны разные суждения. Если помещик присваивал весь прибавочный продукт,

но ничего не вкладывал в новую технологию и не вводил усовершенствований в хозяйстве, то крепостничество, по крайней мере в аграрном секторе, являлось сильным тормозом развития. Если помещик присваивал не весь прибавочный продукт, но того, что оставалось крестьянам, было недостаточно для улучшения техники сельскохозяйственного производства, то крепостничество все же оставалось одним из основных факторов, определяющих ход экономического развития России. Но если помещик мог присваивать только очень незначительную часть прибавочного продукта, а крестьяне пользовались относительной свободой поставлять на рынок свой труд и продукцию, то крепостное право существовало наряду с растущим рынком и незначительно стесняло развитие экономики.

Изучение крепостничества осложняется региональной неоднородностью России¹. До начала промышленного переворота в неземледельческих районах севера страны низким урожайности и плодородию сопутствовала высокая смертность². Однако это обстоятельство не было следствием только крепостного права и не могло аннулировать тенденции роста сельскохозяйственного производства, поскольку в земледельческих районах юга России урожайность была высокой³. Более того, хотя крепостничество, по общему мнению, и сдерживало мобильность рабочей силы, но начиная примерно с 1750 г. наблюдается значительный рывок в развитии сельской и городской промышленности⁴. В нечерноземных районах России производство сурового полотна определялось спросом на него в Англии и промышленным развитием самой России. Помещичьи имения в Ярославской, Костромской, Владимирской и Тверской губерниях покупали хлеб, поскольку более выгодным было вкладывать капитал в текстильное производство. Механизация производства хлопчатобумажных тканей, ослабление ограничений на крестьянскую торговлю в 1819 г. и льготные тарифы 1818 и 1822 гг. способствовали дальнейшему развитию этого ремесла⁵. Объем лавочной торговли в городах возрастал быстрее, чем торговый оборот еженедельных базаров и ежегодных ярмарок⁶. Вопреки враждебности самодержавия к нарождающемуся промышленному капитализму, постоянным ограничениям его роста и невзирая на крепостное право характер экономического развития в деревне и городе ощутимо менялся.

Основными моментами, игравшими ключевую роль в промышленном развитии северной части Центрально-Промышленного района, были: разорение во время наполеоновского нашествия большинства текстильных мануфактур под Москвой, приведшее к перерасмещению текстильного производства; уменьшение экспорта хлеба и падение цен на него в 1830—1840-х годах, увеличившее доходы неземледельческих районов, покупавших хлеб; наконец, механизация текстильного производства в Московской и Владимирской губерниях в 1830-е годы, увеличившая объем торговли и способствовавшая капиталовложениям местных властей в развитие перевозок⁷.

Феодалный режим не был пассивным партнером промышленного развития. Помещики, видимо, проявляли больше предприимчивости⁸ в сравнении, например, с американскими работодателями⁹. В земледельческих районах юга, где жесткие социальные эффекты помещичьего предпринимательства выражались в более интенсивной эксплуатации населения, существовали тем не менее неоспоримые свидетельства экономического роста, позволявшего неземледельческим районам отказаться от натурального хозяйства¹⁰. Региональная зависимость неземледельческих районов страны от земледельческих красноречиво свидетельствует о влиянии рынка, существенном как для помещиков, так и для крестьян. Внимание, уделяемое в литературе объяснению причин отсталости России, затрудняет более комплексный анализ исторического процесса. Так, несостоятельны выводы, объясняющие отсталость России консервативностью крестьянства или, по Гершенкрону, возможным влиянием периодических переделов наделной земли внутри русской общины: «Даже при отсутствии крепостного права община сопротивлялась бы внедрению новых агротехнических методов, снижала бы потребность крестьян в промышленных товарах и сдерживала бы отток рабочей силы в промышленность. Существование общины в значительной степени усиливало тяжесть тормозящего влияния крепостничества»¹¹.

Такого рода общие суждения о роли общины особенно обманчивы. Так, В. А. Александров считает, что в больших поместьях ее роль полностью подавлялась: «Роль общинной организации при подобных вотчинно-полицейских порядках в лучшем случае трансформировалась до немногочисленной сходки специально подобранных „лучших“ крестьян, голос которых имел сугубо советательное звучание»¹².

Однако помещики не могли разрушить жизнеспособность крестьянского хозяйства. Одним из первых историков, подчеркнувших прогрессивные тенденции развития крестьянского хозяйства в дореформенную эпоху и роль товарного хлеба (составлявшего до 40 %), поставляемого им на рынок, был И. Д. Ковальченко¹³. Рассматривая компоненты экономики феодально-крепостнического строя в дореформенную эпоху, он показал, что роль помещичьего сектора, основанного на крепостном труде, сокращалась, а крестьянского, основанного на обработке наделной земли, возрастала.

Расхождения во мнениях относительно характера экономического развития в рассматриваемый период указывают на слабость источниковой базы. Исследователи, которые ищут подтверждений неустойчивого крестьянского консерватизма, находят их в литературе и мемуарах второй половины XIX в., принадлежащих представителям радикально настроенного дворянства, ожидавшего быстрых общественных перемен. Историки, подчеркивающие роль общины, ссылаются на ее тормозящее влияние в конце XIX в. Те же, кто изучает разложение феодального строя,

обращаются к тщательному анализу источников, относящихся к крупным поместьям. Однако остается неизученным вопрос о наличии прогрессивных тенденций в развитии сельскохозяйственного производства и кустарной промышленности в мелких поместьях.

Предлагаемая статья посвящена изучению поместий одной, Ярославской, губернии на основе данных экономического обследования, проводившегося в 1855 г. комиссией генерал-майора А. И. Менде¹⁴. Это обследование является одним из наиболее полных и систематизированных источников по аграрной истории центра России. Его составители фиксировали занятия крепостного населения, размеры барщины и оброка, количество населения, носев на тягло, сбор хлебов, наличие рек и дорог, расстояние от рынков и городов, а также кем управляется поместье (являющееся единицей описания и включающее одно или несколько селений): управляющим, приказчиком, бурмистром, старостой и другими выборными из крестьян, включая сотских и десятских. Сопоставление этих данных с данными других обследований (Генеральное межевание, 1788; Повторное межевание, 1837)¹⁵ позволяет изучать социальные и экономические факторы развития экономики. Кроме данных комиссии Менде, в работе использованы сведения, относящиеся к владениям Мусиных-Пушкиных, крупнейших помещиков Ярославской губернии: были привлечены подворные описи, отчеты управляющих, прошения, сведения о наказаниях и спорах. Значение этих сведений очень велико, так как по данному периоду других сведений о крестьянских хозяйствах не имеется. И все же их фрагментарность, неполнота, а порой и сомнительная достоверность заставляют исследователя быть осторожным¹⁶.

Объединение этих источников позволило автору разделить поместья на группы в зависимости от способа управления. Чрезвычайно важно, что помещичьи крестьяне имели свой живой и мертвый инвентарь; это обеспечивало им заметную независимость, по крайней мере в выплате оброка — недоимки были скорее правилом, нежели исключением. Помещики периодически списывали их, учитывая еще один важнейший фактор крепостнической системы — стоимость управления имением, которая в течение последних десятилетий дореформенной эпохи резко возрастала¹⁷. Для управления всеми своими имениями в 1830-х годах Мусину-Пушкину требовалось 442 старосты, 10 выборных, 9 старшин, 4 полесовщика, 2 земских и 1 писарь¹⁸, но и эта сложная административная иерархия не гарантировала порядка. На вотчинную администрацию никогда нельзя было положиться. Стефано Феноалта констатировал: «Стоимость управления, видимо, возрастает... вместе с ростом капитала и многообразием функций управления, что увеличивает возможность саботажа»¹⁹, — и администрация имений Мусина-Пушкина вполне соответствовала этому описанию, судя по записям в источниках о воровстве и других корыстных преступлениях, число которых сре-

ди деревенской верхушки росло. Община же обвиняла администрацию в злоупотреблении своим положением: «Выборные (те, кто был смещен общиной со своих должностей) действовали, не считаясь с миром», старосты были уличены в том, что брали рожь из крестьянских запасов, пахали чужие участки и «бездельничали»²⁰.

Поскольку нерархическая система управления была не вполне эффективной, помещики старались предоставить раскладку оброка общине, причем нормы обложения могли быть увеличены только при переходе земли наследникам. Следовательно, даже в больших поместьях крестьяне отнюдь не пассивно несли груз своих повинностей. Менее крупные помещики, не имевшие возможности добиваться повиновения, давали общине, по-видимому, значительно больше полномочия в административном управлении, раскладке повинностей и регулировании землепользования²¹.

Подчеркивание власти общины и ее относительной независимости при отсутствии вотчинной администрации, безусловно, является предположением, однако эта гипотеза подтверждается историческими фактами и источниками. Основным аргументом автора является то, что селения, которыми полностью управляла община, покупали, а не продавали хлеб, хотя это и было сопряжено с риском в неурожайные годы²². Поместья, управлявшиеся общиной, имели меньший размер и по уровню земледелия были более отсталыми, чем поместья, управлявшиеся вотчинной администрацией, и они же поставляли промышленности много рабочих рук. Крупные поместья, напротив, имея больше крепостных, специализировались на производстве хлеба и меньше были связаны с промышленностью.

I

Для сравнительного анализа были взяты два уезда Ярославской губернии (Мологский и Ярославский), значительно различавшиеся по качеству земли и экономическим возможностям. Были взяты все поместья в Мологском уезде (310) и поместья около губернского центра в Ярославском уезде (114). Оценивалось влияние различий в количестве земли и экономических возможностях, выражавшихся в размерах поместий, и различий в формах управления крепостным населением, выражавшихся в наличии или отсутствии представителей вотчинной администрации. Данные уезды, Мологский и Ярославский, были расположены примерно в 200 км один от другого; Мологский ближе к Петербургу, он протянулся вдоль Волги на северо-запад от Ярославского, который был ближе к Москве. Почвы повсеместно были бедными (илистыми, песчаными или глинистыми), но хлеб можно было покупать с барж, идущих вверх по Волге, что способствовало оттоку населения из этих районов. По контрасту с положением барщинных крестьян богатых земледельческих районов

в Мологском и Ярославском уездах, как и в большинстве других неземледельческих районов, отработочная рента в виде барщины заменялась оброком, а длинная холодная зима освобождала восемь месяцев в году для занятий ремеслом и отходничеством. Высокие заработки в городе означали, что в обоих этих районах рыночный механизм не содействовал сколько-нибудь существенной ориентации сельского хозяйства на производство товарной продукции (например, пшеницы или льна)²³.

Однако, несмотря на значительное сходство двух исследуемых уездов по климату и географическому положению, занятия крестьян в них сильно различались. Ярославский уезд был экономически более развит: здесь доля крестьян, постоянно занятых отходничеством (в сфере торговли, строительства, услуг, промышленности), была выше, составляя в среднем 11 % населения, тогда как в Мологском уезде — только 4 %; выше была в Ярославском уезде и доля занятых неземледельческими промыслами — в среднем на одно селение. Хлеб в Ярославский уезд доставлялся гужевым транспортом; кроме того, оба уезда имели возможность покупать хлеб, переправляемый по Волге в Рыбинск, расположенный к востоку от Мологи и к северу от Ярославля²⁴. Ярославские купцы торговали тканями в таком крупном центре, как Макарьевская ярмарка около Нижнего Новгорода, а мологские купцы — на местных рынках. Ярославский уезд был расположен ближе к региональным центрам текстильного производства (Владимиру, Ярославлю, селу Великому), доминировавшим в экономике и способствовавшим развитию таких занятий, как извоз. В Ярославском уезде, с низкой средней урожайностью (1:2,89), немногие крестьянские хозяйства могли обеспечить себя хлебом. Мологский уезд, находясь на большем удалении от крупных торговых центров и обладая значительными лесными ресурсами, имел среднюю урожайность несколько выше (1:3,1) и в более широком диапазоне — вплоть до 1:7²⁵. Ставшая позднее центром деревообрабатывающей промышленности, Молога в XVIII в. в основном производила рожь. Сбор ржи на десятину посева и на одного работника здесь был вдвое выше, чем в Ярославском уезде, хотя размер пашни на душу мужского населения был в этих уездах примерно одинаковым.

В Мологском уезде неземледельческие занятия жителей тяготели к транспорту, а не к текстильному производству. Этот уезд расположен на слиянии трех крупных рек — Волги, Мологи и Шексны, связанных каналами с Петербургом, центром экспортной торговли. Влияние хлебной торговли (высоких цен на рожь) стимулировало в Мологском уезде рост аграрного сектора и увеличение поголовья рабочего и крупного рогатого скота, а это и при растущем рынке способствовало сохранению в уезде натурального хозяйства²⁶. В Мологском уезде в отличие от Ярославского выращивали картофель; здесь значительно большей была доля усадебной земли на душу мужского населения (в Ярославском — 0,05 дес., а в Мологском — 0,09—0,1 дес.); средняя вели-

Население и размер поместья в 1855 году

	Число поместий	Среднее число людей	Пашня в среднем на душу (дес.)	Всего земли (дес.)	Всего крестьян
<i>Мологский уезд</i>					
Без вотчинной администрации	266	200	2,62	185 004	52 327
Вотчинная администрация	22	605	1,60	97 239	13 327
Всего поместий	288	222	2,54	282 243	65 654
<i>Ярославский уезд</i>					
Без вотчинной администрации	29	95	2,78	11 727	4 248
Контора	2	1129	2,64	17 063	2 259
Приказчик	13	337	2,38	7 583	4 050
Староста	38	144	2,25	11 725	5 361
Прочие	32	106	2,07	6 527	3 198
Всего поместий	114	184	2,27	54 625	19 116

чина отношения численности мужского населения к женскому также выше в Мологском уезде (Ярославский — 0,85, Мологский — 0,96).

Таким образом, характер экономического развития обоих уездов определяет различия в структуре сельскохозяйственного производства, проявляющиеся в процессе формирования мелкой промышленности. А в какой степени тенденции земледельческой или неземледельческой специализации были обусловлены различиями в организации управления? И в одном и в другом уезде крупные поместья с большим числом крепостных производили хлеб; кроме того, в Мологском уезде крестьяне таких поместий были заняты в судостроении и на транспорте, т. е. давали более высокий процент неземледельческих промыслов. Ситуация в Ярославском уезде не столь ясна. Крупных помещиков здесь не привлекало текстильное производство, но для более мелких кустарное производство тканей являлось важным фактором создания новой экономической структуры.

Приведенные ниже таблицы содержат данные о поместьях указанных уездов по группам в зависимости от структуры управления. В табл. 1 приводятся общие показатели по группам поместий, управлявшихся вотчинной администрацией, т. е. тех, где, вероятно, сам помещик определял структуру производства и степень эксплуатации крестьян, и по группам поместий, без представителей вотчинной администрации, т. е. тех, которыми, по-видимому, управляла в интересах крестьян сама община²⁷.

Основные хозяйственные показатели по поместьям уездов

	Без вотчинной администрации	Вотчинная администрация
<i>Мологский уезд</i>		
Урожайность ржи (в самах)	3,05	4,23
Лошадей на тягло	1,07	1,04
Крупного рогатого скота на тягло	1,81	1,45
Сбор ржи на десятину	5,59	15,26
Сбор хлебов (рожь, овес, ячмень) на одного работника	5,94	9,92
Остаток хлеба на душу за вычетом личного потребления и семенного зерна *	0,02	1,32
Огород на душу	0,10	0,06
Доля занятых неземледельческими промыслами в процентах к мужскому населению	24	47

	Без вотчин. адм.	Контора	Приказчик	Староста	Прочие
<i>Ярославский уезд</i>					
Урожайность	2,92	3,50	2,76	2,73	2,81
Лошадей	0,77	0,50	0,51	0,71	0,71
Коров	0,91	0,75	0,69	1,03	0,88
Сбор ржи на десятину	3,28	2,69	7,32	3,46	3,33
Сбор хлебов на работника	3,65	5,89	3,01	3,84	3,66
Остаток хлеба после посева	—0,84	0,24	—1,18	—0,92	—0,81
Огород на душу	0,05	0,06	0,05	0 08	0,05
Доля занятых неземледельческими промыслами (%)	79	37	56	86	57

* Личное потребление по стандартам того времени оценивалось в 2,5 четверти в год на мужчину и 2 — на женщину; эта величина вычитается из чистого сбора (после вычета посева).

Представление о размерах поместий дает численность крестьян в этих поместьях.

В отличие от Ярославского в Мологском уезде относительно меньше было крупных поместий и выше доля поместий, управлявшихся общиной. Больше всего крестьян было в поместьях, управлявшихся представителями вотчинной администрации.

В табл. 2 приводятся дополнительные показатели по этим группам поместий.

Данные по Мологскому уезду показывают, что более крупные поместья, видимо, производили больше. Поместья, управлявшиеся вотчинной администрацией, имели более высокую урожайность и более высокий сбор хлебов на одного работника, причем это достигалось при меньшем количестве рабочего скота

на одного работника. От типа почвы этот эффект вряд ли зависел: доход с более богатой аллювиальной почвы по берегу Волги уравнивался ущербом от половодий, повреждавших озимые посевы²⁸. Кроме того, не подтверждается и наличие в каких-либо имениях улучшенной обработки почвы, а отсутствие большого количества рабочего скота в поместьях, управлявшихся вотчинной администрацией, свидетельствует о незначительных капиталовложениях. Следовательно, крестьяне в таких поместьях либо подвергались более сильной эксплуатации, либо тщательнее обрабатывали землю и использовали зерно более высокого качества, что согласуется с гипотезой Бозеруна о влиянии соотношения «земля — трудовые ресурсы» или с общепринятой гипотезой о роли внеэкономического принуждения.

Данные по Ярославскому уезду показывают аналогичные различия между поместьями, управлявшимися конторой, и всеми остальными. В первых был выше сбор хлебов на одного работника; разность между чистым сбором хлеба и расходом на потребление (на душу) остается положительной величиной, т. е. эта категория поместий была единственной не нуждавшейся в покупке хлеба.

В обоих уездах процент мужчин, занятых неземледельческими промыслами, был высок, но сильно колебался в зависимости от типа поместья. В Мологском уезде этот процент примерно вдвое выше для поместий с вотчинной администрацией. Крестьяне-отходники в этом уезде были в основном торговцами, бурлаками, строителями и лоцманами, уходя в Рыбинск, население которого весной и летом возрастало с 6 до 25—30 тыс. человек. Крестьяне из Мологского, Костромского и Тверского уездов приходили на погрузку и разгрузку барж с зерном. Для 13 % поместий Мологского уезда основным был отход в бурлаки, для 18 % — в матросы. Более доходный промысел — судостроение — требовал большого леса и, следовательно, подходил для наиболее крупных поместий, владельцы которых держали там вотчинную администрацию. Все эти занятия требовали некоторых вложений в человеческий капитал (это не относится только к бурлакам). Так, изучение навигации требовало трех лет ученичества и специального аттестата; коневодство, связанное с повышенным риском (отмечено у крестьян только 14 из 310 поместий), требовало еще больших финансовых возможностей. Этим, по-видимому, можно объяснить, почему доля крестьянских неземледельческих промыслов была выше в тех поместьях, владельцы которых были более состоятельными и имели большие возможности для капиталовложений²⁹.

В Ярославском уезде доля промышленников-мужчин возрастает до 79 % в поместьях, управлявшихся общиной, и до 86 % в поместьях, управлявшихся только старостой, но она значительно меньше в поместьях, управлявшихся конторой, т. е. наличие конторы или приказчика связано с меньшей долей неземледельческих промыслов. Кроме того, в двух поместьях Ярославского

Таблица 3

Доля крестьян, занятых кустарным производством полотна и хлопчатобумажных тканей, и крестьян-отходников в Ярославском уезде в 1855 году

	Без вотчин. адм.	Контора	Приказчик	Староста	Про- чие
Прядильщики и ткачи из крестьян	0,42	0,00	0,35	0,30	0,41
Крестьяне-отходники	0,22	0,10	0,13	0,13	0,26

уезда, имевших контору, не было также и текстильного производства (см. табл. 3).

Прядение и ткачество требовали минимальных дополнительных вложений в человеческий капитал. Это было ремесло, доступное любому неквалифицированному работнику; как показывает табл. 4, это занятие не относилось к числу наиболее хорошо оплачиваемых. Следует предостеречь от каких-либо выводов об уровне жизни на основании числа отходников. Средний заработок составлял с небольшими вариациями 107 руб. Текстильное производство не отличалось высоким доходом на душу. Ранжировка промыслов по их доходности приводится в табл. 4.

В Мологском уезде в поместьях, управлявшихся вотчинной администрацией, урожайность была более высокой, вероятно, вследствие более жесткой эксплуатации крепостных крестьян, так как капиталовложения (в продуктивный скот) являлись крайне незначительными. Поместья, управлявшиеся общиной, в том же уезде имели более низкую урожайность и давали меньший процент занятых отходничеством на транспорте, что обуславливалось либо непривлекательностью этого промысла, либо дороговизной приобретения его необходимых начальных навыков. В Ярославском уезде поместья, которыми управляли конто-

Таблица 4

Доходность промыслов в расчете на душу в Ярославском уезде в 1855 году

	Поместья, в которых имеются			Нет кустарного производства	Ярмарки
	мануфактуры	мелкое текстильное производство	текстильные мануфактуры		
Число поместий	12	39	9	57	3
Заработок на душу (в руб.)	554	102	158	222	90,5
Мужчины, занятые неземледельческими промыслами (%)	48	83	81	59	71

**Формы эксплуатации и основные экономические показатели
по поместьям Ярославского и Мологского уездов в 1855 году**

	Мологский уезд			Ярославский уезд		
	оброк	барщина	смешанная форма	оброк	барщина	смешанная форма
Число поместий	153	19	86	77	6	16
Среднее число крестьян	140	52	415	179	27	128
Урожайность ржи	3,14	2,42	3,59	2,77	3,16	2,68
Лошадей на тягло	1,06	0,84	1,11	0,69	0,66	0,84
Коров на тягло	1,76	1,13	2,00	0,82	0,25	0,97
Пашни на душу мужского пола	2,45	2,54	2,34	1,97	1,97	2,69
Сбор ржи на десятину	7,01	7,01	6,58	4,44	4,44	2,59
Остаток хлеба за вычетом личного потребления и посева на душу	-0,04	-1,04	0,75	-0,97	-0,92	-0,85
Доля мужчин, занятых неземледельческими промыслами (%)	26	40	27	80	40	38

ры, ограничивали промысловую деятельность крестьян, но не лишали некоторых из них возможности заниматься прибыльным отходничеством. Напротив, в том же уезде поместья, управлявшиеся общиной, давали большее число отходников и способствовали росту текстильного производства, основного фактора промышленного развития северных губерний Центрально-Промышленного района России³⁰.

II

Еще одним важнейшим фактором, характеризующим крепостное право, является форма повинностей: оброк, барщина и смешанная форма. В изучаемом регионе доминировал оброк, а число поместий, где существовала только барщина, в последнее столетие крепостного права убывало³¹. Однако распространялась смешанная форма эксплуатации (сочетание барщины с оброком) и в первую очередь, как видно из табл. 5, за счет крупных поместий.

В поместьях Мологского уезда с барщинной формой эксплуатации все показатели свидетельствуют об относительно невысоком уровне и земледелия, и промысловой деятельности. И в Мологском и в Ярославском уезде в поместьях с барщинной не было отходничества, но в Ярославском уезде барщинная форма эксплуатации не препятствовала неzemледельческим занятиям населения. Примерно 35 % крестьян в обоих уездах были заняты

кустарным текстильным производством, а 40 % были отходниками. Разумеется, в оброчных имениях этот процент был выше.

Характер смешанной формы эксплуатации, распространившейся только в XIX в., неясен. Точных сведений о ней у историков очень мало³². Повиности разделялись на барщинные и оброчные либо по селениям, либо внутри селений, и суть этой смешанной формы проявлялась в усилении эксплуатации населения. Данные табл. 5 показывают, что эта форма несущественно отличалась по экономической структуре размещения трудовых ресурсов от ранее сложившейся оброчной.

III

В заключение оценим влияние классических черт крепостного хозяйства на показатели экономического развития двух изучаемых уездов Ярославской губернии, Мологского и центрального в этой губернии — Ярославского. На основе данных комиссии Менде можно выявить различия между экономическими показателями поместий с различными формами управления. Эти различия поразительны. Поместье, которое историки традиционно выбирали объектом изучения, а именно крупное имение с большой конторой и большим штатом вотчинной администрации, охватывающее значительное число селений, оказалось наименее типичным для Ярославского уезда, поскольку крестьяне там не занимались текстильным производством. И это притом, что некоторые крестьяне, зарабатывавшие в 20 раз больше среднего уровня, обладали средствами, необходимыми для обучения ремеслу³³. Большинство крестьян в этих поместьях были заняты в земледелии, и ни один — в кустарном ткацком производстве. Тем не менее при меньшем количестве лошадей на душу и без внедрения каких-либо новых агротехнических методов или капиталовложений владельцы таких поместий получали существенный прирост продукции, видимо, за счет усиленной эксплуатации своих крестьян.

Небольшие поместья без вотчинной администрации, наоборот, представляли собой мощную силу в экономике Ярославского уезда. Именно из таких поместий, что характерно для подобных губерний, поставлялась рабочая сила, и здесь же бурно развивалось кустарное текстильное производство.

Теперь можно вернуться к вопросу, сформулированному в начале работы. Способны ли были помещики в Ярославской губернии присваивать прибавочную стоимость из заработков крестьян-отходников? Для данной губернии безусловно можно дать отрицательный ответ, о чем свидетельствует табл. 6.

Средний оброк был равен 18,26 руб. серебром. Приведенные данные об оброке незначительно отклоняются от значений 18 руб., кроме оброка в селениях с ярмарками. Это отклонение, быть может, вызвано доходами не с заработной платы, но от продажи овощей или холста. Таким образом, хотя источники

Доход от промыслов и оброк на душу в Ярославском уезде в 1855 году

	Поместья, в которых имеются			Нет кустарного текстильного производства	Ярмарки
	мануфактуры	мелкое текстильное производство	текстильные мануфактуры		
Число поместий	12	39	9	57	3
Среднегодовой заработок на душу	554	102	158	222	90,5
Среднегодовой оброк на тягло	21,6	18,6	16,6	18,2	27,5

свидетельствуют, что крепостные платят помещикам значительный оброк, данные табл. 6 показывают, что заработки в 100—200 руб. серебром не соответствуют этому уровню оброка. Этот уровень и его вариации в пределах уезда были стандартными, отражая сильное влияние традиций и сопротивление крестьянской общины увеличению оброка.

Исследование Ярославского уезда показывает, что за исключением четко отлаженного механизма феодальной эксплуатации в крупных поместьях, владельцы которых ориентировались на производство товарного хлеба, крепостные крестьяне отказывались от развития торгового земледелия в пользу промысловых занятий, суливших им более надежные доходы. Уход с земли не обязательно был сопряжен с обеднением или нищетой, так как более низкая продуктивность сельского хозяйства в таких имениях компенсировалась неземледельческими заработками крестьян. Следовательно, соотношение «земля — трудовые ресурсы», одинаковое для обоих уездов, по-видимому, не является фактором, существенно влияющим на структуру занятий крестьян в период крепостничества. Крепостническая система испытывала сильное влияние рынка, в частности через экономическую структуру хозяйства помещичьих имений.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ

Использованные данные получены из различных источников. По Мологскому уезду информация комиссии Менде по отдельным поместьям сопоставлялась с данными Генерального межевания 1780-х годов и Атласом Европейской России за 1830-е годы; по Ярославскому уезду информация комиссии Менде сопоставлялась только с данными Атласа. Краткие примечания к Генеральному межеванию содержат полезную информацию лишь о формах ренты и о приблизительном делении земель на пашню, сенокос и пустошь. Следует заметить, что размер десятины от

поместья к поместью колебался в зависимости от качества земли, но эти различия в источниках не учитываются.

Между Генеральным межеванием и межеванием Менде существует разрыв примерно в 70 лет. Следовательно, сопоставление размеров поместий может быть весьма приблизительным. Так как земля в России не перемеривалась, данные о ней в других источниках мало чем могут помочь. Более того, есть земли, не вошедшие в базу данных, сформированную автором, в силу невозможности идентифицировать их не но владельцам, а по поместьям. Тем не менее исключительно ценная информация комиссии Менде как по селениям, так и по поместьям, а также уникальная информация о занятиях крестьян обеспечивают надежную основу для получения выводов.

Процедура сопоставления трех используемых источников по наборам показателей связана со множеством практических сложностей. Например, фундаментальной проблемой является то, что единицы наблюдения не всегда эквивалентны. То, что называется дачей, могло быть целым имением, принадлежащим одному или нескольким помещикам, или же частью имения. Чиновники фиксировали информацию по мере продвижения вокруг уездного центра (т. е. по территориальному принципу), но в результате выборочное изучение этих данных невозможно, так как многие дачи представляли собой совместные владения. Столь же важно, что при попытке сформировать выборку возникли бы определенные трудности в построении системы «весов» или ранжировки дач по владельцам. Следует заметить, что принцип описания в каждом из трех источников был различным, а это приводит к необходимости сопоставления трех отдельных списков для одних и тех же поместий.

¹ Монографии, посвященные этой проблематике, см.: Историческая география России XII — начала XX в. М., 1975.

² *Тройницкий А.* Крепостное население в России по десятой народной переписи: Статистическое исследование, издано ЦСК. СПб., 1861; *Hoch S., Augustine W.* The Tax Censuses and the Decline of Serf Population in Imperial Russia, 1833—1858 // *Slavic Review*. 1979. Sept. Vol. 38, N 3. P. 424; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1911). М., 1956.

³ Об урожайности 1:8 упоминается в работе: *Hoch S. L.* Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago, 1986. P. 15—64, но это противоречит источникам того периода, см.: Военно-статистический сборник России, приложение к IV выпуску. СПб., 1871. № 18.

⁴ Среди основных работ, оценивающих развитие рыпочных отношений на севере Центрально-Промышленного района в дореформенную эпоху, можно назвать: *Ковальченко И. Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.: (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959; *Он же.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; *Генкин Л. В.* Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года. Ярославль, 1947; *Рябков Г. Т.* Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Смоленск, 1957; *Яцунский В. К.* Основные этапы генезиса капитализма в

России // Социально-экономическая история России XVIII — XIX вв. М., 1973; *Дружинин Н. М.* Генезис капитализма в России. М., 1955; *Федоров В. А.* Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

⁵ *Crisp O.* The Pattern of Industrialization in Russia, 1700—1914 // Studies in the Russian Economy. L., 1981. P. 13—14; Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1883. Вып. 3: Промыслы Московской губернии. С. 24—26.

⁶ Однако до 1860 г. базары и ярмарки оставались относительно более важной частью внутренней торговли. *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Ленинград, 1981.

⁷ В 1816 г. была учреждена комиссия по устройению постоянных дорог, и ответственность за эту работу несли генерал-губернаторы. В период 1816—1860 гг. в Ярославской губернии было построено 76 новых дорог, т. е. приблизительно столько же, сколько во Владимирской, центре хлопчатобумажной промышленности, но в шесть раз меньше, чем в Московской. Военно-статистической сборник России. СПб., 1871. Вып. 4. С. 437—438; Губернаторские отчеты 1829, 1830, 1831, 1834, 1838, 1843, 1845 и 1847 гг. // ЦГИА. Ф. 1284. Оп. 11. Д. 182, 183; Оп. 4. Д. 61, 52; Оп. 19. Д. 181.

⁸ В самом начале XIX в. и хлопчатобумажном производстве было очень мало вотчинных мануфактур, но в других отраслях доля дворянской собственности была очень высока: 78 % мануфактур, производящих шерстяные ткани, 64 % в горном деле и 80 % в производстве поташа. См.: *Ислаев Г. С.* Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России 1760—1860. Ленинград, 1970. С. 170—182.

⁹ См.: *Rudolph R.* Agricultural and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // Journal of Economic History. 1985. Mar. Vol. 45, N 1. P. 54; *Gallman R.* Self-Sufficiency on the Cotton Economy in the Antebellum South // Agricultural History. Vol. 44. 1970. Jan. P. 5—23, etc.

¹⁰ *Vries J. de.* The Dutch Rural Economy in the Golden Age, 1500—1700. New Haven, 1974.

¹¹ *Gerchenkron A.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century // Journal of Economic History. 1964. Vol. 24, N 1. P. 59.

¹² *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 68.

¹³ *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство... С. 384.

¹⁴ Обследование охватывает Тверскую, Владимирскую и частично Ярославскую, Нижегородскую и Симбирскую губернии и составлено на основе информации, полученной от управляющих и старост. Документы комиссии в настоящее время хранятся в ЦГАДА (Ф. 1357. Оп. 1—3). Источники такого типа анализируются в работах: *Федоров В. А.* Помещичьи крестьяне... С. 3—18, а также: *Федоров В. А., Крутиков В. И.* Описание помещичьих имений 1858 г. как исторический источник // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1970 г. Рига, 1977. С. 140—156.

¹⁵ Использована датировка (1837), данная в описи к «Атласу Ярославской губернии с топографическими и экономическими примечаниями». ЦГВИА. Ф. Военно-ученого архива. Д. 19187; см. также: Ф. 1355. Оп. 312. Д. 190, 198—199. Следует заметить, что данные о размерах полей неизменны во всех документах XVIII и XIX вв. См., например, данные Экономических примечаний к Генеральному межеванию 1773—1785 гг.: ЦГАДА. Ф. 1355 (Мологский уезд — д. 2091; Ярославский уезд — д. 2124). Следовательно, данные о размере земли можно рассматривать здесь как грубую оценку: дополнительные площади, которые для крупных поместий дали бы наибольшую величину отношения «земля — трудовые ресурсы», исключаются из используемых данных, так как источник не дает возможности идентифицировать эти площади по владениям, которым они принадлежат. Основной работой, где рассмотрены проблемы использования этого источника, является: *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (К истории крестьянства и сельского хозяйства вто-

рой половины XVII в.). М., 1965; см. также его же осторожную оценку достоверности информации о размерах земельных угодий в статье: *Милов Л. В.* О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. Гига, 1963, С. 279—283.

¹⁸ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 60—103; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство... С. 33—39; *Hoch S.* Serfdom... Р. 39—42; *Кабузан В. М.* Наменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

¹⁷ В 1827 г. главное лицо в вотчинной администрации Мусина — управляющий получал 60 руб. в год. Подчиненные ему старосты и выборные жалованья не получали, но освобождались от оброка. Кроме них, в селениях, относящихся к вотчине Мусина, выбирался сотский, получавший 20 руб. См.: Сведения о лицах выборных и старостах по Мологскому уезду, 1827 г. // ЦГАДА. Ф. 1270. Л. 2—4. К 1840 г. эта система управления значительно разрослась. Для управления всеми владениями Мусиных-Пушкиных был нанят немец-управляющий. Он получал 500 руб. в месяц, а его помощник — 66 руб. Сотский получал 19 руб., старосты — по 25 руб. и 12 руб. 50 коп., и еще один сотский — 14 руб. в год. В других поместьях жалованье старосты колебалось в пределах 50—100 руб., сотский в 1838 г. получал 100 руб. См.: Рапорты выборного, 22 января 1842 г. // ЦГАДА. Ф. 1170. Д. 4250. Л. 1—2; 1838 г. Д. 3598. Л. 7 об.; 27 декабря 1826 г. Д. 1768. Л. 1; декабрь 1845 г. Л. 2—3; Ведомость 1839 г. Д. 3823.

¹⁸ Ведомость о деловых тяглах крестьян Борисоглебской, Мусинской и Алексеевской вотчин, 1827 г. // ЦГАДА. Ф. 1270. Д. 1903. Л. 4 и 4об.

¹⁹ *Fenoaltea S.* Slavery and Supervision in Comparative Perspective: A Model // *Journal of Economic History*. 1984. Sept. Vol. 44, N 3. P. 639.

²⁰ Письмо выборному, 9 апреля 1801 г. // ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1768. Л. 2—3; Рапорт управляющего Зиновьева, 1844 г. // Там же. Оп. 1. Д. 4579. Л. 19; Рапорт управляющего, 20 апреля 1827 г. // Там же. Д. 1903. Л. 9 и 9 об.; Рапорт начальника Мусинской вотчины, 3 января 1830 г. // Там же. Оп. 1. Д. 1730. Л. 3 об.; Рапорт управляющего, 21 апреля 1840 г. // Там же. Оп. 1. Д. 3929; Жалоба крестьян с. Михальчева на неправильные действия бурмистра Якова Васильева, 1807 г. // Там же. Оп. 1. Д. 562. Л. 1—5; Письмо старосте Баранову, 9 апреля 1801 г. // Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 11; см. также: Д. 1730, 3929, 1768, 1903, 2893.

²¹ *Leonard C.* The Landlord and the Mir: Transactions Costs of Serfdom (Iaroslav province) // *The Peasant Commune in Russia* (рукопись).

²² Голодные годы, периодически повторявшиеся в России вплоть до 1890-х годов, показывают медленное развитие процесса складывания рынка. «Рыночная система, существующая в обычных условиях, периодически разрушается в неурожайные годы, но ничего не делается для того, чтобы создать такую рыночную систему, которая функционировала бы даже в случае неурожая...» (*Usher A. P.* The History of the Grain Trade in France, 1400—1710. Cambridge, 1913. P. 361—362).

²³ Военно-статистическое описание 1846 г., ч. II. Л. 146; Описание, составленное Менде // ЦГАДА. Ф. 1357. Оп. 1. Д. 71/464; 18/407; 18/408.

²⁴ В 1886 г. через Ярославль вверх по Волге прошло 48 860 000 пудов, или 785 250 т. хлеба и гужевым транспортом — 61 850 т. Возможно, более половины этого зерна предназначалось для доставки в Петербург и последующего вывоза на экспорт. См.: *Вильсон И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 142—144.

²⁵ Кумулятивный эффект роста урожайности (сбор/посев) «гораздо заметнее, когда это соотношение мало», как указывает С. фон Бах, «например, при росте от 3 до 4». См.: *Bath S. von.* The Agrarian History of Western Europe, A. D. 500—1850. L., 1963. P. 19.

²⁶ О долговременном росте рынка см.: *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII — XIX вв.). Ленинград, 1985. С. 27.

²⁷ Разделение форм вотчинной администрации проводится только для Ярославского уезда. В структуре управления выделяются имения с кон-

торой, т. е. централизованным управлением, затем поместья, которыми в основном управляли приказчики. Другие категории представлены поместьями, управляющимися старостами и десятскими. В этом контексте староста — это человек, назначаемый и оплачиваемый помещиком, но не общиной.

²⁸ *Leonard C. Distribution of Land and Agricultural Output in Russia Before Emancipation (Iaroslav) // Agrarian Structure During Industrialization: Europe, Russia and America (JAI Press, сдано в печать).*

²⁹ Учитывая годовой прожиточный минимум отходника в 27 рублей, отметим, что бурлачество давало 20 руб. в год, судовождение — 40 руб., а копейничество — до сотен рублей, если промышленник не разорялся и не влезал в долги (по данным автора); см.: Материал для статистики России. Ярославль; СПб. Вып. 2. С. 48 и след.

³⁰ Эта интуитивная догадка подтверждается регрессионным анализом. В поместьях Ярославского уезда без вотчинной администрации коэффициент регрессии между процентом отходников как зависимой переменной и фактором, отражающим долю запятых ткачеством, принимает значение 0.31 (с коэффициентом частной детерминации 0.52) в уравнении регрессии, куда входит также влияние размера огорода (отрицательное) и размера семьи (положительное). Наоборот, в поместьях, управляющихся вотчинной администрацией, этот коэффициент регрессии равен 0.02, а соответствующий коэффициент детерминации равен 0.03.

³¹ Среди основных работ, посвященных формам феодальных повинностей, см.: *Семецкий В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1—2; *Рубинштейн П. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957; *Ковальченко П. Д., Милов Л. В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в. // История СССР. 1966. № 4; *Федоров В. А.* Барщина и оброк в центрально-промышленных губерниях России в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. Таллин, 1971. С. 322—336.

³² Например, такие поместья не вошли в модель доходности поместий, предложенную в работе: *Domar E., Machina M.* On Profitability of Russian Serfdom // *Journal of Economic History*. 1984. Dec. Vol. 44; см. также: *Федоров В. А.* Варщина и оброк...

³³ Такая дифференциация определена, хотя и неявно подтверждается данными источников. См.: Дискуссия о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма // История СССР. 1966. № 1; *Ковальченко П. Д.* О характере и формах расслоения помещичьих крестьян России в первой половине XIX в. // Исторические записки. М., 1965. Т. 78; *Ваеденский Р. М.* К вопросу о расслоении оброчного крестьянства в России в конце XVIII — первой половине XIX в. // Учен. зап. Московского гос. пед. института им. В. И. Ленина. 1967. № 286.

ВЛИЯНИЕ МЕХАНИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ АГРАРНЫХ СТРУКТУР

*

Ален Олмстед, Пол Роуд

МЕХАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛИФОРНИИ В 1870—1930 ГОДАХ

Штат Калифорния лидирует в наши дни в развитии сельского хозяйства. Здесь производится около 10 % общего объема сельскохозяйственной продукции Соединенных Штатов. Ни один другой регион не может сравниться с ним по сочетанию благоприятных почвенно-климатических условий, всякого рода институционных форм и числу высокообразованных фермеров. Благодаря этому «Золотой штат» превратился из первопоселенческого по характеру, каким он был в 1860 г., в основного зернопоставщика к 1900 г. Уровень сельского хозяйства Калифорнии во многом отличается от состояния его в других штатах. Широкий набор культур, многие из которых являются экзотическими, благосостояние и процветание сельского хозяйства штата выделяют Калифорию среди прочих сельскохозяйственных штатов.

Основное отличие сельского хозяйства Калифорнии состоит в высокой степени механизации ферм. Обозреватели XIX в. с ужасом смотрели на гигантские неуклюжие комбайны и тракторы с паровыми двигателями, бороздившие обширные поля. В XX в. калифорнийские фермы перешли к использованию бензиновых тракторов, к механической уборке хлопка, томатов и использованию дюжины других малоизвестных машин. Изучение процесса механизации сельского хозяйства Калифорнии раскрывает кумулятивную природу изобретений, их распространения, а также то значение, которое имели отношения обмена и контактов между производителем, мануфактурой и фермой. Социально-экономическое и социокультурное развитие стимулировало дальнейшую механизацию.

Общий процесс развития механизации в сельском хозяйстве был тесно связан с успехами в области изобретений так называемой местной механизации. Особые условия посева и сбора урожая обуславливали требования в оборудовании нового типа. Местное производство оборудования было защищено от конкуренции со стороны крупных фирм Среднего Запада высокими транспортными расходами. Поэтому здесь процветало производство специального оборудования, пригодного для использования

па Тихоокеанском побережье. Часто здесь осуществлялись изобретения, которые являлись прототипом тех, которые позже завоевывали национальный и международный рынок. Зерноуборочные комбайны, тракторы, гигантские машины по выравниванию местности (бульдозеры), сахароуборочные машины — вот далеко не полный перечень, а лишь несколько примеров тех изобретений, которые, появившись в Калифорнии, распространились по всему миру.

Первые успехи стимулировали дальнейшие нововведения, такие, как усовершенствованные орудия и механизмы и их применение в различных сферах сельского хозяйства. Развитие системы распространения нового оборудования, появление ремонтного оборудования наряду с растущим числом ферм, применяющих механизацию какого-либо одного типа, значительно облегчали использование следующего поколения механического оборудования. Результатом этого было ускорение процесса развития механизации и углубление ее воздействия как на сельское хозяйство Калифорнии, так и на ее городское мануфактурное производство. Шел процесс сближения экономики города и деревни, приближения производителей двух типов друг к другу, который способствовал рациональному производственному и культурному обмену между ними. Здесь, в частности, следует отметить появление центров мануфактурного производства, прежде всего Стоктона.

Для лучшего понимания процесса механизации необходимо проследить ведущие тенденции в развитии сельского хозяйства Калифорнии. На рис. 1 представлена структура посевов основных хлебных культур здесь. Сведения, обобщенные в этом графике, показывают ряд важных этапов развития сельского хозяйства Калифорнии. К моменту Гражданской войны в Америке в 1861 г. Калифорния уже была важным зернопроизводящим штатом и к 1890 г. занимала второе после Миннесоты место по производству пшеницы. Рост производства зерна в Калифорнии обусловил развитие здесь производства оборудования, обеспечивающего экономию трудовых ресурсов. Развитие изобретений продолжалось даже и тогда, когда наблюдалось быстрое сокращение посевных площадей под зерновыми культурами на рубеже XIX и XX вв. Результаты экономии затрат трудовых ресурсов в часах, необходимых на производство акра пшеницы, были весьма значительны. Так, по грубой прикидке, в середине XIX в. при ручном труде требовалось как минимум 60 часов для обработки 1 акра. В 1900 г. при механических методах, включая использование уборочного комбайна, необходимое время сократилось до менее чем 3 часов¹. Другие тенденции также имели большое значение. Замена лошадей механическими средствами транспорта в городах и в меньшей степени начало применения тракторов в XX в. привели к сокращению посевов ржи и других фуражных культур. Рост поголовья продуктивного скота и развитие молочного хозяйства противостояли отмеченным тенден-

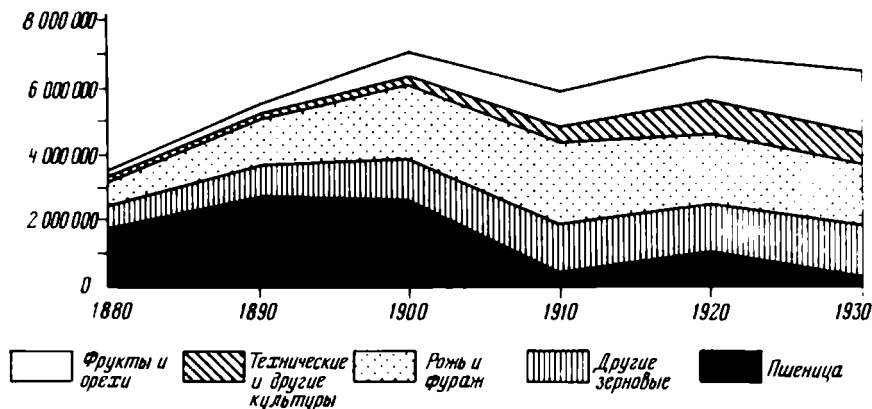

Рис. 1. Структура посевов в Калифорнии (в акрах)

циям, и рожь продолжала оставаться одной из наиболее ценных зерновых культур в штате.

Снижение трудовых затрат требовало скорейшего применения плугов, уборочных комбайнов, тракторов и другого оборудования и с лихвой компенсировалось за счет перехода к интенсивному земледелию с использованием системы ирригаций. Рост посевов технических культур связан с распространением хлопка в долине реки Сан-Хоакин. Первая мировая война вызвала бум в хлопководстве. Хлопок стал самой главной культурой в штате (при оценке по стоимости валового продукта). Ценность его росла с 1920-х по 1950-е годы. С этого времени Калифорния заняла одно из первых двух или трех мест среди хлопкопроизводящих штатов в стране.

С 1870 по 1930 г. площади, занятые в штате под фруктовые сады и виноградники, увеличились приблизительно со 100 тыс. до почти 2 млн акров. Относительно малый объем площадей, занятых под фруктовые сады и виноградники (см. рис. 1), обуславливает большую ценность продукта, собираемого с этих площадей, а также значительное число сезонных рабочих, собирающих урожай. Однако поскольку речь идет о плодовоовощном хозяйстве, то здесь возможности применения механизации при уборке урожая были невелики.

Изменения в характере и направлении специализации (структуре посевных площадей) имели важные последствия для размеров ферм в Калифорнии. Фруктовые ранчо, как правило, значительно уступали по размеру зернопроизводящим фермам. В 1880 г. средний размер хозяйства в Калифорнии — 460 акров (удобных и неудобных земель), при том что средний размер хозяйства по стране в целом составлял 134 акра. К 1930 г. средний размер фермы в штате снизился до 224 акров и заметно приблизился к среднему по стране (157 акров)². Однако сокра-

Рис. 2. Стоимость продукции, произведенной на ферме (долл.)

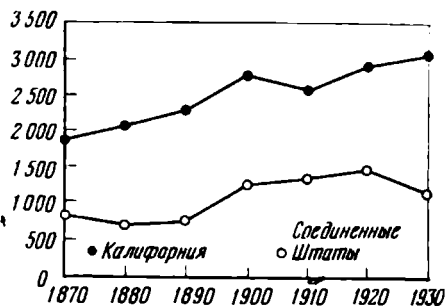
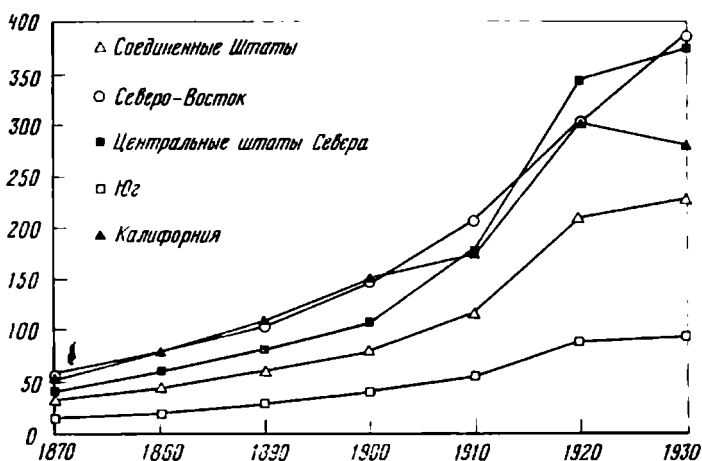
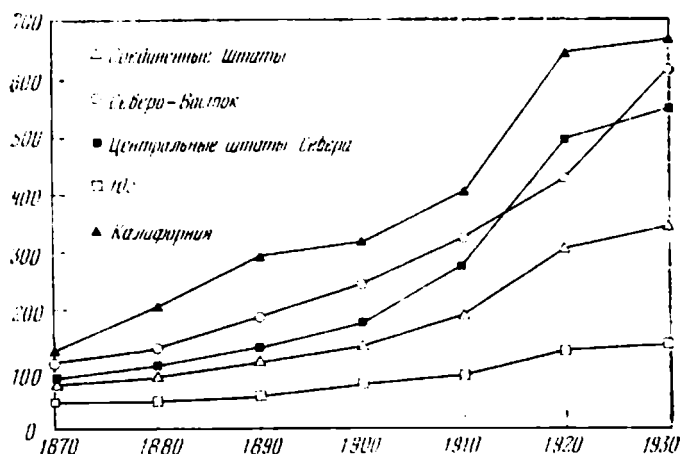

Рис. 3. Стоимость оборудования фермы (долл.)

Рис. 4. Стоимость оборудования на работника

щенные средних размеров фермы в Калифорнии нельзя рассматривать как показатель ухудшения условий развития сельского хозяйства. В течение этого периода фермы штата (почти по всем показателям) оставались процветающими и высокомеханизированными хозяйствами.

Рис. 2, 3, 4 помогают проиллюстрировать этот тезис. Как правило, средняя стоимость произведенного продукта и средняя стоимость оборудования на фермах в Калифорнии в два-три раза превышали соответствующие средние показатели по стране в целом. Так, в 1930 г. на калифорнийских фермах в среднем производилось продукции на 3,108 тыс. долл., а стоимость оборудования составляла 676 тыс. долл., в то время как соответствующие показатели по стране в целом составляли 1,184 тыс. и 354 тыс. долл. Вследствие значительной интенсификации труда в земледельческом производстве, характерном для штата с умеренно-континентальным климатом, стоимость оборудования на работника в штате Калифорния хотя и превосходила средние показатели по стране в целом, но существенно не отличалась от показателей по северо-восточным и центральным регионам.

Кратко отметим специфические черты, присущие сельскому хозяйству Калифорнии, которые помогают объяснить, почему здесь столь рано началось применение различных сельскохозяйственных орудий. Фермеры Калифорнии были высокообразованными и изобретательными людьми. Как мы только что отмечали, фермы этого штата отличались большим благосостоянием, нежели хозяйства других регионов. Высокая доходность хозяйств и составляла то преимущество для фермеров, которое обеспечивало финансовую поддержку их склонности к ремонтной и изобретательской деятельности. Становится совершенно очевидно, что именно эти высокодоходные хозяйства штата составляли основу для изобретений различных сельскохозяйственных машин, в том числе прототипа жатвенной уборочной машины, которые позже получили широкое признание повсюду. Именно здесь было множество фермеров, изобретающих и конструирующих новые сельскохозяйственные машины.

Большой размер многих ферм в Калифорнии стал побудительным импульсом для механизации, позволяя диктовать твердые цены на дорогостоящее оборудование. Недостаток рабочих рук в штате обусловил высокий относительный уровень заработной платы и наличие периодов нестабильного предложения рабочей силы. В течение 1870-х годов заработная плата в Калифорнии была в среднем на 70 % выше, чем на Среднем Западе³. С 1860-х годов фермеры Калифорнии формируют особый тип использования рабочей силы. Они развивают специализацию и расширяют свои посевы до размеров, превышающих возможности их обработки только семейным трудом. В результате расширяется применение наемного труда. Поэтому если на Среднем Западе преобладал тип семейной фермы, где хозяйство велось преимущественно своим трудом, то для Калифорнии это не явля-

лось нормой. Здесь функционировали так называемые «фабрики в поле», которые основывались на наемном труде мигрирующих работников, сельскохозяйственных пролетариев. Этот труд носил сезонный характер и использовался во время уборки урожая⁴. Это было тем экономическим фактором, который стимулировал развитие механизации, экономящей расходы трудовых ресурсов. Почвенно-климатические условия также благоприятствовали развитию механизации. Продолжительность сезонов с сухой погодой позволяла использовать технику в течение длительного времени в почти идеальных условиях. Кроме того, рельеф Центральной равнины не препятствовал использованию техники на колесном ходу. При возделывании малых зерновых культур и хлопка механизация сельскохозяйственных работ была затруднена в местности, отличавшейся высокой влажностью, заболоченностью территории. Такие проблемы, однако, не были определяющими для сельского хозяйства Калифорнии. Таким образом, и природно-климатические и экономические условия в Калифорнии были благоприятными и способствовали развитию механизации.

Цель данной статьи — раскрыть кумулятивную природу изменений в технологии сельского хозяйства, проанализировать отношения производителя и потребителя, тесно связывавшие фирмы западных штатов со изготовлением сельскохозяйственного оборудования с рынками их сбыта. Особое внимание будет обращено на характер используемой на фермах тягловой силы и механизмов в зерновом производстве.

Новое поколение оборудования сельскохозяйственных ферм в XIX в. основывалось преимущественно на использовании лошадей и мулов в качестве тягловой силы. В этот период характерной чертой модернизации сельского хозяйства была замена ручного труда и переход к использованию лошадей и другого тяглового скота. Приобретение лошадей для фермера являлось существенной статьёй расходов. поголовье лошадей, предназначенное для выполнения определенных работ, можно было использовать при небольших затратах на других работах. Вот почему если фермер увеличивал поголовье лошадей, то он, очевидно, собирався использовать новое оборудование, требующее интенсификации тягловой силы. По этим причинам рассмотрение поголовья лошадей на фермах в Калифорнии может дать интересные данные для исследования процесса механизации.

На рис. 5 представлен один из показателей коренных отличий Калифорнии от других штатов Америки. Наиболее современное оборудование предполагало использование лошадей в качестве тягловой силы, что обеспечивало наибольшую скорость передвижения. Буйволы были слишком нерасторопны в упряжке к плугу, а, например, при уборке зерновых вообще не годились. Таким образом, отношение численности лошадей и мулов к поголовью быков может послужить косвенным показателем тех изменений, которые происходили в сельском хозяйстве в XIX в.

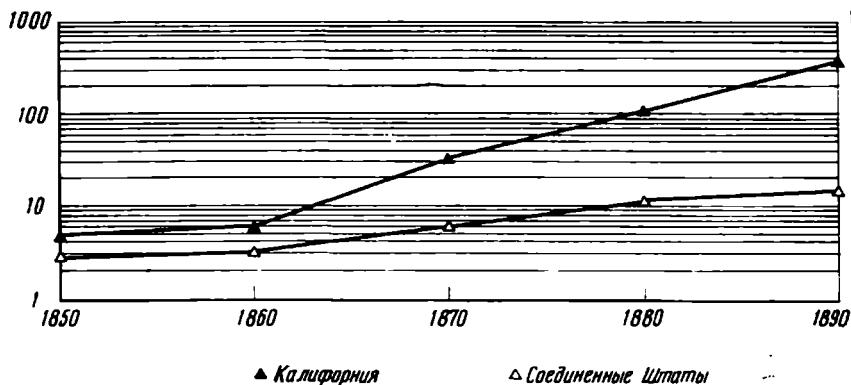

Рис. 5. Число лошадей и мулов на одного быка

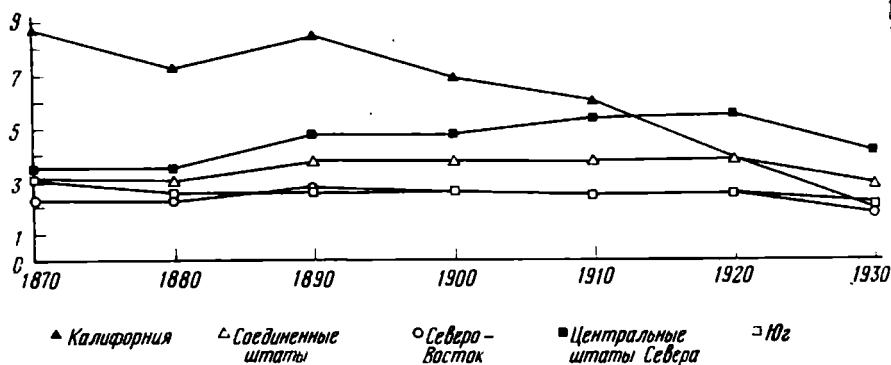

Рис. 6. Число лошадей и мулов на ферму

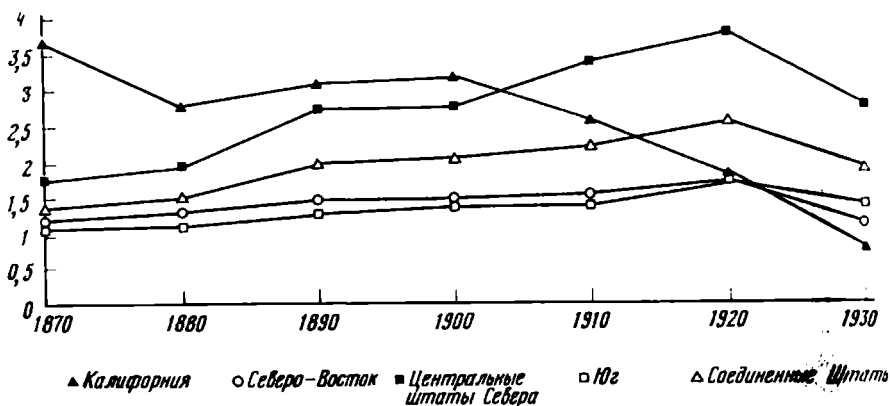

Рис. 7. Число лошадей и мулов на одного работника

К 1850 г. это соотношение было почти вдвое выше в Калифорнии, нежели в среднем по стране в целом. К 1870 г. в 6 раз выше, а к 1890 г. почти в 30 раз выше. Очевидно, что фермеры Калифорнии значительно опережали другие штаты по использованию лошадей в качестве тягловой силы. На рис. 6 и 7 показаны изменения, происходившие в процессе использования лошадей в качестве тягловой силы на фермах Калифорнии. В 1870 г. среднее число лошадей и мулов в штате, приходящееся на одну ферму, было почти втрое больше этого показателя по стране в целом, а поголовье лошадей и мулов, приходящееся на одного работника, в Калифорнии превышало вдвое этот показатель, вычисленный по стране в целом. Сравнение Калифорнии с процветающими центральными штатами Севера Америки также существенно не меняет картины — калифорнийские фермеры использовали огромное число лошадиных сил в XIX в.

Опережающие темпы развития штата Калифорния в значительной степени связаны с выбранным направлением специализации сельского хозяйства штата⁵. В плодовоощных хозяйствах по сравнению с зернопроизводящими использовалось вдвое больше поголовья лошадей в расчете на акр площади. Но эти хозяйства были значительно меньше по размерам, хотя и требовали огромного числа рабочих рук в сезон уборки урожая. Именно в этом причина заметного снижения в данном случае показателя поголовья рабочего скота на ферму и на работника.

После 1910 г. ускорилось снижение численности поголовья рабочего скота, приходящегося на одну ферму в Калифорнии, в связи с распространением тракторов на бензине (с двигателями внутреннего сгорания). Таким образом, если в XIX в. высокий процент рабочего скота на ферму был показателем модернизации сельского хозяйства, то к 20-м годам XX в. он становился признаком отсталости.

Поскольку Калифорния занимала одно из первых мест по обеспеченности ферм рабочим скотом, то здесь отмечено наиболее раннее распространение тракторов. В 1917 г. (когда появляются первые официальные данные) в штате было зарегистрировано более 1350 тракторов⁶. К 1920 г. это число возросло до 13 850. В Калифорнии более 10 % ферм имели тракторы сравнительно с 3,6 % по стране в целом. В 1925 г. почти пятая часть ферм в Калифорнии использовали тракторы соответственно больше, чем в штатах Иллинойс или Айова. Калифорния опережала и Дакоту, занимающую лидирующее положение в стране. Эти цифры, однако, недоучитывают реальные ресурсы Калифорнии, так как тракторы, которые использовались на западе, были в среднем существенно мощнее, чем где бы то ни было⁷. Особенно следует отметить то, что западные фермеры одними из первых стали использовать в больших объемах тракторы на гусеничном ходу, которые были изобретены в Калифорнии. Переписи и обзоры конца 10-х — начала 20-х годов XX в. сообщают, что почти половина тракторов, проданных в Калифорнии, были гусеничны-

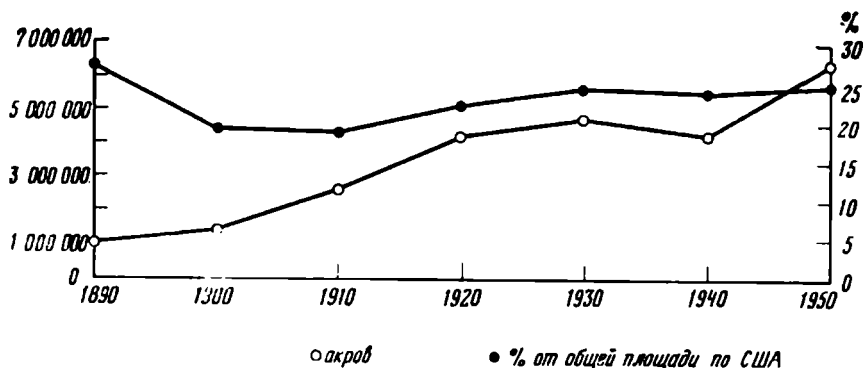

Рис. 8. Орошаемые земли в Калифорнии

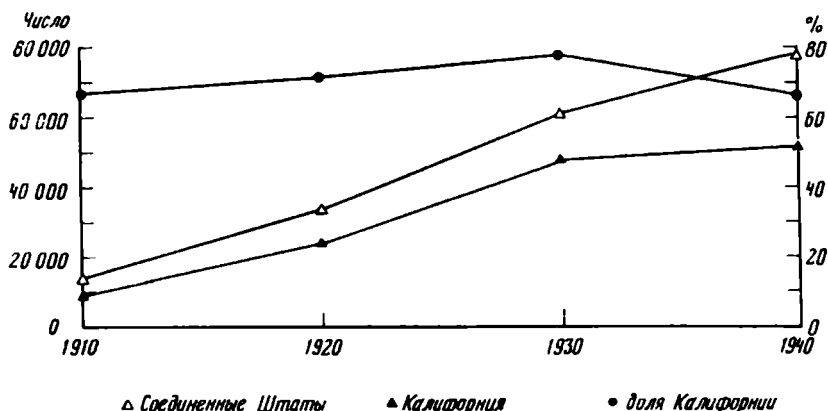

Рис. 9. Сельскохозяйственные насосы в Соединенных Штатах и Калифорнии

ми⁸. В 1930 г. гусеничные тракторы в штате составляли 30 % всех тракторов сравнительно с менее 5 % по стране в целом⁹.

Наконец, фермеры Калифорнии первыми применили электроэнергию на фермах. Впервые в мире использовалась электроэнергия для ирригационных работ на Центральной равнине на рубеже XIX—XX вв. Систематических сведений о применении электроэнергии в сельском хозяйстве нет вплоть до 1929 г. К этому времени Калифорния занимала лидирующее положение в стране. Более половины ферм Калифорнии использовали электроэнергию в сравнении с одной десятой по стране в целом¹⁰.

Оптимальным показателем устойчивой тенденции распространения электрификации в штате являются развитие системы ирригаций и число насосов. Рис. 8 и 9 свидетельствуют, что ирригационное земледелие развивалось при колоссальном росте числа насосов. Хотя на Калифорнию приходилась лишь четверть площадей от всей площади орошаемых земель в США, она обла-

Таблица 1

**Мощность основных видов двигателей, использовавшихся
на фермах
(данные в тыс. л. с. за 1924 г.)***

	Калифорния	Соединенные Штаты
Рабочий скот	356	19 800
Тракторы	602	10 500
Тягачи	500	7 120
Ветряные и электрические ста- ционарные двигатели	870	10 000
Всего лошадиных сил	2328	47 420

* *Kinsman C. D. An Appraisal of Power Used on Farms in the United States // USDA. Department Bulletin. N 1348. 1925. July. P. 53—55.*

дала почти 70 % всех сельскохозяйственных насосов. Некоторые из них работали на бензине, но подавляющее большинство на электроэнергии.

Сведения, собранные на 1924 г., дают представления об относительной роли различного рода источников тяговой силы (см. табл. 1). Они создают основу для обобщений относительно перспектив дальнейшего развития Калифорнии. Штат занимал особое положение. Он был единственным, где применение тракторов преобладало над использованием рабочего скота в качестве тяговой силы и занимал первое место по абсолютным показателям мощности используемых постоянных двигателей, моторов и грузового транспорта¹¹. Более того, в штате показатели энерговооруженности на рабочего и на ферму в два-три раза превосходили среднегодовые показатели по стране. Более высокие показатели имели лишь зернопроизводящие штаты Великих равнин. Подводя итоги, следует отметить, что как в 1870—80-е годы, когда основным источником тяговой силы на фермах были лошади и мулы, так и в 1920-е годы, когда значительно расширился набор возможных источников энергии, сельское хозяйство Калифорнии оставалось наиболее энерговооруженным по стране в целом.

Ниже мы подробнее остановимся на развитии производства тракторов в Калифорнии. Развитие производства тракторов в Калифорнии тесно связано с механизацией уборки зерновых и связано своим происхождением громадному числу тяговых животных, потребных для первых уборочных машин (комбайнов). Именно поэтому большинство известных конструкторов и создателей комбайнов были также и изобретателями тракторов на гусеничном ходу.

Описание подъема и упадка производства пшеницы в штате Калифорния традиционно является обязательным разделом ра-

бот, посвященных истории развития сельского хозяйства в этом штате. Возделывание пшеницы началось в конце 1850-х — начале 1860-х годов, т. е. тогда же, когда началась разработка рудников. В 1869 г. Калифорния производила около 16 млн бушелей пшеницы, занимая восьмое место в стране. К 1889 г., когда производство пшеницы поднялось до 40 млн бушелей, штат стал занимать второе место. Однако с падением производства пшеницы до 6 млн бушелей в 1909 г. штат спустился до 23-го места. На протяжении второй половины XIX в. и начала XX в. фермеры Калифорнии, занимающиеся производством пшеницы, подошли к использованию механизации в широких масштабах.

Как уже отмечалось выше, ряд факторов, специфических для Калифорнии, создавал благоприятные условия для механизации уборки зерна. Особое значение имела продолжительность сезона без дождей — с июня до ноября, что способствовало полному созреванию хлебов и позволяло не спешить с уборкой урожая. И наоборот, на Среднем Западе из-за угрозы ветров и града, которые могли побить зерновые, необходимо было как можно раньше снять урожай. Обмолачивать срезанные злаки надо было также, пока они были сухими, а не влажными.

Почти одновременно с переходом к возделыванию пшеницы в штате фермеры стали разрабатывать различные приспособления по культивации. Вспашка плодородных земель Калифорнии не имела ничего общего с обработкой каменистой почвы на востоке страны и твердого дерна на Среднем Западе. Владельцы ранчо в Калифорнии использовали двух-трех- и даже восьмилемешные плуги, обеспечивая вспашку глубиной в несколько дюймов. Лео Роджин, автор классического исследования по механизации зернового производства XIX в., дает блестящее обобщение использования плугов в штате в течение этого периода: «В Калифорнии характер почвы и ее культивация под посев позволяли применять многолемешные плуги почти одновременно с началом широкого возделывания пшеницы. Газета „Пасифик рурэл пресс“ сообщала, что большое число плугов создано и используется в штате Калифорния. За исключением крупных высокодоходных ферм, как правило, применялись двухлемешные плуги с упряжкой в четыре лошади в качестве тягловой силы на протяжении 1870-х годов. Обзор Брюера за 1879 г. сообщает, что упряжки в восемь лошадей тянули плуги, снабженные двумя комплектами по три-четыре лемеха каждый. Однако преобладающей была двухлемешная конструкция плуга, о чем свидетельствуют сообщения Британской королевской комиссии по сельскому хозяйству, в которых говорится, что в Калифорнии повсеместно распространены двухлемешные плуги, приводимые в движение упряжкой из четырех — шести лошадей. С развитием сельского хозяйства в 1880-е годы в результате применения уборочных машин (жнеек и молотилок) все в более широких масштабах стали использоваться многолемешные плуги на кон-

ной тяге (до восьми лошадей в упряжке и двойной набор лемехов по четыре штуки каждый). К началу 90-х годов можно считать типичным широкое использование не только на высокодоходных фермах многолемешных плугов фермерами в долинах рек Сан-Хоакин и Сакраменто»¹².

По свидетельствам фермеров, данных ими при проведении десятой переписи, видно, как значительно возрастает величина площади посевов, обработанных одним человеком, если двигаться от Восточного побережья к центральным западным штатам через прерии и к Калифорнии. К востоку от реки Огайо в 1880 г. норма распахиваемой составляла 1,5 акра в день или меньше. В большинстве регионов прерий 2,5 акра в день считались хорошей дневной выработкой. В Калифорнии же при помощи многолемешного плуга и упряжки в восемь лошадей одним человеком обрабатывалось от 6 до 10 акров за день¹³. Тяга калифорнийских фермеров к применению более мощных плугов продолжалась и в XX в. В 1913 г. фермеры этого штата в среднем использовали 4,2 л. с. на плуг по сравнению со средним показателем по стране — 2,7 л. с.¹⁴ После того как в сельском хозяйстве стали применять тракторы, было замечено, что фермеры штата опять-таки стремились использовать более крупные модели и более сложное оборудование. И это обстоятельство не могло не оказать соответствующего влияния на культуру производства.

Предпочтительность более мощных плугов побуждала инвеститоров и предпринимателей Калифорнии захватить и контролировать рынок этого оборудования. Местные фирмы могли конкурировать с лучшими моделями плугов, произведенных в восточных штатах, так как они прежде всего обращали внимание на размер плуга, а не на лемешный механизм, который они практически заимствовали у моделей «восточных» плугов. В подтверждение различных подходов к изобретательской деятельности приведем заявление председателя Сельскохозяйственной комиссии Соединенных Штатов: «Число патентов на изготовление плугов на колесном ходу, предоставленных жителям Калифорнии и Орегона, во много раз превосходит число подобных патентов, выданных на изобретения во все другие штаты страны»¹⁵. С 1859 по 1873 г. Калифорнии было предоставлено около четверти всех патентов, выданных в этот период на производство многолемешных плугов в стране. Кстати отметим, что вклад штата в производство малых однолемешных плугов был незначителен¹⁶.

Примером важного усовершенствования оборудования для культивации земли является стоктонский плуг, изобретенный в Калифорнии. Эти плуги обычно имели четыре, а иногда от трех до шести лемехов с малым отвалом небольшой кривизны, укрепленным на тяжелой треугольной деревянной трехколесной раме. Их называли стоктонскими многолемешными плугами, так как в основном их производили на территории Стоктона, на ведущей фирме в Калифорнии по производству оборудования в то время.

«Эйч Сн Шоу энд компани» — главная фирма Стоктона, которая приступила к изготовлению плугов в 1849 г. и продолжала продажу инвентаря до конца 1950-х годов, — объявила, что более 20 тыс. плугов их фирмы в 1886 г. использовалось в самом штате¹⁷. Дальнейшее развитие получили и другие виды оборудования для культивации, такие, как листеры, бороны, приспособления для выравнивания почвы (типа бульдозеров).

Использование различных нововведений, экономящих затраты труда, способствовало дальнейшему росту производства зерна. К началу 1870-х годов технология производства зерна в Калифорнии существенным образом отличалась от зернопроизводства в других штатах. В 1870-х годах на передовых фермах Среднего Запада быстро возрастало использование зерносеялок, которые позволяли значительно сэкономить зерно, обеспечить лучший урожай, чем при сеянии разбрасыванием семян. Но в процессе эксплуатации сеялки требовали больше труда людей и тягового скота. Обследование, проведенное в 1875 г. департаментом сельского хозяйства Соединенных Штатов, показало, что более 50 % ферм на Среднем Западе применяло зерносеялки, однако почти все зерновые хозяйства Калифорнии сеяли вразброс¹⁸. Калифорнийских фермеров иногда обвиняли в небрежности и неряшливости в отношении использования технологии сеяния, распространенной в большинстве даже отсталых районов, таких, как американский Юг. Однако использование фермерами Калифорнии технологии разбрасывания семян отражало их собственную рациональную систему оценок.

Техника сеяния в Калифорнии действительно имела мало общего с техникой ручного сеяния, практиковавшейся на Юге. Среди оборудования для разброса семян в Калифорнии применялась высокоэффективная рядовая сеялка местного производства. К 1880-м годам использование усовершенствованных моделей позволяло засеивать до 60 акров в день, в то время как восьми-десятифутовые зерносеялки позволяли засеивать лишь 15 акров в день¹⁹. Применение технологий, экономящих затраты труда, было наиболее распространенным явлением в высокодоходных фермах зернопроизводящих штатов. Там фермеры снабжали многолемешные плуги рядовыми сеялками для разброса семян и боронами позади сеялок. Тем самым они дополняли вспашку сеянием и боронованием, соединяя все эти операции в один технологический процесс²⁰.

Производство пшеницы в Калифорнии было сопряжено с особой технологией сбора урожая. Это прежде всего использование хедера вместо жатки. Такая практика получила значительное распространение впоследствии по мере развития производства комбайнов в Калифорнии. Хедер был одним из многих уборочных механизмов, появившихся на Среднем Западе во время взрыва изобретательской активности перед тем, как самосгребающие жатки стали основным механизмом на территории к Востоку от Скалистых гор. Хедер обрезал только верхушки стеб-

лей. Срезанное зерно потом транспортировали на конвейере в вагон или хедер-бокс. Хедеры, как правило, имели больше режущих лезвий, что увеличивало их возможности при уборке урожая по сравнению с жатками. Но самое большое преимущество хедера состояло в том, что при его применении отпадала необходимость в такой процедуре, как связывание снопов. Это давало экономии трудовых ресурсов пяти вязальщиков.

Стоимость хедера была на 50—100 % выше стоимости жатки, но его главный изъян сводился к затруднительности применения в заболоченных районах. Там зерно не было столь сухим, чтобы убирать его еще не совсем зрелым. Этим обусловлен значительный риск использования хедера в климатических условиях Среднего Запада; подобного риска не существовало в условиях сухого лета Калифорнии. По этим причинам Калифорния представляла собой единственно значительный рынок для покупки и использования хедеров и их технологии при уборке зерна. Хотя хедеры были машиной, широко применяемой в Калифорнии при уборке зерна, их производство по стране в целом не было значительным. В 1869 г. было произведено 2500 хедеров сравнительно с около 120 тыс. жаток²¹.

В начале 1850-х годов хедер существенно не отличался от жатки по конструкции. Механизм насчитывал приблизительно одинаковое число валов (мотовил) и режущих ножей; правда, хедер короче срезал стебель и в нем использовался иной принцип тяги. Однако направления дальнейших усовершенствований существенно различались и привели в конечном счете к принципиально различным конструкциям машин, оставив весьма ограниченные возможности для заимствований в области технологий. Чтобы определить перспективы развития, полезно рассмотреть эволюцию технологий, использованных в жатках на востоке страны. Эффективным было использование жаток по патенту «Обед Хасси» (1833) и «Цирус Мак-Кормик» (1834). Основные механизмы конструкции жаток содержали в 1850 г. зарубной бар от 4 до 6 футов в длину с движущимися взад-вперед (по типу поршня) ножами. Колосья сыпались на платформу, с которой вручную сгребались на землю. Машина, которая могла выполнять работу за семерых, обслуживалась водителем и сгребальщиком. К 1850-м годам оба они могли управлять жатвенной машиной. Кроме того, требовалось еще около 6 человек, чтобы вязать снопы и выколачивать зерно из колосьев. На Среднем Западе усовершенствование механизмов шло по линии сокращения поголовья лошадей, используемых как тяловая сила. Если раньше многие жатки требовали четырех лошадей, то к 60-м годам конструкции была изменена так, что позволяла сократить число лошадей до двух и значительно реже менять упряжки²².

Основным изобретением 1850-х годов стало появление «самосгребющих механизмов» — уборочных машин. Это были жатки с механическими руками, которые сгребали зерно с платформы

через определенные промежутки времени. К концу Гражданской войны продажа этих уборочных машин составляла значительную долю рыночной продукции²³. В 1864 г. фирма «Марш бразерз» (Иллинойс) начала продавать «уборочные машины с конвейерной лентой, по которой доставлялись срезанные колосья на площадку машины, где двое вязали снопы вручную». Следующий этап механизации состоял в автоматизации вязания. Вязальная проволока появилась в 1870 г., а вязальный шнур (бечевка) по патенту Эплбая — в середине 1880-х годов. Механизация процесса вязания снопов высвобождала около пяти работников, которые требовались для обслуживания уборочных машин прежде. С середины 1880-х годов сколько-нибудь значительных изменений в конструкции сельскохозяйственных машин не наблюдалось. Основное направление развития и усовершенствования сельскохозяйственных машин, как видим, состояло в упрощении и облегчении, а иногда и сокращении операций сгребальщиков и вязальщиков. Это направление никак не касается конструкции хедера. Хедерные машины сразу же переходили к выколачиванию зерна (обмолоту), минуя стадию сгребания и вязания.

Хедерная технология развивалась по разным направлениям, одним из которых в Калифорнии было создание уборочного комбайна. С момента возникновения хедера представлялось весьма заманчивым и простым снабдить его молотилкой. Предпринималось множество попыток па Востоке и на Среднем Западе создать машину, которая бы сжинала и обмолачивала злаки. Среди тех механизмов, технологии которых успешно реализовали бы эту задачу, был комбайн Хирама Мура, созданный в 1835 г. и применявшийся на его собственной и соседних фермах в Мичигане в течение приблизительно пяти сезонов, но не получивший дальнейшего распространения на Среднем Западе. Использование комбайнов затруднялось на заболоченных территориях, влажность была бедствием для них. В 1853 г. изобретение Мура получило второе рождение, когда его модель была послана в Калифорнию для апробации на ранчо Джона Хорнера около Сан-Хосе. Хотя эта машина сгорела после обработки 600 акров, она послужила прототипом для создания комбайнов в последующие три десятилетия на побережье Тихого океана²⁴.

Дальнейший процесс развития механизации можно было бы разделить на два периода, рубежом между которыми являлась середина 1880-х годов. Первая фаза связана с широкомасштабными экспериментами. В течение первого периода более 20 фирм были вовлечены в процесс местного производства комбайнов. Кроме того, наблюдались попытки снабдить хедеры обмолачивающими механизмами. С середины 1880-х годов, когда уже были созданы работающие конструкции, начался период широкого массового производства и использования машин. Основные фирмы по изготовлению машин, включая два ведущих предприятия — «Стоктон комбайн харвестер» и «Холт компани», располагались в центре по производству комбайнов — в Стоктоне²⁵.

Зерноуборочные комбайны в Калифорнии *

Год	Число	Процент всех ма- лых зерноубороч- ных машин	
1881	более 20	менее 1	* 1881: US Census 1880. Vol. 3. P. 458; 1888: Development of the Combine Farm Implement News. Vol. 11, N 49; Дес. 6, 1928. Процент вычислен на основе при- нятия за 100 % урожая, собранного с 1000 акров за сезон; 1900: USDA Sta- tistical Bull. N 20; 1914: Economist. 1914. Nov. 28; 1928: Combine Yearbook. 1919. P. 33; 1936: Pacific Rural Press. 1937. Feb. 20. P. 266.
1888	500—600	15	
1900	—	67	
1914	более 3000	более 90	
1928	2600	—	
1936	3000	—	

В табл. 2 показаны темпы распространения хлебоуборочных комбайнов в Калифорнии. Здесь представлены наиболее достоверные из доступных оценки числа комбайнов и доля зерновых, убранных механическим методом в штате в различные периоды. В 1880 г. «относительно немного» машин использовалось в Калифорнии, и сельскохозяйственная администрация в лице Брюера и Хилгарда рассматривала использование даже этих машин как экспериментальных. В 1881 г. около 20 комбайнов создавалось в Стоктоне²⁶. К 1888 г. число используемых комбайнов возросло до 500—600. Первой действительно популярной моделью был «Хаусер», созданный фирмой «Стоктон комбайн харвестер». В 1889 г. сообщалось, что 500 комбайнов типа «Хаусер» находятся в эксплуатации и что это превышает число всех других моделей, взятых вместе²⁷. Вскоре «Хаусеры» по широте и популярности использования догнали преобладающие на Западном побережье комбайны марки «Холт», которые с 1893 г. включали и модели, приспособленные для эксплуатации в условиях холмистой местности. К 1915 г. реклама Холта сообщала, что более 90 % посевов пшеницы в Калифорнии убирается с помощью 3000 комбайнов «Холт»²⁸. Важно при этом вспомнить, что использование уборочных комбайнов в восточных областях только начиналось.

Комбайны, используемые в Калифорнии, были намного крупнее, чем сельскохозяйственное оборудование на Среднем Западе в XIX в. В 1880-х годах обычный комбайн имел врубовой бар от 14 до 16 футов в длину и приводился в движение 20—24 лошадьми или мулами, обрабатывая 20—30 акров в день, тогда как наиболее распространенная жнейка-сноповязка, снабженная 6-футовым врубовым баром, имела дневную производительность от 10 до 12 акров при использовании тягловой силы 3 лошадей. Обычные хедеры, применяемые в Калифорнии, имели 12-футовые врубовые бары и могли обработать от 15 до 25 акров в день. Интересно отметить, что для приведения в движение комбайна требовалось не больше лошадиных сил, чем для тяги хедера. Наиболее «тяжелые» комбайны, использующиеся на Среднем

Западе, в 1920—30-х годах были немного меньше, чем обычные для Калифорнии сельскохозяйственные машины 1880-х годов. Тем не менее на Западе комбайны продолжали увеличиваться по размеру. К концу XIX в. обычный комбайн в Калифорнии имел врубовой бар от 16 до 22 футов в длину и дневную выработку от 22 до 33 акров. При его эксплуатации использовались упряжки из 25—35 лошадей²⁹.

Эти невероятных размеров упряжки лошадей были одной из наиболее впечатляющих особенностей уборочных комбайнов. Ужас такого рода зрелища нашел отражение на многочисленных иллюстрациях, photographиях комбайнов, которые сопровождали публикации записок путешественников о Штатах. Одна из открыток, на которой изображено пять работающих на плантациях «Пэсифик нордвеста» комбайнов «Холт» для холмистой местности, запряженных 165 лошадьми и мулами, оставалась бестселлером долгое время³⁰. Фермеры за пределами Западного побережья редко запрягали больше 8 лошадей в упряжку и не применяли крупных сельскохозяйственных машин на полях вплоть до изобретения бензинового трактора.

Основные причины различий в использовании сельскохозяйственных машин, несомненно, обуславливались стоимостью и размерами. Но, очевидно, важную роль играло и убеждение фермеров Востока США, что большие упряжки неработоспособны и непригодны для обработки полей. Как сообщалось, в Калифорнии преобладал иной подход. Газета «Пэсифик рурэл пресс» заявила, что, «если бы один человек мог управлять всеми мулами штата, он был бы верхом совершенства»³¹. Фермеры Калифорнии постепенно развивали способность управлять большим количеством лошадей в упряжке по мере накопления опыта использования такого типа плугов и хедеров, которые могли приводиться в движение лишь многолошадными упряжками.

В процессе усовершенствования комбайнов одной из главных являлась проблема управления большими упряжками при пуске и остановке машины. Основная угроза состояла в том, что животные разбегались. Первый комбайн в Калифорнии, построенный для Джона Хорнера Джеймсом Петтерсоном, в 1853 г. был исковеркан во время испытательного пуска, когда 22 мула в упряжке испугались и разбежались³². Это заставило создателей комбайна изменить конструкцию и усовершенствовать систему сцепления. Основные усовершенствования Холта включали замену неуклюжего скрипучего натяжного устройства более гибкой системой приводных ремней. Это существенно сократило как износ оборудования, так и огромные убытки, наносимые разбежавшимися лошадьми³³.

Трудности, связанные с использованием больших упряжек, способствовали также появлению и применению паровых двигателей. Не позже как в 1871 г. Кук построил комбайн на конной тяге, сопряженный с молотилкой с паровым двигателем. В середине 1880-х годов «Джи Эс Берри оф Линдси» сконструировал

и внедрил самоходный комбайн с паровым двигателем³⁴. В течение 1890—1900-х годов Даниэл Бест и Бенжамин Холт продолжали разрабатывать конструкции громоздких тракторов на паровых двигателях. Тракторы с паровым двигателем существенно не снижали затрат трудовых ресурсов. Кроме того, угроза разбегания животных сменилась гораздо большей опасностью взрывов и пожаров. Тогда как комбайны с паровым двигателем так и не вошли в моду, изобретательская деятельность в этом направлении имела весьма значительный побочный эффект — изобретение трактора на гусеничном ходу. Опять-таки мы видим, насколько сложна кумулятивная природа изобретательской деятельности: попытка решить проблему в контексте специфической технологии привела к появлению совершенно новой машины.

Возделывание пшеницы к концу XIX в. было распространено только в новых районах — на осушенных землях и пересеченной местности, где падения урожаев еще не наблюдалось. Тракторы с паровыми двигателями были совершенно непригодны для использования на неровной местности, где выгоднее выращивать хлебные злаки и где использовались комбайны для пересеченной местности. Известным образом усовершенствованные машины с паровым двигателем применялись на мягких и песчаных почвах, где затруднительно было использовать конную тягу. В частности, на многочисленных недавно осушенных плантациях района озера Бэзин использовались исключительно комбайны с паровыми двигателями, у которых в качестве тягача были колесные тракторы с диаметром колеса 8 футов³⁵. Тракторы с паровыми двигателями также применялись исключительно на плодородных торфяниках, освоенных на территории дельты рек Сакраменто и Сан-Хоакин. Впервые трактор на гусеничном ходу использовался на этих мягких почвах. После нескольких лет усиленной работы Бенжамин Холт испытал успешно в 1904 г. гусеничный трактор мощностью в 40 л. с. на острове, принадлежащем его семье, около Стоктона³⁶. Принцип конструкции гусеничного трактора состоял в увеличении площади соприкосновения поверхностей, распределении веса двигателя и возростании тяги.

Прежние конструкции машин с бесчисленным числом колес, необходимых, чтобы не провалиться в торфяниках, страдали низкой маневренностью и мощностью. Хотя сельскохозяйственные машины на гусеничном ходу призваны были решать прежде всего местные насущные проблемы, это изобретение приобрело всемирное значение. Фирма «Катерпиллер трактор компани» будет изготавливать более крупные и мощные сельскохозяйственные машины, которые распространятся по всему свету.

История изобретений, в которой каждое нововведение открывает ранее неизвестные возможности и порождает потребности в усовершенствованиях, наконец, приводит к появлению еще одного открытия, в то же время преподносит и свои уроки для

понимания развития или недостатков этого процесса изобретений в той или иной период, в том или ином регионе. Ключом к пониманию процесса развития изобретений в Калифорнии является тесная связь владельцев мануфактур с фермерами, что облегчало постоянную обратную связь между ними, порождало острую конкуренцию среди производителей, стимулировало изобретательскую активность.

Стремление предпринимателей получить выгоду было тесно связано с удовлетворением потребностей их будущих клиентов. Вот почему они конкурировали друг с другом, стремясь изготовить оборудование, которое утолило бы потребности клиентов.

Защищенные высокими транспортными расходами от конкуренции крупных фирм, мелкие предприниматели создавали узкоспециализированную продукцию, предназначенную для местного рынка. Преимущества, приобретенные ими вследствие ограниченности масштаба производства данной продукции, позволяли им выходить со своей продукцией на национальный и международный рынки. Часто это означало физическое перемещение производства на новые территории или поглощение мелких производств национальными фирмами и таким образом перемещение центра по производству данной продукции ближе к крупному рынку Среднего Запада и источникам сырья. Но по мере развития сельского хозяйства Калифорнии и формирования нового местного спроса подтверждалась необходимость мелких производств, отвечающих меняющимся потребностям в товарах на рынке.

Исторический опыт Калифорнии и многих других северных штатов как бы противостоит истории развития других регионов. Динамичного промышленного сектора, удовлетворяющего потребностям развития сельского хозяйства, не появилось ни на американском Юге, ни в других менее развитых странах. В этих странах довели исторические традиции, консервирующие характер экономических отношений. На Юге отсутствие местной промышленности, отвечающей локальным потребностям, замедляло развитие механизации, предназначенной для местных природно-географических условий и рыночной конъюнктуры. В исследовании Гэвина Райта Юг рассматривается как «колонизальная экономика», зависящая от северных фирм и разработанной там технологии³⁷. В результате там как сельскохозяйственный, так и промышленный сектор экономики зачахли. То же самое можно отметить для наиболее слаборазвитых стран, где наличие классовых барьеров отделяет предпринимателей от крестьян, ограничивая обмен идеями и подавляя спрос. В Калифорнии кумулятивная сила истории работала в прямо противоположном направлении.

¹ United States Department of Labor, Thirteenth Annual Report: Hand and Machine Labor: Vols. 1—2. Wash., 1898. Vol. 2. P. 470—473.

² United States Bureau of the Census: Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970: Pts. 1—2. Wash., 1975. Pt. 1. P. 461.

³ *Holmes G. K. Wages of Farm Labor* // USDA Bureau of Statistics Bulletin. Vol. 99, 1912. Nov. P. 29—43.

⁴ Подробнее см.: *Taylor P. S., Vasey T. Historical Background of California Farm Labor* // Rural Sociology. 1936. Sept. Vol. 1, N 3.

⁵ В 1900 г. средний размер полеводческих и зернопроизводящих ферм в Калифорнии составлял 367 акров удобной земли, а средний размер фруктовых ранчо — 56 акров удобной земли.

⁶ USDA. Monthly Crop Report. 1917. Apr. P. 33.

⁷ Bureau of the Census, Sixteenth Census of the United States: 1940. Vol. 1. Agriculture. Pt. 6. Wash., 1942. P. 676—677.

⁸ Стоит заметить, что в течение всего периода около половины всех тракторов (гусеничных и колесных) производилось на предприятиях Калифорнии (*Moses R. D. Tractors on California Farms* — 1922. F. Hal Higgins Collection, Department of Special Collections, Shields Library, University of California, Davis).

⁹ *Crawler Tractors for Farm Use*. 1932. Sept. 15. F. Hal Higgins Collection.

¹⁰ *Electrical Times*. 1948. Jan. 2. P. 5; US Bureau of the Census, Fifteenth Census of the United States: 1930. Vol. 2. Agriculture. Pt. 3 (the Western States). Wash., 1932. P. 23, 53.

¹¹ Последняя категория включала стационарные дизельные двигатели, электромоторы и ветряные двигатели. Данные за 1930 г. показывают, что в Калифорнии явно преобладало использование электродвигателей в отличие от других штатов, где были распространены дизельные двигатели. См.: *Hurst W. M., Church L. M. Power and Machinery in Agriculture*. USDA Misc. Publ. N 157. 1933. Apr. P. 16—17.

¹² *Rogin L. The Introduction of Farm Machinery in its Relation to the Productivity of Labor in the Agriculture of the United States During the Nineteenth Century*, University of California Publications in Economics. Berkeley, 1931. Vol. 9. P. 42—44.

¹³ U. S. Census Bureau. Tenth Census. Vol. 3. P. 434.

¹⁴ USDA. Monthly Crop. Report. 1918. Febr.

¹⁵ USDA. Agricultural Report. 1869. P. 326.

¹⁶ United States Patent Office; Subject-matter Index of Patents for Inventions Issued by the United States Patent Office from 1790 to 1873, inclusive... Wash., 1874.

¹⁷ *Pacific Rural Press*. 1886. Oct. 30. P. 373; см. также: *Wik R. M. Some Interpretations of the Mechanization of Agriculture in the Far West* // Agricultural History. 1975. Vol. 49. P. 78.

¹⁸ USDA. Agricultural Report. 1875. P. 42.

¹⁹ *Rogin L. The Introduction...* P. 206—212; *Adams R. L. Farm Management Notes for California*. Berkeley, 1921. P. 121—122, 136.

²⁰ См., например: *Wik R. M. The Mechanization of Agriculture and the Grain Trade in the Great Central Valley of California*. Pioneer Museum Project Grant Proposal, 1974. P. 9. Экземпляр имеется в: F. Hal Higgins Library of Agricultural Technology at U. S. Davis; *Rogin L. The Introduction...* P. 204.

²¹ *Rogin L. The Introduction...* P. 106.

²² *Olmstead A. L. The Mechanization of Reaping and Mowing in American Agriculture* // The Journal of Economic History. 1975. June. Vol. 35, N 2. P. 344—351.

²³ *Hutchinson W. T. Cyrus Hall McCormick: Harvest, 1856—1888*. N. Y., 1935. P. 96, 393.

²⁴ *Hal Higgins F. John M. Horner and the Development of the Combine Harvester* // Agricultural History. 1958. Vol. 32, P. 14—24; *Farm Implement News*. 1888. P. 18.

²⁵ *Olmstead A. L., Rhode P. A Survey of the Development of California Agricultural Machinery, 1860—1960* // Agricultural History Center Working Paper. 1983. N 11. P. 65—69.

²⁶ U. S. Census Bureau, Tenth Census of the United States: 1880, Agriculture. Vol. 3. P. 458.

²⁷ *Rogin L. The Introduction...* P. 121—23; *Brewer W. H. Cereal Report* // U. S. Census of 1880. Vol. 3. Agriculture. Wash., 1883. P. 458.

- ²⁸ Economist. 1914. Nov. 28.
²⁹ Rogin L. The Introduction... P. 147—149.
³⁰ Caterpillar Tractor Company, Fifty Years on Tracks. Peoria, 1954. P. 6—7.
³¹ Graeme Quick and Wesley Buchele, The Grain Harvesters. St. Joseph. 1978. P. 119.
³² Hal Higgins F. John M. Horner and the Development of the Combine Harvester. P. 14—24.
³³ Hal Higgins F. A Century of Combining. 1931. Jun. 24.
³⁴ Olmstead A. L., Rhode P. A Survey... P. 69.
³⁵ Rogin L. The Introduction... P. 149—151.
³⁶ Caterpillar Tractor Company: Fifty Years. 1954. P. 12.
³⁷ Wright G. Old South, New South: Revolutions in the Southern Economy Since the Civil War. N. Y., 1986. P. 156—164.
-

В. Г. Тюкавкин, В. И. Скрыбин

ПРИМЕНЕНИЕ МАШИН В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Применение машин в сельском хозяйстве различных стран привело не только к техническим, но и к экономическим и социальным изменениям. Нами ставится задача проследить некоторые общие итоги применения машин в сельском хозяйстве России и затем на материалах отдельных районов выявить конкретные социально-экономические последствия процесса. Ограниченные рамки доклада заставляют нас ввести и некоторое ограничение в постановку проблемы. На фоне общей картины роста применения машин главной будет проблема связи этого применения с развитием капитализма, в частности связи применения машин и наемного труда, поднятая в интересном докладе профессора Г. Райта о пролетаризации рабочей силы в сельском хозяйстве США. Позволим напомнить, что в докладе сообщалось, что в США фермерские хозяйства пошли по пути не увеличения найма рабочей силы, а увеличения применения машин и это, по мнению Г. Райта, не было связано с капитализмом. Проблема, несомненно, имеет большое значение.

В советской историографии нет специальных монографических исследований о применении сельскохозяйственных машин в России или даже в отдельных районах страны в конце XIX — начале XX в. Но этот вопрос затрагивается во многих общих работах о сельском хозяйстве страны и ее отдельных регионов.

Одним из первых еще задолго до Октября проблему поставил В. И. Ленин в капитальном труде «Развитие капитализма в России» (1897—1899), а затем в ряде других работ. Он также приводил материал о применении машин в сельском хозяйстве США в написанной в 1915 г. работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии (Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки)». В. И. Ленин

обратил внимание на чрезвычайно быстрый рост применения машин в России (в 3,5 раза за 1876—1894 гг.) и отметил большое общественно-экономическое значение этого явления, которое он ставил в прямую связь с развитием капитализма¹.

В работах советских историков-аграрников приведены дополнительные сведения о применении машин. Основное внимание обращено на тот факт, что машин было недостаточно, поскольку многие крестьянские хозяйства не имели машин, а некоторые даже не имели усовершенствованных орудий и вообще какого-либо инвентаря. Такой взгляд на проблему высказан историком А. М. Анфимовым и обоснован в его работе 1980 года². Основным свой вывод он сформулировал так: «В заключение вопроса об орудиях и машинах следует предупредить читателей об опасности преувеличения реального значения показанных в 1910 г. количеств, кажущихся весьма значительными». Речь идет о материалах переписи сельскохозяйственных машин в России, проведенной в 1910 г. По мнению автора, эти сведения нужно было бы дополнить данными о количестве земли, которая обрабатывалась ими, и тогда «оказалось бы, что усовершенствованных металлических орудий в деревне было еще очень мало»³.

На наш взгляд, такой «опасности преувеличения» количества машин в сельском хозяйстве России не существует, так как данные переписи 1910 года мало кому известны. А. М. Анфимов тоже приводит в названной монографии далеко не все эти материалы, а школьный учебник, выходящий миллионными тиражами, ограничивается одной фразой: «В сельском хозяйстве стали применяться машины». Это написано о начале XX в., тогда как машины стали применяться за полвека до этого. Так что проблема не только весьма актуальна, но и недостаточно освещена в литературе. Пока еще в полном объеме не исследованы эффективность применения машин в сельском хозяйстве России, влияние этого процесса на развитие капитализма, роль машин в хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян.

Трудности исследования проблемы во многом зависят от характера и состояния источников, от неразработанности источниковой базы. Имеющиеся источники: материалы переписи 1910 года, земских обследований и местных переписей, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. — содержат, как правило, данные об общем количестве машин и не показывают распределения их по социальным группам крестьян. Лишь обследования бюджетов, местные обследования дают сведения о сельскохозяйственном инвентаре отдельных помещичьих хозяйств и социальных групп крестьянских дворов. Этих последних материалов крайне мало. Есть два пути преодоления таких трудностей. Первый состоит в том, чтобы привлечь к разработке первичные материалы переписей — в подворные карточки, которые заполнялись во время переписей, включены данные и о хозяйственной состоятельности двора, и о применении им машин и орудий. Можно по этим карточкам подсчитать те данные, которых не

хватает в опубликованных итогах переписей. Но карточек слишком много, и подсчитать их все очень трудно, ведь общее их число составляет миллионы бланков. Второй путь заключается в том, чтобы применить математические методы подсчетов по уже имеющимся данным и интерпретировать их на всю страну. В настоящее время второй путь тоже не может быть сразу использован, так как данных недостаточно. Чтобы найти новые данные и сделать возможным применение математических методов на достаточно репрезентативном материале, нужно сначала сделать на научной основе выборку подворных карточек по разным типологическим регионам, обработать эти выборки, классифицируя дворы по количеству рабочего скота, посева или инвентаря. Нами предпринята попытка такой обработки материалов подворных обследований крестьянских сел Сибири в 1910—1912 гг. и одного из уездов Тульской губернии, привлекаются и другие материалы. В дальнейшем возможна обработка этих материалов математическими методами. Пример такой обработки применительно к помещичьим хозяйствам содержится в книге И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунской и Б. М. Литвакова «Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в начале XX в.»⁴ Для создания математической модели в целях подсчетов подворных карточек необходимо проработать в теоретическом плане все соотношения и предварительно составить сущностно-содержательную модель. Выявлению этих соотношений для подготовки такой модели могут служить представляемые данные.

Для выявления общего фона приведем некоторые данные о применении машин в сельском хозяйстве России в конце XIX—начале XX в. Несомненно, что основой процесса послужили технические изобретения машин. Но применению машин в России до отмены крепостного права (1861 г.) мешало наличие бесплатного труда крепостных крестьян, в результате чего помещики не были заинтересованы покупать машины. Широкую известность приобрела фраза одной помещицы: если я куплю паровую молотилку, так что у меня бабы будут делать всю зиму? Но накануне отмены крепостного права наметился кризис применения труда крепостных. Противоречия последних с помещиками достигли такой остроты, что крестьяне, приходя на барщину, устраивали нечто вроде «итальянской забастовки» — работали так, что результаты были совсем мизерными. Тогда многие помещики кинулись покупать иностранные машины. Поэтому первый этап роста применения машин пришелся, как отмечал В. И. Ленин, на последние годы существования крепостного права и первые годы после его отмены. В 1863—1864 гг. спрос на машины упал, так как выяснилось, что на машинах должны работать наемные рабочие достаточно высокой квалификации, а помещики использовали труд крепостных или временнообязанных. Затем второй период применения машин начался с конца 70-х годов и характеризовался резким увеличением ввоза машин.

В 1885 г. была введена пошлина на ввозимые машины и началось некоторое выравнивание производства машин в стране и их ввоза.

Бурный рост применения машин и усовершенствованных орудий в сельском хозяйстве наблюдался в конце XIX в., когда главными покупателями их стали зажиточные крестьяне. В начале 70-х годов в России ввоз и производство сельскохозяйственных машин оценивались в 2,3 млн руб. в год, а в 1890 г. — в 5 млн, т. е. за 20 лет ежегодное потребление возросло в 2 раза. Далее начался настоящий бум: в 1892 г. потребление составило 9,1 млн руб., в 1896 г. — 19 млн, в 1906 г. — 38 млн и в 1912 г. — 131,1 млн руб.⁵ Таким образом, с 1870 по 1912 г. ежегодное потребление возросло в 57 раз, а за 1890—1912 гг., где имеются более точные данные, — в 26 раз. Прогресс был несомненным, и в этом главное значение приведенных цифр. Но сравнению с предыдущими периодами это был колоссальный шаг вперед. Особенно важно подчеркнуть, что потребление машин стремительно нарастало в начале XX в. и ежегодная прибавка составляла много миллионов руб., например в 1909 г. на 18,4 млн больше, чем в 1908 г., а в 1911 г. на 39,5 млн руб. больше, чем в предыдущем году. Такое нарастание свидетельствовало и о быстром развитии производительных сил в сельском хозяйстве. Но если сравнивать с самой передовой страной по уровню развития капитализма в земледелии, т. е. с США, то Россия еще значительно отставала. В 1900 г. в России ввоз и потребление оценивались в 26,3 млн руб., а в США в том же году было произведено сельскохозяйственных машин и орудий на 157,7 млн долл., или на 315,3 млн руб. Даже с учетом большого вывоза машин из США во все страны, включая и Россию, отставание было очень значительным; правда, в последующие годы оно стало сокращаться.

Можно подсчитать примерно, на какую сумму имелось сельскохозяйственных машин у населения страны к 1913 г. За 1901—1912 гг. было ввезено и произведено на собственных крупных заводах машин на 723 млн руб. Конечно, население воспользовалось в какой-то мере в этот период и машинами предыдущих лет (до 1901 г.), но шла и амортизация машин этого периода, что одно другое компенсировало. Крестьяне ухаживали за своими машинами весьма тщательно, чистили их, оберегали, на зиму укутывали или хранили даже в избе, всегда смазывали. Сохранность машин у помещика была хуже. Вряд ли можно согласиться с А. М. Анфимовым, когда он подсчитывает, что через 10 лет ни одной машины и ни одного орудия в хозяйствах крестьян и помещика уже не оставалось⁶.

Нужно отметить, что точные статистические данные имеются лишь о ввозе машин, а производство их учитывалось на сравнительно крупных предприятиях, подчиненных фабрично-заводской инспекции. Не учитывалось производство на средних и мелких заводах, в ремесленных заведениях и кустарное производство.

Между тем среди крестьян машины и орудия кустарного производства были распространены очень широко, даже иногда шире, чем фабричные (см. далее материалы по Тульской губернии). Орудия кустарного производства были иногда лучше фабричных, о чем свидетельствовали отзывы крестьян. Это же отмечалось на многих внутренних и международных выставках, например в 1893 г. в Чикаго. Правда, на выставки посылались самые лучшие машины. Как правило же, кустарные машины были хуже фабричных, но зато и дешевле. По многим местным обследованиям, кустарных машин у крестьян было больше.

Не содержит точных данных о цене всех машин и орудий в России и специальная перепись 1910 года, ибо она в отличие от американских переписей зафиксировала лишь число всех машин и орудий без их стоимости. О соотношении между ввозом машин и их производством можно судить по данным фабрично-заводской статистики (табл. 1).

Как видим, существовало примерное равенство ввоза и производства, но производство выходило вперед даже без учета средних и мелких предприятий. Хотя в России имелось уже много крупных заводов сельскохозяйственного машиностроения, в том числе и с участием иностранного капитала, которые могли быстро наращивать производство машин, страна не могла обойтись без ввоза большого числа машин. В начале XX в. это стало предметом разбирательства специалистов правительственной комиссии. Царское правительство в принципе выступало против ввоза иностранных машин и всячески поощряло собственное производство. В 90-х годах прошлого века были существенно повышены пошлины на ввозимые машины и издано несколько постановлений, запрещающих государственным складам сельскохозяйственных машин размещение заказов за границей. В 1906 г. по этому вопросу возник конфликт между министром торговли и промышленности Философовым и главноуправляющим землеустройством и земледелием Васильчиковым. Философов пытался запретить покупку машин за границей специальными казенными складами, в частности складами Переселенческого управления и др. Васильчиков, отвечая министру, признавал ввоз машин из-за границы «анормальным явлением», но просил временно разрешить эти заказы, пока отечественные заводы под давлением конкуренции повысят качество и снизят цены на машины.

Правительственная комиссия выяснила следующее. Наибольшую конкуренцию русским машинам составляли уборочные американские машины, а по остальным машинам конкуренция была меньше. Основными поставщиками машин для сельского хозяйства России являлись американские фирмы «Мак-Кормик», «Диринг», «Осборн» и др. Значительная часть из них объединилась при участии мощных финансовых групп и создала трест «Международная компания жатвенных машин Америки». Первоначально победа американских фирм объяснялась действи-

Таблица 1

**Потребление машин и усовершенствованных орудий
(в млн руб.)***

Год	Ввоз	Производство	Всего	% к 1906 г.
1906	18,6	20,0	38,6	100
1907	20,0	24,0	44,0	115
1908	24,6	22,6	54,2	142
1909	37,6	35,0	72,6	190
1910	39,0	41,0	80,0	209
1911	57,9	61,6	119,5	312
1912	63,6	67,5	131,1	342
Итого	261,3	271,7	540,0	

* Чаянов А. В. Капиталы и крестьянское хозяйство и его кредитование при аграрной реформе. М., 1918.

тельно более высоким качеством и меньшей ценой их машин по сравнению с русскими. Трест Диринга построил мощный завод жатвенных машин под Москвой (в Люберцах), но спрос все равно не был удовлетворен. За покупку американских машин ратовало Переселенческое управление, которое покупало их на десятки миллионов рублей для перепродажи переселенцам. В служебной записке в министерство торговли и промышленности управление указывало, что американские жатвенные машины по своим высоким качествам и цене стоят вне конкуренции на мировом рынке и даже Германия, которая имеет сама много крупных заводов, предпочитает в основном американские жатки. Переселенческое управление поддерживал генерал-губернатор Западной Сибири Надаров, который телеграфировал из Омска: «Своей стороны горячо вступаю это дело, считая распространение американских машин весьма желательным ввиду высоких всеми признанных качеств»⁷.

Но вскоре русские заводы усовершенствовали свои машины, и конкурс уборочных машин в Барнауле в 1907 г. показал, что они не хуже американских, а по цене даже на 10 руб. дешевле. Однако русские заводы могли продавать машины в кредит только на год с первой выплатой через полгода, а более богатые американские фирмы давали кредит на два года с первой выплатой через год. Казенные склады к тому же задолжали американскому объединенному тресту большую сумму и поэтому не могли покупать машины не только у русских заводов, но и у тех американских фирм, которые не входили в трест («Массей-Гарви», «Мильвоки» и др.), хотя комиссия установила более высокое качество машин этих фирм. Конкуренция мощных иностранных заводов была выгодной для покупателей, так как заставляла русских заводчиков повышать качество машин и снижать их цену, а значит, и себестоимость. И в производстве и

в торговле сельскохозяйственными машинами господствовал крупный капитал, в значительной степени иностранный.

Перепись 1910 года дает возможность рассмотреть общее распространение сельскохозяйственных машин и орудий в России. Орудий по обработке почвы было 18,4 млн штук, из них половину составляли деревянные (около 8 млн сох и 1 млн косуль), а половину — железные плуги (6 млн) и деревянные с железными лемехами и предплужниками (3 млн). Паровых плугов было всего 335 штук, мало было зарегистрировано и тракторов — 166. Ранее считали железные плуги не только более производительными, что бесспорно, но и более совершенными по агротехнике, поскольку пахота на них велась глубже, комки земли разрезались и пласт переворачивался. Сейчас это оспаривается. Наоборот, тот факт, что соха не переворачивала землю, а лишь рыхлила, и только на небольшую глубину, на глубину чернозема, не смешивая его с глиной и песком, как раз считают достоинствами правильной агротехники. Исследователи начала XX в. приводили слова крестьян о том, что они пытались завести железные плуги, но бросили — «глина близко». Значит, применяли машины не бездумно, а после проверки. Во многих местностях деревянные сохи имели в начале XX в. много усовершенствований в зависимости от местных условий. Но, конечно, при подъеме целинных и залежных земель на окраинах применялись только железные плуги. На огромных латифундиях были незаменимы многолемешные плуги, высоко ценились немецкие плуги «Сакка» с полуинновым отвалом из знаменитой крупновской стали. Хотя железных плугов было меньше, чем деревянных сох, производительность первых была во много раз выше, и нет сомнений, что большинство пашни обрабатывалось железными орудиями.

Значительно в большей мере технические усовершенствования коснулись процесса уборки хлебов и травы, обмолота и очистки зерна. Блестящим подтверждением человеческого гения стало изобретение уборочных машин — жаток, особенно соединенных со сноповязалкой. В России их называли «жатки-самосброски», так как они «сами сбрасывали» снопы хлеба, перевязанные шпагатом. Помимо того, что такая жатка-сноповязка заменяла десятки работников, хлеб созревал в снопах и хорошо хранился до обмолота. На конной сенокосилке за 10 часов работы скашивали траву с 5 дес. (5,5 га), или столько, сколько 20 взрослых косарей за день, а на косилке могли работать и подростки. Многие крестьяне на сенокосилках убирали хлеб, иногда для этого приделывали деревянную решетку. В 1910 г., по данным переписи, в стране было 811 тыс. жатвенных машин и 200 тыс. сенокосилок, так что в общей сложности на уборке могло быть использовано более 1 млн машин. Большой спрос также крестьяне предъявляли на молотилки и веялки. В 1910 г. насчитывалось 550 тыс. копных и 27 тыс. паровых молотилок и 317 тыс. усовершенствованных веялок. Эти цифры понадобятся

в дальнейшем для подсчета занятых рабочих и их общей эффективности, хотя сделать подсчеты можно лишь на основе местных, более полных данных, учитывающих разную степень использования машин в разных районах и разных типах хозяйств, а также ряд других обстоятельств.

Машины были неравномерно распределены между районами и между типами хозяйств. Наиболее обеспечены машинами и усовершенствованными орудиями были новороссийские губернии, прибалтийские, украинские, поволжские и сибирские. На каждые 100 орудий в среднем по Европейской России приходилось 51 усовершенствованное, а в азиатской части страны — 77, т. е. обеспеченность ими была в полтора раза больше. Еще выше (до 80—90) эта цифра поднималась в новороссийских и некоторых других губерниях. Именно в названных районах располагались в начале XX в. основные центры сельскохозяйственного производства. Еще большая неравномерность наблюдалась в распределении машин между типами хозяйств — помещичьими, кулацкими, бедняцкими, середняцкими. Это обстоятельство усиливало развитие капиталистических отношений, а при равном распределении машин между хозяйствами капитализма бы не было, так как одна машина пришлась бы на несколько хозяйств, а в действительности все обстояло наоборот: одни хозяйства имели машины и получали за этот счет дополнительную прибыль, а другие совсем их не имели и вели убыточное, полунатуральное хозяйство. Посредине располагалась группа крестьянских хозяйств, имевших машин недостаточно. В советской исторической литературе есть довольно много доказательств этого положения. Задача состоит в том, чтобы углубить исследование этого вопроса, выяснить отношения более точно по разным регионам.

* * *

В Сибири начало массового применения машин в сельском хозяйстве пришлось на первые годы XX в., хотя машины кустарного и фабричного производства появились там лет на 20—30 раньше. В самом конце XIX в. открываются казенные и частные склады сельскохозяйственных машин. В 1901 г. их уже было 19, а в 1913 г. — 767. Четверть этих складов принадлежала Переселенческому управлению, которое продало за 1898—1916 гг. машин на 33,3 млн руб., а все склады продавали в Сибири в 1910—1914 гг. в среднем машин на 20,7 млн руб. в год, или 19 % общероссийского потребления, хотя крестьянское население Сибири составляло 6 % (помещиков в Сибири не было), а посевные площади занимали 8 % общероссийских. Если в европейской части страны за 1900—1912 гг. потребление машин увеличилось в 5 раз, то в Сибири — в 16 раз. Главной причиной такого быстрого роста было развитие капитализма в так называемых *старожильческих* хозяйствах, т. е. созданных до 1893 г. (до проведения железной дороги и принятия новых законов о зем-

леустройстве новоселов), ибо именно у них было значительно больше машин. Росту применения машин способствовало и развитие крестьянских переселений, поскольку новоселы привозили с собою мало инвентаря и покупали его на месте, для чего Переселенческое управление предоставляло им кредит на льготных условиях. Повышенный спрос на сельскохозяйственные машины во вновь колонизируемых районах был характерен также и для США.

Что же послужило основным стимулом покупки машин в Сибири? Ответ мы находим в обзоре Томского уезда за 1906 г.: «В последние годы вследствие дороговизны и неимущества рабочих рук земледельцы некоторых волостей прибегли к спешному приобретению жатвенных машин, сенокосилок, молотилок и веялок и даже с конными приводами».

Применение машин было особенно выгодно тогда, когда они снижали себестоимость производства по сравнению с ручным трудом и их применение было дешевле найма рабочих. Специальное обследование, проведенное в Сибири в 1913 г., показало следующее соотношение между ручным и машинным трудом (табл. 2).

Данные обследования показали, что везде машинная уборка обходилась дешевле и, следовательно, была выгоднее ручной. Но в то же время выгода была разной. Самой большой она была в западной части Сибири — наиболее освоенной и наиболее заселяемой, именно туда шел основной поток переселенцев. В таблице просматривается следующая закономерность: чем дешевле рабочая сила, тем больше разница между ручной и машинной уборкой. Наибольшая выгода получалась крестьянами Акмолинской области (центр Омск) — 3 руб. 08 коп. с одной десятины. Наименьшая же — в Иркутской губернии, где цены на рабочие руки были в полтора раза выше. Там разница составляла лишь 1 руб. 70 коп. Однако имелся еще один стимул применения машин — нехватка рабочих рук в разгар страды. Этот стимул был, наоборот, острее в Восточной Сибири, а в Западной при массовом наплыве переселенцев в некоторых местностях не наблюдалось дефицита рабочей силы (в целом же для Сибири того времени характерен именно недостаток рабочих рук, так как рост производства обгонял рост населения в 1900—1914 гг.).

Обследование выявило еще одну особенность. «Машина, конкурируя с ручной уборкой, понизила и плату за последнюю», — констатировали авторы обследования. Как видим, выгода для зажиточных крестьян, которые могли купить дорогие уборочные машины, была двусторонней: уборка машиной обходилась дешевле на 2—3 руб. с десятины, а при посевах в 20—30 десятин, которые нередко встречались в сибирских губерниях, это выросло в дополнительный доход в 40—90 руб. за одно лето. С другой стороны, так как применение машин понижало цены на рабочие руки, то массовая покупка машин способствовала снижению стоимости уборки хлебов. Была еще третья сторона, данные о которой будут приведены ниже: зажиточные крестьяне на

Стоимость уборки хлебов с одной десятины (в руб.)*

Губерния или область	При машин- ной уборке	При жатве серпом	Выгода ма- шинной убор- ки
Акмолинская область	12,52	15,60	3,08
Томская губерния	15,66	17,99	2,33
Тобольская »	14,02	16,75	2,73
Иркутская »	22,10	23,80	1,70

* Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год. СПб., 1914. С. 63—64.

своих машинах обрабатывали за плату земли соседних крестьян и еще получали прибыль, притом немалую. Наконец, нужно отметить повышение качества уборки хлебов и связанную с этим выгоду. Многие крестьяне недоверчиво относились в первое время к машинам, считая, что уборка ею будет недостаточно качественной. Поэтому сельскохозяйственные склады организовали показательную уборку хлебов во многих регионах. После этого крестьяне села Рудничного Балаганского уезда Иркутской губернии писали в заявлении заведующему складом, что польза от показательной жатки, которая работала на их полях, оказалась «сверх ожидания» очень хорошей: работа на ней дешевле, удобнее и «чище не только косыбы косами, но даже жатья серпами»⁸.

Массовые сведения о применении сельскохозяйственных машин и орудий содержат материалы обследования переселенцев и старожилов в 1910—1912 гг. по заданию Государственной думы. Выделим из них материалы по Томской губернии, где одновременно обследовались как новоселы, так и старожилы: в 4 уездах подверглось сплошной переписи 36 сел, в которых насчитывалось 3161 хозяйство старожилов и 2862 хозяйства переселенцев⁹. Население сел составляло 36 336 человек, т. е. села были крупные и в целом довольно зажиточные даже по сибирским меркам (а крестьяне Сибири, по оценке В. И. Ленина, были «самые сытые»¹⁰, в среднем более зажиточные, чем в центральных губерниях страны), потому что в южных районах Томской губернии почвенные и климатические условия были очень благоприятными. Материалы переписи собирались и обрабатывались весьма компетентной комиссией под руководством крупного статистика профессора В. Я. Нагнибеды. Комиссия выделила группы хозяйств по количеству посева и рабочего скота, что делает материалы особенно ценными для исследователя. Сохранились и подворные карточки переписи. При определенных социальных различиях групп переселенцев и старожилов (последние в среднем были более состоятельны) в среде и тех и других выделены группы зажиточных (кулаков), бедняцких и середняцких хозяйств. Жили они вперемешку и не были разграничены, имелись и бедные старожилы и богатые переселенцы. При общем под-

счете кулаки составляли 27 % дворов, бедняки — 46 и середняки — 27 %. Различались они по величине посева (кулаки — свыше 10 дес., бедняки — менее 4 дес.).

Материалы показывают, что между этими группами сельскохозяйственный инвентарь распределялся так же неравномерно, как и посев, рабочий и прочий скот. Жнеек и сноповязалок в бедняцкой группе почти не было (1 на 100 хозяйств), у середняков их насчитывалось 4 на 100 хозяйств, а у кулаков — 34, т. е. у последних каждое третье хозяйство имело уборочные орудия. Таким же было положение с молотилками и сенокосилками. Несколько лучше бедняцкие хозяйства были обеспечены плугами (2 плуга на 10 хозяйств), но тоже в 6 раз хуже кулаков, у которых на каждое хозяйство приходилось по 1,25 плуга. При учете всех орудий, вместе взятых, кулаки были обеспечены в десятки раз лучше бедняков. Правда, даже кулаки не все были обеспечены сложными машинами (в среднем по 0,3 машины на двор). Но обследование показало также, что рост применения машин не сопровождался уменьшением применения наемного труда. Именно те хозяйства, которые применяли машины, больше использовали и наемный труд. Обследование дало такие результаты: в бедняцкой группе применяли наемный труд 18 % дворов (да и то потому, что сюда попали беспосевные дворы торговцев), в середняцкой — 43, а в кулацкой — 74 %.

В 1917 г. специальному обследованию подверглись крестьянские хозяйства Барнаульской волости на Алтае. Зажиточные дворы, составлявшие 27 %, имели 75 % всех жнеек, 75 — всех молотилок, 64 — сенокосилок, 91 % — веялок. А на долю бедняцкой группы приходилось всего 2—3 % этих орудий¹¹. За счет использования машин у кулаков снижалась себестоимость продукции, а продавали они ее по среднерыночным ценам, как и остальные крестьяне. В результате у кулаков получалась дополнительная прибыль.

Рассмотрим, как велось зажиточное крестьянское хозяйство на примере крестьянина Иркутской губернии И. И. Лыткина, получившего премию к 300-летию дома Романовых за «образцовое» ведение хозяйства. Лыткин был типичный кулак, далеко не самый богатый. Крупнокулацкие дворы в Сибири составляли 3 % дворов и имели по 100—300 и более десятин посева, сотни и тысячи голов скота. К таким Лыткин не принадлежал. Он имел 76 десятин пашни и при трехпольном севообороте засеивал в год 48 десятин, а 28 держал под паром. Кроме земледелия, он, как и большинство таких крестьян, занимался скотоводством, имел более 200 голов крупного рогатого скота и много мелкого. Из 10 членов его семьи было 4 работника, считая и его самого, так как он сам работал «от зари до зари» вместе со всеми. В хозяйстве имелось 15 рабочих лошадей и инвентаря на 1836 руб., в том числе сноповязалка (стоимостью 402 руб.), жатка (210 руб.), сенокосилка Мак-Кормика (145 руб.), четырехконная молотилка (200 руб.), семярядная сеялка Эльвортн

(96 руб.), веялка, сортировка, сепараторы, маслобойки. При таком размере хозяйства Лыткин не мог обойтись без найма работников, в том числе нанимал и на машины.

Соотношение собственной и наемной рабочей силы в хозяйстве было 1:5 в пользу найма. Из всех денежных расходов в 2500 руб. он заплатил за наем работников 1300 руб., и за вычетом всех прочих расходов остался доход в 1130 руб. Зарплата же членов семьи составила бы по среднерыночным ценам 264 руб. (в обоих случаях зарплата не включает питание, которое шло за счет хозяина натурой). Чистая денежная прибыль Лыткина составила 870 руб. Этот год считался среднеурожайным. Обычно в такой год часть натурального дохода хозяева оставляли в закромах, чтобы продать в неурожайный год подороже. Описание хозяйства помогает составить полное представление, за счет чего была получена значительная прибыль. При среднем урожае по уезду в 1912 г. 50 пудов с десятины (считался чистый урожай, т. е. за вычетом семян) Лыткин получил по 150 пудов пшеницы и по 120 пудов ржи с десятины, т. е. в три раза больше. Конечно, более высокие урожаи объяснялись не только применением машин. Лыткин выписывал улучшенные семена, очищал семенной материал, применял травосеяние, вывозил на поля навоз, но, безусловно, сыграло роль и применение машин. По названию перечисленных машин можно заметить, что в хозяйстве Лыткина механизированы были почти все процессы зернового производства — от сортировки семян до уборки и обмолота, но не имелось машин, облегчающих труд в животноводстве. Применение же наемного труда у него падало в основном на уход за скотом, хотя и обслуживание машин тоже не обходилось без найма работников.

Применение машин было связано с тем, что их владельцы после уборки собственного хлеба (или травы при сенокосе) еще за определенную плату работали на землях соседей. Так, в Иркутской губернии крестьянин рассказал корреспонденту газеты «Сибирь», что он купил жнею за 450 руб. и за один сезон чуть не полностью вернул себе ее стоимость, включая выгоду на собственных полях¹². Таким образом вводился прокат машин, что расширяло сферу их применения и одновременно позволяло кулакам эксплуатировать своих односельчан, так как конкуренция в этой области являлась незначительной и можно было назначать цены, исходя лишь из цен на рабочие руки.

Рассмотрим условия применения машин в помещичьих и крестьянских хозяйствах центра России на материалах Тульской губернии. Правда, эта губерния относилась к числу тех, где преобладала отработочная система — сдача помещиками земли в аренду за часть урожая. При отработках помещику не пужно было покупать машины, так как крестьяне обрабатывали землю овым инвентарем. Но некоторые помещики уже вели капиталистическое хозяйство и применяли машины и наемный труд. В начале XX в. разорение многих крестьян лишало помещиков

возможности так широко сдавать землю в аренду, как раньше, и процесс применения машин усилился. Кроме того, зажиточные крестьяне почти не прибегали к отработочной аренде и у них потребность в применении машин была выше, чем у помещиков. Это являлось еще одним преимуществом развития крестьянско-буржуазного, или фермерского, пути.

В Тульской губернии сплошному обследованию подверглись частновладельческие хозяйства только одного Епифанского уезда в 1900—1901 гг.¹³ Крестьяне этого уезда имели ничтожно малые наделы и не могли обходиться без аренды земли у многоземельных помещиков. Половина частновладельческой пашни (52,4 %) была сдана в аренду, а остальная пашня находилась в пользовании помещиков. К сожалению, статистика 1900 г. не показывает обеспеченность имений инвентарем. Однако мы располагаем подробным описанием некоторых епифанских владений, которые обнаружены в залоговых документах Дворянского банка. В уезде господствовало крупное землевладение, и поэтому обратимся к описаниям типичных для него латифундий И. А. Бернарда и А. Т. Офросимова.

Первый землевладелец имел 1753 десятины пашни. Чтобы обработать такое количество земли, нужно было иметь 170 плугов (считалось, что один плуг необходим для каждых 10 десятин посева). Такого количества пахотных орудий в имении не было, и владелец сдавал 1113 десятин (63 %) пашни в аренду за деньги. Собственное хозяйство велось на 640 десятинах земли. Владелец нанимал 25 постоянных рабочих и имел из пахотных орудий 20 плугов, 25 сох, 3 запашника. Однако этими орудиями можно было обрабатывать только две трети собственной пашни, и поэтому помещик приглашал на обработку 210 десятин крестьян-сдельщиков с их инвентарем. На две трети также было обеспечено хозяйство владельца и жатвенными машинами (3 жатки). Только молотилками и веялками Бернард был обеспечен достаточно по отношению к своей запашке.

Недостаточная обеспеченность хозяйства орудиями и машинами предстает перед нами и в имении Офросимова. Пашня здесь занимала 910 десятин. Хозяин имел 22 плуга, 30 сох и нанимал 15 годовых и 45 срочных работников. 690 десятин (75 %) удавалось обработать собственным инвентарем, 80 десятин обрабатывали крестьяне-отработчики, 140 десятин сдавалось в аренду.

Подобную картину хозяйствования можно видеть и по другим 54 описаниям имений, заложенных в этот период в Дворянском банке. Следовательно, расширить свою запашку без покупки инвентаря владельцы не могли. Недостаток свободных денег сдерживал техническое вооружение помещичьих хозяйств. Кроме того, перед дешевизной найма крестьян с их инвентарем в конце XIX в. отступала на второй план забота о качестве обработки почвы даже у помещиков, имевших деньги. Там же, где в имениях инвентаря вообще не было, вся пашня сдавалась или обрабатывалась орудиями крестьян. Но как только частично поку-

пался пахотный инвентарь, возникала собственная запашка, которая начинала расширяться по мере приобретения новых орудий. Часто в описаниях имений встречается пометка: владелец купил инвентарь и с будущего года прекращает сдачу земли и переходит к наемному труду. Однако в конце XIX в. в губернии примерно половина пашни сдавалась владельцами в аренду и более 60 % посевов производилось руками и орудиями крестьян — сдельщиков и отработчиков. Слабо тульские помещики были обеспечены жнейками, часто уборка урожая велась вручную. Однако молотилками и веялками большинство хозяйств обходились уже своими, нанимая для молотбы в помощь постоянным рабочим поденщиков. Очень мало было в имениях сенокосилок и конных граблей. Уборка лугов на четыре пятах производилась отработчиками. Не сложились еще к этому времени кадры специалистов по ремонту и уходу за машинами. Редко в хозяйствах можно было встретить машиниста при паровой молотилке, механика или слесаря-ремонтника. Чаще всего эти работы выполнялись деревенским кузнецом.

Теперь посмотрим, как процесс замены старого сельскохозяйственного инвентаря более совершенным шел у крестьян Тульской губернии в конце XIX в. Массовое обследование крестьянских хозяйств с целью выяснения их обеспеченности усовершенствованными орудиями было проведено только по Епифанскому уезду (табл. 3).

Приведенные данные свидетельствуют о глубокой нищете большинства крестьянских хозяйств в уезде. Плуги едва-едва начинают проникать в крестьянское земледелие. Епифанские респонденты сообщали, что «плугами крестьянское население уезда начинает только обзаводиться. Плугов еще мало, а в некоторых волостях и совсем нет. Плуги наиболее зажиточные крестьяне стали приобретать только 3—4 года назад, раньше же у крестьян их совсем не было». Переписью не были учтены в уезде сохи, но ясно, что здесь преобладали деревянные орудия для обработки почвы. Соха использовалась как универсальное крестьянское орудие для выполнения всех работ: взмета пара, вспашки под зябь, заделки семян. Правда, бороны с железными зубьями хотя и не учитывались, но не были уже редкостью. Из уезда писали: «Бороны с железными зубьями — обычное орудие, в некоторых волостях почти вытеснили деревянную». Лучше, чем плугами, были обеспечены крестьяне молотилками и веялками, но и этих машин пока было недостаточно. Это подтверждается следующим сообщением: «Машинная молотба предпочитается ручной в годы хорошего урожая, а в годы среднего и плохого урожая молотят цепями но неимении средств на уплату владельцам машин... Цены за молотбу не низкие, в иные годы в одну осень окупалась цена молотилки, что свидетельствует о недостаточном их количестве»¹⁴.

О процессе замены старого инвентаря усовершенствованными орудиями по остальным уездам Тульской губернии дает представ-

Обеспеченность усовершенствованным инвентарем крестьянских хозяйств
Епифанского уезда Тульской губернии в 1900—1901 годах *

Всего хозяйств на- личных	Всего по- сева (дес.)	% хо- зяйств без всякого инвентаря	Всего плугов	Дес. на 1 плуг	Всего мо- лотилок	Дес. на 1 молотилку	Всего вея- лок	Дес. на 1 веялку
18 088	73 452	33	155	473	684	107	1237	59

* Земские подворные переписи 1880—1913 гг.: Поуездные итоги/Сост. Свавицкие З. М. и Н. А. М., 1926, С. 121.

ление очерк местного земского агронома Ю. С. Соттири, который был написан на основе сообщений 173 сельских респондентов в 1900 г.¹⁵

Представитель земства считал, что употребление улучшенных пахотных орудий началось в Тульской губернии в середине 90-х годов XIX в. Процесс этот шел медленно и неравномерно по 12 уездам. Лучше других в губернии на рубеже веков были обеспечены плугами крестьянские хозяйства северных уездов: Алексинского, Веневского, Каширского. Они располагались ближе других к Москве, и здесь находился завод Головина, который с 80-х годов выпускал подходящие плуги. Кроме того, земство открыло в этом районе склады сельскохозяйственных орудий и машин. Так, склад Каширского уезда за четыре года (1896—1899) продал крестьянам 670 плугов.

Несколько медленнее замена сохи шла в Епифанском, Ефремовском и Богородицком уездах. А в четырех уездах (Белёвском, Одоевском, Чернском и Крапивенском) респонденты вообще не указали употребления крестьянами плугов. Следовательно, Епифанский уезд, по которому выше приводились статистические данные, занимал в губернии среднее положение по темпам и степени оснащения новой пахотной техникой.

Большой интерес крестьяне всех уездов проявляли к машинной молотье и особенно к очистке зерна. Молотилки и веялки появились в Тульской губернии раньше плуга лет на 10—15, поступили они из Рязанской губернии, где располагались десятки мастерских по их изготовлению. Спрос на них быстро рос, и в конце века их количество превысило число плугов в 10 раз. Крестьяне отдавали предпочтение четырехжонным молотилкам: «Молотилок, рассчитанных на меньшую тягу или обратно на большую... очень немного». Однако молотилка стоила немалых денег. Соттири уточнял, что «привозимые из Рязани — 100—150 руб., местного изготовления — 100—120 руб. Иногда повышаются до 300 руб.»¹⁶

Плуги и молотилки были сосредоточены в руках зажиточных крестьян (табл. 4). Хотя плуг местного Головинского завода стоил не очень дорого (20 руб.), покупали его те дворы, где имелись сильные лошади. Из Епифанского уезда сообщали: «Ря-

Обеспечение усовершенствованным инвентарем крестьянских хозяйств Епифанского уезда в 1900—1901 годах *

Посевная группа (в дес.)	Число дворов	Число хозяйств без всякого инвентаря	Усовершенствованные сельскохозяйственные орудия				Число наемных рабочих (годовых, сроковых, месячных)	Число хозяйств с наемными сельскохозяйственными рабочими
			Плуги	Молотилки	Вейалки	Жатки		
Без посева	3 239	871					17	15
С посевом:								
до 1	1 870	1503	1	1	1		12	12
1—2	3 192	2280		7	7		19	18
2—5	6 666	1317	5	48	117		140	124
5—10	4 394	46	33	234	482		437	398
10—15	909	1	38	207	357		249	222
15—25	257	2	39	119	169		183	117
25—50	31		8	25	30	1	32	15
Свыше 50	9		27	8	10	1	44	7
Всего	20 567	6020	151	649	1173	2	1133	928

* Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии. Т. 1. Епифанский уезд. Тула, 1902. Вып. 1. Таблицы. С. 34, 43, 47, 48.

довые крестьяне не могут употреблять плуг по слабости лошади, хотя сами плуги им доступны по цене»¹⁷. Табл. 4 показывает, что оснащение дворов орудиями и машинами возрастает по мере роста размеров хозяйства. Кроме того, основные покупатели совершенной техники являлись основными нанимателями батраков, сроковых и месячных работников. Очень часто хозяин молотилки с работниками разъезжал по селам с целью промысла и окупал за сезон затраты на машину. «Машины приобретаются или крестьянами, производящими относительно значительный посев, или же с расчетом пользоваться ими исключительно в виде промысла. Чаще оба мотива не разделены в лицах, т. е. машины заводятся зажиточными землепашцами», — пояснял Соттири¹⁸.

Много внимания губернское земство уделяло вопросу о происхождении крестьянских орудий и машин. Оно установило, что с 1900 г. крестьяне в первую очередь покупали плуги местного завода Головина, на втором месте была продукция иностранных фирм (в основном Лингарта) и на третьем — изделия кустарного производства по типу плугов Головина. Предпочтение заводским орудиям отдавалось ввиду хорошей производительности и сходной цены. Молотилки и вейалки из-за их высокой цены приобретались иным способом. Соттири писал: «В настоящее время преобладает такой способ. Крестьяне покупают механические части машины в городе: в лавках или литейных мастерских (их несколько в Туле), приглашают особого мастера, который и собирает станок (барабан) и привод. Так же поступают и при изготовлении вейалок»¹⁹. Следовательно, большая часть машин у крестьян были самодельными. Некоторая часть машин покупалась у кустарей в специальных мастерских, расположенных

в уездах. Как исключение изредка попадались машины зарубежных фирм.

Интересно, что такой порядок приобретения сохранился на долгое время. И в 1907 г. земство, занимаясь этим вопросом, установило, что большинство машин у крестьян не фабричного изготовления. Эти изделия не удовлетворяли крестьян («слабы, быстро ломались»), но заводские машины были слишком дороги. Крестьяне Крапивенского уезда писали: «Очень велики цены на молотилки и веялки, у кустарей дешевле».

Но, несмотря на эти препятствия, процесс замены старорядовского инвентаря у крестьян пошел в начале XX в. быстрее.

Земская управа установила, что в 1906 г. четвертая часть всех селений губернии имела плуги и почти во всех селениях имелись молотилки. Значительно сократилось количество крестьянской пашни на один плуг. Если в 1900 г. у крестьян Елифанского уезда на одно орудие приходилось 473 десятин посева, то в 1906 г. — 37,3 десятин. Еще лучше плугами были обеспечены дворы Алексинского (19,7 десятин на плуг), Каширского (14,6 десятин) и Веневского (22,5 десятин) уездов. В 1907 г. земская управа констатировала появление первых жней (фирмы «Мак-Кормик»), которые приобретались богатыми крестьянами для промысла.

В 1910—1912 гг. в Тульской губернии была проведена земская подворная перепись крестьянских хозяйств всех уездов. Материалы этой переписи свидетельствовали, что в деле оснащения тульской деревни усовершенствованными орудиями и машинами сделан еще один шаг вперед. Весьма показательны цифры по Елифанскому уезду, дворы которого были обследованы дважды с интервалом в десять лет (табл. 5).

Мы видим, что число хозяйств и посевные площади за десятилетие увеличились незначительно (соответственно на 13 и 15 %). В то же время парк плугов в уезде возрос в 40 раз. Налицо количественный рост и всех остальных видов техники, а также появление совершенно новых машин — жнеек и сеялок. Заслуживает внимания то, что на фоне роста сельскохозяйственного инвентаря почти не изменилось число наемных постоянных работников и даже произошло некоторое их уменьшение. Как было показано выше (табл. 4), наемные рабочие использовались прежде всего в семьях состоятельных крестьян-кулаков. Специальным исследованием было установлено, что местное кулачество предъявляло невысокий спрос на труд батраков. Хозяйства зажиточных крестьян были небольшими относительно помещичьих имений, и крестьянская семья выполняла своими руками большую часть работы, особенно в зимнее время. Однако во время уборочной страды крестьянские хозяйства нуждались в поденном и сдельном найме больше, чем помещики. Кулак предпочитал в страду заплатить подороже поденщику, выжать из него все силы, чем держать весь год с небольшой нагрузкой постоянного рабочего. К сожалению, поденный и сдельный труд в уезде

Год обследо- вания	Число хо- зяйств	Посев (дес.)	Усовершенствованный инвентарь					Наем годовых и сро- ковых рабочих	
			Плуги	Молотил- ки	Вязки, сортиро- вки	Жнейки	Сейлки	Число хо- зяйств с на- емными рабо- чими	Число рабочих
1900—1901	18 088	73 452	155	684	1237	—	—	996	1197
1911	20 740	86 200	6018	1027	2187	24	10	1020	1026

* Земские подворные переписи 1880—1913 гг.: Поуездные итоги/Сост. Свавицкие З. М. и Н. А. М., 1926. С. 121.

пе был учтен, но ясно, что он рос вместе с техническим перевооружением хозяйств.

Остальные уезды Тульской губернии были обследованы только один раз, и сделать по ним сопоставления невозможно. Однако материалы переписи 1910—1912 годов свидетельствуют, что в этих уездах не наблюдалось застоя в процессе приобретения нового инвентаря. Усовершенствованные пахотные орудия теперь имелись в 30 % крестьянских хозяйств губернии. Улучшилось обеспечение уборочными машинами. К этому времени их имели 12 % дворов в губернии. У крестьян появились сеялки, косилки, сортировки. Материалы переписи еще раз подтвердили, что значительная часть усовершенствованных орудий была сосредоточена в хозяйствах зажиточных крестьян.

Вернемся вновь к помещичьим хозяйствам Тульской губернии.

В период с 1900 по 1917 г. в губернии резко сократилось применение оработок и стала преобладать капиталистическая система. Это доказали по материалам переписи И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунская и Б. М. Литваков²⁰. Мы можем сопоставить техническую оснащенность помещичьего хозяйства с крестьянским. Для этого обратимся к материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, так как более ранних массовых сведений не имеется (табл. 6).

Табл. 6 подтверждает замечание В. И. Ленина о том, что главными покупателями плугов и молотилок были крестьяне, а жаток и сеялок — владельцы²¹. Количество плугов у помещиков выросло. Если в 1910 г. у них на один плуг приходилось 17 десятин посева, то в 1917 г. — 14 десятин. Однако по сравнению с крестьянами владельцы пахотными орудиями обеспечены хуже. Недостаток плугов указывает на еще сохранившееся использование в помещичьих хозяйствах крестьянских пахотных орудий.

В абсолютном количестве и в пересчете на посев крестьяне несколько превосходили владельцев в покупках молотилок. Но на самом деле молотилки даны в общем виде, статистика не разделила их на категории по мощности. А у крестьян и помещиков было некоторое различие в употреблении этих машин.

Машины и орудия в крестьянских и помещичьих хозяйствах Тульской губернии в 1917 году*

Хозяйство	Посев (дес.)	Плуги	Десятин посева на плуг	Молотилки	Десятин посева на молотилку	Вейлки	Десятин посева на вейлку
Крестьянское	1 103 245	103 872	10	16 252	67	28 607	38
Помещичье	192 341	13 687	14	2 268	84	3 509	54

Хозяйство	Жнейки	Десятин посева на жнейку	Косилки	Десятин посева на косилку	Сейлки	Десятин посева на сейлку
Крестьянское	3361	328	2431	453	682	1617
Помещичье	2610	73	1528	125	2505	76

* Таблица составлена по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года: Итоги по губернии (Тула, 1925. С. 94).

В крестьянских хозяйствах не могла появиться паровая молотилка. Она стоила 2—2,5 тыс. руб. Кроме того, такая молотилка требовала одновременно от 50 до 70 работников. У крестьян же были в громадном большинстве молотилки четырехконные; молотилок, рассчитанных на меньшую тягу или обратно, на большую, очень немного.

В употреблении вейлок обнаруживается лучшая обеспеченность крестьян. Это достигнуто за счет зажиточных крестьян. Да и цены на них были не столь велики, как на молотилки (ручная вейлка стоила 30—40 руб.).

О слабой механизации крестьянского земледелия свидетельствуют последние графы табл. 6. Помещичье хозяйство значительно лучше, чем крестьянское, было обеспечено сеялками, жнейками и косилками. Если тульские помещики по обеспеченности жнейками и сеялками смогли выйти на средние показатели по Европейской России, то крестьянские дворы уступали этим показателям: по жнейкам — в 3 раза, а по сеялкам — в 10 раз²².

Перепись 1917 года не учитывала стоимость и количество земледельческой техники. Однако архивные документы (Дворянский банк и первичные материалы подворовой переписи) показывают, что у помещиков все виды орудий и машин были совершеннее и дороже. Только в качестве плугов у крестьян и владельцев не было резкого различия (в основном фабричные, двухлемешные, частично зарубежного производства). Остальной инвентарь

крестьянскими дворами приобретался чаще всего кустарного производства или простейшего типа (отечественного). Например, львиную долю купленных крестьянами жаток составляли простейшие лобогрейки российского производства, а помещики же предпочитали дорогие жнеи-сноповязалки. Техника у помещиков была и разнообразнее. Здесь имелись рядовые сеялки, зерносушилки, клеверные терки, сноповязалки зарубежных фирм, о которых крестьяне знали только понаслышке. Добавим, что в губернии находились два трактора; в имении Бобринского ценою 10 тыс. руб. и в имении Тютчевой ценою 8 тыс. руб.

Оговоримся, что в Тульской губернии самые зажиточные крестьяне по обеспеченности земледельческой техникой мало уступали помещикам. В погоне за наивысшей прибылью они также приобретали зарубежные производительные машины. Но таких в тульской деревне было немного.

Важно отметить, что в имениях появился штат «мастеровых», т. е. специалистов, которые отвечали за сохранность и ремонт машин (кузнецы, слесари, механики, машинисты и т. д.). Нанимались они обычно на год, что свидетельствует об их загруженности даже зимой.

И в заключение скажем о распространении сложных машин и орудий в Тульской губернии относительно Средне-Черноземного района. Чтобы не учитывать влияние первой мировой войны на этот процесс, обратимся к материалам проведенного в 1910 г. Центральным статистическим комитетом сплошного учета техники в крестьянских и частновладельческих хозяйствах.

Отработочная система наложила свой отпечаток на обеспеченность пахотными орудиями. В целом в Тульской губернии сохранялась сошная обработка земли. Но эту губернию уже можно отнести к району с заметным распространением плугов (24,5 %). В среднечерноземной полосе впереди шли лишь Воронежская и Курская губернии. С скромное место Тульская губерния занимала по обеспечению сеялками. Этих машин приобреталось недостаточно, и посев почти полностью производился вручную. Мало было здесь и сенокосилок, но это объясняется, по-видимому, недостатком лугов в черноземной полосе. Значительно продвинулось вперед приобретение жатвенных машин, теперь их насчитывалось более 2 тыс., но Тамбовская и Воронежская губернии опережали Тульскую. Наиболее широко в Тульской губернии были распространены молотилки и веялки, их численность приближалась уже к 40 тыс., причем несколько сотен молотилок были паровыми. По этим машинам губерния была на одном из первых мест.

Таким образом, за десять лет XX в. Тульская губерния сделала большой шаг в употреблении усовершенствованных машин и орудий. Стремление крестьян к замене старых простейших орудий новыми сыграло в этом немалую роль. С уменьшением отработок и усилением отходничества значительно возрос парк сложных усовершенствованных машин и у тульских помещиков, переходивших на капиталистическую систему хозяйства.

Исследование вопроса о применении сельскохозяйственных машин в хозяйствах крестьян центра и окраин России, а также в хозяйствах помещиков показывает, что этот процесс был тесно связан с развитием капитализма. Стремление расширить производство для продажи товаров на рынок заставляло хозяев приобретать машины. В свою очередь, этот процесс позволял получить дополнительную прибыль за счет увеличения производительности труда, повышения качества работ и улучшения агротехники с помощью машин. Одним из важнейших социальных последствий применения машин было усиление классовой дифференциации крестьянства. Покупать машины могли далеко не все крестьяне и, главное, далеко не в равном количестве. Бедняки с трудом покупали плуги ценой 19—33 руб., недорогие веялки и другие орудия, а кулаки, помимо них, покупали жатки-сноповязалки ценою 450—600 руб., молотилки и сенокосилки по 200—400 руб.

Машина позволяла получить, как мы видели, дополнительную прибыль, и поэтому вложение денег в покупку машин было вложением капитала, явлением капиталистическим, ибо капитал, по определению К. Маркса, — это деньги, которые делают деньги²³. Уже сама покупка машины вела к развитию капитализма. Данные показывают, что у кулаков урожай хлебов были значительно выше, чем у остальных крестьян. Так, в 1913 г. в Омском уезде средние урожай хлебов составляли 42 пуда, а у кулаков — 69 пудов, в Петропавловском уезде — средние 38 пудов, а у кулаков — 93 пуда. Следовательно, лучшая обработка почвы за счет лучших орудий, более качественная очистка семян и обмолот, лучшая уборка хлебов и в самые лучшие агротехнические сроки — все, что делалось с помощью машин, помогало кулакам получать более высокие урожаи и с меньшей затратой на единицу продукции. Конечно, нельзя сбрасывать и другие факторы — выписку улучшенных семян, применение удобрений и т. п., но в целом применение машин, бесспорно, вело к экономическим выгодам в хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян.

Вернемся к вопросу о соотношении применения машин и наемного труда в сельском хозяйстве начала XX в., поднятому профессором Г. Райтом. Мы должны сразу оговориться, что в этом случае необходимо оставить в стороне современное состояние дела, когда появились более совершенные машины, электрификация. Нам кажется, для начала XX в., а тем более для конца XIX в. неправомерна постановка вопроса о том, что хозяйства крестьян могли пойти не по пути пролетаризации, а по пути применения машин, как полагает профессор Г. Райт.

Во-первых, сам профессор Г. Райт отмечает, что он оставляет в стороне крупные пшеничные фабрики, а берет только небольшие фермерские хозяйства. Но ведь крупные хозяйства и в США, и в России давали значительную часть продукции и не могли увеличивать применение машин без увеличения найма. Напри-

мер, в имении Юсупова в Курской губернии в начале XX в. имелось более 2 тыс. машин и орудий и летом работало более 10 тыс. рабочих. За отдельными примерами стоят и массовые данные. По сведениям переписи 1910 года, в США на долю 18 % самых крупных ферм приходилось 47 % общей стоимости всего имущества ферм²⁴. Значит, довольно большое число хозяйств приходится сразу исключать.

Во-вторых, машина может заменить наемных рабочих при расширении производства, если все процессы и все отрасли механизированы. В России начала XX в. это можно отнести к зерновому производству. А уже на сенокосе не был механизирован процесс скирдования, весьма трудоемкий. Значит, на него нужно было нанимать рабочих, так как при механизации косыбы и сгребания сена его количество было намного больше, чем можно было скирдовать прежними силами. Почти совсем не применялись машины в животноводстве и скотоводстве, в огородничестве, садоводстве и т. д. Как раз эти отрасли являлись в несколько раз более трудоемкими, чем зерновое производство. Это уже второе исключение и на этот раз касающееся всех типов хозяйств, тем более при все усиливающейся специализации районов на производстве технических культур, животноводстве, садоводстве и пр. Многие крестьянские хозяйства были земледельческо-животноводческими или животноводческо-земледельческими, как и фермы в США.

В-третьих, мы подходим уже к вопросу в чистом виде — насколько применение машин возможно без применения наемной рабочей силы в начале XX в.? По этому поводу В. И. Ленин писал: «Массовое употребление с.-х. машин предполагает существование массы с.-х. наемных рабочих»²⁵. Но при этом В. И. Ленин отмечал, что этот процесс имеет две стороны: переход к капитализму создает спрос на наемных работников, с другой стороны, там, где наемных рабочих уже много, машины могут вытеснять наемных рабочих. Он также сделал оговорку, что по России нет точных и массовых статистических данных о том, «каков общий результат обоих процессов». Только в Новороссии он отмечал вытеснение машинами наемных рабочих и создание в земледелии капиталистической резервной армии²⁶.

Таким образом, В. И. Ленин еще в конце XIX в. не отрицал в принципе возможности вытеснения машинами наемных рабочих и отмечал этот процесс в Новороссии. Но по поводу России он писал, что не подлежит сомнению факт общего роста наемных работников. Введение машин и сокращение наемного труда протекало не так просто, как кажется. Например, молотилка заменяла труд многих людей, но для обслуживания конной молотилки нужно было 14—23 работника, а паровой — от 50 до 70. Естественно, что трудом только членов семьи ее нельзя было обслужить, нужно было нанимать рабочих. В специальном справочнике указывалось, что для обслуживания паровой молотилки требовались кроме обычных крестьян и подготовленные, квали-

фицированные рабочие: при локомотиве — машинист, кочегар, смазчик и помощник машиниста. На каждую веялку Клейтона, Эльворти и др. ставилось 4 работника, за жнеей-лобогрейкой нужно было 7—10 вязальщиц и т. д. Следовательно, происходила замена неквалифицированного труда квалифицированным, нарастало применение детского и женского труда на машинах и ряд других процессов, что не означало простого сокращения рабочих. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что в России в начале XX в. пока еще вытеснение машинами наемного труда не стало повсеместным, хотя вышеназванные сложные процессы шли полным ходом. Интересен и с экономической и с социальной стороны факт найма владельцев машин для проведения отдельных работ на участках их соседей — здесь в качестве эксплуататора выступал владелец машины, т. е. нанимаемый, а не наниматель, как это было ранее с наймом владельцев лошадей безлошадными дворами. Но, повторяем, в принципе В. И. Ленин предвидел процесс сокращения наемного труда и вытеснения его машинами «на известной ступени развития капитализма, именно, когда сельское хозяйство всей страны организуется вполне капиталистически и употребление машин для самых различных операций земледелия делается всеобщим»²⁷. Именно этот процесс имел в виду профессор Г. Райт, но он при этом должен был оговориться, что его подтверждают данные более поздних переписей (цензов) США, а именно цензов после 1920 г. В России же этот процесс проявлялся гораздо меньше, чем даже в США по переписи 1910 года, которая подтверждала большой рост применения наемного труда.

Процесс роста применения сельскохозяйственных машин, развивавшийся такими высокими темпами, как было показано выше, привел к значительным социально-экономическим последствиям и имел большое значение в развитии производительных сил в сельском хозяйстве.

¹ См.: Ленин В. И. Ноли. собр. соч. Т. 3, С. 215—216, 223.

² Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980. С. 156—165.

³ См.: Там же. С. 165.

⁴ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в начале XX в. М., 1982.

⁵ Анфимов А. М. Указ. соч. С. 159; Чаянов А. В. Кипиталы и крестьянское хозяйство и его кредитование при аграрной реформе. М., 1918. С. 7.

⁶ Там же. С. 159—160.

⁷ ЦГИАЛ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 714. Л. 10—12.

⁸ См.: Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 326.

⁹ Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы алтайско-томской части Сибири/Под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полп. собр. соч. Т. 39. С. 40. В. И. Ленин также отмечал, что Сибирь — «край из крепких и сильных крестьян...» (Там же).

¹¹ Каврайский В., Нусинов И. Классовое расслоение сибирской деревни. Новосибирск, 1927. С. 21.

¹² Сибирь. 1906, 1 янв.

¹³ *Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии.* Тула, 1902. Вып. 1—2. Т. 1: Епифавский уезд.

¹⁴ *Экономическая программа Тульского губернского земства.* Тула, 1900. С. 88.

¹⁵ *Соттири Ю. С.* Очерк распространения в крестьянском хозяйстве Тульской губернии улучшенных земледельческих машин и орудий // *Экономическая программа Тульского губернского земства.* С. 77—113.

¹⁶ Там же. С. 83

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 85

¹⁹ Там же. С. 82.

²⁰ *Ковальченко Н. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Указ. соч. С. 233—234, 236.

²¹ См.: *Ленин В. И.* Полп. собр. соч. Т. 3. С. 222.

²² *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 128.

²³ См.: *Маркс К.* Капитал. М., 1967. С. 163.

²⁴ См.: *Ленин В. И.* Полп. собр. соч. Т. 27. С. 224.

²⁵ Там же. Т. 3. С. 227.

²⁶ См.: Там же. С. 227—228.

²⁷ Там же. С. 228.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

*

О. Г. Буховец

О СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ СОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одна из примет нынешнего этапа советской историографии аграрной истории России периода капитализма — заметно возросший интерес к изучению сознания, прежде всего политического, крестьянства. Основное внимание исследователей при этом привлекают годы первой (1905—1907) и второй (1917) буржуазно-демократических революций. В этот период процессы, протекавшие ранее в деревне подспудно, проявились открыто, при этом выявились со всей очевидностью, во-первых, их новизна и, во-вторых, масштаб. Сказанное прежде всего, естественно, относится к первой российской революции.

Как известно, крестьянское движение капиталистической России вплоть до революции 1905—1907 годов не приобретало политического характера. Поднимаясь на борьбу за свои конкретные интересы и требования, крестьяне не ставили целью изменение существующего социально-экономического строя и политической системы страны в целом, не понимали неразрывной связи между борьбой за «землю» и борьбой за «волю». Это являлось прямым следствием политики самодержавия, направленной на консервацию векового патриархального уклада крестьянской жизни. Конкретно она выражалась, в частности, в сохранении сословного неравноправия крестьян, в регламентации всех сторон их жизни вплоть до семейных отношений. Правительственная и церковная пропаганда была направлена на культивирование казенной религиозности и веры в «доброго» царя. Очень низким оставался уровень пародного образования. В результате значительная часть российского крестьянства вплоть до первой буржуазно-демократической революции была крайне темной, забитой, равнодушной ко всем вопросам, выходящим за узкие пределы деревни, села, волости.

Однако наряду с названными факторами, «консервировавшими» патриархальность крестьянства, на его сознание все более и более заметное воздействие начинали оказывать факторы, связанные с развитием капитализма и вызреванием в стране предпосылок буржуазно-демократической революции. Миграции больших масс сельского населения, вызванные бурным развитием отхожих промыслов, способствовали росту сознательности и самостоятельности крестьян¹, обогащению спектра их социальных интересов. Медленное, но неуклонное распространение в деревне образования — прежде всего в наиболее крупных селениях — расширяло кругозор крестьян, пробуждало у них чувство собственного достоинства². Большое влияние оказывала деятельность демократически настроенной сельской интеллигенции — учителей, врачей, агрономов и т. д., — а также развернутая накануне революции неонародническими организациями в деревне широкомасштабная пропаганда и агитация. Огромное революционизирующее воздействие оказывала на крестьянство борьба российского пролетариата и его партии. Совокупным результатом воздействия перечисленных факторов и явился тот факт, что крестьянское движение 1905—1907 гг. впервые в истории пореформенной России поднялось до уровня движения политического, т. е. такого, которое выдвинуло требования «изменить государственные порядки»³. В. И. Ленинным этот факт был расценен как «поворотный для истории...»⁴.

Формы проявления политического крестьянского движения в деревне 1905—1907 гг. были очень разнообразными. Здесь мы встретим и многочисленные факты участия крестьян в деятельности Всероссийского крестьянского союза, и проведение в деревне политических демонстраций, и создание крестьянами организаций военно-политического характера, и др. Наиболее же массовой и хронологически первой для периода революции формой политического движения в деревне стало так называемое «приговорное» движение, т. е. принятие крестьянскими сходами и собраниями *приговоров* (решений сходов), наказов, обращений, заявлений, телеграмм политического характера, направляемых в Государственную думу, различным политическим партиям и организациям, в редакции газет, в правительственные инстанции и т. д. Тысячи таких документов хранятся в настоящее время в фондах центральных, республиканских и областных архивов. Сотни их появились во время революции на страницах газет. Около 300 опубликовано к настоящему времени в сборниках документов.

Принятие политических приговоров, наказов и т. д. власти расценивали как «преступную агитацию». Поэтому данные документы подлежали конфискации, а их составители всячески преследовались. В архивных фондах периода революции имеется очень много, в частности, сведений об арестах и препровождении в тюрьмы лиц, подозреваемых в составлении таких документов.

Опасность приговорного движения для устоев имела два ас-

пекта — политический и идеологический. Прежде всего в процессе составления, обсуждения и принятия документов крестьяне организовывались, спланивались и, таким образом, неизбежно вступали в конфронтацию с властью. В идеологическом же отношении эта опасность сводилась к тому, что принятие крестьянами документов с революционно-демократической программой свидетельствовало о сокращении сферы влияния старой патриархальной идеологии и соответственно о расширении «ареала» идеологии революционно-демократической.

Обстоятельства составления и принятия приговоров и наказов отражали все многообразие условий, в которых находилось крестьянство в период революции. В одних случаях они принимались на сходах, проходивших в относительно мирных — благодаря неведению властей или отсутствию у них в нужный момент достаточных полицейских сил — условиях. В других — на сходах, проводившихся при нависшей угрозе столкновений с властями. Документы принимались также на подпольных сходах, митингах, собраниях, съездах крестьян и даже... в тюрьмах. Так, например, наказ во II Думу крестьян 18 селений Бугульминского уезда Самарской губернии был принят на состоявшемся 28 марта подпольном сходе⁵. Другой пример — воронежские крестьяне-«аграрники» (т. е. активные участники революции), находясь в заключении в Воронежской губернской тюрьме, сумели тем не менее в марте 1907 г. составить, подписать, а затем и передать на волю наказ в Думу⁶.

Анализ содержания, стиливых и орфографических особенностей приговоров и наказов, конкретных условий, при которых проходило их принятие, показывает, что тексты некоторых из них целиком составлялись самими крестьянами. Таков, например, весьма своеобразный по форме и содержанию приговор крестьян села Тростянки Самарского уезда той же губернии⁷.

В большинстве же случаев приговоры, указы и т. д. рождались в «соавторстве» — прямом или косвенном — крестьян с представителями различных неонароднических партий и организаций, демократической сельской интеллигенцией, большевиками. По этот факт отнюдь не ставит под сомнение крестьянское авторство документов. Возьмем, к примеру, приговор села Канаевки Николаевского уезда Самарской губернии⁸. Написан он языком вполне «интеллигентским». Однако это ни в коей мере не должно порождать у нас недоверие к нему. Конкретные обстоятельства, связанные с принятием данного документа, нам известны. Сход, собравшийся для принятия приговора, был разогнан, но крестьян указанного села это не остановило — некоторое время спустя они, скрываясь от властей, все-таки поставили под ним около 300 подписей и отправили затем его текст в I Думу⁹. Такое поведение крестьян достаточно красноречиво свидетельствует в пользу того, что содержание приговора является «крестьянским».

Даже в тех случаях, когда крестьяне брали для принятия готовые проекты приговоров, они их обсуждали, дополняли и, нако-

нец, утверждали (а иногда и отвергали) на сходах. Более того, «комбинированное», или крестьянско-некрестьянское, авторство как раз показательно в том плане, что отражает специфику исторического места крестьянства как класса, в политическом и идейном отношении ведомого.

Составляя политические приговоры, наказания, обращения, т. е. документы, содержание которых являлось принципиально новым для деревни, крестьяне вместе с тем были избавлены от необходимости облекать это новое содержание в какую-то принципиально новую форму. Для этих целей они просто использовали такую традиционную разновидность письменной фиксации решений сельских и волостных сходов по административно-хозяйственным вопросам, как приговор, которому присуще наличие формуляра, т. е. его содержание излагалось в определенном и довольно-таки строго выдерживаемом порядке. В соответствии с ним тексты подавляющего большинства этих документов можно подразделить достаточно четко на четыре части-кlausулы: *начальную* (название селения, дата проведения схода, количество присутствовавших), *описательно-констатирующую* (изложение причин бедственного положения крестьян либо народа в целом), *резолютивную* (программа преобразований политического и социально-экономического порядка) и *конечную* (подписи либо «крестьяне неграмотных, печать сельского старосты или волостного правления).

Телеграмма же в силу чисто технических ограничений объема представляла собой в сущности краткую «редакцию» резолютивной klausулы приговора.

Историография изучения приговоров и наказов весьма внушительна: с 1906 г. по конец 80-х годов вышло, по нашим данным, более 70 специальных и общих работ по истории революции¹⁰. Существенны и достижения. Так, в научный оборот вовлечено в общей сложности уже более тысячи документов. При изучении их в последние годы исследователи в значительно большей мере стали прибегать к количественному анализу.

Вместе с тем информативный потенциал данного вида источников используется пока далеко не полно. Так, общей чертой для всей историографии является то, что интерес к проблеме приговорного движения ограничен пока только изучением содержащихся в приговорах *требований* крестьян. Но, как явствует из текстов приговоров и наказов, их содержание отнюдь не исчерпывается одними только требованиями. Напротив, последние являются хотя и очень важным, но все-таки лишь *одним* из многих его компонентов. В качестве других выступают суждения, запросы и просьбы, призывы, лозунги и приветствия, предупреждения и заверения, постановления о конкретных мерах. Совершенно поэтому очевидно, сколь много мы теряем ценной социальной информации, не учитывая все эти составляющие. Нельзя также не отметить, что вследствие указанной ограниченности в подходе к источнику многое выносится «за скобки» даже

в части требований. Взять хотя бы то их количество (два-три десятка), которое вне зависимости от пространственно-временных рамок анализа и числа документов остается почти неизменным во всех работах: реальное многообразие требований оно в нужной мере не отражает. В действительности «палитра» их несравненно богаче.

Понятно, что набор из двух-трех десятков показателей получается в результате весьма значительного усреднения массы требований. Само по себе это усреднение, или генерализация, — вполне правомерный и необходимый метод изучения массовых явлений, позволяющий выделить в них наиболее общее и типичное. Однако масштаб усреднения должен при этом выбираться так, чтобы, раскрывая типичное, он вместе с тем давал возможность выявить и *особенное*¹¹. К сожалению, последнее условие исследователями вопроса как раз и не учитывается. Следовательно, весьма актуальная и важная задача нынешнего этапа историографии — существенно повысить уровень информативной отдачи политических приговоров, наказов, обращений и т. д.

Далее. Во всех без исключения работах о приговорном движении исследуется, строго говоря, не *движение*, а только сами *приговоры* как источник по общественному сознанию крестьянства. Но у этой проблемы есть и другой важный объект. Как выше уже отмечалось, принятие крестьянами в ходе революции политических приговоров и наказов было новым для пореформенной России социальным явлением. А принципиальная новизна для крестьянского сознания политических взглядов, настроений, требований и т. д., зафиксированных в данных документах, естественно, выдвигает такой вопрос: насколько созвучны были эти *взгляды и настроения* политическому *поведению* в 1905—1907 гг. крестьян, принявших на своих сходах тексты данных приговоров? Эвристическая значимость подобной постановки проблемы тем более очевидна, что речь идет о двух с половиной годах революции. Ведь именно в период революции создаются наиболее благоприятные условия для реализации *единства сознания и деятельности масс*.

Ответ же на вопрос, имело ли место такое единство в рассматриваемом здесь случае, мы получим, изучив, какой конкретно «вклад» внесли в общее революционное движение в деревне крестьяне тех селений, откуда исходят политические приговоры.

Таким образом, наряду с аспектом *сознание* в проблеме приговорного движения следует выделить и аспект *деятельность*, т. е. политическое поведение в революции. Кроме того, для полноты социального портрета изучаемого явления совершенно необходимо также установить, какая часть крестьянского населения проживала в селениях, охваченных приговорным движением. Какие это селения? Какова была обеспеченность крестьян землей? К каким дореформенным разрядам они принадлежали? Понятно, что ответы на эти вопросы означали бы освещение проблемы еще в одном важном аспекте — *положение*.

Попытка осуществления намеченной выше исследовательской программы была предпринята нами на материале двух губерний — Самарской и Воронежской. Такой выбор объясняется тем, что в аспекте *деятельности* исследование базировалось на хрониках крестьянского движения; ведь последние в силу своей открытости для контроля вполне отвечают требованию воспроизводимости полученных результатов. А на данное время в историко-ведческом отношении наиболее совершенны (если брать Европейскую Россию) именно хроники по Воронежской и Самарской губерниям¹².

Последние, будучи одними из крупнейших губерний России по численности крестьянского населения (в общей сложности более 5 млн), представляются вполне достаточным «полигоном» для апробации вышесказанной программы. В целях же обеспечения наиболее оптимальных условий для проведения исследования нами была проведена — на основе сходства — различия по важнейшим признакам социально-экономического и социально-политического порядка — пространственная типизация обеих губерний, т. е. объединение всех их 19 уездов в районы. По Самарской губернии это северный (Бугульминский, Бугурусланский, Самарский, Ставропольский уезды) и южный (Бузулукский, Николаевский, Новоузенский) районы, по Воронежской — северо-западный (Воронежский, Коротоякский, Нижнедевицкий, Землянский и Задонский уезды), центральный (Бобровский, Острогожский, Павловский, Бирючинский и Валуйский) и юго-восточный (Богучарский и Новохоперский) районы.

Поскольку объем статьи не позволяет осветить саму процедуру анализа в равной степени по всем выделенным аспектам, сделаем это подробно лишь по ведущему из них. В рамках рассматриваемой проблемы роль такого ведущего, или системообразующего, выполняет, естественно, аспект *сознание*.

Коллекция приговоров, наказов, обращений, телеграмм, имеющаяся в нашем распоряжении, состоит из 200 документов: 156 — по Самарской губернии и 44 — по Воронежской¹³. Это более чем в два раза превышает коллекции предыдущих исследователей.

Как выше отмечалось, документам приговорного движения свойственно наличие формуляра. Это в принципе делает их удобным объектом для количественного анализа и, в частности, для такой его разновидности, как контент-анализ¹⁴. Последний был создан социологами специально для обработки всякого рода массовых совокупностей текстов.

Однако применение методик контент-анализа прямо зависит от того, можно ли выделить в анализируемых текстах повторяющиеся, или инвариантные, составляющие, которые служат затем единицами анализа. Так вот, инвариантные составляющие в рассматриваемых нами документах есть. Ими являются выше уже упоминавшиеся: 1. *Суждения* (например: «Крестьяне и земля

неразлучны»); 2. *Требования и лозунги* (созвать Учредительное собрание, «Земля и воля!»); 3. *Запросы и просьбы* (просьба о наделении землей, запрос о том, покупать ли крестьянам землю или же подождать до решения аграрного вопроса); 4. *Приветствия* (Думе, Трудовой группе и т. д.); 5. *Призывы, предупреждения, обещания и заверения* (призыв к армии «не проливать народной крови»; предупреждения депутатам Думы о том, что в случае уступок правительству они будут народом наказаны; обещание оказать Думе поддержку в ее конфликте с правительством и т. д.); 6. *Постановления о конкретных мерах* (об изгнании полиции, об отказе давать новобранцев и др.).

Перейдем теперь к учету отмеченных компонентов содержания. В качестве примера, показывающего конкретно этот процесс, возьмем самый маленький по объему документ — телеграмму в I Думу крестьян села Верхняя Хава Воронежской губернии: «Крестьяне Верхне-Хавского сельского общества Воронежского уезда на сходе 22 мая постановили приветствовать Думу; боритесь... пока не добудете обездоленному народу землю и права. Ничем не смущайтесь, за вас 100 миллионов»¹⁵. Даже на основе этого предельно краткого текста можно выделить шесть как минимум признаков (показателей), выраженных в тексте в *прямой форме* и отражающих потребности, интересы, настроение, отношение к ряду вопросов и, наконец, иллюзии крестьян, принявших данный текст: 1) суждение об «обездоленности» народа; 2) приветствие Думе; 3) призыв к Думе бороться за интересы народа; 4) требование земли; 5) требование политических прав; 6) заверение в поддержке.

Теперь, что касается системы таких показателей по всей совокупности документов. Количество их оказалось очень внушительным (всего 177), а тематика чрезвычайно широка — от скрупулезного определения нормы наделения каждого гражданина России землей («по 15 десятин») до требования учредить Международный суд для решения споров между государствами и др. Широка и «амплитуда» политических колебаний: наряду с массой решительных требований революционной демократии (Учредительное собрание, национализация земли и др.) имеется и несколько таких, на которых лежит явная печать царистских иллюзий («царь нам нужен» и т. д.)¹⁶.

Что можно сказать о распределении всех 177 признаков в совокупности 200 документов? Значения частот встречаемости их заключены в диапазоне от 1 до 105 (при средней частоте встречаемости 11,4)¹⁷.

Из признаков социально-экономического характера наиболее часто встречающимися являются, во-первых, различные формы констатации нищеты, разорения, малоземелья, высоких арендных цен и налогов¹⁸. Это, если можно так выразиться, «реестр проклятых проблем» российского крестьянства. Далее идут варианты решения аграрного вопроса. Здесь мы видим и самый решительный из них — требование национализации земли, и более

умеренный — в виде нескольких разповидностей дополнительного наделения землей, и паиболее неопределенный — в форме лозунга «Земля и воля». Высокой встречаемостью отличаются также требования замены косвенных налогов единым подоходным налогом и отмены недоимок и выкупных платежей. Свидетельством «центростремительных» пастроений крестьян в отношении общины является довольно часто встречающееся требование общинного землевладения и уравнилельного землепользования.

Среди часто встречающихся показателей политического характера очень видное место принадлежит признакам, отражающим крайне враждебное отношение крестьян к самодержавному бюрократическому аппарату и помещикам. Здесь мы находим также заявления о присоединении ко Всероссийскому крестьянскому союзу и о готовности бороться за свои интересы, требование созыва Учредительного собрания и различные варианты требований политических свобод, отмены смертной казни и военного положения. Далее идут требования демократической реформы государственного строя и всеобщих равных, прямых выборов с тайной подачей голосов. Чрезвычайно широкая распространенность требования амнистии борцам за «народное дело» является прямым свидетельством того, сколь существенно возросло у значительной части крестьянства — класса, как известно, внутреннего разобщенного — чувство классовой солидарности. Знаменательно, что высокой частотой встречаемости отличается и требование всеобщего бесплатного обучения для народа. Это свидетельствует о принципиально новом социальном явлении — массовой потребности крестьян в образовании.

Но будучи «предрасположенным» к революционным настроениям, крестьянство объективно является в то же время питательной средой и для всякого рода конституционных иллюзий. В период революции 1905—1907 годов эта черта особенно ярко обозначилась в надеждах, возлагавшихся крестьянами на Государственную думу. Понятно, что не были в данном смысле исключением и крестьяне, принимавшие приговоры и наказания. Конкретно это выразилось как в том, что из 200 выявленных документов 158 (или 79 %) адресовалось в I и II Думы, так и в том, что к числу часто встречающихся относятся и несколько признаков, отмеченных печатью «думских» иллюзий (выражение доверия к Думе, солидарность с ней, готовность оказать ей поддержку и т. д.). Однако при этом доверие крестьян к Думе не было безоглядным. Ведь имеется в кругу думских признаков также и предупреждение о том, что в случае уступок правительству депутаты Думы будут наказаны как «враги народа».

Теперь о показателях с невысокой встречаемостью. 128 из 177 признаков встречаются в рассматриваемой здесь совокупности приговоров и наказов менее 10 раз (причем 39 из них — всего только по одному разу). Всю эту большую совокупность признаков можно подразделить па несколько групп. Одна из них включает показатели, отражающие стремление мелких произво-

дителей «обезопасить» свое существование в условиях развития капитализма в сельском хозяйстве путем введения различных жестких «норм» наделения землей, «запретов» найма рабочей силы и т. д.

Другая группа объединяет показатели, касающиеся ряда таких относительно частных в условиях революции вопросов, как например, требование, чтобы было проведено обязательное государственное размежевание земель или чтобы Дума приняла закон о землеустроительных комиссиях, и др. К ней также при- мыкают требования и ходатайства об увеличении продоволь- ственной ссуды и оказания помощи крестьянам во время голода и падежа скота.

Третья группа требований, суждений и т. д. в отличие от предыдущей объединяет признаки, так сказать, «стратегического» порядка. Она характеризует уровень политической зрелости кре- стьян и степень осознания ими проблем, от решения которых зависел сам исход революции. Это суждения о необходимости объединения всего трудового народа, требования республики и 8-часового рабочего дня, выражение недоверия к Думе и к пар- тии кадетов.

Четвертую группу признаков составляют постановления о всякого рода конкретных мерах: о захвате земли, например, или об отказе участвовать в выборах в Думу и т. д.

В пятую группу следует включить те показатели, которые отражают понимание крестьянами обреченности таких пережиточных институтов, как падельное землевладение и община. Это требования передать надельные земли в частную собственность крестьян, ликвидировать общинные законы и др.

Шестую группу образуют показатели, свидетельствующие о царистских, конституционных и реформистских иллюзиях и на- строениях. Сюда, кроме показателей типа «царь нам нужен» и «устранить чиновничье средостение между царем и народом», следует, в частности, включить допущение «справедливой» оцен- ки и выкупа за отчуждаемые в пользу крестьян помещичьи зем- ли, призыв к единству депутатов-кадетов и депутатов от кре- стьян, выражение надежды на достижение мирным путем «за- ветных целей народа» и т. д.

И последнюю группу составляет большая совокупность по- казателей, представляющих собой, в сущности, более специфи- ческие варианты упоминавшихся уже требований, суждений и т. д. с высокой частотой встречаемости. Например, суждение о том, что земля, как «дар божий», не должна находиться в ча- стной собственности, представляет собой разновидность требова- ния национализации земли; требования общего сокращения гос- аппарата и контроля народа за деятельностью всех госорганов — варианты требования демократического переустройства госу- дарства.

Последнее обстоятельство имеет большое значение, поскольку дает возможность «укрупнять» признаки, к чему нам придется позже еще прибегнуть.

Итак, уже анализ в первом приближении достаточно наглядно показывает, насколько объемно отражены в выделенных признаках социально-экономические и политические потребности, интересы, идеалы борющихся крестьян, их настроения, социальные чувства и отношение к широкому кругу проблем, стоявших перед крестьянством и страной в целом.

Оценка информативного потенциала приговоров во многом, безусловно, зависит от того, насколько они в состоянии отражать *общее* и насколько *особенное* в программе крестьян. Определение этой способности в данном случае тем более актуально, что массовое распространение различными партиями и организациями в деревне типовых приговоров приводило к заметной унификации документов «приговорного» движения. Насколько подобное «давление» имело результатом «нивелирование» содержания приговоров?

Из 177 признаков в приговорах как одной, так и другой губернии присутствуют 70 признаков, а остальные 107 содержатся либо только в воронежских, либо только в самарских документах¹⁹. Иначе говоря, *особенное* в программе крестьян данных губерний обеспечивает 60,5 % показателей, а *общее* лишь 39,5 %!

Но не является ли столь высокая степень разнообразия следствием всего лишь того, что Воронежская и Самарская губернии не представляют собой единого целого ни в территориальном отношении, ни по социально-экономическому и социально-политическому облику? Более показательным в данном случае было бы, очевидно, установление меры общего и особенного в программе документов от различных районов внутри каждой губернии.

Но и на внутригубернском срезе соотношение общих и не-общих признаков просто удивительно напоминает ситуацию на межгубернском уровне. Из 161 показателя документов Самарской губернии общими для северного и южного районов являются 74, или 46 %, а из 84 признаков приговоров северо-западного и центрального районов Воронежской губернии общими для них являются 34, т. е. 40,5 %²⁰. Такое сочетание общих и специфических показателей явно свидетельствует как о многослойности содержащейся в приговорах и наказах информации, так и о ее региональной «полихромности». Последнее выглядит особенно впечатляющим, если меру общего и особенного для губерний (т. е. 70 — общих и 107 — необщих признаков) мы трансформируем в аналогичный показатель для четырех районов. Ведь если в первом случае, чтобы попасть в число «70-ти», достаточно, чтобы признаки были представлены всего лишь в одном из районов каждой губернии, то во втором — они должны присутствовать в каждом из них. Так вот, общими для документов четырех районов оказались всего-навсего 28 показателей, или 15,8 %, из 177²¹.

Итак, насколько мы могли убедиться, за внешней унифицированностью приговоров и наказов кроется на самом деле весьма высокая степень содержательного разнообразия. Причем очень важным представляется то обстоятельство, что эта мера оказывается почти одинаковой как для обеих губерний, так и для районов внутри каждой из них. А поскольку различия по многим социальным параметрам между северным и южным районами в Самарской губернии и северо-западным и центральным Воронежской были очень существенны, то с высокой степенью уверенности мы можем утверждать, что количественные соотношения общего и особенного в программе крестьян были производными от разницы в *местонахождении* последних лишь *постольку*, поскольку при этом имели также место и различия *социально-экономического и социально-политического порядка*.

Как уже отмечалось, набор показателей, извлеченный из 200 приговоров, дает весьма ценный материал о том, насколько расширился под влиянием революции спектр социальных интересов, потребностей и стремлений крестьян. Проведенная затем группировка и установление меры общего помогли уточнить информативные возможности этих документов. Тем не менее это только начальная стадия анализа крестьянского сознания. Следующий, решающий этап — выявление *системы внутренних взаимосвязей* показателей, поскольку она отражает направленность, состояния и структуру политического сознания крестьян — авторов приговоров и наказов.

Прежде всего «укрупним» однородные показатели путем их объединения — в таком случае их принято называть категориями. Это значительно облегчит выявление системы взаимосвязей, поскольку, во-первых, сократит общее количество показателей, а во-вторых, увеличит их статистический «вес».

Например, требования национализировать землю, создать общенародный земельный фонд, а также суждение о том, что земля, как «божий дар», не должна находиться в частной собственности, можно объединить в одну категорию — «Отмена частной собственности на землю и передача ее народу». Другой пример. В совокупности 177 показателей есть несколько таких, которые отражают понимание крестьянами того, что изменить к лучшему свою жизнь народ может лишь посредством собственной борьбы с самодержавием. Это, в частности, суждения «Народ и армия сметут старый строй», «Только борьбой можно улучшить свою жизнь» и др. Их можно объединить в категорию «Выражение готовности бороться за свои интересы».

«Перебрав» таким образом на предмет установления близости все 177 показателей и затем укрупнив их, мы в итоге получили всего 79 категорий. Однако хотя это и меньше в два раза числа исходных признаков, тем не менее очень внушительно, а для того чтобы провести анализ взаимосвязей выявленных категорий, нужно сначала представить массив анализируемых документов

в унифицированном виде. С этой целью мы закодировали категории посредством кода наличия или отсутствия *каждой из них в каждом из приговоров*.

Понятно, что «вручную» проделать работу по анализу взаимосвязей 79 категорий по 200 объектам (приговорам и наказаниям) немислимо. Здесь естественно, «обратиться» за помощью к ЭВМ.

* * *

Провести анализ взаимосвязей указанных категорий можно на основе известных в математической статистике коэффициентов сопряженности. Их существует несколько, и они довольно близки между собой. Мы в качестве такового использовали коэффициент Чупрова (T). Коэффициент Чупрова может принимать значения от 0 до 1. Значение 0 коэффициента T соответствует статистической независимости пары признаков (отсутствию их взаимосвязи); чем ближе значение T к 1, тем теснее связь признаков. Однако в действительности случаи, когда значение T приближается к 1, довольно редки.

В соответствии с программой ЭВМ «выдавала» нам взаимосвязи со значениями T от 0,1 и выше. Поскольку некоторые из 79 категорий встречаются во всей совокупности приговоров лишь один-два раза, то они из анализа взаимосвязей исключались. Поэтому в ЭВМ введены только категории с частотой встречаемости, равной трем и выше. Всего их насчитывается 60.

Предварительный анализ построенной на ЭВМ системы взаимосвязей показал, что существенными для понимания структуры политического сознания крестьян — авторов приговоров и наказов являются коэффициенты, значение которых выше 0,15.

Всего из 60 категорий в «орбиту» взаимосвязей со значениями T выше 0,15 оказались вовлеченными 42. Структура взаимосвязей этих категорий будет легче восприниматься, если мы представим их в графической форме. Для этого построим график, вершины которого будут обозначать категории, а дуги — взаимосвязи между ними.

Какие же взаимосвязи имеют наибольшее значение для выявления структуры политического сознания крестьян? Безусловно, наиболее сильные. Поэтому анализ начнем с них и затем будем поэтапно «спускаться» от наиболее тесных связей к менее тесным. Самые высокие значения коэффициента сопряженности находятся в диапазоне 0,8 и 0,4. Всего их 4 (см. рис. 1).

Дуги, как видно на рисунке, «стягивают» 5 категорий, образуя из них две группы. Одна включает, во-первых, требования о том, чтобы крестьянская надельная земля осталась в распоряжении общины (категория № 7), и о расширении при помощи государства мелкого землевладения и кредита (9), а во-вторых, отрицательное отношение к Крестьянскому банку (8), деятельность которого мало отвечала его основному назначению — способствовать росту крестьянского землевладения. Таким образом, в данной группе тесно увязаны категории, отражающие «тра-

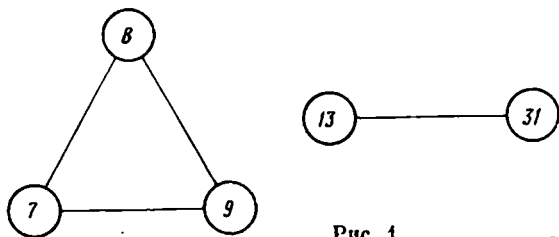

Рис. 1.

диционные» проблемы крестьянства и его устремления к увеличению количества земли.

Вторая группа включает требования введения подоходного налога (13) и всеобщего бесплатного обучения народа (31), т. е. она в отличие от «традиционной» предыдущей олицетворяет нечто принципиально новое для крестьянского сознания. Это новое состоит в том, что уже даже на уровне самой сильной связи взаимосопреженными оказываются требование социально-экономического характера (очень масштабное и решительное) и требование «чисто» политическое.

Обратимся теперь к коэффициентам со значением менее 0,4. В диапазоне между 0,4 и 0,3 их находится 6 (см. рис. 2). Они

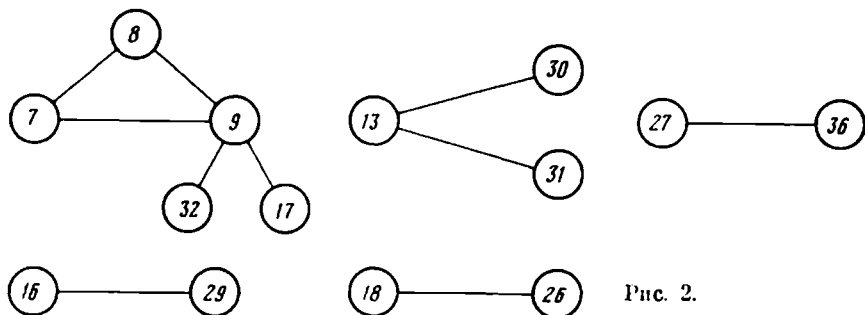

Рис. 2.

добавляют к 5 категориям предыдущего «витка» еще 9, причем на этот раз «экономическими» являются 4, а «политическими» — уже 5. Из образованных ранее групп первая пополнилась двумя категориями, вторая — одной. Кроме того, образовались три новые группы — по две категории в каждой.

Из двух «старых» групп в первой требование расширения мелкого землевладения (9) оказалось сопряженным, с одной стороны, с требованием улучшить положение рабочих (32), а с другой — с категорией, которая отражает реформистские настроения крестьян: допущение возможности выкупа за отчуждаемую у помещиков землю (17). Во второй группе с требованием подоходного налога (13) естественно сопрягается требование ликвидировать сословное неравенство крестьян и провести реформу суда и местного управления (30).

Теперь, что касается новых групп. Прежде всего весьма примечательно, что две из них являются, во-первых, «чисто» политическими и, во-вторых, очень «гармоничными» по своему содержанию. Так, одна из наиболее боевых для периода революции категорий — требование Учредительного собрания (18) — совершенно «логично» сопряжена с недоверием, испытываемым крестьянами к Думе по причине ее бессилия (26). В другой группе, которую следует определить как «антиправительственно-думскую» — причем с акцентом именно на «анти», — взаимосвязаны обязательства оказать Думе всестороннюю помощь в ее борьбе с правительством (27) и призывы к Думе твердо и решительно отстаивать интересы народа (36). Третья группа выглядит внешне довольно неожиданно и курьезно: требование о введении 8-часового рабочего дня для сельских и городских рабочих (29) оказывается сопряженным с требованием отмены государственной винной монополии (16). Однако, по существу, ничего удивительного здесь нет: крестьяне выступали против монополии потому, что видели в ней, во-первых, инструмент экономического ограбления народа, а во-вторых, средство духовного его рабства.

Таким образом, если подводить итоги данного «витка» взаимосвязей, то в качестве наиболее важного следует отметить выявление двух групп «чисто» политических показателей: группы, связанной с Учредительным собранием, и «антиправительственно-думской».

«Спустимся» еще на один «виток» — он будет уже третьим по счету — проанализируем взаимосвязи в диапазоне между 0,3 и 0,2. Коэффициентов с такими значениями насчитывается 24 (см. рис. 3). Они «пристегнули» к выделившимся ранее пяти

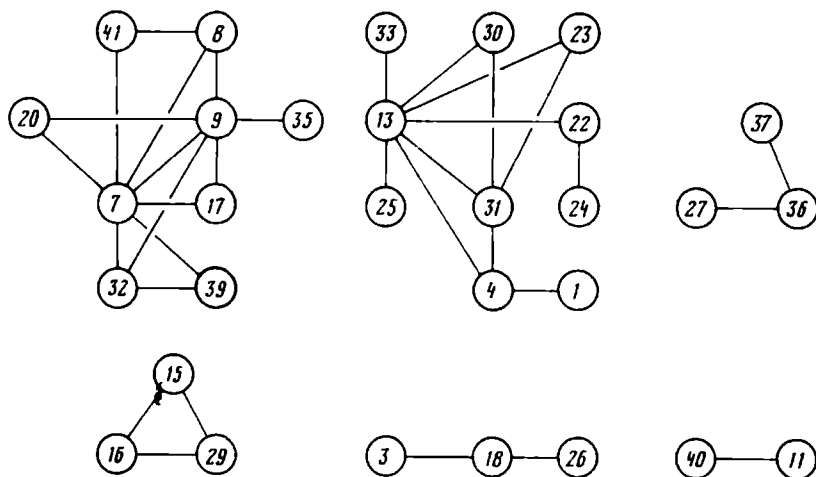

Рис. 3.

группам 14 новых категорий и, кроме того, из двух образовали новую группу. Последняя может быть определена как «антипомещичья»: обличение корыстолюбия и хищничества помещиков (40) сопряжено с осуждением навязанной крестьянам системы отработков в помещичьих имениях за всякого рода ссуды и займы на кабальных условиях (11).

В каждой из трех групп, образованных на предыдущем «витке», прибавилось по одной категории. К «антиправительственно-думской» присоединился старый революционный лозунг «Земля и воля» (37); к группе Учредительного собрания — требование о том, чтобы оно (собрание) после созыва решило вопрос о земле (3); группа же, условно говоря, «8-часового рабочего дня и отмены винной монополии» пополнилась требованием об увеличении крестьянам продовольственной ссуды и помощи во время голода и падежа скота (15). Как видим, пополнения вполне отвечают «духу» каждой группы.

Больше всего показателей присоединилось к «старым» группам: группа, возникшая вначале как «традиционно-экономическая», увеличилась на четыре категории, а «комбинированная» политико-экономическая — на семь. Какие это категории? В «традиционно-экономической» это требование созвать Думу (35), прекратить поборы с населения на содержание церкви и поставить ее на государственное «довольствие» (39). Далее, с одной стороны, идет призыв к объединению всего «трудового народа» (20), а с другой — выражение надежды на то, что «заветные цели» народа могут быть достигнуты мирным путем (41). Как видим, и на данном «витке» проявляется отмеченная уже противоречивость системы категорий «традиционно-экономической» группы: весьма революционные по духу соседствуют в ней с реформистскими.

Теперь о «комбинированной» политико-экономической группе категорий. Категории, присоединившиеся к ней, весьма существенно отличаются от тех, которые вошли в предыдущую группу. Из социально-экономических это радикальные требования национализации (1) и передачи земли тем, кто обрабатывает ее собственным трудом (4). Набор же политических категорий включает требования всеобщих, равных, прямых, тайных выборов (23) и введения демократических свобод (22), амнистии борцам «за народное дело» (24) и отмены военного положения, полиции, земских начальников (25). Более «скромно» — да и то относительно — выглядит в этом ряду лишь требование, чтобы Дума была «полновластной», а правительство — ответственным перед ней (33).

Итак, на данном «витке» — и по итогам двух предыдущих — сложилась, как видим, следующая картина. Все «задействованные» взаимосвязями 30 категорий разбились на шесть групп — четыре малые и две большие. Последние явно выступают в качестве центров «притяжения»: из 30 категорий 19 сгруппированы ими. Структуры больших групп принципиально — об этом

можно говорить уже с определенностью — различаются: если «традиционная» включает в себя требования, лозунги, призывы и т. д., часто противоречащие друг другу по политическому содержанию, то «комбинированная» в этом смысле, можно сказать, гармонична. Эта важная особенность их структур должна еще «сослужить нам службу».

Что же теперь покажет нам четвертый, заключительный «виток «спирали» взаимосвязей? Всего в интервале значений от 0,2 до 0,15 находится 36 коэффициентов (см. рис. 4). Из них

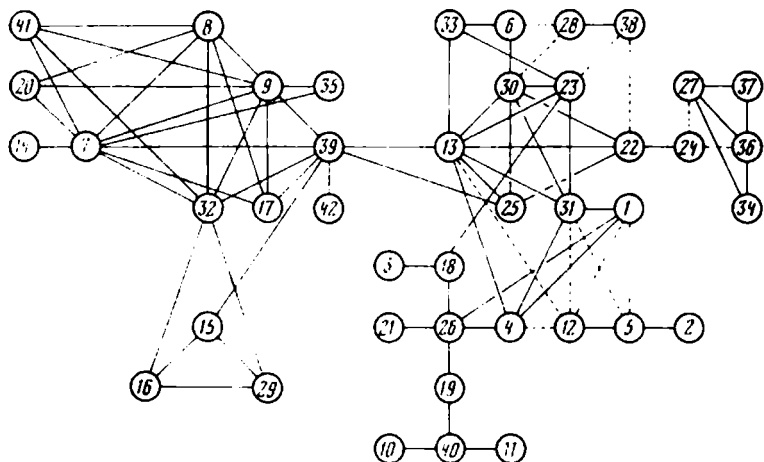

Рис. 4.

25 характеризуют связи между категориями, ранее уже вовлеченными в систему взаимосвязей. Они, таким образом, делают более густой сетку взаимной сопряженности 30 «старых» категорий. Остальные 11 коэффициентов характеризуют взаимосвязи между 12 вновь присоединившимися категориями.

Картина всей системы взаимосвязей претерпела, как видим, большие изменения. Прежде всего из числа вновь присоединившихся образовались две новые группы. И причем очень интересные! По отношению к одной из них само напрашивается название «аптпдискриминационная», ибо она состоит из требования равноправия всех народов России (28) и суждений о недопустимости дискриминации по признаку национальности, религии, пола (38). Другая объединяет социально-экономические категории революционного характера: постановления о захвате земли у помещиков и казны (2), требование, чтобы крестьяне владели землей общинно и уравнительно (5), и требование отмены налогов, податей и пошлин (12).

Другое изменение состоит в том, что обе большие группы вновь укрупняются, но на сей раз прежде всего за счет включения в свой состав трех малых. Группа, которую мы услови-

лись называть группой «8-часового рабочего дня и отмены винной монополии», прочно, как видим, присоединяется всеми своими категориями к «традиционно-экономической». Последняя приобрела, кроме того, и две новые категории, которые, так же как и на предыдущих «витках», явно по своему политическому характеру противоречат друг другу: с одной стороны, это вполне «решительная» констатация разорительных налогов (14), а с другой — великодержавный лозунг «Единая и неделимая Россия» (42).

«Комбинированная» политико-экономическая группа несколькими категориями «привязывает» к себе группу Учредительного собрания, к которой на данном «витке» присоединились такие категории «боевого» свойства, как осуждение крестьянами «господской партии» кадетов за ее заигрывание с правительством (21) и выражение готовности крестьян к борьбе за свои интересы (19).

«Антипомещичья» группа, логично дополняясь, с одной стороны, требованием снизить цены на аренду земли (10), с другой — соединилась через выражение готовности к борьбе с группой Учредительного собрания, к этому времени уже включенной в состав «комбинированной» политико-экономической группы. В результате этого «слияния» последняя стала насчитывать в общей сложности уже 19 категорий.

Кроме того, если бы мы «спустились» по «спирали» взаимосвязей еще на один «виток» (диапазон 0,15—0,1), то все малые группы, оставшиеся не включенными в состав больших — «антиправительственно-думская», «антидискриминационная» и группа революционных социально-экономических категорий, — присоединились бы опять-таки к «комбинированной» политико-экономической группе (см. пунктирные дуги).

Итак, проследившая поэтапно процесс «кристаллизации» связей, мы в итоге обнаружили две большие группы взаимосопреженных категорий, достаточно устойчиво «отгороженных» друг от друга: насчитывая в сумме 33 категории, они, как видим, соединяются лишь узким «перешейком» требования прекратить поборы с населения на содержание церкви. Структура этих групп с точки зрения их качественного состава и сочетания различных категорий отражает достаточно глубокие структурные различия в политическом сознании крестьян, от которых исходят рассматриваемые приговоры и наказания. Категории, входящие в состав «традиционно-экономической» группы, характеризуются прежде всего четко выраженной противоречивостью: как мы могли убедиться, на каждом — начиная со второго — «витке спирали» в систему взаимосвязей «втягиваются» параллельно, с одной стороны, категории революционного свойства, а с другой — свидетельства царистских и реформистских настроений и иллюзий.

Наличие «комбинированной» политико-экономической группы, состоящей преимущественно из новых понятий и представлений, также характеризует противоречивость политического со-

знания крестьян, но уже с другой стороны. Это, в частности, свидетельство того, что в рамках общей системы политического сознания крестьян — авторов приговоров и наказов существуют довольно слабо сопряженные друг с другом структурные подразделения, одно из которых «укомплектовано» в первую очередь традиционными для крестьянства требованиями, суждениями и т. д., а другое — преимущественно новыми и при этом достаточно взаимно гармоничными по своему политическому содержанию элементами.

Но как следует понимать выявленную противоречивость? В том ли смысле, что первый тип («блок» категорий) отражает особенности сознания одной группы крестьян — авторов приговоров и наказов, а второй — другой такой группы? Или же оба они представляют собой разные слои политического сознания одних и тех же крестьян? В рамках изучаемой проблемы вопрос этот, бесспорно, фундаментальный и чрезвычайно интересный. По наш взгляд, решить его можно, проследив, встречаются ли — а если да, то в какой мере, — в текстах одних и тех же приговоров, с одной стороны, показатели, соответствующие тем конкретным положениям работ В. И. Ленина и большевистских партийных документов, в которых определены стратегические и тактические цели и задачи революции 1905—1907 годов (назовем их для краткости «программными»), и, с другой — показатели, отражающие «думские», царистские и реформистские иллюзии и настроения крестьян²².

Результаты проведенного обследования следующие: «программные» показатели содержатся в 181 из 200 приговоров и наказов (т. е. в 90,5 %); признаки, отражающие думские иллюзии крестьян, имеются в 152 документах (76 %); монархические и реформистские иллюзии присутствуют в 33 приговорах и наказах (16,5 %).

Приведенные цифры во многом говорят уже сами за себя. Понятно, например, что «программные» и думские показатели, содержащиеся соответственно в 9/10 и 3/4 всех приговоров и наказов, неизбежно должны «пересекаться» во многих документах. И действительно, число таких документов оказалось очень внушительным — их 137. Что касается монархических и реформистских показателей, то они в 31 документе присутствуют вместе с программными. Чтобы полученные результаты были более наглядными, представим их в графической форме (см. рис. 5 и 6).

Как видно из рисунков, в «зонах» совместной встречаемости (заштрихованы) указанных показателей находится подавляющее большинство документов. При этом, однако, обращают на себя внимание два важных обстоятельства.

Во-первых, из приведенных данных следует, что «иллюзорные примеси» в документах «программных» представлены главным образом думскими показателями, которые по сравнению с царь-

Документы с признаками:

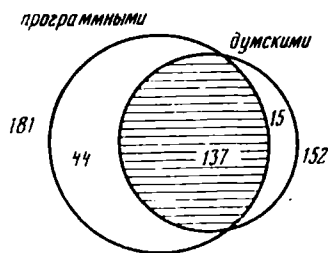

Рис. 5.

Документы с признаками:

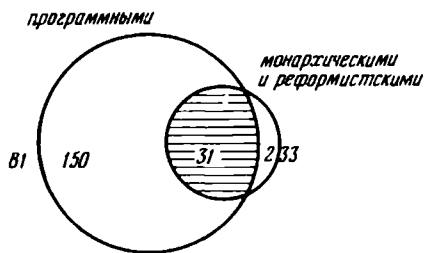

Рис. 6.

стскими являли собой значительно более «легкую», менее прочную разновидность крестьянских иллюзий. Во-вторых, при всей очевидной взаимосопряженности «программных» и «иллюзорных» показателей столь же очевидна и значительно бо́льшая степень статистической независимости первых от вторых. В самом деле, если взять документы с думскими показателями, то в «зоне» совместной встречаемости с «программными» их сосредоточено 9/10, (90,1 %), тогда как для «программных» эта цифра составляет уже только 3/4 (75,7 %). Соответственно количество документов с «программными» показателями, свободных в то же время от думских, достигает четверти общего их количества (44 из 181), в то время как от «программных» «свободна» лишь десятая часть приговоров и наказов с думскими показателями (15 из 152). Сравнение по царистским и реформистским признакам дает еще более однозначную картину: свободно от них более 4/5 (82,9 %) общего числа документов с «программными» признаками, между тем как последние отсутствуют лишь в 2 из 33 документов, зафиксировавших царистские иллюзии крестьян.

«Периферийность» той роли, которая принадлежала показателям спектра иллюзий в текстах приговоров и наказов, а следовательно, и в сознании крестьян, принявших их, хорошо просматривается и в том, что «чисто программных» документов (т. е. свободных и от думских и от царистских иллюзий) было намного больше — 39 (19,5 % от 200), чем «чисто думских» — 14 (7 %) или тем более «чисто монархических» — 1 (0,5 %). Иначе говоря, приговоры и наказания, принадлежащие по характеру содержания к «чистым» типам — революционно-демократическому, конституционному и монархическому, — составляют всего лишь 27 % (54) всей совокупности. Содержание же остальных 146 документов (73 %) отражает противоречивость и синкретизм политического сознания крестьян.

Но установление меры «диффузии» показателей различных групп в итоге сопоставления по «валу» отнюдь не исчерпывает проблему противоречивости сознания крестьян. Не менее важно также определить, имеет ли место «диффузия» в том случае,

если сравнивать как раз не по «валу», а по наиболее показательным, узловым признакам.

Возьмем, в частности, аграрные показатели, которым принадлежит — и по их количеству (около 50), и по существу — безусловно центральное место в приговорах и наказах. Своим радикализмом среди них явно выделяются требования об отмене частной собственности на землю, о передаче всей земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом, т. е. крестьянам (народу), об общинном землевладении и уравнительном землепользовании, затем постановления о захвате земли у казны, удела, частных владельцев и, наконец, суждения о том, что аграрный вопрос решит Учредительное собрание либо местные крестьянские комитеты²³. Такие показатели имеются в 60 приговорах.

Другим политическим «полюсом» системы аграрных признаков являются, естественно, те из них, которые отражают реформистские настроения крестьян относительно решения аграрного вопроса — допущение возможности выкупа государством частновладельческих земель по «справедливой» оценке, а также несколько вариантов требований и суждений о том, что вопрос о земле решит Дума. К ним следует присоединить и свидетельства крестьянских надежд на достижение своих «заветных целей» (т. е. прежде всего земли) мирным путем. Всего отмеченные реформистские показатели содержатся в 27 документах.

Итак, есть ли случаи совместной встречаемости в одних документах признаков, представляющих собой разные «полюса» аграрной программы крестьянства?

Из рис. 7 следует, что случаи такие имеются и причем их немало: 15 документов из 60 (т. е. четверть), содержащих нан-

Документы с аграрными показателями:

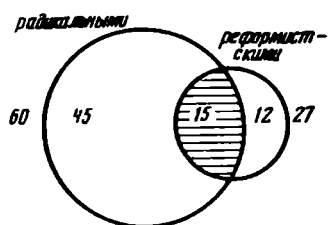

Рис. 7.

Документы с политическими показателями:

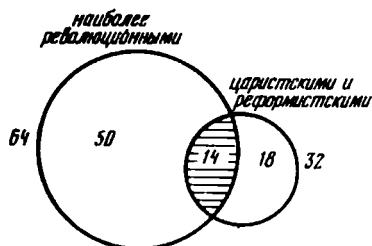

Рис. 8.

более революционные аграрные показатели, содержат одновременно и реформистские! Иными словами, противоречивость крестьянских представлений о путях решения аграрного вопроса дает о себе знать даже на таком уровне. Однако явление это неоднозначно, и на него необходимо посмотреть и с другой стороны. Ведь из 27 документов, содержащих соглашательские по-

казатели, в 15 эти последние как бы уравниваются наиболее революционными.

Теперь о политических признаках. Здесь наиболее точное представление об идейном радикализме крестьян — авторов приговоров дают, очевидно, прежде всего показатели, в которых отражено признание ими руководящей роли рабочего класса в революции и необходимости консолидации крестьянства вокруг Всероссийского крестьянского союза и Трудовой группы; далее, это требование Учредительного собрания и республики, выражение готовности бороться всеми средствами до победы, конкретные постановления о смещении местных властей, изгнании полиции и организации сопротивления войскам и, наконец, заявления о недоверии к Думе и к партии кадетов. В качестве же диаметрально противоположных им выступают, во-первых, свидетельства монархических иллюзий и, во-вторых, проявления фигурировавших уже при сопоставлении аграрных признаков реформистских настроений. Что же на этот раз дает сопоставление по встречаемости тех и других? Картина, как видим (рис. 8), мало чем отличается от той, которую мы наблюдали по аграрным показателям: в 14 документах из 64 (т. е. более чем в 1/5), содержащих наиболее революционные показатели, присутствуют одновременно и их «визави». Существенное отличие лишь в том, что в аграрной «части», как помним, реформистские показатели уравниваются радикальными более чем в половине документов, содержащих их (в 15 из 27), а здесь же только немногим более чем в 2/5 (в 14 из 32).

Сведем теперь воедино аграрные и политические признаки и подытожим наблюдения. Всего рассмотренные выше 35 наиболее радикальных показателей встречаются в 89 приговорах, а 23 монархических и реформистских — в 44.

Документы с аграрными и политическими показателями:

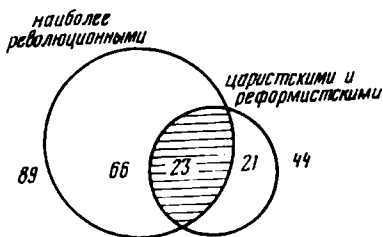

Рис. 9.

Итак, четвертая часть документов, содержащих наиболее революционные признаки, содержит вместе с тем и прямо в политическом отношении противоположные им признаки царистско-реформистского спектра. Но, с другой стороны, первые уравнивают последние более чем в половине приговоров, в которых те имеются. Иными словами, в данном случае, как и ранее, *доминирующее* положение в политическом сознании крестьян революционных элементов и *периферийное* — патриархально-реформистских совершенно очевидно.

Понятно, что выявленная «диффузия» составных элементов содержания приговоров и наказов отображает «диффузию» составных элементов политического сознания крестьян и, следовательно, вскрытие и всесторонний анализ ее — весьма перспектив-

ный путь изучения крестьянского сознания во всем богатстве его нюансов.

Период революции 1905—1907 годов был поистине революционным для российских крестьян и в том смысле, что спектр их политического сознания стремительно пополнялся массой принципиально новых понятий и представлений. Неудивительно поэтому, что привнесенные революцией понятия даже у радикально настроенной части деревни передко самым причудливым образом сочетались с представлениями патриархальными, равно как и реформистскими.

Таким образом, сочетание *адекватных представлений* о своих социальных целях и *иллюзий* относительно путей достижения их вообще свойственно крестьянскому сознанию. Поэтому противоречивость зафиксированной в приговорах и наказах революционной программы крестьянства в буржуазно-демократической революции — явление вполне «нормальное» и не дающее повода ставить под сомнение саму эту революционность.

* * *

Коснемся теперь тезисно итогов изучения проблемы в аспектах *деятельность и положение*. Чтобы определить тот вклад, который внесли крестьяне — авторы рассмотренных выше приговоров и наказов в *общую* борьбу крестьянства, крестьянское движение Самарской и Воронежской губерний было расчленено на две составные части, названные условно «приговорной» и *остальной* (основной). После этого и последовал сравнительно-статистический анализ роли и места в революции каждой из них²⁴. В рамках анализа были подсчитаны количество дворов и численность населения в селениях, охваченных приговорным движением и *остальными* формами движения в обеих губерниях и в каждом из выделенных районов. Затем таким же образом определена и степень охваченности крестьян различных дореформенных разрядов приговорным и *остальными* формами движения. После этого были воссозданы структуры надельного крестьянского землевладения обеих составных частей крестьянского движения и определена — в значительной мере при помощи корреляционного анализа — степень их сходства и различий. Далее последовало изучение — с применением ранговой корреляции — степени представленности различных форм борьбы в обеих составных частях движения. И в заключение была предпринята попытка определить, насколько *сопряжены* характерные особенности социально-экономической и политической программы приговоров различных районов с характерными особенностями движения и экономического положения крестьян, принявших эти приговоры.

Более массовым приговорное движение оказалось в Самарской губернии: здесь в селениях, охваченных им, проживало более 350 тыс. человек, в то время как в Воронежской — уже только свыше 150 тыс. Основная причина этого кроется, по-видимому,

в том, что значительно худшее экономическое положение воронежского крестьянства обусловило более заметное преобладание в данной губернии непосредственно экономических форм крестьянского движения. И в Самарской, и в Воронежской губернии приговорным движением были охвачены, как правило, самые крупные селения этих губерний. Объясняется это обстоятельство прежде всего тем, что большие селения являлись основными центрами партийно-политической пропаганды и агитации, а их крестьяне — в силу большей степени распространения образования и сравнительно более широкого кругозора — наиболее восприимчивы к этой пропаганде и агитации. Основной базой приговорного движения в Самарской губернии были уезды южного, а в Воронежской — центрального районов. Тот факт, что в первом социально-экономические условия были наиболее, а во втором — наименее благоприятными для крестьян, говорит о том, что социально-экономическое положение крестьян отнюдь не предопределяло жестко их «предрасположенность» к тем или иным формам движения. По разрядной принадлежности абсолютное большинство среди охваченных приговорным движением и в Самарской, и в Воронежской губернии составляли бывшие государственные крестьяне, что в целом соответствовало их абсолютному преобладанию в обеих губерниях. Различия в землеобеспеченности между участниками приговорного движения в Самарской и Воронежской губерниях весьма велики и в целом являются отражением общих отличий, присущих данным губерниям. Велики внутри каждой губернии и различия между районами, также являющиеся отражением общих отличий, характерных для каждого из них. Сравнение приговорного движения с остальной частью крестьянского движения по обеспеченности наделной землей показало, что, в то время как в Самарской губернии в приговорном движении доля наименее обеспеченных групп была сравнительно с остальными формами несколько ниже, а группы наиболее обеспеченной — соответственно выше, в Воронежской, напротив, в большей степени малоземельным по своему составу было именно приговорное движение. Однако в целом, как показали результаты корреляционного анализа, существенной разницы по этому показателю между обеими составными частями крестьянского движения не было.

Крестьяне, участвовавшие в приговорном движении в обеих губерниях, значительно шире по сравнению с остальной частью крестьянского движения применяли в борьбе с властями и помещиками наиболее боевые формы выступлений. Сравнение структур случаев выступлений в каждой из губерний по районам показало, что, во-первых, в районах с худшим для участников приговорного движения экономическим положением намного выше удельный вес случаев экономических выступлений. Во-вторых, значительно выше среди выступлений этих районов и доля случаев наиболее боевых выступлений.

Корреляционный анализ (ранговая корреляция), проведенный с целью выяснения тесноты связи между совокупностями случаев выступлений в приговорном и в основной части крестьянского движения в обеих губерниях, показал, что самая высокая степень соответствия между формами борьбы наблюдается в качественно однотипных составных частях крестьянского движения (основная часть движения Самарской губернии — основная часть Воронежской губернии), несмотря на то что территориально они находились друг от друга на значительном удалении. Степень же соответствия между территориально едиными, но качественно разнотипными частями (приговорное движение — остальная часть движения каждой из губерний) является уже значительно более низкой.

В целом итоги сравнительного анализа приговорного и остальной части крестьянского движения убедительно свидетельствуют, что в обеих губерниях по всем изученным показателям приговорное движение стояло на более высокой ступени, нежели остальная часть крестьянского движения. Крестьяне, принимавшие политические приговоры, одновременно были наиболее активными и в других формах борьбы крестьянства. Особенно же важным при этом представляется факт, что большая активность и боевитость приговорного движения проявилась в новых для деревни, «освещенных» политическим сознанием формах борьбы (демонстрации, митинги, создание революционных организаций и т. д.). И в Самарской, и в Воронежской губернии характер и количественные соотношения показателей приговоров различных районов в целом явно сопряжены как с характером и особенностями движения в этих районах, так и с различиями в уровне обеспеченности земель крестьян, принявших данные приговоры: в приговорах от районов, где более наступательным было приговорное движение, намного выше удельный вес показателей, соответствующих программным положениям большевистской партии и ленинским оценкам; в приговорах от районов, где среди участников приговорного движения был выше удельный вес малоземельных, значительно чаще встречается констатация малоземелья. Столь очевидная сопряженность, наблюдавшаяся к тому же в губерниях, территориально не смежных и значительно по своему облику отличающихся друг от друга, безусловно, не может не служить свидетельством глубоко *крестьянского* характера программ этих документов, в большинстве своем имеющих *комбинированное* (крестьянско-некрестьянское) авторство.

Итак, программа требований, суждений, призывов и т. д., содержащаяся в документах приговорного движения, является, несмотря на ее непоследовательность, свидетельством того, что перед нами *первый* в истории пореформенной России *пример преодоления значительной частью крестьянства идейной зависимости от господствующей идеологии*, до этой поры довольно успешно державшей сознание крестьянских масс в «узде». Чрезвычайно важным представляется и то обстоятельство, что дан-

ные, полученные в итоге изучения места и роли приговорного движения в революции, вполне определенно свидетельствуют и о превращении данной программы в мотив практической революционной деятельности крестьян, одобрявших ее в своих приговорах.

* * *

Итак, что же дало нам обращение к математике и ЭВМ при изучении приговорного движения в период революции 1905—1907 годов. Оправданно ли было это обращение с точки зрения полученных результатов? Ответ здесь может быть, видимо, только утвердительным. Системный подход, применение математических методов и ЭВМ позволили не только получить общее, т. е. абстрактное, представление о программе крестьян, но и конкретно представить внутреннее строение ее составных элементов или, с другой стороны, «замерить» структурное соотношение форм борьбы в различных составных частях крестьянского движения. В результате наши представления об изучаемых явлениях стали более точными и строгими. Так, например, выявление при анализе «сильных» коэффициентов сопряженности того факта, что «кристаллизация» взаимосвязей между категориями происходит на межвидовой (политические — экономические), а не на внутривидовой основе, уже само по себе есть важное свидетельство серьезным сдвигам в сознании крестьянства. Другой пример. Если мы возьмем такие категории реформистского свойства, как надежды крестьян на достижение «заветных целей» мирным путем (41) и допущение уплаты помещикам выкупа за отчуждаемые у них земли (17), то с точки зрения «дежурного» здравого смысла они должны быть тесно взаимосвязанными. Но на самом деле оказалось, что это далеко не так.

Конечно, возможности эффективного применения математических методов при изучении общественного сознания и борьбы крестьянства далеко не исчерпываются опытом, изложенным в данной статье. В действительности мы, безусловно, можем говорить пока лишь о первых шагах такого применения.

¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 314.

² Там же. Т. 4. С. 228.

³ Там же. Т. 7. С. 196.

⁴ Там же. Т. 30. С. 315.

⁵ Второй период революции 1906—1907 гг. Январь — июнь 1907 г. М., 1963. Кн. I. С. 379, 554.

⁶ Трудовой парод. 1907. 29 марта.

⁷ Текст приговора приводится в сб.: 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 458, а также в нашей статье: Буховец О. Г. Математика в исследовании общественного сознания: Крестьянские приговоры и наказания 1905—1907 гг. // Число и мысль. М., 1986. Вып. 9. С. 35.

⁸ См.: Крестьянские наказания Самарской губернии. Самара, 1906. С. 60—61; Буховец О. Г. Математика в исследовании... С. 35—36.

⁹ 1905 год в Самарском крае. С. 138. Приложения. С. 138.

¹⁰ Перечень ряда основных работ приведен в нашей статье: Буховец О. Г. Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства: (Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров

и наказов 1905—1907 гг.) // История СССР. 1986, № 4. С. 105.

¹¹ См.: Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 35.

¹² Подробнее о них см.: *Бузовец О. Г.* «Приговорное» движение крестьян в 1905—1907 гг.: (Методы изучения по материалам Самарской и Воронежской губ.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 13—14.

¹³ См.: *Бузовец О. Г.* Массовые источники... С. 105.

¹⁴ Там же. С. 104.

¹⁵ ЦГА СССР, Ф. 1278. Оп. 1 (1 созыв). Д. 2. Л. 922.

¹⁶ См.: *Бузовец О. Г.* Массовые источники... С. 115—118.

¹⁷ Там же. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 106—114.

¹⁹ См.: Там же. С. 108.

²⁰ Там же. С. 110. Количество приговоров от юго-восточного района Воронежской губернии слишком незначительно — всего лишь 4, и они в данном случае к сравнению не привлекались.

²¹ Там же. С. 111.

²² Там же. С. 112—119.

²³ См.: Там же. С. 115—118.

²⁴ Результаты анализа по Самарской губернии в основном опубликованы в статье: *Бузовец О. Г.* К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг. (по материалам Самарской губернии) // История СССР. 1979, № 3; см. также: *Он же.* «Приговорное» движение крестьян в 1905—1907 гг.

Мортон Ротштейн

ФЕРМЕРСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, ДОСТИЖЕНИЯ И НЕУДАЧИ

Большая научная работа, проводимая в Соединенных Штатах, включает в себя описание и количественный анализ различных проявлений фермерского протеста, который время от времени бросает вызов и меняет существующий правовой и политический порядок в стране. Эти вспышки насилия привлекают внимание, вызывают ужас и в незначительной степени удовлетворяют требования фермеров. Иногда они отличаются стыдливymi отступлениями от провозглашенных национальных идеалов. Однако расхождение во взглядах с властями является частью истории американских первооткрывателей, которые не только превращали дикие заросли в фермы во всех уголках континента, но в то же время заложили начало необычайно высокопроизводительному труду в сельскохозяйственном секторе экономики. Случаи, когда фермеры угрожали или использовали силу, чаще всего представляют собой отклонения от общего мирного хода развития. Они резко контрастируют с прочими организованными движениями большинства американских фермеров начиная с середины XIX в.

Очевидно, что отдельные движения протеста способствовали объединению разрозненных областей в единую американскую общность, среди них — «регуляторы» Каролины, восстание Шейса на западе Массачусетса, менее известные волнения в ряде сельских районов Мэриленда, восстание «виски», ставшее резуль-

татом того, что поселенцы к западу от Аппалачей отказались платить федеральный акцизный налог на торговлю традиционным спиртным напитком. Главной причиной протестов со времен Американской революции всегда была утрата земли и всего того, с чем связаны благополучие и безопасность фермеров и их семей¹.

Вместе с тем нам крайне мало известно о лидерах и рядовых участниках многих восстаний, динамике движений, а также были ли они в действительности аграрными по своей природе. Исследователи по большей части уделяли внимание самим восстаниям — от бунта Бэкона в Виргинии в 1670-е годы до разрушительной тактики Национальной фермерской организации (НФО) и современных аграрных движений, не давая нам до недавнего прошлого представления о численности их участников или социальной принадлежности лидеров². В некоторых работах даже политические выступления конца XIX в. рассматриваются как изолированные, иррациональные вызовы обществу. Другие публикации, например книги социолога Карла Тейлора, подчеркивают общность различных аграрных движений протеста, рассматривая их как продолжающееся «фермерское движение»³. Данная, довольно упрощенная, интерпретация смешивает открытые бунты с организованными политическими выступлениями или наиболее продолжительными программами взаимопомощи и экономического укрепления хозяйства. Последнее было наиболее характерно для большинства завоеваний фермеров в масштабах штата и округа.

Научный анализ не обнаружил глубоко укоренившейся традиции радикального движения в сельской среде. Не найдено ничего подобного и на национальном уровне, сравнимого по размаху и напряженности с крестьянскими восстаниями XVII и XVIII вв. в Китае, России, Франции, Центральной Европе или успешными восстаниями в Великобритании, начиная с Уота Тайлера до капитана Свинга⁴.

Напротив, в условиях гибкой, открытой и восприимчивой политической и социальной системы фермеры получили возможность формировать политическую линию на местном и национальном уровнях, не говоря уже о различных фондах, которые они могли использовать для расширения своего общественного влияния. В условиях системы, давшей им свободу предпринимательства и доступ к ресурсам, фермеры получили уникальные возможности, которыми и воспользовались. С самого начала они сумели быстро покончить с оковами крестьянского образа мыслей, которые они, вероятно, привезли с собой в Новый Свет, хотя отдельные поселения носили ярко выраженный религиозный характер. Одни стремились приспособить родовое поместье к новым условиям, большинство фермеров организовало производство на продажу с учетом своих собственных повешств, где это было возможно, другие объединялись в духе западных поселений в «ассоциации» со своими соседями⁵.

Большинство фермеров не доверяли правительству, но по мере роста их собственного влияния и буквально на всех уровнях через использование избирательного права, что отличало партийную систему в эру Джексона, они стали обращаться к официальным лицам с просьбой сделать более доступной покупку общественных земель, помочь повысить производительность труда и облегчить доступ к рынку. И они получали эту возможность. С 1800 г. до Гражданской войны федеральная политика предоставления земель стала более либеральной, а власти многих штатов и округов создали гарантии защиты приобретенной собственности. Местные власти способствовали развитию школ, сельских сообществ и клубов, что помогало обрести необходимые знания и обмениваться опытом в области расчистки и возделывания земель. Не менее важно то, что власти способствовали развитию инфраструктуры штатов — строительству шоссе, каналов и железных дорог. Транспортная революция, как и внедрение телеграфа, облегчила доступ к рынкам, сократив расстояния. Все это было необходимо для коммерческого развития, от которого зависело многое для участников великой экспансии в глубь континента⁶.

Численность и средние размеры ферм первых поселенцев начали расти очень быстро с развитием индустрии страны. В результате политический вес сельской Америки медленно снижался. Фермеры приобрели важное, но не решающее значение в политике, благодаря не их весу, а скорее благосостоянию. К 1850 г. объем промышленного производства обогнал объем фермерского производства, отчего сельское хозяйство Америки в отличие от других стран не пострадало. В большинстве американских ферм, численность которых увеличилась с 300 тыс. в 1790 г. до примерно 2 млн в 1860 г., владельцы земли в свободном держании (использовали труд только членов своей семьи) приближались к идеалу свободного мелкого землевладения. Таким образом страна десятилетиями избегала классовой напряженности в промышленном развитии, как это имело место в других государствах. Один из экономистов задумался, почему на фоне усиливающегося веса фермеров на выборах на протяжении XIX в. они не смогли организовать и стать самостоятельной силой задолго до «Нового курса»⁷.

Конечно, причина в том, что до конца XIX в. фермеры не испытывали в этом необходимости. Государство гибко реагировало на потребности сельского производства. С самого начала правительство открыло границу, возможность отторжения новых земель, принадлежащих коренным жителям Америки; то же правительство игнорировало права аборигенов. В 1832 г. большинство аграриев как Юга, так и Запада потребовали от администрации Джексона снижения таможенных тарифов и, выйдя победителями, вызвали конституционный кризис. Когда в Европе наступили «голодные 40-е годы», конгресс, учитывая интересы фермеров, одобрил дальнейшее сокращение тарифов в целях расширения заокеанских рынков для американских продовольствия

и волокна, что стало триумфом коалиции фермеров, не имевшим аналога до деятельности их блока в 1920-х годах⁸.

Вместе с тем в рядах аграриев существовали углублявшиеся разногласия. На большинстве лучших земель Юга фермерский труд обеспечивался рабами, и эта система становилась все более ненавистной в глазах остальной части нации и народов других стран. К 1850-м годам региональный конфликт по вопросу о распространении рабства на новые территории расколол фермерскую коалицию. Северяне, желавшие распространения фермерских хозяйств, столкнулись с южанами, которые испугались, что такой ход событий нарушит баланс сил, сохраняющий нейзбылемость их «деликатного института». Это не было случайностью, что в ходе наиболее ожесточенных боев Гражданской войны конгресс, которому более не мешали южные конгрессмены, принял базовые программы во благо фермерства. Гомстед-акт со всеми его упущениями снизил барьер приобретения общественных земель поселенцами. Министерство сельского хозяйства начало функционировать как первое специальное агентство федерального правительства, управляющее отдельным сектором экономики. Акт о земельных пожалованиях Моррилла наделял каждый штат землей из общественного фонда в пропорции к его представительству в конгрессе; средства, получаемые от этих земель, направлялись на организацию обучения фермеров и изучение сельского хозяйства и механизации. Эти социальные нововведения, как и субсидии на трансконтинентальные железные дороги, должны были способствовать распространению товарного фермерского хозяйства, где это было возможно⁹.

Итогом данных процессов стало огромное число ферм — 6 млн к 1920 г. Столь быстрая экспансия фермерских хозяйств имеет немного аналогов; в эпоху освоения новых земель на разных континентах шел этот процесс, обуславливавший соответственный уровень мировых цен на основные продукты. Неудивительно, что в это же время представители фермерства, почувствовавшие разочарование, предприняли «аграрный крестовый поход» против системы, оказавшейся неспособной решать проблемы, порожденные конкуренцией рыночной экономики. Эта серия организованных выступлений протеста части фермеров и их сторонников после Гражданской войны выдвинула ряд проблем и решений, немногие из которых затрагивали главную проблему перепроизводства. Как правило, эти фермеры стали главной поддержкой оппозиции на президентских выборах 1896 г., когда их надежды и надежды других сторонников реформ были разбиты. После этого поражения большинство фермеров политическим требованиям предпочли личные экономические интересы. Как группа давления на различных уровнях политической системы *фермерское движение* перестало быть авангардом реформистского движения. На протяжении нескольких поколений историки спорят, было ли популистское движение, в частности, последним шансом победы демократических идеалов над индустриальным

капитализмом, или оно просто подготовило почву для проведения умеренных реформ прогрессивной эры и «Нового курса»¹⁰.

Споры вокруг интерпретации популизма ведутся в исторической науке США с начала 1950-х годов. В дебатах много накала, но проливается мало света на природу самого движения, его успехи и поражения, его связь с формами расизма, антисемитизма, империализма, профашизма и демагогии, проявления которых время от времени возникают в Америке. Последние два десятилетия идеологические разногласия особенно сильны. Сегодняшние дебаты не менее жаркие, в них участвуют еще и молодые специалисты, использующие количественные методы исследования¹¹.

Всем предшествующим трактовкам Грейнджа противостоят новые исследования. Это была первая крупная национальная фермерская организация, тесно связанная со специфическими для 1870-х годов экономическими проблемами: так называемыми «законами Грейнджа» несколько северных штатов Среднего Запада воспользовались в отношении железных дорог и складских помещений. Вторая проблема — попытка создать кооперативы, чтобы вытеснить посредников, с которыми фермерам приходилось иметь дело на рынках. Было несколько интересных случаев в комиссиях по расследованию на железных дорогах в Массачусетсе и некоторых других штатах и в «ассоциации» молочников в Нью-Йорке¹². Сейчас стало очевидным, что часть первых законов Среднего Запада о железных дорогах и элеваторах, особенно в Иллинойсе, приняты по требованию тех торговцев на отдаленных рынках, чьи интересы были ущемлены железнодорожными и корабельными фирмами. Только после принятия в 1870 г. закона в Иллинойсе Грейндж привлек на свою сторону новых сторонников. Фермеры связали «патронов земледелия» с ощутимым успехом в борьбе по обузданию могущества железнодорожных компаний¹³.

Модель быстрого роста и падения «первого Грейнджа», как многие историки называли движение 1870-х годов, кажется довольно простой. Его численность подскочила в начале 1870-х особенно на Среднем Западе, но, достигнув в 1875 г. пика, резко упала. Большинство фермеров разочаровались в возможностях регулирования отношений с железнодорожными фирмами, так как последние уклонялись от выполнения решений властей штатов.

К тому же почти все кооперативы Грейнджа быстро распались. Многие их члены просто покидали движение. К 1880 г. оставшиеся организации, сосредоточенные в основном в северо-восточном регионе страны, направили усилия в первую очередь на улучшение социальных условий и системы образования в сельской местности. Это были главные направления деятельности, так как многие не хотели включаться в политику. Кроме того, что Грейндж несколько уменьшил изолированность фермеров от культурной жизни страны, он мало что решил в экономических вопросах: большинство фермеров в конце XIX в. столкнулись со снижением закупочных и ростом рыночных цен¹⁴.

Последние данные о численности основных фермерских организаций подтверждают эту точку зрения. С небольшой горстки местных организаций в 1870 г. Грейндж вырос до 141 тыс. членов в 1874 г., потом до 425 тыс. в 1875 г. и около 630 тыс. в 1880 г. В одном исследовании показано, что половина членов Грейнджа в 1875 г. проживала на Среднем Западе. Но автор включил в этот регион и штат Миссури, где была самая представительная фермерская ассоциация — более 2 тыс. подразделений, 80 тыс. членов, 25 % всех фермерских семей штата. Иллинойс, типичный грейнджерский штат, насчитывал в своей фермерской ассоциации множество клубов с 80—90 тыс. членов, что более чем в 2 раза превосходило численность сторонников Грейнджа в штате. Настоящим географическим центром движения была долина рек Огайо и Миссури, места, где проблема выживания фермеров стояла острее, чем в недавно заселенных прериях и равнинах¹⁵.

Возможно, что численность местных организаций мало что говорит о реальных сторонниках и влиянии фермерских организаций. С одной стороны, штаты Дальнего Запада — Калифорния, Колорадо, Монтана, Айдахо, Орегон, Вашингтон и Вайоминг — вместе не насчитывали свыше 15 тыс. членов в 1875 г. или 5 тыс. после 1880 г. Вместе с тем в Калифорнии Грейндж был главной реформаторской силой 1870-х годов, небезуспешно конкурирующей с монополией по сбыту зерна. В Вашингтоне Грейндж также являлся главным защитником фермерских интересов, предшественником Популистской партии в сельских округах. С другой стороны, в таких южных штатах, как Техас и Миссисипи, лидеры Грейнджа не искали путей воздействия на партийно-политическую систему или были столь слабы, что могли решать ограниченный круг экономических проблем¹⁶.

По ряду причин существует множество исследований, посвященных анализу социального и экономического статуса рядовых участников фермерского движения или их лидеров. Имеются уникальные материалы о характере людей, участников движения, причинах их вступления и выхода из организации, базирующиеся на изучении данных на уровне округов и графств. Например, более поздние исследования Грейнджа в одном из округов Иллинойса предоставили данные, позволяющие определить, что в этом округе численность организации превышала средний показатель по штату на середину 1870-х годов. Журналистские источники свидетельствуют о серьезном ухудшении экономического положения фермеров, а общий объем сельскохозяйственного производства в штате оставался на высоком уровне. Землевладельцы и владельцы скота с трудом адаптировались к быстрому капиталообороту. В итоге они оказались должны по закладным на их землю больше, чем фермеры и прочих округах штата. Лидеры фермеров, возглавившие местные отделения Грейнджа или примкнувшие к ним на ранней стадии, имели больше имущества и обладали большей экономической стабиль-

ностью, чем простые участники движения. Лидеры шлѣ на образование кооперативных складов, масса рядовых членов поддержала их, но покинула организации, когда кооперативы потерпели неудачу в начале 1875 г.¹⁷

Аналогичным был характер действий в других центрах грейнджерского движения. обстоятельные исследования по Висконсинну показывают, что лидеры и рядовые члены Грейнджа были довольно преуспевающими на уровне среднего класса. Типичный представитель движения — человек лет 40, родившийся в Америке, главный его доход от зернового производства, характерного для новых западных земель.

Активисты местных отделений — 10 годами старше — имели фермы несколько большего размера, выращивали больше пшеницы и имели больше скота. И все же грейнджеры в целом имели меньшие доходы, чем фермеры из Висконсинского сельскохозяйственного общества и Ассоциации молочных ферм. Последние две группы не избегали политической деятельности, они имели связи с бизнесом и политическим руководством штата, за счет чего смогли переориентироваться на более выгодное производство масла и сыра. Высшие фермерские слои имели прочную связь между собой и с влиятельными членами легислатур, конгрессменами, наиболее влиятельными лицами в Сельскохозяйственном колледже. Этой коалиции удавалось обеспечивать постоянную поддержку колледжа и его экспериментальной станции. Они были уверены, что работа внутри системы принесет немалые выгоды¹⁸.

Возможность выделить группы фермеров на основе анализа членских списков, первичные материалы переписи (как населения, так и сельскохозяйственного производства), земельные и налоговые ведомости в сочетании с тщательным использованием материалов местных газет и других традиционных источников в равной мере позволяют получить интересные и схожие результаты и по более крупным штатам. Широко известный лидер Грейнджа из Калифорнии Джон Бидуэлл имел ранчо размером 10 тыс. акров в долине Сакраменто, где выращивал фрукты и орехи, успешно конкурируя с торговцами зерном из Сан-Франциско. Существовали также производственные кооперативы выходцев из Скандинавии с низкой производительностью в горных хозяйствах округа Сен-Луис Обисно, входившие в Грейндж, а позже в Альянс¹⁹.

Именно в работах о двух крупнейших фермерских альянсах (одном — южном и другом — в штатах северных равнин и прилегающих прерий) были получены новые исследовательские результаты локального уровня. Эти движения привлекли гораздо большее внимание специалистов, чем история Грейнджа, поскольку имели гораздо больший размах и по времени, и по числу своих последователей, а также служили главной опорой для Популистской партии, поставляя ей лидеров и рядовых членов. Как и среди грейнджеров, в организациях Альянса важную роль играли женщины. Возможно, что этот фактор обусловил возд-

нее готовность популистов к союзу с лидерами женского суфражистского движения. В недавнее время возникли дискуссии по поводу оценки движений Альянса, о роли идеологии в их успехах и неудачах, но эти споры уже не были столь острыми, как в прошлом²⁰.

Около 30 лет назад историки-экономисты проводили исследования, подтвердившие рационализм крестьян «третьего мира». Уверенные в правомерности широкого использования их методики, они обратились к изучению американского фермерства, исследуя конфликты 1880-х и 1890-х годов чисто эмпирически. В любом случае в их распоряжении находилось фундаментальное исследование Милтона Фридмана и Анны Шварц, базирующееся на данных о денежном обороте страны, из которого следует, что в конце XIX в. ощущалась нехватка денег. Давние обвинения, что популистские нападки на ортодоксальную монетарную политику были выражением бездумного варварства, теперь сходят на нет. Доказано, что динамика цен на фермерскую продукцию и землю, железнодорожные тарифы, уровень спроса и предложения дают двойственное представление и затрудняют понимание недовольства аграриев. Экономические исследования этих факторов становятся более доказательными, подчас опровергая некоторые «радикальные» требования лидеров Альянса и популистов. Например, в одной статье приводятся доказательства того, что боязнь аннулирования кредитов со всеми вытекающими потерями являлась фактором аграрных волнений на Среднем Западе²¹.

Как показано в последних работах, «истинный радикализм» в Альянсе был характерен больше для Юга, чем для Запада. Коалиция, бывшая начинателем движения в пемногах, недавно образованных поселениях Центрального Техаса, постепенно выросла в организацию всего штата, присоединив впоследствии группы из Северного Арканзаса и Западной Луизианы, распространившись по всему хлопковому Югу как единая сила, отличительный признак которой — подключение сельских кооперативов. Социологическое исследование Альянса выявило его систему обмена: централизованные сбытовые кооперативы, разрушавшие существующую деспотичную монополию. Лоуренс Гудвин в «Демократическом обещании» отмечает, что техасские кооперативы с их переплетением аграрных традиций Юга и Запада создали эффективный институт трансформации существующего капиталистического порядка. Он также пишет, что только в Канзасе, Джорджии и Алабаме южный Альянс действительно преодолел расизм и другие источники разногласий, которые пытались использовать противники движения, и продемонстрировал истинную приверженность делу, так необходимую для победы²².

Бесспорно, Альянс являлся наиболее широко распространенным фермерским движением за всю историю нации, имеющим самую большую массовую базу. За 1884—1890 гг., согласно последним исследованиям, численность южного Альянса подскочила с 50 тыс. до 850 тыс. фермерских семей. Довольно трудно го-

ворить о влиянии северного Альянса, насчитывавшего в лучший свой год — 1888 — 200 тыс. семей, частично из-за перехода части фермеров в южный Альянс сначала в Канзасе, а потом в Небраске. Историки спорят, иссякло ли фермерское движение как таковое с неудачей объединить северный и южный Альянсы в Цинциннати в 1891 г. В последующем слиянии альянсов со множеством реформистских группировок в Народную партию усматривали предательство интересов аграриев, согласно пурристской точке зрения. Процесс приспособления, выдвинувший монетарную проблему в центр реформистских требований популистов, подтолкнул южан к предательству собственной демократической партии в 1892 г., возвращение популистов в лоно той же партии произошло уже в 1896 г. — все это в значительной мере объясняет горечь поражения 1892 г.²³

Большинство ученых, занимающихся северным Альянсом и Популистской партией, считают распространение движения гибким маневром. Многие современные аналитики объединяют разные штаты или области, прошедшие раннюю стадию развития движения, в одну группу. Тщательное изучение электората Небраски и голосования в легислатуре показывает, что костяк популистов был сосредоточен в центральной части штата. В восточной его части фермеры были удовлетворены условиями жизни, в западных округах поселенцы намеревались делать капитало-вложения в железные дороги, элеваторы, склады — основные мишени популистов²⁴. Добавим, что в Колорадо и других горных штатах землевладельцы играли незначительную роль в популистском движении по одной простой причине — шахтеры и животноводы имели численное преимущество²⁵.

В начале XX в. забастовки на приисках приглушили остроту монетарной проблемы. И несмотря на то что умеренные прогрессисты требовали контроля над железными дорогами, аграрный радикализм оставался в силе там, где не было другого способа сбывать товар. В зерновых и хлопковых штатах уцелело несколько кооперативов и ассоциаций скотоводов. В районах, где концентрировались специализированные хозяйства, например в долинах на побережье Калифорнии, фермеры внедрили систему капиталистического регулирования цен. Напротив, в юго-западном регионе, особенно в Северном Техасе и Южной Оклахоме, где фермеры являлись переселенцами с Юга, они влачили нищенское существование из-за того, что основную ставку делали на хлопок и пшеницу. На этой почве вызрела Социалистическая партия, набравшая сторонников больше, чем численность населения Чикаго, Милуоки и Нью-Йорка, вместе взятых. После неудачной попытки в 1907 г. сохранить выращивание хлопка ветераны Альянса покинули Фермерский союз. Оставшиеся члены создали еще одну национальную фермерскую организацию²⁶.

В Западном Кентукки и Теннесси, где выращивали табак, в ответ на рыночные ограничения Международного табачного тре-

ста возникло движение протеста «ночные наездники 1906—1907 годов», позже приведшее к организации кооперативов накануне первой мировой войны²⁷. По всему Югу и Юго-Западу прокатилась террористическая волна «белых капюшонов», направленная против удачливых «чиканос» и черных семей²⁸.

В Северной Дакоте возникло «самое удачливое движение XX века» и самое радикальное — Непартийная лига (НПЛ). Множество фермеров — католиков и лютеран, вышедших из Грейнджа из-за церковной проскрипции на его секретные ритуалы, примкнули к Альянсу или группам «Равенство». В 1916 г. им удалось выбрать губернатора и большинство членов легислатуры штата. Этим фермерам с обветренной кожей еще требовалось усвоить азбуку парламентских заседаний, но они уже имели достаточно опыта, чтобы на деньги штата организовать элеватор, мельницы, банки, страховую фирму и прочие радикальные нововведения. Преросло ли это в государственный капитализм на фоне высоких военных цен, или это было недоктринерской формой социализма вопрос спорный. Их открытое сопротивление наборам в армию, когда Америка вступила в первую мировую войну, наряду с попытками лидеров распространить свою программу в соседних штатах сделало их уязвимыми по законам военного времени и в последовавшей борьбе с «красной угрозой». На самом деле поддержка Фермерского бюро в Айове, Миннесоте, Висконсине и Монтане исходила из боязни проникновения «красных идей» Непартийной лиги²⁹.

К 1920-м годам национальный «крестовый поход» аграриев завершился. Большая часть их широкой программы была включена в прогрессистское движение. Наиболее радикальные требования были отброшены, процветающая урбанизированная Америка мало интересовалась нуждами аграриев. Сенаторы от фермерских штатов образовали для самозащиты и решения послевоенных экономических проблем «фермерский блок», который был хорош разве что тем фермерам, которые в помощи не нуждались³⁰. Итог политики специальных интересов, возможно, отражает природу американской политической и экономической системы, вступающей в свое третье столетие.

¹ Дискуссию о движении «регуляторов» см.: *Sosin J. M. The Revolutionary Frontier, 1763—1783*. N. Y., 1967. P. 66—72; *Brown R. M. The South Carolina Regulators*. (Cambridge (Mass.), 1963. Последний открыл новую область для исследования подобных движений; его просопографический (коллективной биографии. — *Ред.*) метод был использован и расширен в работе: *Klein R. The Rise of the Planters in the South Carolina Back Country, 1767—1808*. Unpubl. doct. diss., Yale University, 1979. Обширную библиографию по этому вопросу см.: *Ekirch A. R. The North Carolina Regulators on Liberty and Corruption, 1766—1771 // Perspectives in American History*. 1977—1978. XI. P. 199—256. Не существует исследования, адекватно оценивающего число участников восстания Шейса и облик его руководителей. Капитан Даниель Шейс был ветераном революционной войны и лидером только одной из фермерских групп, участвовавших в вооруженном сопротивлении против

распродажи ферм с молотка. Краткий очерк об этом см.: *Vaughn A. T. The Horrid and Unnatural Rebellion of Daniel Shays // Land R., Turner J. J., Jr. Riot, Rout, and Tumult: Readings in American Social and Political Violence. Westport, 1978. P. 56—59.* О предполагаемой связи между данным событием и принятием конституции 1787 года см.: *Feer R. A. Shays's Rebellion and the Constitution: A Study in Causation // New England Quarterly. Vol. 42. 1969. Sept. 388—410.* О восстании фермеров-должников в Мэриленде в 1786 г. и его влиянии на вовлечение прежних политических лидеров этого штата в движение за новую конституцию см.: *O'Brien W. A. Challenge to Consensus: Social, Political and Economic Implications of Maryland Secessionism, 1776—1789. Unpubl. doct. diss. University of Wisconsin, 1979.* В двух недавно вышедших книгах, посвященных событиям в западной Пенсильвании, указывается, что сопротивление федеральным сборщикам налогов было шире и длительнее, чем об этом писали раньше: *The Whiskey Rebellion: Past and Present Perspectives. Ed. S. R. Boyd. Westport: Staunhter Th. P. The Whiskey Rebellion: Frontier Epilogue to the American Revolution. N. Y., 1986.* Глубокие корни сопротивления на протяжении трех предшествующих десятилетий прослеживаются в: *Fennell D. E. From Rebelliousness to Insurrection: A Social History of the Whiskey Rebellion, 1765—1802. Unpubl. doct. diss. University of Pittsburgh, 1981; A Forgotten Episode of Civil Disobedience // Journal of the Early Republic. Vol. 2. Fall 1982. P. 239—259.* О подобном же протесте в Кентукки см.: *Bonsteel Tachau M. K. The Whiskey Rebellion in Kentucky // Journal of the Early Republic. Vol. 2. Fall 1982. P. 239—259.*

² Я проследил традицию взаимопомощи в: *Technological Change and American Farm Movements // Technology, The Economy, and Society: The American Experience / Eds. J. Colton, S. Bruchey. N. Y., 1987. P. 186—222.*

³ *Taylor C. C. The Farmer's Movement. N. Y., 1953.* Ряд социологов попытались систематизировать современные знания об этих движениях и выявить направления дальнейших исследований. Об этом см.: *Farmers' Organizations and Movements: Research Needs and Bibliography of the United States and Canada/Ed. D. A. Morrison // Research Bulletin. Vol. 24. Agricultural Experiment Station, Michigan State University, 1970.* О последних попытках некоторых вдумчивых социологов возродить данный подход подробнее см.: *Horne C. Farmers' Movements and the Changing Structure of Agriculture // Studies in the Transformation of U. S. Agriculture/Eds. E. Havens et al. Boulder, Colo, 1986. P. 104—149; Bennett J. W. Research on Farmer Behavior and Social Organization // New Directions for Agriculture and Agricultural Research: Neglected Dimensions and Emerging Alternatives/Ed. K. A. Dahlberg. Totowa; N. J., 1986. P. 367—402.*

⁴ Наиболее подходящий обзор по данной теме см.: *Berce Y.-M. Rural Unrest // Our Forgotten Past: Seven Centuries of Life on the Land/Ed. J. Blum. L.; N. Y., 1982. P. 134—156.* См. также: *Mousnier B. Peasant Uprisings in Seventeenth Century France, Russia, and China. N. Y., 1970; Avrich P. Russian Rebels, 1600—1800. N. Y., 1972; Le Roy Ladurie E. Revoltes et contestations rurales en France de 1675 a' 1788 // Annales: Economies, Societes, Civilisations. 1974. Jan-Feb. 29th Année (N 1). P. 6—22; Hobsbawm E., Bude G. Captain Swing: A Social History of the Great English Agricultural Uprising of 1830. N. Y., 1968.* Об изучении крестьянских движений новейшего времени в Латинской Америке в сравнении с аналогичными движениями в Европе и США на более ранних этапах см.: *Zamosc L. The Agrarian Question and the Peasant Movement in Colombia; Struggles of the National Peasant Association, 1967—1981. Cambridge, 1987.*

⁵ Классическую трактовку ассоциаций дает Алексис де Токвиль (*de Tocqueville A. Democracy in America. N. Y., 1954. Vols 1—2*), который проводит различие между «политической ассоциацией» и «общественной ассоциацией» (*Ibid. Vol. 2. P. 114—132*). Продолжаются споры о распространении торговли среди фермеров в колониальной Америке и в ранний период после независимости. Под воздействием работы Джеймса Скота о «моральной экономике» крестьян в Азии и дебатов Бреннера в «Past and Present» появилась работа о сопротивлении колониальных фермеров вторжению рыночных связей: *Henretta J. Families and Farms: Mentalite' in Pre-indust-*

rial America // William and Mary Quarterly. 3d ser. Vol. 35. 1978. P. 3—32. Эта точка зрения поддержана авторами двух недавно выполненных диссертаций: *Pruitt B. H. Agriculture and Society in the Towns of Massachusetts, 1771: A Statistical Analysis* (Boston University, 1981); *Merrill M. D. Self-Sufficiency and Exchange in Early America: Theory, Structure, Ideology* (Columbia University, 1983). Среди лучших аргументов другой стороны см.: *Lemon J. T. Early Americans and their social environment* // Journal of Historical Geography. Vol. 6 (1980. P. 115—131); *Idem. Agriculture and Society in Early America* // The Agricultural History Review. Vol. 35. Part 1 (1987). P. 76—94; *Shamas C. How Self-Sufficient was Early America?* // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 13, N 2. 1982. Autumn. P. 247—272; *Rothenberg W. B. The Market and Massachusetts Farmers, 1750—1855* // Journal of Economic History. Vol. 41. 1981. June. P. 283—314; *Hobbs Pruitt B. Self-Sufficiency and the Agricultural Economy of Eighteenth-Century Massachusetts* // The William and Mary Quarterly, 3d Ser. Vol. 41. 1984. July. P. 333—364. Творческое использование новых материалов для объяснения мотивов миграции в колонии есть в работе: *Bailyn B. Voyagers to the West: A Passage on the Peopling of America on the Eve of the Revolution*. N. Y., 1986. Дискуссию о фермах производящих табак, см.: *Rutman D. B., Rutman A. H. A Place in Time: Middlesex County, Virginia, 1650—1750*. N. Y., 1984. Vol. 1. P. 38—44. 69—93. В последней работе дается интерпретация восстания Бэкона как выражение неоправдавшихся надежд на материальный успех. О том, что фермерские движения протеста происходили по самым разным причинам даже в меньших по размеру колониях, см.: *Purvis Th. L. Origins and Patterns of Agrarian Unrest in New Jersey, 1735 to 1754* // William and Mary Quarterly. Vol. 39. 1982. Oct. P. 600—627. В Нью-Джерси причиной беспорядков стали межевание и выдача патентов на земельные участки, вызывавшие беспокойство и чувство неуверенности среди фермеров. Д. Рагмен исследовал поведение различных социальных групп в колониальной Америке, преобладание «моральной экономики» в работе: *Assessing the Little Communities of Early America* // William and Mary Quarterly. 3d Ser. Vol. 43. 1986. April. P. 169—178. О более поздней эпохе см.: *Mack Farragher J. Sugar Creek: Life on the Illinois Prairie*. New Haven. 1986. Эта работа выдержана в духе школы Анналов с привлечением количественных методов. В ней исследуется развитие небольшой деревенской общины Центрального Иллинойса от периода первопоселенческой «дикости» до этапа, когда ее жители охотно занялись производством на продажу. Наиболее общая работа о коммерческой ориентации фермеров: *Parker W. N. The American farmer* // Blum J. *Forgotten Past*. P. 182—196.

⁶ Литературу о послевоенных политических изменениях и новых методах оценки процесса перехода от однопартийной системы к другой см.: *Wilentz S. On Class and Politics in Jacksonian America* // The Promise of American History: Progress and Prospects / Eds. S. L. Kutler, S. N. Katz. Специальный выпуск обзоров в: *Reviews in American History*. Vol. 10. 1982. Dec. N 4. P. 45—63; *Bogue A. G. The New Political History in the 1970's* // The Past Before US: Contemporary Historical Writing in the United States / Ed. M. Kammen. Ithaca, 1980. О распространении использования статистических методов в различных областях американской истории см.: *Morgan Kousser J. Quantitative Social-Scientific History* // The Past Before US. P. 433—456. Защита местными судами штатов прав поселенцев на плоды своего труда в виде строений, оград, а также прочих улучшений на земле описана в: *Gates P. W. Tenant's of the Log Cabin* // Mississippi Valley Historical Review. Vol. 49. 1962. June P. 3—31. О распространении фермерских клубов, ярмарок в штатах и графствах см.: *Dyson L. K. Farmers' Organizations* // The Greenwood Encyclopedia of American Institutions. Westport, 1986. P. 1—2, 99—101; *Neely W. C. The Agricultural Fair*. N. Y., 1935. О функционировании фермерской организации штата см.: *True B. H. The Virginia Board of Agriculture, 1841—1843* // Agricultural History. Vol. 14. 1940. July P. 97—103.

⁷ *Gates P. W. The Farmers' Age: Agriculture, 1815—1860*. N. Y., 1960; *Olson M., Jr. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. N. Y., 1960. P. 148—159. Последние исследования с использованием

количественного анализа, подтверждающие тезис о равных возможностях для фермеров на передовой черте поселения, см.: *Atack J., Bateman F. To Their Own Soil: Agriculture in the Antebellum North*. Ames, 1987.

⁸ Обзор этих политических течений влиятельными историками традиционного направления содержится в дискуссии по проблемам транспорта, тарифов и земельной политики: *Merk F. History of the Westward Movement*. N. Y., 1878. P. 214—239. Полезные разработки предлагает изветный экономист, исследователь в области аграрных отношений, бывший сотрудник министерства сельского хозяйства США Виллард В. Кочран: *Cochrane W. W. The Development of American Agriculture: A Historical Analysis*. Minneapolis, 1979. P. 57—76.

⁹ Один из лучших разборов этих достижений, за которым следует глава о восстаниях аграриев, см.: *Gates P. W. Agriculture and the Civil War*. N. Y., 1965. P. 251—355. Наиболее тонкое новейшее исследование о группировках в сенате, мотивах голосований, в том числе по важнейшим законодательным поправкам, см.: *Bogue A. G. The Earnest Men: Republicans of the Civil War Senate*. Ithaca, 1981.

¹⁰ Первое обобщенное исследование фермерских волнений конца XIX в. в национальном масштабе: *Buck S. J. The Agrarian Crusade*. New Haven, 1980 — базируется на фундаментальной монографии автора: *The Granger Movement: A Study of Agricultural Organization and Its Political, Economic and Social Manifestations, 1870—1880* Cambridge (Mass.), 1913. Первая крупная исследовательская работа о Популистской партии и предшествующих ей фермерских организациях: *Hicks J. D. The Populist Revolt: A History of the Farmers' Alliance and the People's Party*. Minneapolis, 1931. Современное исследование этой же темы в традиции Хикса на оригинальной источниковой основе: *Saloutos Th. Farmers' Movements* // *Encyclopedia of American Economic History: Studies of the Principal Movements and Ideas*/Ed. G. Porter. Vols 1—3. N. Y., 1980. Vol. 2. P. 562—574. Краткое, но очень полезное собрание документов с некоторыми комментариями см.: *Farmer Discontent, 1865—1900*/Ed. V. Carstensen. N. Y., 1974. Трактовку юридических аспектов выборов 1896 г. см.: *Glad P. W. McKinley, Bryan, and the People*. Philadelphia, 1964. Хорошее объяснение различий в оценках, появившихся в 1950-х и 1960-х годах, см.: *Hackney Sh. Populism. The Critical Issues*. Boston, 1971.

¹¹ *Saloutos Th. The Professors and the Populists* // *Agricultural History*. Vol. 60. 1966. Oct. P. 235—254. Работа представляет собой обстоятельный обзор критической литературы, поддерживающий традицию Хикса. Аналитический обзор последних работ с точки зрения социологии см.: *Barnes D. Farmers in Rebellion: The Rise and Fall of the Southern Farmers Alliance and People's Party in Texas*. Austin, 1984. P. 8—50. Его региональная направленность должна быть дополнена историографическим обзором: *Pratt W. C. Radicals, Farmers and Historians: Some Recent Scholarship about Agrarian Radicalism in the Upper Midwest* // *North Dakota History*. Vol. 52. Fall 1985. P. 12—26.

¹² Классическая статья о первых попытках регулировать процесс строительства железных дорог: *Merk F. Eastern Antecedents of the Grangers* // *Agricultural History*. Vol. 23. 1949. Jan. P. 1—8. Более детальное исследование, заложившее новый уровень требований, предъявляемых к переосмысленным интерпретациям: *Benson L. Merchants, Farmers, and Railroads: Railroad Regulation and New York Politics, 1850—1877*. Cambridge (Mass.), 1955. Обстоятельный обзор исследований по самому широкому кругу вопросов, связанных с регулированием предпринимательских отношений, см.: *McCraw Th. K. Regulation in America: A Review Article* // *Business History Review*. Vol. 49. 1975. Summer. P. 159—183. Интересная попытка теоретически обосновать явление выдвижения требований к правительству действовать содержится в работе: *Ulen Th. S. The Market for Regulation: The ICC from 1887 to 1920* // *American Economic Review*. Vol. 70. 1980. May. P. 306—310. Процесс появления производственных кооперативов в штате Нью-Йорк, который способствовал позднее появлению подобных организаций в Калифорнии, прослежен в работе: *Erdman H. E. The «Associated Dairies» of New York as Precursors of American Agricultural Cooperatives* // *Agricultural His-*

tory. Vol. 36. 1962. Apr. P. 82—90. Более благожелательный, чем у Бака, анализ кооперативов Грейнджа см.: *Cerny G. Cooperation in the Midwest in the Granger Era, 1869—1875* // *Agricultural History*. Vol. 37. 1963. Oct. P. 187—205. Подробная и достоверная история фермерских кооперативов изложена в: *Knapp J. G. The Rise of the American Cooperative Enterprise: 1620—1920*. Danville, 1969.

¹³ Первая работа по пересмотру предпосылок правового регулирования работы железных дорог и складов в Иллинойсе: *Woodman H. D. Chicago Businessmen and the Granger Laws* // *Agricultural History*. Vol. 36. 1962. Jan. P. 16—24. Система регуляций со стороны Грейнджа и Висконсин имели аналогичную природу, как это показано в: *Treleven D. Railroads, Elevators, and Grain Dealers: The Genesis of Antimonopolism in Milwaukee* // *Wisconsin Magazine of History*. Vol. 52. 1969. Spring. P. 205—222. Детальная история законодательства в четырех северных штатах Среднего Запада изложена в: *Miller G. H. Railroads and the Granger Laws*. Madison, 1971.

¹⁴ Единственная современная монография об этой организации: *Nordin S. D., Harvest R. A History of the Grange, 1867—1900*. Jackson, 1974. О разногласиях по поводу целей среди основателей организации, повторявшей масонскую ложу по своей структуре и ритуалам (допуская при этом участие женщин), см.: *Barns W. D. Oliver Hudson Kelley and Genesis of the Grange: A Reappraisal* // *Agricultural History*. Vol. 41. 1967. July. P. 229—242.

¹⁵ Первая попытка сбора информации о численности этой и других фермерских организаций содержится в: *Tontz R. L. Memberships of General Farmers' Organizations, United States, 1874—1960* // *Agricultural History*. Vol. 38. 1964. July. P. 143—153. Новые оценки, отличные от Тонца, деятельности ряда фермерских организаций, в том числе нескольких групп, о которой последний не писал вообще, содержатся в: *Dyson L. K. Farmers' Organizations* (The Greenwood Encyclopedia of American Institutions). Westport, 1986. Apr. 3. P. 367—369. Более подробные данные о численности грейнджеров в 1875 г. по каждому штату см.: *Nordin S. R., Harvest R. Op. cit.* P. 29—31, 41—43. О более поздней фермерской политике см.: *Scott R. V. The Agrarian Movement in Illinois, 1880—1896* // *Illinois Studies in the Social Sciences*. Vol. 521. Urbana, 1962. О характере фермерского движения в штате, где было самое сильное влияние Грейнджа, см.: *Adzick N. Agrarian Discontent in Missouri 1865—1880: The political and Economic Manifestations of Agrarian Unrest*. (Unpublished doct. diss. St. Louis University, 1977).

¹⁶ *Paul R. W. The Great California Grain War: The Grangers Challenge the Wheat King* // *Pacific Historical Review*. Vol. 27. 1958. Nov. P. 330—349; *Ridgeway C. B. Populism in Washington* // *Pacific Northwest Quarterly*. Vol. 39. 1948. Oct. P. 284—311; *Calvert R. A. A. J. Rose and the Granger Concept of Reform* // *Agricultural History*. Vol. 51. 1977. Jan. P. 181—196; *Ferguson J. S. Co-operative Activity of the Grange in Mississippi* // *Journal of Mississippi History*. Vol. 4. 1942. Jan. P. 3—19. Последние исследования о Грейндже на уровне штатов: *Adams O. B. The Negro and the Agrarian Movement in Georgia, 1874—1908*. (Unpublished doct. diss. Florida State University, 1973); *Culbertson R. E. Florida's Patrons of Husbandry*. (Unpublished doct. diss. University of South Carolina, 1975); *Sherman R. B. The Grange in Maine and New Hampshire, 1870—1940*. (Unpublished doct. diss. Boston University, 1973).

¹⁷ *Scott R. V. Grangerism in Champaign County, Illinois, 1873—1877* // *Mid-America*. Vol. 43. 1961. July. P. 139—163.

Документы неприсоединившихся фермерских клубов в Центральном Техасе почти за целое столетие дают сходные сведения о заботах и деятельности сугубо неполитической группы — Сельскохозяйственного общества Кат Спринг, см.: *The Cat Spring Story*. San Antonio, 1956.

Существование столь активных объединений на местном уровне объясняет высокие темпы роста Грейнджа. Дополнительно информацию о социальных мотивах, которые способствовали возрождению Грейнджа, см. у: *Marito D. B. Woman's Work in the Grange: Mary Ann Mayo of Michigan, 1882—1903* // *Agricultural History*. Vol. 56. 1982. Apr. P. 439—452. С другой стороны, в некоторых штатах Грейндж способствовал распространению политического недовольства. В Арканзасе, перед тем как порести в более

радикальное движение, он способствовал росту влияния партии гринбеков и оказывал ей поддержку на протяжении десятилетия: *Barsenbruch J. The Greenback Political Movement: An Arkansas View // Arkansas Historical Quarterly*. Vol. 36, 1977. Summer. P. 107—112.

¹⁸ *Prescott G. Wisconsin Farm Leaders in the Gilded Age // Agricultural History*. Vol. 44, 1970. Apr. P. 183—200. О связи коммерческих фермерских интересов и их успехов в поддержке научных разработок в сельскохозяйственной области см.: *Bosenberg Ch. E. The Adams Act. Politics and the Cause of Scientific Research // Agricultural History*. Vol. 38, 1964. Jan. P. 3—12.

¹⁹ *Prescott G. L. Farm Gentry vs. the Grangers: Conflict in Rural California // California Historical Quarterly*. Vol. 56, Winter, 1977/78. P. 328—345.

Информация о скандинавских иммигрантах получена от аспиранта М. Маглиари (Университет штата Калифорнии в Дэвисе). Он пишет диссертацию об Альянсе и популистах в этом графстве.

Информация о Бидуэлле получена из публикации: *Paul. California Grain War* — и из бумаг Бидуэлла в Бэпкрофтской библиотеке Калифорнийского университета в Беркли.

²⁰ Один из историков восстановил суть дебатов и попытался сопоставить полярные точки зрения путем соединения социологического и психопсихического подходов в трактовке всех аграрных движений второй половины XIX — начала XX в., получив при этом довольно неоднозначные результаты: *Youngdale J. M. Populism: A Psychological Perspective*. Port Wash.; N. Y., 1975. О роли женщин см.: *Blocker J. S., Jr. The Politics of Reform: Populists, Prohibition, and Woman Suffrage, 1891—1892 // The Historian*. Vol. 34, 1972. Aug. P. 614—632; *Dell Brady M. Populism and Feminism in a Newspaper by and for Women of the Kansas Farmers' Alliance, 1891—1894 // Kansas History*. Vol. 6, Winter 1984/85. P. 280—290. *Wagner M. J. Farms, Families, and Reform: Women in the Farmers' Alliance and Populist Party*. (Unpublished doct. diss. University of Oregon, 1986).

²¹ Краткая оценка влияния книги Фридмана на научные труды: *Saloutos. Professors and Populism*. Имеется тщательное исследование, которое обнаруживает нечто наподобие «заговора» среди отдельных сотрудников министерства финансов, боровшихся за демонетаризацию серебра в 1873 г. — знаменитое «Преступление 73»: *Weinstein A. Prelude to Populism: Origins of the Silver Issue, 1867—1878*. New Haven, 1970.

О неожиданных результатах некоторых экономических исследований см.: *Higgs R. The Transformation of the American Economy, 1865—1914*. N. Y., 1971. P. 86—102; *Bowman J. D. An Economic Analysis of Midwestern Farm Land Values and Farm Land Income // Yale Economic Essays*. Vol. 5, Fall 1965. P. 316—352; *Bowman J., Kechn R. Agricultural Terms of Trade in Four Midwestern States, 1870—1900 // Journal of Economic History*. Vol. 34, 1974. Sept. 592—609.

Сравнение американского популизма с движениями в др. странах см.: *Horner R. K. Agrarian Movements and their Historical Conditions // Peasant Studies*. Vol. 8, 1979. Winter. P. 1—16; *Craig R. A., Phillips K. J. Agrarian Ideology in Australia and the United States // Rural Sociology*. Vol. 48. (Fall 1983).

Сложную связь экономических изменений и движений протеста вскрывает Роберт Клиппер. См.: *Klepper R. The Economic Bases for Agrarian Protest Movements in the United States, 1870—1900*. N. Y., 1978. О железнодорожных тарифах см.: *Aldrich M. A Note on Railroad Rates and the Populist Uprising // Agricultural History*. Vol. 54, 1980. July. P. 424—432. Сложное эконометрическое исследование, которое ставит под вопрос рациональность фермерского недовольства в штатах где выращивали хлопок и пшеницу: *Cooley Th. R., DeCarlo St. J. Rational Expectations in American Agriculture, 1867—1914 // The Review of Economic Statistics*. Vol. 59, 1977. Feb. P. 9—17. О проблеме долгов см.: *Stock J. H. Real Estate Mortgages, Foreclosures, and Midwestern Agrarian Unrest, 1865—1920 // Journal of Economic History*. Vol. 44, 1984. Mar. P. 89—106. К аналогичным выводам пришел У. Ньюджент после глубокого изучения выборочных округов Канзаса: *Nugent W. T. K.*

Some Parameters of Populism // *Agricultural History*. Vol. 40. 1966. Oct. P. 255—270.

²² Schwartz M. B. *Radical Protest and Social Structure: The Southern Farmers' Alliance and Cotton Tenancy*. N. Y., 1976. Работа содержит анализ истоков и функций Альянса на уровне штатов и социологический обзор внутреннего механизма движений протеста. Дискуссионные вопросы членства, числа и социального статуса его участников затронуты одновременно в ряде работ: McMath B. O., Jr. *Populist Vanguard: A History of the Southern Farmers' Alliance*. Chapel Hill, 1975; Goodwyn L. *Democratic Promise: The Populist Movement in America*. N. Y., 1976. Эта работа издана также в сокращенном варианте и мягкой обложке: *The Populist Movement; A Short History of the Agrarian Revolt in America*. N. Y., 1978. Наиболее значительные среди статей об участии негров в южном движении следующие: Saunders R. *Southern Populists and the Negro, 1893—95* // *Journal of Negro History*. Vol. 54. (July 1969). P. 240—261; Simms-Brown R. J. *Populism and Black Americans: Constructive or Destructive?* // *Journal of Negro History*. Vol. 65. (Fall 1980). P. 349—360; Miller Floyd J. *Black Protest and White Leadership: A Note on the Colored Farmers Alliance* // *Phylon*. Vol. 33 (Summer 1972). P. 169—183; Holmes W. F. *The Leflore County Massacre and the Demise of the Colored Farmers' Alliance* // *Phylon*. Vol. 34. (June 1973). P. 267—274. См. также статью: *Idem*. *The Colored Farmers' National Alliance and Cooperative Union in Dyson, Farmers' Organizations*. P. 47—52.

²³ Различные взгляды на этот вопрос лежат в основе книги Гудвина, см.: Montgomery D. *On Goodwyn's Populists* // *Marxist Perspectives*. Vol. 1. 1978. Spring. P. 166—173; Green J. *Populism, Socialism and the Promise of Democracy* // *Radical History Review*. Vol. 24. Fall 1980. P. 7—40 — и ответная пространная публикация Гудвина: *The Cooperative Commonwealth and Other Abstractions: In Search of a Democratic Promise, Marxist Perspectives*. Vol. 3. (Summer 1980). P. 8—42. См. также: Launius B. D. *The Nature of the Populists: An Historiographical Essay* // *Southern Studies*, Vol. P. 22 (Winter 1983). P. 366—385. Аналогичные взгляды лежат в основе таких исследований, как: Wilson N. J. *The Farmers' Search for Order*. (Unpublished doct. diss. University of Oklahoma, 1974); Wheeler J. M. *The People's Party in Arkansas*. (Unpublished doct. diss., Tulane University, 1975). В контексте более широких изменений в штате ставится проблема в работе: Billings D. B., Jr. *Planters and the Making of a «New South»: Class, Politics, and Development in North Carolina, 1865—1900*. Chapel Hill, 1979. О критике капитализма популистами см. также: Palmer B. *Man over Money: The Southern Populist Critique of American Capitalism*. Chapel Hill, 1980.

²⁴ Parsons S. B. *The Populist Context: Rural Versus Urban Power on a Great Plains Frontier*. Westport, 1973; Briel B. C. *Preface to Populism: A Social Analysis of Minor Parties in Nebraska Politics, 1876—1890* (Unpublished doct. diss. University of Nebraska, 1971); Trask D. S. *The Nebraska Populist Party: A Social and Political Analysis* (Unpublished doct. diss. University of Nebraska, 1971. Попытка сравнить уровни развития населения на юге и равнинах привела к выделению социальной и культурной изолированности как решающего фактора различий: Turner J. *Understanding the Populists* // *Journal of American History*. Vol. 67. 1980. Sept. P. 354—373. Бесцеремонное исключение Гудвином популизма Небраски ввиду его незначительности и перенос акцента на «культуру движения» найдены неудовлетворительными после повторного изучения этого вопроса с помощью количественных методов. См. об этом: Parsons S. B. Karen Toombs Parsons, Walter Killilace, and Beverby Borgers. *The Role of Cooperatives in the Development of the Movement Culture of Populism* // *Journal of American History*. Vol. 69. 1983. Mar. P. 866—885. В некоторых работах, например: Bicha K. *Western Populism: Studies in an Ambivalent Conservatism*. Lawrence, 1970, утверждается, что руководство популистов равнинных штатов было едва ли консервативно, едва ли консервативны были и цели движения. Данная точка зрения искусно опровергнута: Argersinger P. H. *Ideology and Behavior: Legislative Politics and Western Populism* // *Agricultural History*. Vol. 58. 1984. Jan. P. 43—58. О фермах Южной Дакоты, которые примкнули к популизму в качестве зажиточ-

ных людей, боящихся невзгод в трудное время, см.: *Dibbern J. Who Were the Populists? A Study of Grass Roots Alliance men in Dakota* // *Agricultural History*. Vol. 56. 1982. Oct. P. 677—691.

²⁵ Исключительно хорошая работа по Колорадо: *Whight J. R. The Politics of Populism: Dissent in Colorado*. New Haven, 1974. В работе представлена строгая статистическая модель. Новое дополнение по региону в целом см.: *Larson R. W. Populism in the Mountain West*. Albuquerque, 1986. Нисследованный район развитого популизма — это тихоокеанский Северо-Запад, см.: *Riddle Th. W. Populism in the Palouse: Old Ideals and New Realities* // *Pacific Northwest Quarterly*. Vol. 65. 1974. July. P. 98—100.

²⁶ О влиянии социализма на фермеров Юго-Запада см.: *Green J. R. Grass-roots Socialism: Radical Movements in the Southwest, 1895—1943*. Baton Rouge, 1978; *Burbank G. When Farmers Voted Red: The Gospel of Socialism in the Oklahoma Countryside*. Westport, 1976.

Miller W. B. Oklahoma Populism: A History of the People's Party in the Oklahoma Territory. Norman, 1987 — прекрасное объяснение причин последующего проявления радикализма. Проф. Миллер также занимается изучением библиографии по фермерскому Альянсу и популизму, вышедшей в Центре сельскохозяйственной истории (ун-т Калифорнии, Дэвис). Последний ряд статей по Среднему Западу, не уделяющих почти никакого внимания фермерам: *Socialism in the Heartland: The Midwestern Experience, 1900—1925*/Ed. D. T. Critchlow. Notre Dame, 1986. О дискуссии по поводу причин несостоявшегося союза радикальных фермерских организаций с рабочими профсоюзами в первой половине XX в. см.: *Brody D. On the Failure of U. S. Radical Politics: A Farmer-Labor Analysis* // *Industrial Relations*. Vol. 22. 1983. Spring. P. 141—163. Это должно быть дополнено: *Hadwiger Don F. Farmers in Politics* // *Agricultural History*. Vol. 50. 1976. Jan. P. 156—169.

²⁷ *Grantham D. W. Black Patch War: The Story of the Kentucky and Tennessee Night Riders* // *South Atlantic Quarterly*. Vol. 59. 1980. Spring. P. 225—237; *Kroll H. H. Riders in the Night*. Philadelphia, 1965; *Waldrep Ch. Planters and Planters' Protective Association in Kentucky and Tennessee* // *The Journal of Southern History*. Vol. 52. 1986. Nov. P. 565—588.

²⁸ *Brown R. M. Strain of Violence: Historical Studies of American Violence and Vigilantism*. 1975. P. 69—83. О первом явлении движения «белых капюшонов», предшественника ку-клукс-клана, в Южной Индиине в 1887 г. см. также: *Holmes W. F. White Capping? Agrarian Violence in Mississippi, 1902—1906* // *The Journal of Southern History*. Vol. 35. 1969. May. P. 165—185; *Idem. Whitecapping in Late Nineteenth Century Georgia* // *From the Old South to the New: Essays on the Transitional South*/Eds. Walter J. Flaser, Jr. and Winfred B. Moore, Jr. Westport, 1981. P. 121—132. Не существует надежного метода установления характера и числа участников инцидентов.

²⁹ Я не имею в виду, что Альянс Дакоты был непоследовательным, см.: *Remele L. God Helps Those Who Help Those Who Help Themselves: The Farmers Alliance and Dakota Statehood* // *Montana: The Magazine of Western History*. Vol. 37. 1987. Autumn. P. 22—33. Автор показывает решающую роль, которую организация играла в расширении границ страны, включая образование двух штатов и вхождение их в Союз в 1890 г. Классическая работа о Непартийной лиге: *Morlan R. L. Political Prairie Fire: The Nonpartisan League, 1915—1922*. Minneapolis, 1955, переиздана в 1985 г. Историческим обществом Миннесоты в мягкой обложке с полным историографическим очерком Л. Ремеле. Попытка применить тезис «культура движения» к НПЛ принята в работе: *Ellsworth S. A. Origins of the Nonpartisan League*. (Unpublished doct. diss. Duke University, 1982). *Moum K. The Social Origins of the Nonpartisan League* // *North Dakota History*. Vol. 53. 1986. Spring. P. 18—22 — это попытка высветить роль выходцев из Норвегии, их коллективистских традиций в успехе движения. *Vivian J. F. The Last Round-up: Theodore Roosevelt Confronts the Nonpartisan League, October 1918* // *Montana: The Magazine of Western History*. Vol. 36. 1986. Winter. P. 37—48. Автор указывает, что речи Рузвельта — это попытки связать позиции Непартийной лиги и Индустриальных рабочих мира... в последние недели года с пиком деловой активностью и выборами в конгресс. Даже в период апогея консервативное

движение НПЛ не всегда было успешным. Р. Грант написал историю двух известных поражений, см.: *Western Utopians and the Farmers' Railroad Movement, 1890—1900* // *North Dakota History*. Vol. 46. 1979. Winter. P. 13—18. О принадлежавших фермерам железнодорожных ветках см.: *Captive Corporations: The Farmers' Grain and Shipping Company: 1896—1945* // *North Dakota History*. Vol. 49. 1982. Winter. P. 4—10. См. также: *Bakken D. NPL in Nebraska — 1917 — 20* // *North Dakota History*. Vol. 39. 1972. Spring. P. 26—31.

³⁰ Об образовании фермерского блока см.: *Benedict M. R. Farm Policies of the United States: A Study of Their Origins and Development*. N. Y., 1953. Попытки использования кооперативов для контроля над цепями, см.: *Larsen G. H., Erdman H. E. Aaron Shapiro: Genius of Farm Cooperative Promotion* // *Mississippi Valley Historical Review*. Vol. 49. 1962. Sept. P. 242—268.

Б. Н. Миронов

ГРАМОТНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Уровень грамотности населения может служить показателем распространения в обществе культуры и письменной формы ее передачи от одного поколения к другому. Отсюда понятно большое значение, которое имеют сведения об уровне массовой грамотности и ее динамике. В западноевропейских странах подобные данные выявлены с XVII в.; для XVII — первой половины XIX в. основным источником служили подписи брачащихся в книгах записи браков, для второй половины XIX—XX в. — данные о грамотности новобранцев и переписи населения¹. В СССР при изучении грамотности в России в XVI—XVIII вв. историки пользуются подписями под разного рода документами, а с конца XVIII в. — данными переписей населения и обследований новобранцев. Поскольку сведения о грамотности российских новобранцев введены в научный оборот только с 1867 г., а переписи населения отдельных городов и губерний стали учитывать грамотность лишь с 1860—1890-х годов, то в настоящий момент историческая наука располагает спорадическими, непредставительными, сомнительными по достоверности данными о грамотности населения в XVI—XVIII вв., несколько большими, но также не заслуживающими полного доверия данными за 1840—1870-е годы и лишь за 1897 г. — год первой всеобщей переписи населения — полными и достоверными данными. На основе этих, большей частью отрывочных, данных в советской и зарубежной исторической литературе сложилось мнение о крайне низком уровне грамотности в России, который до конца XIX в. был якобы ниже, чем в западноевропейских странах начала XVII в.² Однако столь ответственный вывод не имеет под собой серьезного основания из-за отсутствия массовых достоверных материалов по России.

Для получения адекватной картины состояния грамотности в России в последние 120 лет существования «старого режима» мною разработана специальная методика анализа данных переписей населения 1897, 1920 и 1926 гг.— методика ретросказания, которая позволяет реконструировать примерный уровень и динамику грамотности в стране за 1797—1917 гг. Оговорим, что в статье речь пойдет не о функциональной, а об *элементарной грамотности*, об умении читать. Грамотность функциональная, т. е. такая, которая активно и постоянно используется человеком для решения встающих перед ним жизненных проблем, заслуживает специального рассмотрения.

Предлагаемая методика вероятностной оценки грамотности основана на *когортном анализе* (когортой или поколением называют совокупность лиц, родившихся в один и тот же период). Некоторые варианты этого метода уже использовались в исторической демографии. С помощью когортного анализа М. Н. Кузьмин определял уровень грамотности отдельных поколений в первой половине XIX в. в Чехословакии на основе переписей населения второй половины этого же века. В своих построениях автор исходил из предположения, что в условиях Чехословакии XIX в. грамотность поколения после усвоения грамоты с возрастом не изменялась, поэтому возможность рецидива или, наоборот, роста грамотности, а также различия в смертности грамотных и неграмотных во внимание не принимались. Использованная им методика не позволяла определить среднюю грамотность всего населения на какую-нибудь дату в прошлом³. Заслуживает упоминания, что точно такая же методика применялась некоторыми русскими земскими статистиками в начале XX в.⁴

Английские историки Е. А. Ригли и Р. С. Шэфилд, опираясь на метод передвижки когорт, реконструировали примерную численность, половую и возрастную структуру населения Англии XVI—XIX вв. в интервалах между переписями⁵.

Предлагаемая в настоящей статье методика реконструкции грамотности в России представляет особый вариант когортного анализа, пригодный для анализа переписей, которые содержат сведения о малонизменяемых с возрастом характеристиках населения, таких, как пол, профессия, физические недостатки, национальность, вероисповедание и т. п.

Первая всеобщая перепись населения в России дала в руки исследователей сведения о грамотности сельского и городского населения, отдельно для мужчин и женщин, по возрастным группам от 0 до 110 лет (при проведении переписи грамотными считались все, кто умел хотя бы читать, поэтому в дальнейшем под грамотностью имеется в виду именно умение читать). На основе данных переписи 1897 г. можно реконструировать грамотность населения вплоть до 1797 г. следующим образом (см. табл. 1).

В табл. 1 в столбце за 1897 г. приведены данные из переписи. Столбцы за последующие годы заполнены на основе столбца за

Грамотность мужского сельского населения по возрастным группам в Европейской России в 1797—1897 годах (в %)*

Возрастная группа	1897 г.	1887 г.	1877 г.	1867 г.	1857 г.	1847 г.	1837 г.	1827 г.	1817 г.	1807 г.	1797 г.
10—19	47,9	43,9	38,8	31,8	24,7	20,7	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3
20—29	43,9	38,8	31,8	24,7	20,7	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3	
30—39	38,8	31,8	24,7	20,7	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3		
40—49	31,8	24,7	20,7	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3			
50—59	24,7	20,7	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3				
60—69	20,7	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3					
70—79	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3						
80—89	12,0	8,1	5,7	4,3							
90—99	8,1	5,7	4,3								
100—109	5,7	4,3									
110 +	4,3										

* Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 60—62 (далее — Общий свод результатов переписи 1897 г.).

1897 г., исходя из закона сохранения поколением приобретенной в детстве грамотности. Этот закон основывается на трех положениях: 1) вымирание грамотных и неграмотных происходит в равной степени — другими словами, смертность грамотных и неграмотных одинакова; 2) грамотность приобретается, как правило, до 20 лет; 3) некоторое увеличение численности грамотных после 20-летнего возраста компенсируется утратой грамотности теми, кто приобрел ее до 20 лет. Например, столбец за 1887 г. заполнялся следующим образом: 10—19-летняя возрастная группа в 1887 г. имела тот же уровень грамотности, что 20—29-летняя в 1897 г.; 20—29-летняя возрастная группа в 1887 г. имела тот же уровень грамотности, что 30—39-летняя в 1897 г., и т. д. до 100—109-летней возрастной группы. Пользуясь передвижкой когорт, заполним табл. 1 до 1797 г.

Чтобы можно было полагаться на реконструированные данные, необходимо, во-первых, доказать достоверность закона сохранения поколением приобретенной в детстве грамотности, т. е. трех положений, на которых он основан, и, во-вторых, найти способ заполнения образовавшихся в таблице пробелов.

Смертность грамотного и неграмотного населения. Жизнь грамотных в России XVIII — начала XX в. проходила в более благоприятных сравнительно с жизнью неграмотных условиях, которые способствовали понижению среди них смертности. Грамотные сравнительно с неграмотными имели более высокий социальный статус и жизненный уровень, пользовались лучшим из возможного медицинским обслуживанием. А эти условия, как показывает отечественная и зарубежная санитарная статистика, оказывали влияние на смертность, которая в различных социальных группах населения понижалась вместе с ростом материаль-

**Смертность и физическое развитие сельского населения
Воронежской губернии в 1898—1902 годах
в зависимости от материального положения (в ‰)***

Имущественная группа крестьянских семей (дес. на двор)	Общая смертность	Детская смертность ‰	Инвалиды	Гольные	Естественный прирост
Безземельные	34,1	217,1	39,1	9,7	6,2
5	35,0	212,6	17,8	5,8	16,8
6—14	33,2	186,6	14,7	4,2	20,6
15—25	28,6	168,1	11,5	3,2	24,4
Более 25	26,2	149,3	8,8	2,5	29,5

* Шингарев А. П. Заболеваемость населения Воронежской губернии 1898—1902 гг. Воронеж, 1906. Т. 1, ч. 1. С. 337—345.

ного достатка и, наоборот, повышалась по мере его понижения⁶. Эта зависимость особенно четко наблюдалась в среде сельского населения (см. табл. 2).

Вследствие зависимости смертности от материального положения, с одной стороны, и грамотности населения от материального положения — с другой, между смертностью и грамотностью населения существовала опосредованная связь. Например, в Клинском уезде Московской губернии в конце XIX в. разделение волостей на четыре группы по уровню грамотности призывников и смертности населения обнаружило связь между грамотностью и смертностью⁷:

Группа волостей	Грамотные, %	Смертность детей, ‰	Доживаемость до 21 года, ‰
I	Менее 10	370	339
II	15	368	339
III	15—20	323	361
IV	Более 25	281	421

Коэффициент линейной корреляции Пирсона, выведенный из соотношения между доживаемостью до 21 года и грамотностью в 1815—1899 г. по 13 волостям в Дмитровском уезде Московской губернии, оказался равным 0,5⁸. Это свидетельствует о том, что связь между смертностью и грамотностью была слабой.

Грамотность могла оказывать некоторое влияние на уровень смертности населения и в другом смысле: грамотные люди были лучше осведомлены о гигиене и санитарии, были внимательнее к своему здоровью и т. п. Русские земские врачи конца XIX — начала XX в. утверждали, что «культура, быт, образование — первый по важности фактор болезненности и смертности населения», поскольку «деятельность медицинского персонала разбивается о народное невежество и непонимание всегда и везде»⁹.

Однозначно ответить на вопрос о степени влияния грамотности на смертность могли бы возрастные коэффициенты смер-

ности для грамотных и неграмотных. К сожалению, данные для такого подсчета отсутствуют, так как санитарная статистика XIX—начала XX в. подобный вопрос не ставила, поэтому приходится обращаться к косвенным способам оценки влияния грамотности на смертность: 1) оценка согласованности в изменении численности грамотных и неграмотных в возрастных группах от 1 до 110 лет; 2) оценка связи между возрастными коэффициентами смертности и численностью грамотных и неграмотных в тех же возрастных группах; 3) оценка зависимости между возрастными коэффициентами смертности по губерниям и долей грамотных по тем же губерниям.

Первый способ основывается на следующем предположении: в случае серьезных различий в смертности грамотных и неграмотных численность грамотных (после достижения максимальной грамотности к 20-летнему возрасту) будет сокращаться быстрее (если смертность грамотных выше) или медленнее (если смертность грамотных ниже), чем численность неграмотных, что должно нарушить согласованность в изменении числа грамотных и неграмотных. Мету согласованности в изменении численности грамотных и неграмотных в отдельных возрастах на 1897 г. в Европейской России оценим с помощью коэффициента корреляции Пирсона (r):

Возрастной интервал, лет	Мужчины, r	Женщины, r	Возрастной интервал, лет	Мужчины, r	Женщины, r
11—110	0,943	0,959	41—110	0,961	0,993
16—110	0,930	0,951	51—110	0,989	0,994
21—110	0,926	0,952	61—110	0,985	0,989

Как видим, изменение числа грамотных и неграмотных, начиная с 11-летнего возраста, проходило весьма согласованно, причем согласованность с повышением возраста росла, достигнув максимума к 60 годам. Это указывает на отсутствие существенных различий в смертности грамотных и неграмотных.

Второй способ оценки влияния грамотности на смертность основывается на таком предположении: если смертности грамотных и неграмотных существенно различна, то теснота связи между возрастными коэффициентами смертности всего населения и числом грамотных, с одной стороны, и возрастными коэффициентами смертности всего населения и числом неграмотных — с другой, должна существенно отличаться (по достижении максимальной грамотности к 20-летнему возрасту); причем чем больше различие коэффициентов корреляции, тем сильнее отличается смертность грамотных и неграмотных, а чем меньше, тем слабее. Тесноту связи измерим с помощью коэффициентов корреляции (см. табл. 3).

Результаты корреляционного анализа показывают, что различие в тесноте связи между смертностью и числом грамотных, с одной стороны, смертностью и числом неграмотных — с другой, существует. Но оно незначительно, особенно после 30 лет, а к

Коэффициент корреляции (r) между числом грамотных/неграмотных и возрастной смертностью в Европейской России в 1897 году *

Возрастной интервал, лет	Смертность — число грамотных (r)		Смертность — число неграмотных (r)	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
15—400	—0,76	—0,70	—0,83	—0,85
20—100	—0,78	—0,73	—0,84	—0,87
30—100	—0,82	—0,81	—0,83	—0,89
45—100	—0,89	—0,87	—0,96	—0,89
55—100	—0,92	—0,83	—0,95	—0,84
60—100	—0,91	—0,77	—0,93	—0,79

* Подсчитано по данным: Общий свод результатов переписи 1897 г. С. 60—62; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1896—1897 годы. СПб., 1899, 1900. Т. 48, 50.

45 годам и почти совсем исчезает. Поскольку теснота связи между смертностью и числом неграмотных несколько выше, чем между смертностью и числом грамотных, можно полагать, что смертность грамотных немного ниже, чем смертность неграмотных.

Третий способ оценки влияния грамотности на смертность основывается на следующем предположении: если смертность грамотных и неграмотных существенно различна, то в тех губерниях, где грамотность населения выше, смертность будет ниже, а где грамотность ниже, там смертность выше. Вычислив за 1896—1897 гг. возрастные коэффициенты смертности для 50 губерний Европейской России, подсчитаем коэффициенты корреляции (r) между процентом грамотных в губерниях и уровнем в них смертности в отдельных возрастных группах (звездочкой отмечены статистически незначимые коэффициенты):

Возраст, лет	Коэффициент корреляции
Менее 1	—0,249 *
1—9	—0,383
10—19	—0,178 *
20—59	—0,365 *
Более 59	—0,330 *
Все население	—0,471

Результаты анализа приводят к выводу, что в губерниях с высокой грамотностью детская смертность и смертность населения в возрасте 20—50 лет были несколько ниже, но начиная с 60-летнего возраста смертность грамотных и неграмотных становилась примерно одинаковой.

Подчеркнем, что в данном случае, как и в двух предыдущих, речь идет не о «чистом» воздействии грамотности на смертность, а о влиянии на смертность грамотности и всех сопутствующих

последней условий жизни грамотного человека: лучшего сравнительно с неграмотным питания, жилища, медицинского обслуживания и т. п.

О незначительном влиянии грамотности на смертность свидетельствует и тот факт, что стандартизированные коэффициенты смертности (они устраняют влияние на смертность различий в возрастной структуре) на рубеже XIX и XX вв. в городе были выше, чем в деревне¹⁰, хотя по уровню грамотности городское население в 1,6 раза превосходило сельское: 30,7 % против 19,1 %. Различия в условиях городской и сельской жизни имели более важное значение для смертности в городе и деревне, чем серьезное различие в грамотности сельского и городского населения. Если бы грамотность оказывала на смертность существенное влияние, результат был бы иным.

Проверка гипотезы о влиянии грамотности на смертность приводит к выводу: *смертность в среде грамотных в России конца XIX в. была немногим ниже, чем у неграмотных*; до 60 лет неграмотные умирали несколько быстрее грамотных, после 60-летнего возраста — примерно одинаково. Это очень важный для нашей методики определения грамотности вывод можно распространить на весь XIX в. и более раннее время, поскольку различия в качестве жизни грамотных и неграмотных на рубеже XIX и XX вв. достигли в России своего апогея.

Возраст приобретения грамотности и ее источники. Согласно данным переписи населения 1897 года, и у мужчин, и у женщин возраст максимальной грамотности 14 лет. Однако данные переписи сильно искажены аккумуляцией: в возрастах, оканчивающихся на 5, особенно на 0, наблюдается сильное занижение грамотности, в соседних же с ними возрастах — ее завышение. Объясняется это тем, что «круглые возраста», оканчивающиеся на 0 или 5, аккумуляровали из смежных возрастов в значительно большей степени неграмотных, чем грамотных. Вследствие относительной недоаккумуляции грамотных процент грамотности занижен в «круглых» возрастах и завышен в соседних. Для устранения аккумуляции используем простейший метод скользящей средней с 9-летним периодом. Тогда возраст максимальной грамотности придется на 15 лет. Отсюда можно предположить, что *в конце XIX в. приобретение грамотности заканчивалось в основном к 16 годам.*

Этот вывод подтверждается и сведениями о возрасте учащихся в школах. В 1880 г. среди учащихся начальных школ 50 губерний Европейской России на долю 16-летних и более высокого возраста приходилось всего 2,4 %, в 1911 г. — менее 1,34 %¹¹. Правда, школа как источник грамотности стала доминировать только с конца XIX — начала XX в.¹² В течение же почти всего XIX в. и в более раннее время большая часть людей приобретала грамотность вне школы — самоучкой, у духовных лиц, в армии, домашним обучением и т. д. Однако и внешкольные пути получения грамоты, исключая военную службу, использовала,

как правило, молодежь до 16-летнего возраста. По свидетельству современников, крестьяне (а в сельской местности Европейской России даже в 1897 г. проживало около 87 % населения) очень редко постигали грамоту после 14 лет¹³.

С введением всеобщей воинской повинности в 1874 г. армия стала важным источником грамотности для мужчин — обучение грамоте стало обязательным для всех солдат. К концу XIX в. отбывшие обязательный срок службы — они составляли 25—30 % лиц призывного возраста — лишь в редких случаях оставались неграмотными¹⁴. Поскольку служба продолжалась чаще всего 5 лет, а в армию призывались главным образом 21-летние, то число грамотных мужчин в возрасте от 21 года до 25 лет увеличивалось. За ориентировочный показатель повышения грамотности мужского населения под влиянием армии примем разницу между грамотностью когорты мужчин при призыве в армию и в 1897 г. (во время переписи населения). Тогда всеобщая воинская повинность могла повысить грамотность призванных на службу на 60—78 %, а всей когорты, подлежащей призыву, — на 11—19 % (см. табл. 4).

Однако одновременно с повышением грамотности у военно-служащих происходила утрата грамотности у тех, кто в армию не попал. Вследствие этого грамотность мужчин не могла возрасти на всю величину прироста числа грамотных военнослужащих. Расчеты, проведенные по данным переписей 1897 и 1920 годов, показывают, что в конце XIX — начале XX в. грамотность мужского поколения в возрасте 10—19 лет была меньше грамотности того же поколения мужчин в возрасте 20—29 лет на 17 % (не пунктов, а процентов), в том числе у селян — на 19 %, у горожан — на 5 %. Поэтому в методику ретросказания вносим поправку: в интервале между 1867 и 1897 гг. при переходе от 20—29 летней к 10—19-летней возрастной группе одного и того же мужского поколения понижаем процент грамотности на соответствующую величину (поправка, естественно, не распространяется на женское население).

Таблица 4

**Роль армии в повышении грамотности мужского населения
Европейской России в 1874—1896 годах ***

Год		% грамотности		Рост грамотности	
рождения мужчин	призыва в армию	в год призыва	в 1897 г.	служивших	всей когорты
1853—1855	1874—1876	21,8	40,6	78,2	18,8
1856—1865	1877—1886	23,8	23,8	75,2	18,9
1866—1875	1887—1896	36,0	49,2	64,0	13,2

* Подсчитано по: Столетие военного министерства. СПб., 1914. Ч. 3, кн. 1, отд. 2. С. 173—174, 298—299, 318—319; Всеподданнейшие отчеты о действиях военного министерства за 1874—1913 годы. СПб.; Пг., 1875—1917; Общий свод результатов переписи 1897 г. С. 56—58.

Изменение грамотности в течение жизни поколения. Бесспорно, что какая-то часть женского населения приобретала грамотность после 20 лет, а мужского — п после 25 лет самоучкой и через систему школ для взрослых и внешкольного образования, которая существовала в России с конца 1850-х годов. Однако система образования для взрослых была развита слабо. Даже в 1905 г. в России действовало лишь 1813 всех видов школ и курсов для взрослых с 112 298 учащимися, большая часть которых сосредоточивалась в городах. Надо принять во внимание также, что возраст более чем половины учащихся в этих школах не превышал 15 лет и что большинство учащихся здесь закреплялись и повышали образование, а не приобретали грамотность¹⁵.

С другой стороны, бесспорен и факт утраты навыков чтения и письма прежде грамотными людьми вследствие того, что навыки в течение длительного времени не подкреплялись — явление, получившее название рецидива безграмотности. В ходе специальных исследований в 1880—1890-е годы было выяснено, что уже через 3—4 года после окончания начальной сельской школы полученные знания и навыки в значительной части утрачивались¹⁶. Например, Н. А. Корф установил, что 8,3 % разучились читать или читали машинально, не понимая прочитанного; 7,1 — не могли подписаться; 15,2 % забыли два первых действия арифметики и т. д.¹⁷

Таким образом, в течение жизни одного поколения одновременно происходило три процесса: 1) небольшое увеличение относительной численности грамотных по мере старения поколения вследствие несколько меньшей (по сравнению с неграмотными) их смертности; 2) приобретение грамотности незначительным числом лиц после достижения 21 года; 3) довольно существенный рецидив безграмотности. В каком соотношении находились эти процессы и каков был результат их взаимодействия? Ответ на этот вопрос можно получить сравнением данных о грамотности одних и тех же когорт через значительный интервал времени, что возможно сделать на основе переписей 1897, 1920 и 1926 годов (см. табл. 5). Они показывают, что с точки зрения грамотности жизнь каждого поколения мужчин разделялась на пять периодов: роста (5—15 лет), стагнации (15—20 лет), роста (21—25 лет), стагнации (26—48 лет) и деградации (49 и более лет); жизнь каждого поколения женщин разделялась на три периода: роста (5—15 лет), стагнации (16—40 лет) и деградации (41 и более лет). В период роста грамотность быстро увеличивалась, достигая апогея у мужчин к 25, у женщин к 15 годам. В период стагнации утрата грамотности одними компенсировалась приобретением ее другими и повышенной смертностью неграмотных, а в период деградации вследствие ускоряющихся темпов утраты грамотности рецидив безграмотности перевешивал компенсацию.

Борьба с неграмотностью, проходившая в 1920—1926 гг., отодвинула утрату грамотности поколением женщин на 18 лет

**Изменение доли грамотных в одногодичных
возрастных группах по переписям 1897, 1920 и 1926 годов
(1897 г. = 100)**

Возраст по переписи, лет			Изменение доли грамотных			
			мужчин		женщин	
1897 г.	1920 г.	1926 г.	1920 г.	1926 г.	1920 г.	1926 г.
12	35	41	124,1	138,9	116,7	134,4
13	36	42	116,9	131,9	106,1	122,2
14	37	43	114,4	128,3	102,2	117,6
15	38	44	114,9	129,0	102,8	117,5
16	39	45	113,3	127,3	100,5	115,0
17	40	46	114,0	128,6	101,0	115,2
18	41	47	113,3	127,6	96,6	109,8
19	42	48	112,0	126,4	94,6	107,5
20	43	49	110,5	124,9	93,8	106,2
21	44	50	108,5	122,9	93,6	105,3
22	45	51	108,8	121,0	92,9	104,4
23	46	52	105,0	118,0	93,2	104,5
24	47	53	102,9	116,4	93,6	104,1
25	48	54	101,0	114,9	93,0	103,6
26	49	55	99,4	112,4	93,8	103,7
27	50	56	97,8	110,6	93,0	102,5
28	51	57	95,8	108,3	92,2	101,3
29	52	58	94,1	106,4	91,3	100,0
30	53	59	92,5	104,4	90,3	98,6
31	54	60	90,8	102,3	90,1	97,9
36	59	65	82,2	93,3	81,6	—

(с 21 года до 39 лет), мужчин — на 12 лет (с 49 лет до 61 года), так что у первых этот процесс стал начинаться после 58 лет, у вторых — после 60 лет. Отсюда следует, что данными переписи 1926 года при исследовании рецидива безграмотности можно пользоваться только для возрастных групп старше 60 лет. Этот вывод важен для нас, поскольку в переписи 1920 года все население после 60-летнего возраста объединено в одну возрастную группу.

Определим теперь средние темпы утраты грамотности по мере старения поколения. Переписи 1897 и 1920 годов позволяют сделать это для населения в возрасте 40—59 лет, переписи 1897 и 1926 годов — в возрасте после 60 лет. Например, с января 1897 г. по август 1920 г., т. е. за неполных 24 года, грамотность женщин, которым в 1897 г. было 16—25 лет (следовательно, в 1920 г. стало 40—49 лет), понизилась с 18,5 до 17,6 % (см. табл. 6).

Как мы установили, рецидив безграмотности у женщин наступал после 40 лет, значит, снижение грамотности у данной когорты началось не ранее 1911 г., когда первым ее представителям перевалило за 40 лет, и продолжалось до 1920 г., т. е.

**Изменение грамотности населения Европейской части СССР
по данным переписи 1897 и 1920 годов ***

Возрастная группа, лет		Доля грамотных, %				Изменение доли грамотных			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	Абс.	Индекс	Абс.	Индекс
16—25	40—49	51,5	55,5	18,5	17,6	+4,0	107,8	-0,9	95,1
26—35	50—59	45,5	41,6	13,9	12,5	-3,9	91,4	-1,4	89,9
36+	60+	29,3	25,1	9,4	7,8	-4,2	85,7	-1,6	83,0

* Подсчитано по: Общий свод результатов переписи 1897 г. С. 40—43; Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. М., 1924. Вып. 1. С. 24—27. (Территория, сопоставимая в границах 1920 г.)

всего 9 лет. Среднегодовые темпы утраты грамотности подсчитываются по формуле средней геометрической:

$$x_{\text{геом}} = \sqrt[n]{Y_n : Y_0},$$

где Y_0 — абсолютный уровень начального периода; Y_n — абсолютный уровень конечного периода; n — число лет в периоде. Тогда среднегодовой темп снижения грамотности у женщин в возрасте от 30—39 до 40—49 лет составит

$$\sqrt[9]{18,5 : 17,6} = 1,056, \text{ или } 0,56\% \text{ в год.}$$

Грамотность сельского мужского населения от 60—69 до 90—99 лет, по сведениям переписей 1897 и 1926 годов, т. е. за 30 лет, понизилась с 16,6 до 11,5 % (см. табл. 7).

Следовательно, среднегодовой темп снижения грамотности составит

$$\sqrt[30]{16,6 : 11,5} = 1,012, \text{ или } 1,2\% \text{ в год.}$$

Таблица 7

**Изменение грамотности сельского населения
Европейской части СССР по данным переписей 1897 и 1926 годов ***

Возрастная группа, лет		Грамотность, %			
		мужчины		женщины	
1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.
10—19	40—49	41,8	61,0	13,6	14,6
20—29	50—59	31,7	45,9	10,1	8,5
30—39	60—69	32,9	33,2	7,1	5,3
40—49	70—79	26,8	24,5	5,5	4,0
50—59	80—89	20,4	16,6	4,6	3,2
60—69	90—99	16,6	11,5	4,1	2,7
70—79	100+	13,0	6,4	3,5	1,7

* Подсчитано по: Общий свод результатов переписи 1897 года. С. 40—51; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929, Т. 9. С. 122—167; Т. 10. С. 66—211; Т. 11, С. 64—68, (Территория, сопоставимая в границах 1926 г.)

Таблица 8

Среднегодовые темпы утраты грамотности сельским населением

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
От 30—39 до 40—49 ¹	—	0,5—0,6
От 40—49 до 50—59	0,1—0,2	0,5—0,6
От 50—59 до 60—69	0,3	0,7—0,8
От 60—69 до 70—79	0,4—0,5	0,8—0,9
От 70—79 до 80—89	1,3	0,86
От 80—89 до 90—99	2,4	1,8
От 90—99 до 100—110	3,6	1,8—2,2
От 100—110 до 110+	—	3,8

Аналогичным образом вычислены темпы утраты грамотности во всех возрастных группах. Результаты расчетов приведены в табл. 8.

Темпы утраты грамотности обуславливались достигнутым уровнем грамотности, интенсивностью культурной жизни и потребностью в грамоте. Об этом свидетельствует то, что утрата полученных в школе знаний имела порайонную специфику, а рецидив безграмотности после определенного возраста быстрее проходил в тех губерниях и районах, где уровень грамотности был ниже, а городская и культурная жизнь менее развитой. Так, с 1897 по 1926 г. у мужчин, которым в 1897 г. было 50 лет и более, грамотность сократилась в наиболее развитом в экономическом и культурном отношении Центрально-Промышленном районе на 1,3 %, в менее развитом Центрально-Черноземном районе — на 5,1, в наименее развитой Сибири — на 20 %; аналогичные показатели у женщин составили 14,1; 17,9 и 21,1 % ¹⁸.

Чем дальше в прошлое уходим от рубежа XIX и XX вв., тем уровень грамотности и потребность в ней (в субъективном смысле) для широких слоев населения были ниже, тем городская и культурная жизнь была менее развитой. Вследствие этого, можно полагать, и утрата грамотности в прошлом проходила быстрее, чем в конце XIX — начале XX в. Однако, с другой стороны, чем дальше в прошлое мы уходим от рубежа XIX и XX вв., тем в большем числе случаев грамотность приобреталась не на всякий случай, а по потребности — ведь до появления в пореформенное время земских школ за обучение приходилось платить немалые деньги. В силу этого для преобладающего числа грамотных людей грамотность являлась необходимой, функциональной и потому едва ли столь быстро, как в конце XIX — начале XX в., утрачивалась с возрастом. Какая же тенденция доминировала?

Сравнительный анализ сведений о росте числа учащихся и грамотных показывает, что *в пореформенное время рецидив безграмотности нарастал*. С 1880—1887 по 1894—1897 гг. в 50 губерниях Европейской России доля учащихся в сельской местности по отношению ко всему сельскому населению увеличилась с 1,8 до 3,0 %, т. е. на 1,2 %, а грамотность крестьянства за это время возросла с 8,7 до 19,1 %, т. е. на 12,9 %; следовательно, рост процента грамотных проходил в 8,7 раза быстрее, чем рост доли учащихся. С 1894—1897 по 1910—1912 гг. доля учащихся в сельском населении возросла с 3 до 4,5 %, т. е. на 1,5 %, а процент грамотных среди крестьянства возрос с 19,1 до 24,8 %¹⁹, т. е. на 5,7 %. Значит, прирост процента грамотных обогнал прирост доли учащихся всего в 3,8 раза. Налицо отставание темпов роста процента грамотных от темпа роста доли учащихся, что указывает на увеличение темпов рецидива безграмотности в 1894/1897—1911/1912 гг. по сравнению с 1880/1887—1894/1897 гг.

Нарастание темпов рецидива безграмотности в конце XIX—начале XX в. объясняется рядом обстоятельств. Сильно выросшая в количественном отношении начальная школа давала крестьянству, поставлявшему главный контингент учащихся, неглубокие элементарные знания; освоить полный курс даже начального образования могла меньшая часть учащихся, происходившая из зажиточных семей²⁰. Наконец — и это самое существенное, — большая часть крестьянских детей из бедных семей, которые численно преобладали среди учащихся, после освоения грамоты не имела реальных возможностей закрепить ее в повседневной жизни, так как по бедности крестьяне крайне редко выписывали газеты и покупали книги, а часто просто не имели времени для чтения. Обеднение большей части крестьянства, наблюдавшееся в пореформенный период, служило важным фактором нарастания рецидива безграмотности²¹. В дореформенное время грамота осваивалась сравнительно немногими, но зато, как правило, с определенной целью, поэтому имела функциональное назначение и у меньшего числа людей утрачивалась.

Таким образом, процессы распространения и утраты грамотности в поколении после 20-летнего возраста в условиях России XIX в. не уравнивали друг друга. Вследствие этого для повышения качества ретросказания необходимо учесть темпы рецидива безграмотности, вводя соответствующие поправки в грамотность отдельных возрастных групп при передвижке когорт в исходной табл. 1.

Экстраполяция отсутствующих данных. Первичные сведения о возрастной грамотности по переписи 1897 года ограничивались 110 годами, поэтому в исходной таблице возрастной грамотности много пробелов (см. табл. 1). Для точности подсчета среднего по стране процента грамотности пробелы сначала малочувствительны. Но с 1837 г. и далее пробелы начинают постепенно ска-

зываются на точности среднего процента грамотности, так как за 1827 г. нам уже недостает сведений о 18,8 % населения, за 1817 г.— о 31,7, за 1807 г.— о 49,8 и за 1797 г.— о 70,5 % населения. Поэтому для прогноза грамотности на более отдаленные от переписи годы экстраполируем недостающие данные на основе регрессионного метода следующим образом:

	Возраст в 1897 г., лет			
	10—19	20—29	30—39	40—49
% грамотных среди 10—19-летней когорты	47,9	43,9	38,8	31,8
Год	1897	1887	1877	1867

Возраст в 1897 г., лет						
50—59	60—69	70—79	80—89	90—99	100—109	110+
24,7	20,7	17,0	12,0	8,1	5,7	4,3
1857	1847	1837	1827	1817	1807	1797

Распределение грамотности по возрастным группам за 1897 г. соответствует динамике грамотности 10—19-летней когорты за 1787—1897 гг., т. е. благодаря передвижке когорт статистический ряд превращается в ряд динамический (это хорошо видно по табл. 1). Если закономерность, скрытую в динамическом ряду, выразить уравнением регрессии, то по уравнению регрессии можно экстраполировать недостающие данные²². Экстраполяция тем лучше, чем ближе она по времени к дате исходных данных. Чтобы сделать прогноз средней грамотности населения на 1797 г. удовлетворительным, достаточно экстраполировать данные о грамотности 10—19-летней когорты на 1787, 1777, 1767 и 1757 гг. Экстраполяция тем лучше, чем однородней с точки зрения развития грамотности изучаемый период. Здесь также имеются благоприятные предпосылки для удовлетворительного прогноза, так как характерной чертой изучаемого периода является медленный рост (с небольшим ускорением во времени) грамотности населения благодаря расширению сети школ и внешкольного обучения²³.

По результатам экстраполяции грамотность 10—19-летней когорты сельского населения (с учетом рецидива безграмотности) составила (%):

	1757 г.	1767 г.	1777 г.	1787 г.
Среди мужчин	3,3	4,3	5,4	0,6
Среди женщин	3,1	4,1	5,1	6,2

С помощью передвижки возрастной грамотности и экстраполяции отсутствующих данных по уравнению регрессии можно заполнить основные пробелы в исходной таблице возрастной грамотности. Но сделать это можно двояким образом: а) с учетом изменения грамотности поколения по достижении им 21 года, т. е. принимая во внимание рецидив безграмотности у мужчин и женщин в старших возрастах и повышение грамотности у муж-

чин в возрасте 21—25 лет (после 1874 г. под влиянием армии); б) без учета изменения грамотности поколения в течение его жизни. В первом случае грамотность в отдельных возрастных группах будет выше, во втором — ниже. Какой же методике отдать предпочтение?

Методика, учитывающая изменение грамотности по мере старения поколения, имеет тенденцию завышать истинную грамотность в отдельных возрастах, так как темпы утраты грамотности от начала XX в. к концу XVIII в. сокращались. Методика, не учитывающая изменения грамотности поколения с возрастом, напротив, имеет тенденцию занижать истинную грамотность, поскольку рецидив безграмотности практически всегда существовал. Поэтому истинная грамотность будет находиться в интервале между тем уровнем грамотности, который дает методика, учитывающая изменение грамотности в течение жизни поколения, — верхний возможный предел — и тем уровнем, который дает методика, не учитывающая изменения грамотности по мере старения поколения, — нижний возможный предел.

Заполним таблицы возрастной грамотности сельского населения обоими способами и подсчитаем среднюю грамотность населения в отдельные годы, пользуясь единой возрастной структурой населения 1897 г. (см. табл. 9—10). Такой прием дает вполне сопоставимые данные и, кроме того, не слишком отличающиеся от действительных, поскольку в возрастной структуре за XIX в. не произошло сколько-нибудь существенных перемен²⁴.

В результате проделанных расчетов получаем следующую картину динамики грамотности населения Европейской России за 1797—1917 гг. (см. табл. 11). Из приведенных данных следует, что с 1797 по 1917 г. грамотность мужского сельского населения возросла с 3,3—6,1 до 53,2 %, а женского сельского населения — с 2,1—5,2 до 22,6 %, т. е. у мужчин она росла значительно быстрее. Ввиду этого различия в уровне грамотности между ними со временем увеличивались: в 1797 г. мужчины в этом отношении превосходили женщин в 1,3 раза, а в 1917 г. — в 2,4 раза. Грамотность сельского населения в целом с 1797 по 1917 г. выросла с 2,7—5,6 до 37,4 %, или примерно на 33,2 %, а городского населения с 9,2—21,0 до 70,5 %, или приблизительно на 55,4 %. Несмотря на более быстрые темпы развития образования в деревне, абсолютные различия в уровне грамотности горожан и селян усилились: в 1797 г. городская грамотность превосходила сельскую примерно на 19,9 %, а в 1917 г. — на 49,5 %. Особенно заметно отставало женское население деревни от города: за 1797—1917 гг. грамотность первых возросла с 3,7 до 22,6 % — примерно на 19 %, а вторых с 8,6 до 61,1 % — без малого на 53 %. Таким образом, развитие женской грамотности в деревне существенно отставало и от развития мужской грамотности, и от развития женской грамотности в городе. В этом отчетливо проявилась дискриминация женщин-крестьянок в дореволюционной России, их обездоленность в культурной и образо-

**Реконструкция грамотности (%) мужского сельского населения
в Европейской России, 1797—1917 годы**

(с учетом изменения грамотности в течение жизни поколения)

Возрастная группа, лет	1917 г.	1907 г.	1897 г.	1887 г.	1877 г.	1867 г.	1857 г.	1847 г.	1837 г.	1827 г.	1817 г.	1807 г.	1797 г.
10—19	60,6	54,4	47,9	36,8	32,6	30,2	25,1	21,7	18,6	14,9	12,3	9,6	8,7
20—29	66,9	54,4	43,9	38,8	31,8	25,1	21,7	18,6	14,9	12,3	9,6	8,7	6,5
30—39	54,5	43,9	38,8	31,8	25,1	21,7	18,6	14,9	12,3	9,6	8,7	6,5	5,4
40—49	43,9	38,8	31,8	25,1	21,7	18,6	14,9	12,3	9,6	8,7	6,5	5,4	4,3
50—59	38,2	31,3	24,7	21,3	18,3	14,7	12,1	9,4	8,6	6,4	5,3	4,2	3,2
60—69	30,8	24,0	20,7	17,8	14,3	11,7	9,1	8,3	6,2	5,1	4,1	3,1	—
70—79	23,0	19,8	17,0	13,7	11,2	8,7	7,9	5,9	4,9	3,9	3,0	—	—
80—89	17,4	14,9	12,0	9,8	7,6	6,9	5,2	4,3	3,4	2,6	—	—	—
90—99	11,8	9,5	8,1	6,0	5,4	4,1	3,4	2,7	2,1	—	—	—	—
100—109	6,7	5,7	4,2	3,7	2,9	2,4	1,9	1,5	—	—	—	—	—
110+	—	—	3,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В среднем	53,2	45,2	39,3	31,2	26,4	22,8	19,1	16,1	13,3	10,8	8,9	7,2	6,1

вательной сферах. Отставание женской грамотности в деревне отрицательно сказывалось на среднем уровне грамотности по стране в целом не только в том смысле, что крестьянки составляли значительную долю населения России (в 1797 г. около 46 %, в 1897 г. около 38 %), но и в том смысле, что они не имели возможности учить своих детей и прививать им любовь к грамотности. Известно, что роль матерей в воспитании детей очень велика и, как правило, превосходит роль отцов.

В целом грамотность населения в возрасте старше 9 лет в Европейской России за 120 лет повысилась с 3,3—6,9 до 42,8 % — примерно на 37,2 %, или в 8,4 раза. Уровень грамот-

Таблица 10

**Реконструкция грамотности (%) женского сельского населения
в Европейской России, 1797—1917 годы**

(с учетом изменения грамотности в течение жизни поколения)

Возрастная группа, лет	1917 г.	1907 г.	1897 г.	1887 г.	1877 г.	1867 г.	1857 г.	1847 г.	1837 г.	1827 г.	1817 г.	1807 г.	1797 г.
10—19	35,3	25,1	17,9	15,2	11,8	10,7	10,5	10,3	9,6	9,5	9,4	8,5	6,6
20—29	25,1	17,9	15,2	11,8	10,7	10,5	10,3	9,6	9,5	9,4	8,5	6,6	6,2
30—39	17,9	15,2	11,8	10,7	10,5	10,3	9,6	9,5	9,4	8,5	6,6	6,2	5,1
40—49	14,5	11,2	9,7	9,3	9,3	9,1	9,0	8,9	8,1	6,3	5,9	4,9	3,9
50—59	10,6	9,2	8,7	8,8	8,6	8,5	8,4	7,7	6,0	5,6	4,6	3,7	2,7
60—69	8,6	8,4	8,2	8,0	7,9	7,8	7,1	5,6	5,2	4,3	3,5	2,5	—
70—79	7,9	7,8	7,7	7,3	7,2	6,6	5,2	4,8	4,0	3,2	2,3	—	—
80—89	7,2	7,1	6,7	6,6	6,1	4,8	4,4	3,7	2,9	2,1	—	—	—
90—99	5,9	5,6	4,9	4,9	4,0	3,7	3,1	2,4	1,8	—	—	—	—
100—109	4,5	4,1	4,1	3,2	3,0	2,5	1,9	1,4	—	—	—	—	—
110+	2,8	2,8	2,2	2,1	1,7	1,3	1,0	—	—	—	—	—	—
В среднем	22,6	17,0	13,4	11,7	10,3	9,8	9,5	9,1	8,5	8,0	7,2	6,2	5,2

Грамотность населения Европейской России в 1797—1917 годах в возрасте старше 9 лет (%):
 а) с учетом изменения грамотности поколения после 21 года,
 б) без учета изменения грамотности поколения после 21 года

Население		1797 г.	1807 г.	1817 г.	1827 г.	1837 г.	1847 г.	1857 г.	1867 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1907 г.	1917 г.
Сельское:	а	6,1	7,2	8,9	10,8	13,3	16,1	19,1	22,8	26,4	33,2	39,3	45,2	53,2
	б	3,3	4,1	5,4	7,5	10,4	13,7	17,4	22,2	27,7	31,2			
	а	5,2	6,2	7,2	8,0	8,5	9,1	9,5	9,8	10,3	11,7	13,4	17,0	22,6
	б	2,1	2,7	3,4	4,5	5,5	6,5	7,3	8,2	9,4	11,3			
Городское:	а	28,6	32,2	35,7	40,2	45,3	49,6	53,3	56,6	60,0	64,0	69,0	74,1	79,8
	б	12,7	13,9	17,1	23,5	32,0	40,3	47,4	53,5	59,3	63,8			
	а	12,0	14,2	18,0	22,1	25,4	27,9	29,8	31,9	35,0	39,8	45,6	53,0	61,1
	б	5,1	6,2	8,3	12,3	16,8	20,8	24,5	28,4	33,1	39,0			
Сельское	а	5,6	6,7	8,0	9,4	10,8	12,5	14,2	16,1	18,3	21,9	25,9	30,6	37,4
	б	2,7	3,4	4,4	6,0	7,9	10,0	12,2	15,0	18,1	21,2			
Городское	а	21,0	23,9	27,6	31,9	36,1	39,6	42,5	45,2	48,4	52,6	57,7	63,8	70,5
	б	9,2	10,4	13,1	18,3	25,0	31,3	36,9	42,0	47,1	52,3			
В целом	а	6,9	8,1	9,4	11,1	13,0	14,9	16,8	19,1	21,7	25,6	30,1	35,3	42,3
	б	3,3	3,9	5,1	7,6	9,4	12,0	14,5	17,8	21,6	22,0			

ности в России конца XVIII в., составлявший 3,3—6,9 %, был низким. Это несомненно было важной причиной заторможенности развития торговли, промышленности, науки, капитализма в целом, поскольку прогресс буржуазных отношений немислим без банков, без обмена технической, коммерческой и прочей информацией, без грамотных предпринимателей и обученных кадров рабочих и служащих. Не случайно, наверное, город превосходил деревню по степени развития капитализма.

Большой интерес представляют данные о грамотности по условиям, ввиду того что социальная дифференциация по образованию, еще более значительная, чем географическая — между городом и деревней, может служить важным показателем социального и материального неравенства, уровня развития общественного сознания и степени приобщенности отдельных сословных групп к письменной культуре. Предложенная нами методика реконструкции данных переписей позволяет решить вопрос о динамике грамотности сословий, но с меньшей глубиной ретросказания — только до 1847 г., поскольку данные о грамотности сословий в переписи 1897 г. объединяют всех лиц старше 60 лет в одну возрастную группу. Приведем результаты реконструкции, опуская все однообразные и утомительные вычисления, совершенно аналогичные тем, которые были выполнены при получении общей картины развития грамотности городского и сельского населения.

Изменение грамотности в возрасте старше 9 лет у четырех важнейших сословных групп: дворянства (сюда входят дворяне потомственные и личные, чиновники не из дворян), духовенства (черного и белого), городских сословий (имеются в виду почетные граждане, купцы, мещане, цеховые и пр.) и сельских сословий (здесь объединены крестьяне, казаки, иностранные поселенцы и др.) — с учетом рецидива безграмотности происходило следующим образом (%):

	1847 г.	1857 г.	1867 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1907 г.	1917 г.
Дворянство	76	77	80	82	84	86	88	90
Духовенство	68	72	77	81	85	89	92	95
Городские сословия	30	37	39	44	48	54	59	64
Сельские сословия	10	12	14	18	21	27	30	36

За 70 лет более всего возросла грамотность городских сословий — с 30 до 64 %, или на 34 %, затем духовенства — с 78 до 95 %, или на 27 %, сельских сословий — с 10 до 36 %, или на 26 %, дворянства — с 76 до 90 %, или на 14 %. Как видим, наибольшую активность в овладении грамотой проявила торгово-промышленная буржуазия. В целом у всех сословий уровни грамотности заметно сблизились: коэффициент вариации сословной грамотности в 1847 г. был высок — 68 %, в 1917 г. стал умеренным — 38 %. Монополия господствующего класса на грамотность была подорвана, однако различия между сословиями в отношении грамотности оставались значительными. В 1847 г. максимальная грамотность у дворян превосходила минимальную

грамотность у сельских сословий на 66 %, в 1917 г. максимальная грамотность у духовенства была на 59 % выше минимальной грамотности крестьянства.

Успехи грамотности в России в течение XIX — начале XX в. довольно значительны: среднегодовой темп роста грамотности сельского населения составлял около 1,8 %, всего населения — 1,6 %. Таких темпов в XIX в., пожалуй, не знала ни одна страна Европы.

Существенное повышение массовой грамотности в XIX — начале XX в. свидетельствует о приобщении широких народных масс к достижениям письменной культуры и о переходе от преимущественно устной к преимущественно письменной передаче культурного наследия.

¹ *Cipola Carlo M.* Literacy and development in the West. Baltimore; Md., 1969. P. 1—144; *Stone L.* Literacy and education in England, 1640—1900 // Past and Present. 1969. Febr. N 42. P. 69—139.

² *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956. С. 284—319; *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. М., 1964. С. 20—26; *Crisp O.* Labour and industrialization in Russia // The Cambridge economic history of Europa. Cambridge, 1978. Vol. 7, pt 2. P. 388.

³ *Кузьмин М. И.* Школа и образование в Чехословакии. М., 1971. 261 с.

⁴ *Сабанеев И. А.* Грамотность крестьянского населения Кинешемского уезда. Кострома, 1902. С. 12—14; *Кондратьев И. Д.* Развитие хозяйства Кинешемского уезда Костромской губернии. Кинешма, 1915. С. 102—105.

⁵ *Wrigley E. A., Schofield B. S.* The population history of England, 1541—1871: A reconstruction. Cambridge (Mass.), 1981. P. 7—8, 183—184, 715—738.

⁶ *Куркин П. И.* Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С. 40—53; *Обухов В. М.* Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1895. № 11. С. 880—903.

⁷ *Соколов Я. Д.* К характеристике физического развития и грамотности населения Клинского уезда. М., 1903. С. 25.

⁸ *Ростовцев Г. И.* К характеристике физического развития населения Дмитровского уезда. М., 1903. С. 26—28, 53. Подробнее о линейной корреляции. см.: Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 137—147.

⁹ *Шингарев А. И.* Заболеваемость населения Воронежской губернии 1898—1902 гг. Воронеж, 1906. Т. 1, ч. 1. С. 335—337.

¹⁰ *Новосельский С. А.* О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России. М., 1911. С. 22—23.

¹¹ *Дубровский А. В.* Сельские училища в Европейской России и привислинских губерниях. СПб., 1884. С. XVI; Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. 16, ч. 1: Итоги. Иг., 1916. С. 27.

¹² *Богданов И. М.* Указ. соч. С. 17—18.

¹³ *Боголенов И. П.* Грамотность среди детей школьного возраста в Московском и Можайском уездах. М., 1894. С. 43; Народное образование в Вятской губернии за последние 10 лет (1864—1874). Вятка, 1875. С. 201; *Семенова-Тян-Шанская О. И.* Жизнь Ивана: Очерки из быта крестьян одной черноморской губернии. СПб., 1914. С. 30; *Третьяков.* Взгляд крестьян на школу // Устои. 1882. № 11. С. 78—80.

¹⁴ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 166; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1900. Вып. 2. С. X; *Brooks J.* When Russia learned to read: Literacy and popular literature, 1861—1917. Princeton; N. Y., 1985. P. 18—22.

¹⁵ *Медынский Е. П.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М., 1918. С. 236; *Абрамов Я. В.* Наши воскресные школы: Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 319.

¹⁶ *Вахтеров В. П.* Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 7—12; *Мижухов П. Г.* Как другие народы стали грамотными. М., 1925. С. 66; *Ольденбург Г. Ф.* Народные школы в Европейской России в 1892—1893 гг. СПб., 1896. С. 88; *Чарнолуцкий В. П.* Вопросы народного образования на Первом общеземском съезде. СПб., 1912. С. 12—13; *Чезов П. В.* Народное образование России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С. 141.

¹⁷ *Корф Н. А.* Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян // Русская мысль. 1881. Кн. 10. С. 30—31; Кн. 12. С. 4—5.

¹⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 9: РСФСР. Отд. 1. С. 136—139, 160—161.

¹⁹ Данные об учащихся: Однодневная перепись начальных школ... Вып. 16. ч. 1. С. 110; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 518—524. Данные о грамотности: *Благовецкий Н. А.* Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. 1. Крестьянское хозяйство. М., 1893. С. XII, 128; Общий свод по империи результатов разработки первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 43, 51 (далее — Общий свод результатов переписи 1897 г.); *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 294.

²⁰ *Дубровский А.* Указ. соч. С. 88—91; Статистический временник Российской империи. Вып. 1, отд. III. Гл. 2. С. 47—63.

²¹ *Вахтеров В. П.* Условия распространения образования в народе // Экономическая оценка народного образования. СПб., 1899. С. 84—114; Материалы по вопросу о введении обязательного обучения в России. Т. 1. Сборник мнений директоров и инспекторов народных училищ. СПб., 1880. С. 1—170; Однодневная перепись начальных школ... Вып. 16, ч. 1. С. 72; *Петров В.* Очерки по истории грамотности в России // Новое слово. 1896. Окт. С. 83—113; Ноябрь. С. 35—65; *Фальборк Г. А., Чарнолуцкий В. П.* Народное образование в России. СПб., 1899. С. 156—164; *Куманев В. А.* Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 33—71.

²² Наилучшим образом связь между временем и грамотностью 10—19-летней когорты аппроксимируют уравнения прямых: для мужского сельского населения: $Y = -190,83395 + 0,11044x$; для женского сельского населения: $Y = -146,58964 + 0,08527x$, где x — год, Y — % грамотности.

²³ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С. 143—154, 195—223.

²⁴ Общий свод результатов переписи 1897 г. С. 56—58; о возрастной структуре в первой половине XIX в. см.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1871. Серия II. Вып. 1. С. 199—208.

СОДЕРЖАНИЕ

Академик *И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков*

ВВЕДЕНИЕ: АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	5

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ АГРАРНЫХ СТРУКТУР

И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородин

ДВА ПУТИ БУРЖУАЗНОЙ АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (Опыт многомерного типологического анализа)	18
Источник-информационная база и методы изучения	20
Социальная аграрная типология губерний Европейской России	24
Содержательная характеристика социальных типов	27
Экономические и социальные результаты функционирования аграрного строя	31
Приложение	40

Уильям П. Паркер

КВАНТИФИКАЦИЯ В ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, 1850—1910: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	48
I	51
II	58
Дополнение А: Основные факторы, влияющие на производительность	63

Л. В. Милов, И. М. Гарскова

ТИПОЛОГИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА (факторный анализ)	67

Питер Линдерт

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИЯХ ЦЕНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЗЕМЛИ В АМЕРИКЕ	87
I. Движение ренты и цен на землю в Америке	88
II. Повышение стоимости земли и накопление капитала	108
III. Факторы, определяющие изменения в ценах аграрной земли	111
IV. Выводы	119

НАЕМНЫЙ ТРУД И ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Гэвин Райт

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫНОК ТРУДА В США	124
Фермы и рынки в американской истории	125
Основные тенденции развития фермерского труда	134
Пролетаризация как социальный выбор	139
Закключение	150

Н. Б. Селунская

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ И НАЕМНЫЙ ТРУД В КРЕСТЬЯНСКОМ И ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВАХ ЕВРОПЕЙ- СКОЙ РОССИИ В 1917 ГОДУ	153
Общая характеристика производства и наемного труда в сельском хозяйстве	153
Корреляционные модели производственной и социальной организации помещичьего хозяйства	159
Корреляционный анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства	163

Роджер Рэнсом, Ричард Сатч

КАПИТАЛИСТЫ БЕЗ КАПИТАЛА: ВРЕМЯ РАБСТВА И ВЛИЯНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ	173
Капиталистическая природа рабовладения	174
Различие понятий экономического роста и экономического развития	176
Рабы как замещение физического капитала	177
Рост богатства, заключенного в стоимости рабов	179
Влияние освобождения рабов на процесс накопления и экономиче- ский рост	180
Приложение	184

Джереми Этак

АРЕНДАТОРЫ И МЕЛКИЕ ФЕРМЕРЫ В XIX ВЕКЕ: ПРОБЛЕМА РОСТА АРЕНДЫ НА СЕВЕРЕ	197
Введение	197
Аренда после 1880 года	198
Историки об аренде в XIX столетии	201
Способствовала ли федеральная земельная политика приобретению земли в собственность?	203
Количественные данные об аренде в период до 1880 года	205
Аренда на Севере Соединенных Штатов Америки в 1860 году	206
Динамика аренды с 1860 года	209
Распределение размеров аренды и фермы мелких землевладельцев	212
Существовала ли «социальная лестница» в сельском хозяйстве?	212
Отличались ли арендаторы от йоменов?	219
Почему они становились арендаторами?	221
Рост аренды и американское сельское хозяйство	228

Кэрол Леонард

ЗАНЯТИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН НА СЕВЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНО- ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА РОССИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ (на примере Ярославской губернии)	233
I	237
II	243
III	244
Характеристика источников, использованных в работе	245

ВЛИЯНИЕ МЕХАНИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ АГРАРНЫХ СТРУКТУР

Ален Олмстед, Пол Роуд

МЕХАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛИФОРНИИ В 1870—1930 ГОДАХ	250

В. Г. Тюкавкин, В. И. Скрыбин

ПРИМЕНЕНИЕ МАШИН В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА	270

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

О. Г. Бузовец

О СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ СОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	294

Мортон Ротштейн

ФЕРМЕРСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, ДОСТИЖЕНИЯ И НЕУДАЧИ	319

Б. Н. Миронов

ГРАМОТНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА	336

CONTENTS

Academician I. D. Koval'chenko, V. A. Tishkov

INTRODUCTION: THE AGRARIAN EVOLUTION IN COMPARATIVE-HISTORICAL PERSPECTIVE	5

AGRIAN STRUCTURES: TYPOLOGY AND EVOLUTION

I. D. Koval'chenko, L. I. Borodkin

TWO PATHS OF BOURGEOIS AGRARIAN EVOLUTION IN EUROPEAN RUSSIA: AN ESSAY IN MALTIVARITE TYPOLOGICAL ANALYSIS	18

William N. Parker

QUANTIFICATION IN AMERICAN AGRARIAN HISTORY. 1850—1910: A RE-EXAMINATION	48

L. V. Milov, I. M. Garškova

A TYPOLOGY OF FEUDAL ESTATES IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE SEVENTEENTH CENTURY (FACTOR ANALYSIS)	67

Piter Lindert

LONG-RUN TRENDS IN AMERICAN FARMLAND VALUES .	87

LABOR AND FORMS OF ITS USE IN AGRICULTURAL PRODUCTION

Garin Wright

AMERICAN AGRICULTURE AND LABOUR MARKET: WHAT HAPPEND TO PROLETARIZATION 124

N. B. Selunskaya

LEVELS OF TECHNOLOGY AND THE USE OF LABOR IN THE PEASANT AND MANORIAL ECONOMY OF EUROPEAN RUSSIA IN 1917 153

Roger Ransom, Richard Sutch

CAPITALISTS WITHOUT CAPITAL: THE BURDEN OF SLAVERY AND THE IMPACT OF EMANCIPATION 173

Geremy Attack

TENANTS AND YEOMEN IN THE NINETEENTH CENTURY: THE PROBLEM OF RISING TENANCY IN THE NORTH 197

Carol Leonard

THE ALLOCATION OF LABOR UNDER SERFDOM: NORTHERN RUSSIA BEFORE EMANCIPATION (YAROSLAVL PROVINCE) 233

THE INFLUENCE OF MECHANIZATION OF THE DEVELOPMENT OF AGRARIAN STRUCTURES

Alan Olmsted, Poul Roud

AN OVERVIEW OF CALIFORNIA AGRICULTURAL MECHANIZATION, 1870—1930 250

V. G. Tukarkin, V. I. Skriabin

AGRICULTURAL MECHANIZATION IN RUSSIA, LATE XIX—EARLY XX CENTURIES 270

THE SOCIAL COUSCIOUSNESS AND SOCIAL DEVELOPMENT OF RURAL POPULATION

O. G. Bukhovetz

SYSTEM ANALYSIS OF COUSCIOUSNESS AND POLITICAL BEHAVIOR OF RUSSIAN PEASANTRY IN THE REVOLUTION OF 1905—1907 294

Morton Rotshtein

FARMER MOVEMENTS AND ORGANIZATIONS: NUMBERS, GAINS, LOSSES 319

B. N. Mironov

LITERACY OF RURAL POPULATION IN RUSSIA IN THE XIX AND EARLY XX CENTURIES 336

Научное издание

АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ И США
в XIX — начале XX века

Утверждено к печати
Отделением истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. Ф. Лейн*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. П. Михайлова*
Технический редактор *Т. В. Полякова*
Корректоры *К. И. Келаскина, Л. В. Щеголев*

ИБ № 46494

Сдано в набор 14.06.90
Подписано к печати 22.10.90
Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая

Усл. печ. л. 22,5. Усл. вр. отт. 22,5. Уч.-изд. л. 27,1

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 256

Цена 5 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25